

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ им. А. А. ХАРКЕВИЧА РАН

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

Ю. Д. АПРЕСЯН, И. М. БОГУСЛАВСКИЙ,
Л. Л. ИОМДИН, В. З. САННИКОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО СИНТАКСИСА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ

Ответственный редактор

Ю. Д. Апресян

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 811.161.1
ББК 81.2Р-4
А 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16172

Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З.

А 77 Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 408 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0386-0

В монографии рассматривается ряд трудных вопросов русского синтаксиса и намечаются способы их решения в формальной модели языка. В первой главе дан краткий обзор самой модели русского синтаксиса. В него вошли комментированный список используемых в ней синтаксических отношений и правила синтаксических чередований. Во второй главе рассматриваются различные типы синтаксических конструкций, наиболее тесно взаимодействующих с лексикой. Третья глава посвящена новой версии теории синтаксического управления. В последней, четвертой главе разбираются уроки функционирования формальной модели синтаксиса в системе машинного перевода с русского языка на английский.

ББК 81.2Р-4

В оформлении переплета использован фрагмент картины
С. де Рокамболя «Вариации на тему Белый Квадрат» (2000)

ISBN 978-5-9551-0386-0

© Авторы, 2010
© Языки славянских культур, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 11

Глава 1

О модели русского синтаксиса

1.1. Вводные замечания.....	21
1.2. Синтаксические отношения.....	21
1.2.1. Актантные СинтО.....	24
1.2.1.1. Предикативное СинтО.....	25
1.2.1.2. Дательно-субъектное СинтО.....	25
1.2.1.3. Агентивное СинтО.....	26
1.2.1.4. Квазиагентивное СинтО.....	26
1.2.1.5. Несобственно-агентивное СинтО.....	26
1.2.1.6. Комплетивные СинтО.....	27
1.2.1.7. Присвязочное СинтО.....	27
1.2.1.8. Несобственно-комплетивные СинтО.....	28
1.2.1.9. Неактантно-комплетивное СинтО.....	28
1.2.1.10. Комплетивно-аппозитивное СинтО.....	29
1.2.1.11. Предложное СинтО.....	29
1.2.1.12. Подчинительно-союзное СинтО.....	29
1.2.1.13. Сравнительное СинтО.....	30
1.2.1.14. Сравнительно-союзное СинтО.....	30
1.2.1.15. Элективное СинтО.....	30
1.2.1.16. Сентенциально-предикативное СинтО.....	31
1.2.1.17. Презентативное СинтО.....	31
1.2.2. Атрибутивные СинтО.....	32
1.2.2.1. Определительные СинтО.....	32
1.2.2.2. Общеатрибутивные СинтО.....	33
1.2.2.3. Аппозитивные СинтО.....	34
1.2.2.4. Количественные СинтО.....	34
1.2.2.5. Обстоятельственные СинтО.....	36
1.2.3. Сочинительные СинтО.....	39
1.2.3.1. Сочинительное СинтО.....	40
1.2.3.2. Сентенциально-сочинительное СинтО.....	40

1.2.3.3. Сочинительно-союзное СинтО	40
1.2.3.4. Коммуникативно-сочинительное СинтО	40
1.2.3.5. Кратное СинтО	41
1.2.4. Служебные СинтО	41
1.2.4.1. Аналитическое СинтО	41
1.2.4.2. Пассивно-аналитическое СинтО	41
1.2.4.3. Вспомогательное СинтО	42
1.2.4.4. Количественно-вспомогательное СинтО	42
1.2.4.5. Соотносительное СинтО	42
1.2.4.6. Эксплетивное СинтО	43
1.2.4.7. Пролептическое СинтО	43
1.2.4.8. Эллиптическое СинтО	43
1.3. Чередования в синтаксисе (к проблеме альтернологии)	43
1.3.1. Вводные замечания	43
1.3.2. «Основные» и «дополнительные» синтаксические средства	44
1.3.3. Чередования в морфологии и синтаксисе	45
1.3.4. Примеры синтаксических чередований. Чередования «комбинаторные» и «исторические»	46
1.3.5. Чередования в морфологии и синтаксисе: различия между ними	49
1.3.6. Какие из морфологических характеристик могут подвергаться чередованиям?	51
1.3.7. Альтернология и понятия «управление» и «согласование» ...	53
1.3.8. Об отображении синтаксических чередований в формальных моделях русского языка	54
1.3.9. О соотношении понятий «чередование», «морфонология», «синтморфология»	56
1.3.10. О списке русских синтаксических чередований	57
1.3.11. Краткие итоги	58

Глава 2

Конструкции малого синтаксиса

2.1. Конструкция типа негде спать: синтаксис, семантика, лексикография	59
2.1.1. Вводные замечания	59
2.1.2. Лингвистическая природа местоимений типа <i>некого</i>	62
2.1.2.1. Орфографические свойства	63
2.1.2.2. Просодические свойства	63
2.1.2.3. Морфологические и синтаксические свойства	65

2.1.2.4. Лексические свойства	73
2.1.2.5. <i>не</i> ² -единицы — синтаксические агломераты	73
2.1.3. Синтаксическая структура предложений с <i>не</i> ² -единицами	74
2.1.3.1. Количество синтаксических позиций в <i>не</i> ² -предложениях	74
2.1.3.2. Древесная синтаксическая структура <i>не</i> ² -предложений ...	77
2.1.4. Синтаксические позиции конструкции	84
2.1.4.1. Первая позиция	84
2.1.4.2. Вторая и четвертая позиции	91
2.1.4.3. Третья позиция	95
2.1.4.4. Пятая позиция	106
2.1.5. Заключение	110
2.2. Пролептические и близкие к ним конструкции	113
2.2.1. Вводные замечания	113
2.2.2. Обособленно-атрибутивные конструкции	115
2.2.3. Пролептические конструкции	119
2.2.4. Спорные случаи	124
2.2.5. Формальное представление пролептических конструкций ..	128
2.3. Гипотеза о двух синтаксических началах	129
2.3.1. Проблема	129
2.3.2. Решение	132
2.3.3. Обсуждение	136
2.4. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом	141
2.4.1. Синтаксис и микросинтаксис	141
2.4.2. Микросинтаксические конструкции, образованные вопросительными местоимениями	147
2.4.2.1. Вводные замечания	147
2.4.2.2. К-слова в русском языке	147
2.4.2.3. Классы неопределенных местоимений, формируемые К-словами	148
2.4.2.4. Синтаксические фраземы, начинающиеся с К-слова	149
2.4.2.5. Синтаксические фраземы, заканчивающиеся К-словом	153
2.4.3. Синтаксическая фразема ВСЁ РАВНО	156
2.4.4. Синтаксические фраземы, мотивированные полнозначными словами	162
2.4.4.1. Вводные замечания	162
2.4.4.2. Составной предлог В СИЛУ	163
2.4.4.3. Наречие степени ОТ СИЛЫ	167
2.4.4.4. Наречная конструкция В Х-ОБУЮ СИЛУ	169

2.4.4.5. Предикативное наречие В СИЛАХ 1 и предикативная наречная фразеосхема В СИЛАХ 2	171
2.4.5. Синтаксические фраземы с экспрессивным значением	174
2.4.5.1. Какого чёрта?	174
2.4.5.2. На кой чёрт?	179
2.4.5.3. Чёрт с ним!	181
2.4.5.4. Ну его к чёрту!	184
2.4.5.5. Чёрта с два	189
2.5. Конструкции с тождественными словоформами	191
2.5.1. Вводные замечания	191
2.5.2. Редупликация — морфология, словообразование, синтаксис?	192
2.5.3. Основные синтаксические характеристики КТС	193
2.5.4. Основные семантические группы КТС	194
2.5.4.1. Весело, весело было	195
2.5.4.2. Весело-весело было	199
2.5.4.3. Он рос и рос	200
2.5.4.4. Снег да снег кругом	202
2.5.4.5. Я верил и не верил	202
2.5.4.6. Бывают аварии и аварии	203
2.5.4.7. Ну, медведь и медведь	204
2.5.4.8. (Ну), упал и упал	204
2.5.5. Повторы вопросительных местоимений	205
2.5.5.1. Куда, куда?	205
2.5.5.2. Кто да кто?	206
2.5.5.3. (Ну), кто-кто, а Коля придет	206
2.5.5.4. Кого-кого он (только) не знает	208
2.6. Иллокутивное употребление как вид синтаксического эллипсиса	209
2.6.1. Вводные замечания	209
2.6.2. Объем и границы иллокутивных употреблений	212
2.6.3. Кандидаты в иллокутивные употребления	214
2.6.4. Иллокутивные употребления или синтаксический эллипсис?	222
2.6.5. Иллокутивное употребление. Попытка уточнить понятие ...	224
2.7. Сочинительные союзы и синтаксические конфликты	226
2.7.1 Вводные замечания	226
2.7.2. Каноническое и неканоническое сочинение	228
2.7.2.1. Принцип однофункциональности сочиненных членов	228
2.7.2.2. Вторичная союзная связь	230

2.7.3. Союзные соединения и неоднородные союзы	237
2.7.4. Неканонические сочинительные конструкции с союзными соединениями	240
2.7.4.1. Смещение	244
2.7.4.2. Асимметричное сокращение	250
2.7.5. Асимметричная конструкция типа «Перенос без опущения»	257
2.7.5.1. Разновидности этой конструкции	257
2.7.5.2. Конструкция «Перенос без опущения» как способ разрешения синтаксического конфликта	262
2.7.6. Источники конфликта	271
2.7.6.1. Семантический источник конфликта	273
2.7.6.2. Синтаксический источник конфликта	273
2.7.6.3. Сочетаемый источник конфликта	275
2.7.6.4. Коммуникативный источник конфликта	276
2.7.7. Другие способы разрешения конфликта	277
2.7.8. Заключение	279

Глава 3

Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект

3.1. Вводные замечания	281
3.2. Некоторые этапы в эволюции лингвистической теории управления	281
3.2.1. Традиционный взгляд на управление	282
3.2.2. Системный лексико-синтаксический подход к управлению ..	283
3.2.3. Первый семантический этап в развитии теории управления ...	285
3.2.4. Второй семантический этап в развитии теории управления ...	289
3.3. Принципы установления семантических актантов глагольной лексемы	290
3.3.1. ФКП и ее рефлекс в грамматической и лексической системах языка	290
3.3.2. ФКП и глагольное управление	303
3.3.2.1. Общая характеристика	303
3.3.2.2. Многоактантные глаголы	308
3.3.2.3. Многоактантные существительные	329
3.3.2.4. Замечание о семантических ролях	335
3.3.3. Аналитические толкования лексем	337
3.3.4. Совмещение ФКП и аналитических толкований (типов и портретов)	340

3.3.4.1. Глаголы со значением агрессивных физических действий	340
3.3.4.2. Глаголы со значением побуждения	342
3.3.4.3. Путативные глаголы	342
3.3.5. ФКП и некоторые трудные вопросы управления	343
3.4. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов	347
3.4.1. Прямое соответствие актантов	347
3.4.2. Словарная диатеза и мена диатезы	347
3.4.3. Расщепление актантов	351
3.4.4. Смещение актантов	353
3.4.5. Выражение двух семантических ролей одним актантом	356
3.4.6. Абсолютивная конструкция	361
3.4.7. Синтаксическая невыразимость семантического актанта	362
3.4.8. Появление нового семантического актанта	364
3.4.9. Актанты и сирконстанты	365
3.4.9.1. Временные значения	366
3.4.9.2. Целевые значения	367
3.4.9.3. Причинные значения	368
3.4.9.4. Значение способа	370
3.5. Новая номенклатура семантических ролей	370
Глава 4	
Уроки русского синтаксиса	
(из опыта работы системы машинного перевода)	
4.1. Вводные замечания	380
4.2. Урок 1 — Синтаксический	381
4.3. Урок 2 — Лексико-синтаксический	384
4.4. Урок 3. Полузнание хуже незнания	388
4.5. Урок 4. Границы возможного	389
Литература	393

ВВЕДЕНИЕ

Эта монография¹ — результат исследований авторов, занятых, помимо теоретической лингвистики, разработкой крупных компьютерно-лингвистических приложений, в первую очередь полифункционального лингвистического процессора ЭТАП-3 (двунаправленная система англо-русского и русско-английского автоматического перевода, конверторы на язык UNL и деконверторы с него, компьютерная система перифразирования и ряд других), а также первого в мире синтаксически размеченного корпуса русских текстов (к настоящему времени объем корпуса — более 40 000 предложений; он доступен по адресу <http://www.ruscorpora.ru/search-syntax.html>); см. о них, в частности, [Апресян и др. 1989, 1992, 2005], [Aprèsjan et al. 2003], [Boguslavsky et al. 2000]. Работа над приложениями постоянно давала мощные импульсы к постановке и решению теоретических задач, отчасти представленных в книге, отчасти выходящих за ее пределы. Эти импульсы были двоякого рода.

Главный импульс шел от самой функционирующей системы ЭТАП-3. Она служила, в сущности, гигантским экспериментальным полигоном, на котором ее создатели могли проверять как адекватность положенной в ее основу общей лингвистической теории «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука, так и правильность формальных описаний конкретных явлений из области морфологии, синтаксиса и словаря обоих рабочих языков. У нас уже был случай писать, как такие глобальные эксперименты позволяют совершенствовать и модель в целом, и решения частных вопросов. Один свежий пример.

В порядке экспериментальной проверки того, как работают некоторые синтагмы (синтаксические правила) в условиях многократной

¹ Работа, результаты которой отражены в этой книге, была поддержана грантами Российского гуманитарного научного фонда № 04-04-00263а, № 06-04-00289а, грантами Российского фонда фундаментальных исследований № 05-06-80361, № 08-06-00344 и грантом для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-3205.2008.6. Всем этим Фондам авторы выражают признательность за финансовую поддержку, без которой книга не была бы написана.

омонимии актантных зависимых в форме винительного и родительного падежей, компьютеру была предложена для анализа простенькая фраза *Его кабинет меня не устраивал*. В качестве первого варианта компьютер выдал неправильную синтаксическую структуру, в которой словоформа *его* была сочтена прямым дополнением глагола *устраивал*, а словоформа *меня* была связана со словом *кабинет*; остальные связи были установлены правильно. Полученной неправильной структуре соответствует вполне правильный смысл ≈ 'Принадлежавший мне кабинет, в котором он собирался разместиться, ему чем-то не понравился'. Однако на литературном русском языке этот смысл следовало бы выразить предложением *Мой кабинет его не устраивал*.

Если бы экспериментатор попросил выдать ему другие варианты синтаксического анализа фразы *Его кабинет меня не устраивал*, среди них непременно оказался бы и правильный вариант, со словом *его* в качестве зависимого существительного *кабинет*, словом *меня* в качестве прямого дополнения глагола *устраивал* и смыслом ≈ 'Принадлежавший ему кабинет, в котором я собирался разместиться, мне чем-то не понравился'. Дело, однако, в том, что неправильная структура, выданная компьютером, получилась «незаконно», исключительно в результате неполноты нужного для ее анализа синтаксического правила. Эксперимент обнажил эту некорректность и подтолкнул к ревизии правила.

В исходной формулировке правило гласило, что первый актант существительных типа *кабинет* может выражаться формой родительного падежа. Действительно, для фраз типа *Его кабинет отца не устраивал* синтаксическая структура, полученная компьютером для фразы *Его кабинет меня не устраивал*, была бы вполне правильной. Такие фразы на письме реально двузначны: а) либо ≈ 'Принадлежавший отцу кабинет, в котором он собирался разместиться, ему чем-то не понравился', б) либо ≈ 'Принадлежавший ему кабинет, в котором отец собирался разместиться, отцу чем-то не понравился'. Каждому из этих осмыслений соответствует своя синтаксическая структура². Однако во фразе *Его кабинет меня не устраивал* никакой омонимии нет и, значит, нет альтернативы структуре, в ко-

² В устной речи двум разным синтаксическим структурам и, следовательно, двум разным осмыслениям соответствуют две разные просодии (// обозначает паузу): *Его // кабинет отца не устраивал* VS. *Его кабинет // отца не устраивал*.

торой *меня* является прямым дополнением глагола. Почему же *меня* (родительный падеж *я*, ср. *Без меня, пожалуйста, С меня сто рублей*) не может выполнять такую же синтаксическую функцию при слове *кабинет*, как формы родительного падежа других существительных, включая личные местоимения третьего лица (ср. *Кабинет его (ее, их) был великолепен*, но не **Кабинет меня был великолепен*, надо: *Мой кабинет был великолепен*)?

Дело в том, что в русском языке действует довольно жесткий запрет на использование форм родительного падежа личных местоимений первого и второго лица (*я, ты, мы* и *вы*) в функции отсубстантивных (квази)агентивных и атрибутивных зависимых, не распространяющийся на личные местоимения третьего лица. Он описан в ряде специальных работ (см., например, [Виноградов 1947: 335], [Падучева 1984: 54]), но не в академических грамматиках ([Грамматика 1960] и [Грамматика 1980]), на которые мы в первую очередь ориентировались при разработке формальной модели русского синтаксиса. В первоначальной версии правил распознавания (квази)агентивных и атрибутивных зависимых он не был должным образом учтен, что и привело к ошибке.

Однако исследование ошибки не ограничилось просто коррекцией правила. Уточнение любого правила всегда сопровождается продумыванием большого языкового материала, так или иначе с ним связанного.

В ходе этой работы было замечено, что неправильность словосочетаний указанного типа несколько уменьшается, если их вершиной являются прототипические предикаты, без намека на значение предметности. Словосочетания типа [?]*участие меня (тебя) (в этой работе обязательно)* несколько более приемлемы (или, может быть, несколько менее неприемлемы), чем аналогичные словосочетания с предметными существительными типа **кабинет (портфель) меня (тебя, нас, вас) (был просторный и светлый)*.

Кроме того, внутри самого класса предикатов предикаты со значением процесса оказались более приемлемыми в роли синтаксических хозяев квазиагентивных и атрибутивных зависимых вида «личное местоимение первого или второго лица в форме родительного падежа», чем другие семантические типы предикатов. Так, *появление меня на пороге* лучше, чем [?]*приход меня (тебя, нас, вас) (на собрание)*; ср. также допустимое словосочетание *становление (формирование) меня как ученого* и менее приемлемые [?]*Работа (карьера) меня как ученого*.

Еще один фактор, действующий в пользу легитимизации словосочетаний с личными местоимениями первого и второго лица в качестве квазиагентивных и атрибутивных, — это синтаксическое «утяжеление» местоимения. Это обстоятельство было отмечено в упомянутой выше работе Е. В. Падучевой; ср. ее пример *Он ставит под сомнение компетентность вас как биографа* при неправильности **Он ставит под сомнение компетентность вас* (надо: *Он ставит под сомнение вашу компетентность*). В ходе продумывания более широкого материала выяснилось, что и этот фактор ярче проявляет себя на материале прототипических предикатов и «глохнет» на материале предметных имен; ср. *Приход меня и моего друга ничего не решит VS. *Компьютер меня и моего друга ничего не решит*.

Эти наблюдения отчасти совпадают с выводами, которые были сделаны независимо от обсуждаемого эксперимента и на совсем другом материале. Л. Л. Йомдин, занимаясь семантикой и синтаксисом выражения *(не) в чьих-л. силах*, заметил, что его первый (сентенциальный) актант, выполняющий синтаксическую функцию подлежащего, нормально выражается инфинитивом, но не отглагольным существительным: можно сказать *Помочь вам не в моих силах*, но не **Помощь вам не в моих силах* (подробнее см. раздел 2.4.4). Заметим, что и в этих случаях неправильность словосочетаний с существительным в роли подлежащего тоже падает по мере того, как нарастает идея процессности в значении существительного: *Оказание вам помощи не в моих силах* явным образом лучше, чем **Помощь вам не в моих силах*.

Иными словами, на материале разной природы обнаруживается действие похожих семантических сил. Оказывается, что простейшие синтаксические конструкции отражают глубокие различия между семантическими классами и подклассами фундаментальной классификации предикатов. Это выводит исследование на совершенно новый уровень и позволяет получить принципиально новое знание о языке.

Перейдем ко второму фактору, который стимулировал получение новых знаний о синтаксисе и семантике изучаемых языков в процессе компьютерных экспериментов. В ходе построения упомянутых систем автоматической обработки текстов авторам пришлось вплотную столкнуться с громадным материалом современных русских текстов, изобилующих сложнейшими синтаксическими (как, впрочем, и другими языковыми) явлениями. Многие из этих явлений до сих пор не получили достаточно надежной и устойчивой интерпре-

тации не только в грамматиках, но и в научных статьях и монографиях. Здесь тоже будет уместен один пример.

Работа по глубокой автоматической разметке текстов — морфологической и синтаксической (см. упомянутую выше статью [Апресян и др. 2005]) — была организована следующим образом: сначала компьютер анализировал текст на основе имеющихся у него словарей и правил, а затем результаты его анализа поступали на постредактирование профессиональному лингвисту, как правило, из числа разработчиков ЭТАПа. В результатах, полученных компьютером, наряду с правильными анализами встречались, естественно, и ошибки. Они были двух типов.

Во-первых, компьютер неправильно распознавал какое-то морфологическое, синтаксическое или лексическое явление; так, для предложения *Он увидел их семью своими глазами* была получена структура, которая интерпретировалась как 'Он увидел их, используя (все) семь своих глаз'. Здесь словоформа *семью* была неправильно проанализирована (относительно нужного смысла) и морфологически (ТВОР вместо ВИН), и лексически (*семь* вместо *семья*), и синтаксически (количественное зависимое слова *глаза* вместо прямого дополнения глагола *увидеть*). Такие ошибки легко исправлялись при постредактировании.

Во-вторых, для многих фраз, на первый взгляд совершенно простых, компьютер не мог построить никакой структуры по той причине, что, как оказывалось при последующем изучении результатов, не располагал нужными правилами. В частности, большие сложности возникли при анализе некоторых идентифицирующих конструкций с местоименными словами *это* и *то*.

Они формируют два основных типа идентифицирующих конструкций:

(а) конструкции со связкой (в том числе нулевой) типа *Это Иван, Это был Иван*;

(б) конструкции с полнозначным глаголом типа *Это идет Иван, Это <то> стучит дождь* и т. п.; ср. у И. Бродского *С чего бы это вдруг? Серебряный висок? / Осколина во рту от сладостей восточных? / Потусторонний звук? / Нет, то стучит песок, / пустыни талисман, в моих часах песочных*.

С конструкциями первого типа трудностей у нас не возникало — для них строились синтаксические структуры со словом *это* в качестве подлежащего и вторым существительным в роли именной части составного именного сказуемого.

К встрече с конструкциями второго типа, гораздо более экзотическими, построенный нами синтаксический анализатор не был готов: в наших текстах (по преимуществу научно-технических, новостных и т. п.) они до поры до времени не появлялись, и средства для их анализа не были предусмотрены. Когда, наконец, в жанрово гораздо более пестром корпусе текстов, предназначенных для автоматической разметки, такая конструкция встретилась, анализатор с ней не справился, т. е. не построил для соответствующего предложения никакой структуры.

Хотя в академических грамматиках эта конструкция, в сущности, не обсуждается, она была относительно давно замечена и описывалась как в обобщающих трудах классиков ([Пешковский 2001], [Булаховский 1949], [Шахматов 1941]), так и в более поздних специальных работах; см., например, [Арутюнова 1976], [Падучева 1982], [Вайс 1985]); из последних работ см. также [Дымарский 2007]. К сожалению, до сих пор не существует не только устоявшейся ее трактовки, но и никакого единства мнений о характере ее синтаксической структуры (где в ней подлежащее, где сказуемое) хотя бы у двух писавших о ней авторов.

Тщательный анализ обеих идентифицирующих конструкций — с учетом аналогичных явлений, особенностей русского синтаксиса и более широких типологических соображений — содержится в упомянутой работе Е. В. Падучевой [1982: 81 и сл.]. Однако выводы, к которым она приходит, недостаточны, потому что в ее работе никак не определяется природа центрального элемента конструкции, т. е. слова *это*. Коротко говоря, они сводятся к следующему.

(а) Биноминативные предложения первого типа — *Это мой брат, Это был дурной знак, Это были волки* и т. п. — рассматриваются как предложения идентификации, в которых «главные компоненты не диагностируются как подлежащее и сказуемое», со ссылкой на работу [Падучева, Успенский 1979], где это утверждение аргументируется более подробно.

(б) О предложениях типа *Это Мавра ходит, А это парк начинается, Это турки жгут болгарские деревни, Это птица летит* тоже говорится, что местоимение *это* в них — «не подлежащее, а главный компонент предложения идентификации, который не диагностируется как подлежащее или сказуемое» [Падучева 1982: 83].

Иными словами, никакой полной синтаксической структуры ни для предложений типа (а), ни для предложений типа (б) не предлагается.

Добавим, что А. М. Пешковский трактовал *это* в предложениях типа (б) как выделительную частицу; А. А. Шахматов считал ее на-

речием в функции обстоятельства; в статьях Д. Вайса [1985] и М. Я. Дымарского [2007] эта конструкция упоминается, но для нее не предлагается никакой синтаксической структуры. Лишь в книге Л. А. Булаховского содержится достаточно определенная трактовка рассматриваемой синтаксической конструкции. «Своеобразную функцию выполняют указательные частицы *это* и *то* как своего рода подлежащее, вносящее значение нерасчлененного впечатления, по отношению к которому сказуемым является или имя существительное, или даже целое предложение» [Булаховский 1949: 291], с примерами *Это летит аэроплан, Это смелый буреветник гордо реет между молний*. Заметим уже здесь, что именно последняя гипотеза ближе других подходит к истине, хотя по ряду соображений не может быть принята полностью.

Эта конструкция ставила в тупик столь многих замечательных исследователей по той причине, что в ней на роль подлежащего (в нашей формальной модели синтаксиса — на роль предикативного зависимого глагола) претендуют сразу два элемента — местоимение *это* и подлежащее вложенного простого предложения (в приведенных выше примерах — слова *Мавра, парк, турки* и *птица* соответственно). Между тем хорошо известно, что актантные отношения, связывающие предикаты с их аргументами, неповторимы. В частности, если глагол в личной форме (например, *летит*) уже имеет подлежащее (*птица*), он не может иметь другое подлежащее в составе того же предложения (если, конечно, в нем нет двух или более однородных подлежащих).

Л. А. Булаховский, как было только что сказано, пытался избежать указанной трудности, постулируя сказуемое в виде целого простого предложения. Это решение не может быть принято по той причине, что в синтаксисе русского языка «других подлежащих с сентенциальным сказуемым нет (если не считать фразеологизмов типа *Пирог у нее — пальчики оближешь, Работа — комар носу не подточит, Шляпа у него — можно со смеху умереть*, всегда с модальным значением)» [Падучева 1982: 83]. Добавим к наблюдениям Е. В. Падучевой, что целое предложение может выполнять функцию сказуемого еще в метаязыковой функции, но только тогда, когда, как и в случае с фразеологизмами, оно образует именную часть сказуемого при глаголе-связке; ср. *Их лозунг был «Даешь потемкинскую деревню!»*.

В используемой нами грамматике зависимостей решение Л. А. Булаховского не может быть принято еще и по той чисто фор-

мальной причине, что в древесных структурах отношения подчинения связывают только отдельные слова, но не слова и группы слов.

С учетом этого обстоятельства и правила неповторимости актантных отношений остается единственное возможное решение: считать, что в идентифицирующих конструкциях типа (б) *Это летит птица* есть два принципиально разных подлежащих при одном и том же глаголе в личной форме: обычное подлежащее *птица* и подлежащее более высокого порядка *это*. Первое связано со сказуемым *летит* обычным предикативным отношением, а второе — сентенциально-предикативным отношением. Добавим, что в принципе «сентенциально-Х-овые» отношения не являются для синтаксиса естественных языков какой-то экзотикой; ср. сентенциально-сочинительные отношения в конструкциях типа *Мчатся тучи, вьются тучи*, где сочинены целые предложения.

Как мы уже говорили, когда продумываются какие-то раньше не замечавшиеся или необычные конструкции и ищется наиболее разумный способ их представления в формальной модели синтаксиса русского языка, дело обычно не ограничивается принятием формального решения. Более глубокое проникновение в материал почти всегда сопровождается получением принципиально нового знания о языке. В частности, по поводу только что разобранных случаев можно заметить, что на самом деле между конструкциями типа (а) и (б) есть не только синтаксические, но и более интересные семантические различия, причем семантические различия распределены не так, как синтаксические. С семантической точки зрения все названные выше конструкции разбиваются на два других класса: конструкции типа *Это Иван, Это картины, Это стол* и т. п., с нулевой связкой, и конструкции типа *Это был Иван, Это идет дождь, Это жгут мусор* и т. п., с ненулевой связкой или полнозначным глаголом.

Конструкции типа *Это Иван, Это картины, Это стол* и т. п., с нулевой связкой, имеют два разных значения.

1) Первое значение — чисто указательное и дейктическое: референтом местоимения *это* является какой-то известный говорящему материальный объект, который он показывает адресату, одновременно идентифицируя его для адресата. Как и полагается каноническому дейктическому употреблению слова *это*, оно обязательно сопровождается жестом.

2) Второе значение может быть названо перцептивно-интерпретирующим: говорящий или наблюдатель воспринимает какую-то ситуацию внешнего мира (например, звонок в дверь, вкус напитка,

столкновение в темноте с каким-то предметом) и, еще не зная ее главного участника, гипотетически идентифицирует его — прежде всего для себя, но, может быть, и для других³. Референтом *это* в данном случае является целая ситуация, и его употребление, строго говоря, дейктическим уже не является: физическое (жестовое) указание на идентифицируемый объект становится необязательным. Скорее здесь можно усмотреть слабую форму анафоры.

Конструкции типа *Это был Иван, Это идет дождь, Это жгли мусор* и т. п., с полнозначным глаголом или ненулевой связкой, в центральном круге употреблений имеют только перцептивно-интерпретирующее значение.

Мы посвятили так много внимания этим двум казусам, потому что из них с неизбежностью следует несколько важных выводов.

а) Многие правила русского синтаксиса (например, правила формирования актантных и атрибутивных конструкций с зависимым в форме родительного падежа при хозяине-существительном) сформулированы в академических грамматиках и даже в специальных сочинениях недостаточно полно и точно.

б) Это в первую очередь касается «неосновных», периферийных конструкций русского синтаксиса, в которых особенно ярко проявляется одно из наиболее интересных его свойств, а именно исключительно высокая степень его лексикализованности, или, с другой точки зрения, теснейшее взаимодействие синтаксиса и словаря.

в) Компьютерный анализ отдельных предложений и целых текстов является тем экспериментальным полигоном, на котором можно проверять не только отдельные грамматические и иные правила, но и целостную лингвистическую модель языка, т. е. адекватность лингвистической теории. См. об этом также главу 4.

г) Этот полигон позволяет получать новые знания не только в области синтаксиса, но и в области семантики.

Предлагаемая читателю книга охватывает далеко не все вопросы, которые ставит перед исследователем действующая и реализованная на компьютере формальная модель языка, причем разные вопросы рассмотрены в ней с разной степенью детальности и отражают более

³ Это значение было впервые выделено (по-видимому, независимо) в цитированной книге Л. А. Булаховского (ср. его формулировку «значение нерасчлененного впечатления») и в словарной статье *это* в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, но описано оно было в обоих этих источниках, как нам представляется, не совсем точно.

специальные интересы авторов соответствующих разделов. Скажем два слова о том, как работа распределялась между авторами.

Введение написано Ю. Д. Апресяном.

В первой главе дан краткий обзор формальной модели русского синтаксиса. В него вошли комментированный список используемых в модели синтаксических отношений (раздел 1.1, автор — Л. Л. Иомдин) и модель синтаксических чередований (раздел 1.2, автор — В. З. Санников).

В написании второй главы участвовали все четыре автора.

В разделе 2.1, посвященном конструкциям типа *Негде спать*, воспроизводится, с незначительными редакционными дополнениями, одноименная статья Ю. Д. Апресяна и Л. Л. Иомдина. Три раздела второй главы — «Пролептические и близкие к ним конструкции» (2.2), «Конструкции с тождественными словоформами» (2.5) и «Иллокутивное употребление как вид синтаксического эллипсиса» (2.6) — написаны В. З. Санниковым. Раздел 2.3, под названием «Гипотеза о двух синтаксических началах», написан Л. Л. Иомдиным. Ему же принадлежит раздел 2.4 — «Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом». Автор последнего раздела — «Синтаксические союзы и синтаксические конфликты» (2.7) — И. М. Богуславский.

Третья глава — о трехуровневой теории глагольного управления в лексикографическом аспекте — написана Ю. Д. Апресяном.

В последней, четвертой главе рассматриваются уроки, которые действующая система машинного перевода преподает лингвистам — специалистам в области синтаксиса современного русского языка. Автор этой главы — Л. Л. Иомдин.

Нумерация примеров в каждой главе, а иногда и в каждом разделе — самостоятельная (а не сквозная по всей книге).

Глава 1

О МОДЕЛИ РУССКОГО СИНТАКСИСА

1.1. Вводные замечания

В данной главе излагается лингвистическое содержание формальной модели русского синтаксиса. Сама модель делится на две части — правила синтаксического анализа предложений (парсер) и правила их синтаксического синтеза. Задача правил анализа состоит в том, чтобы распознать все встречающиеся в обрабатываемом предложении элементарные (двусловные) синтаксические конструкции, связать входящие в них слова определенным синтаксическим отношением и построить из полученного набора гипотетических синтаксических связей правильную синтаксическую структуру предложения; в нашей модели она имеет вид дерева зависимостей. Такие правила тем лучше, чем более полно они позволяют удержать выраженный в предложении смысл, а это, в свою очередь, зависит от степени детальности распознавания синтаксических конструкций и классов конструкций. Тем самым главным лингвистическим содержанием модели анализа оказывается перечень используемых в ней синтаксических отношений. Обзор этих отношений и составляет предмет первого раздела данной главы. Что касается модели синтаксического синтеза, то в ней лингвистический интерес представляет идеология двухэтапного порождения морфологической структуры предложения по его синтаксической структуре, или идеология чередований в синтаксисе (альтернология). Она составляет содержание второго раздела данной главы.

1.2. Синтаксические отношения

Как известно, в современной лингвистике, в первую очередь ориентированной на формальное описание языка, используются два основных типа представления синтаксической структуры предложения — так называемые системы непосредственных составляющих

(immediate constituents), в частном случае представляемые как деревья составляющих, восходящие к Н. Хомскому (см., например, [Chomsky 1957]), и системы синтаксических зависимостей, в частном случае представляемые как деревья зависимостей.

Строгая формулировка понятия дерева синтаксических зависимостей как ориентированного графа без циклов, каждый узел которого соответствует одному слову предложения, а ветви помечены именами синтаксических отношений, принадлежит И. А. Мельчуку (см. [Мельчук 1964]). И. А. Мельчук ввел в научный оборот первый перечень синтаксических отношений для русского языка (первоначально они назывались отношениями синтаксической доминанции) и развивал теоретический синтаксис зависимостей на материале разных языков, в первую очередь русского и английского, в течение многих лет: последняя большая статья на эту тему вышла в 2009 г. (см. [Mel'čuk 2009]). Синтаксис зависимостей является одной из центральных частей теории «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука.

Неоднократно предпринимались попытки создать гибридную систему представления синтаксической структуры предложения, в котором объединялись бы сильные стороны грамматики составляющих и грамматики зависимостей. Цельное представление такой системы принадлежит А. В. Гладкому, создавшему теорию синтаксических групп (см. [Гладкий 2007]). Полных описаний синтаксиса какого-либо языка в гибридном формализме, однако, не существует.

Авторы настоящей книги разрабатывали формальную модель синтаксиса на основе зависимостей в течение почти трех десятилетий. Первым опытом явилось формальное описание синтаксиса французского языка для целей автоматического перевода (см. [Апресян и др. 1983—1985]). Чуть позднее для этих же целей было предпринято описание в виде строгих формальных правил (синтагм) синтаксиса английского языка [Апресян и др. 1989], в значительной мере опирающееся на работы И. А. Мельчука, написанные в соавторстве с Н. В. Перцовым (см. [Mel'čuk, Pertsov 1987]). Самая полная формальная модель синтаксиса зависимостей была разработана при активном участии авторов настоящей книги в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН им. А. А. Харкевича для русского языка. Эта модель лежит в основе синтаксического анализатора (парсера), применяемого в целом ряде приложений лингвистического процессора ЭТАП-3 (в т. ч. машинного перевода, системы перифразирования, а также глубоко аннотированного корпуса русских текстов СинТарРус; см. [Aprèsjan et al. 2003, 2006], [Апресян и др. 2005]).

В настоящее время для представления синтаксической структуры предложения используется 65 синтаксических отношений (СинтО). Синтаксическая структура строится с помощью системы бинарных правил — синтагм, каждая из которых устанавливает одну ветку дерева зависимостей. Синтагмы самым существенным образом опираются на комбинаторный словарь русского языка, насчитывающий свыше 100 000 словарных статей, в частности на содержащиеся в словарных статьях синтаксические признаки слов и их модели управления.

Ниже предлагается конспективный обзор формальной модели русского синтаксиса в виде перечня используемых в ней СинтО, а также правил синтаксических чередований, выполненный на неформальном языке.

При работе над русским синтаксисом, как было только что сказано, мы активно использовали представление синтаксической структуры предложения в виде дерева зависимостей — объекта, где каждая дуга (стрелка) идет из главного слова («хозяина») в зависимое слово («слугу») и помечена именем какого-либо синтаксического отношения. Каждое слово предложения, кроме одного (называемого вершиной предложения), зависит от какого-то слова по одному из синтаксических отношений. Отношения связывают только отдельные слова, а не словосочетания.

В случае так называемых синтаксических групп один из членов группы выступает в качестве представителя группы во внешних связях (локальной вершины группы) и подчиняет остальные члены группы.

В приводимых ниже примерах локальная вершина группы для наглядности дается прописными буквами, а сама группа заключена в скобки. Ср. следующие фрагменты деревьев, включающих:

предложную группу: *пошел* → (*В* → *лес*)
 элективную группу: *пришел* → (*ОДИН* → *из* → *мальчиков*)
 сочинительную группу: *собирали* → (*ГРИБЫ* → *и* → *ягоды*)
 придаточное предложение: *приду* → (*ЕСЛИ* → *освобожусь рано*)

Каждое отношение соответствует определенному классу синтаксических конструкций. Особенностью синтаксической модели, на основе которой строятся структуры, является то, что в ней различается много типов конструкций и, соответственно, используется большое число отношений¹.

¹ Следует подчеркнуть, что число этих отношений, в результате освоения нового языкового материала или новой интерпретации материала, су-

Основанием для различения синтаксических отношений являются различия в синтаксических средствах, скоррелированные с различием в значении.

В качестве синтаксических средств учитываются части речи, морфологические характеристики словоформ, порядок слов, знаки препинания, некоторые синтаксически значимые слова, присутствие которых во фразе существенно влияет на всю ее синтаксическую структуру, а также следующие извлекаемые из комбинаторного словаря сведения: управляющие свойства слова, его синтаксические признаки и те лексические функции и семантические признаки (дескрипторы), которые влияют на его синтаксическое поведение.

Ниже приводится комментированный перечень русских синтаксических отношений. Латинской буквой X в этом перечне обозначается «хозяин» синтаксической связи, буквой Y — «слуга». Вместо лексем с морфологическими характеристиками (как это делается в самом корпусе правил) мы для простоты будем приводить словоформы, т. е., например, вместо

ЧИТАТЬ, V, несов, прич, прош, страд, ед, жен, вин

мы будем писать *читавшуюся*.

В ряде случаев описание отношения снабжается примечаниями.

В приводимом перечне синтаксические отношения (СинтО) подразделяются на четыре группы: 1) актантные, 2) атрибутивные, 3) сочинительные и 4) служебные.

В скобках после названия отношения приводится его сокращенное наименование.

1.2.1. Актантные СинтО

Главной особенностью актантных СинтО является тот факт, что они связывают предикатное слово [X] со словом [Y], заполняющим некоторую синтаксическую валентность этого предикатного слова.

существенно возросло по сравнению с книгой Апресян и др. 1992, где был дан подробный комментированный перечень СинтО. Именно это обстоятельство является одним из оснований для возвращения к списку СинтО в данной книге. Кроме того, этот список (и, шире, весь материал первой главы) является своего рода справочным аппаратом ко всей книге: во многих ее разделах используются обсуждаемые здесь понятия, в частности конкретные синтаксические отношения.

1.2.1.1. Предикативное СинтО (предик)

Связывает сказуемое [X] в качестве хоряина с подлежащим [Y] в качестве слуги.

В самом простом случае, когда сказуемое выражено личным глаголом в действительном залоге, а подлежащее — существительным в именительном падеже, подлежащее заполняет первую синтаксическую валентность сказуемого (ср. *Петя [Y] читает [X]*). Если сказуемое выражено личным глаголом в страдательном залоге, то подлежащее в именительном падеже заполняет вторую синтаксическую валентность сказуемого (ср. *Комитет изучает [X] заявку [Y] — Заявка [Y] изучается [X]*).

В более сложных предикативных конструкциях сказуемое может быть не только глагольным, а подлежащее — не только существительным в именительном падеже. Примерами неглагольного сказуемого могут служить а) существительные (*Москва [Y] — столица [X] России*), б) прилагательные (*Петя [Y] какой-то странный [X]*, *Вы [Y] очень добры [X]*, *Я [Y] должен [X] уходить*), в) краткие причастия (*Письмо [Y] доставлено [X]*) и даже г) наречия (*Иван [Y] все еще там [X]*). Примерами «неименительного» подлежащего могут служить а) существительное в родительном или партитивном падеже: *Хлеба [Y] не оказалось [X]*, *Сахару [Y] хватит [X] на всех*, б) распределительная или аппроксимативная предложная группа (*Пришло [X] до [Y] десяти человек*; *Нам досталось [X] по [Y] груше*); в) группа, вводимая количественным наречием (*В углу стояло [X] много [Y] стульев*); г) инфинитив (*Дозвониться [Y] до него стало [X] проблемой*, *Тебя невозможно [X] узнать [Y]*); д) придаточное подлежащее, вводимое союзом (*Мне нравится [X], что [Y] вы больны не мной*), союзным словом (*Любопытно [X], куда он пошел [Y]*) или вопросительной частицей (*Приедет [Y] ли он, большой вопрос [X]*).

1.2.1.2. Дательно-субъектное СинтО (дат-субъект)

X — слово, обозначающее состояние, Y — S в дательном падеже, обозначающее субъект этого состояния: *Здесь нам [Y] не пройти [X]*, *Пете [Y] это совсем неинтересно [X]*, *Мне [Y] можно уйти [X]*?²

² Эти и другие подобные конструкции будут подробно обсуждаться ниже, в разделе 2.1.

1.2.1.3. Агентивное СинтО (агент)

X — глагол в страдательном залоге или отглагольное S — имя действия; Y — S в форме творительного падежа, указывающее на субъект действия: *Вопрос рассматривается [X] комиссией [Y]; рассматриваемый [X] комиссией [Y] вопрос; прием [X] президентом [Y] представителей Думы.*

1.2.1.4. Квазиагентивное СинтО (квазиагент)

X — предикатное существительное, Y — слово, реализующее первую синтаксическую валентность этого предиката, т. е. указывающее на его субъект. Y может быть существительным в родительном падеже (*приход [X] друга [Y]; его [Y] приход [X]*) или предложной группой (*заявления [X] от [Y] граждан, возражение [X] со стороны [Y] администрации, прибытие [X] около [Y] сотни наблюдателей*).

Примечания

1. Обратим внимание, что связь между отглагольным существительным и словом, заполняющим его первую валентность, оформляется разными СинтО в зависимости от того, в какой форме стоит зависимое слово: для творительного падежа используется агентивное СинтО, для родительного — квазиагентивное, ср. *приглашение ^{агент} президентом посла — приглашение ^{квазиагент} президента, направленное послу.*

2. Если при некотором существительном X зависящее от него S в форме родительного падежа Y характеризует не первую синтаксическую валентность X-а, а какую-то другую его валентность, то связь между X и Y оформляется с помощью одного из комплетивных СинтО (см. ниже, п. 1.2.1.6). Если же зависящее от X-а слово в родительном падеже не является его актантом, то X и Y связываются атрибутивным СинтО (см. ниже п. 1.2.2.2.1).

1.2.1.5. Несобственно-агентивное СинтО (несобст-агент)

Описывает сложные случаи смещения элемента Y, характеризующего первую валентность существительного, к глаголу, подчиняющему X: *Между [Y] Англией и Францией шла [X] война.*

Примечание. Синтаксически группа *между Англией и Францией* относится здесь к глаголу *шла*, хотя семантически — к слову *война*. При изменении порядка слов группа возвращается к своему «законному хозяину» — слову *война*:

Шла война [X] ^{квазиагент} между [Y] Англией и Францией.

1.2.1.6. Комплетивные СинтО (1-компл, 2-компл, 3-компл, 4-компл, 5-компл)

Эти СинтО связывают предикатное слово (обычно V или S, реже — A) с его (не первыми) синтаксическими актантами, а именно: 1-е комплетивное СинтО связывает слово с его вторым актантом, 2-е комплетивное — с 3-м актантом и т. д. Как правило, прямое дополнение переходного глагола присоединяется к нему по 1-му комплетивному СинтО: *Я люблю [X] тебя [Y]*. Способы заполнения валентностей предикатных слов определяются их управляющими свойствами (зафиксированными в модели управления этих слов). Например, в предложении *Фермер арендовал [X] гектар [Y1] земли у [Y2] совхоза за [Y3] 50000 руб. на [Y4] пять лет* пятивалентный глагол *арендовать* подчиняет прямое дополнение Y1 по 1-му комплетивному отношению, а косвенные или предложные дополнения Y2, Y3 и Y4 — соответственно по 2-му, 3-му и 4-му комплетивным отношениям.

Приведем еще несколько примеров комплетивных конструкций: *Попил [X] кваску [Y, 1-компл]; Не принес [X] хлеба [Y, 1-компл]; Я вас [Y, 1-компл] предупредил [X], чтобы [Y, 2-компл] вы не торопились; транспортировка [X] грузов [Y, 1-компл] от [Y, 2-компл] причала к [Y, 3-компл] складу; Он принялся [X] пить [Y, 1-компл]; ответ, равносильный [X] отказу [Y, 1-компл].*

Примечания

1. Первый синтаксический актант предикатного слова связывается с X-ом не комплетивными СинтО, а одним из отношений, охарактеризованных выше в пп. 1.2.1.1—1.2.1.4.

2. Подчеркнем, что у одновалентных глаголов (*спать, бодрствовать, плакать, светать* и т. д.) комплетивных зависимых нет.

1.2.1.7. Присвязочное СинтО (присвяз)

X — глагол-связка (*быть, оказываться, становиться* и некоторые другие), Y — именная часть сказуемого. В качестве зависимого элемента может, в частности, выступать а) слово в именительном падеже (*Он был [X] титулярный советник [Y]; Результат был [X] ошибочный [Y]*); б) слово в творительном падеже (*Он был [X] учителем [Y]; Петя казался [X] больным [Y]*); в) слово в родительном падеже (*Брынза не бывает [X] зеленого цвета [Y]*); г) прилагательное в полной или краткой форме (*Вечер был [X] теплый [Y], Он был [X] очень умен [Y]*); д) предикативное наречие (*Жаль [Y] было [X] расставаться с ним*); е) предложная группа (*Степа был [X] в [Y] Ялте*); ж) союзная группа (*Он был [X] как [Y] выпад на ратире*) и т. д.

Примечания

1. Фактически присвязочное СинтО оформляет связь между связкой и ее вторым синтаксическим актантом. От 1-го комплетивного СинтО (см. выше) присвязочное СинтО отличает тот факт, что последнее не опирается на модель управления связки. В отличие от полнозначных глаголов, вторая валентность связочного глагола может заполняться самыми разнообразными элементами.

2. Синтаксическая связь между глаголом *быть* и страдательным причастием (*портфель был украден*), представляющая собой аналитическую форму страдательного залога, оформляется не с помощью присвязочного, а с помощью пассивно-аналитического СинтО (см. ниже п. 1.2.4.2).

1.2.1.8. Несобственно-комплетивные СинтО
(1-несобст-компл, 2-несобст-компл, 3-несобст-компл)

Описывают сложные случаи смещения дополнений от существительного к подчиняющему его функциональному глаголу:

Если смещается **первое** дополнение, то связь оформляется с помощью 1-го несобственно-комплетивного СинтО: *С [Y] ним они ведут [X] спор со вчерашнего дня* (ср. *Они ведут спор* $\xrightarrow{1\text{-компл}}$ *с ним*). При смещении **второго** дополнения связь оформляется с помощью 2-го несобственно-комплетивного СинтО: *Об [Y] этом они ведут [X] спор со вчерашнего дня* (ср. *Они ведут спор* $\xrightarrow{2\text{-компл}}$ *об этом*). При смещении же **третьего** дополнения связь оформляется с помощью 3-го несобственно-комплетивного СинтО: *На [Y] английский язык перевод текста выполнит [X] Петр* (ср. *Петр выполнит перевод* $\xrightarrow{3\text{-компл}}$ *на английский язык*).

1.2.1.9. Неактантно-комплетивное СинтО
(неакт-компл)

С помощью этого СинтО оформляется связь предикатного слова (прежде всего глагола) X с элементом, который, не являясь полноценным актантом X, по своей синтаксической функции весьма близок к дополнению. В частности, так оформляется связь с глаголом невалентного бенефактива в дательном падеже (*кутил [X] сыну [Y] книги*). Аналогичным образом присоединяются к глаголу исконные семантические актанты зависимых от него существительных (*заглянул [X] тигру [Y] в глаза* ('заглянул в глаза тигра'), *Ребенок забрался [X] к [Y] отцу на колени* ('на колени отца').

Примечание. В отличие от несобственно-комплетивных СинтО (см. выше п. 1.2.1.8), где предложно-падежная форма смещенного дополнения

не меняется, здесь дополнение оформляется иначе, чем при исконном хо-зяине слова.

1.2.1.10. Комплетивно-апозитивное СинтО
(компл-аппоз)

Используется для описания связи между существительным (параметрическим типа *высота*, *вес* и т. п., а также существительным типа *рейс*, *маршрут*, *поезд*) и его актантом, если тот выражается именительным падежом или его синтаксическим эквивалентом, т. е. предложной группой с распределительным значением или значением приблизительности, количественным наречием и т. п. (*яблоки по цене [X] рубль [Y] за штуку*, *поезд [X] Москва [Y] — Петербург*, *мешки весом [X] по [Y] 50 кг*, *рост [X] более [Y] 180 см*).

1.2.1.11. Предложное СинтО (предл)

X — предлог, Y — именная группа, зависящая от предлога (*в [X] столе [Y]*; *между [X] Сциллой [Y] и Харибдой*, *по истечении [X] — составной предлог] года [Y]*). Как правило, предлог предшествует имени, однако в некоторых случаях предлог стоит в постпозиции к подчиняемому им слову (*бога [Y] ради [X]*, *рублей [Y] около [X] ста*).

Примечание. Предложное СинтО по синтаксическим свойствам достаточно близко примыкает к комплетивным СинтО, поскольку предлог является предикатным словом и обладает идиосинкратичными управляющими свойствами — каждый из них управляет конкретным падежом.

1.2.1.12. Подчинительно-союзное СинтО (подч-союзн)

X — подчинительный союз, Y — вершина придаточного предложения, вводимого этим союзом, либо инфинитив: *Если [X] мы стараемся [Y]*, *план будет выполнен*; *Если [X] постараться [Y]*, *план будет выполнен*. В случае эллипсиса от подчинительного союза может зависеть именная группа, предложная группа или даже одиночное слово: *Кто стучит? Если [X] Петя [Y]*, *пригласи его в дом*. *Когда приезжает Петя? Если [X] завтра [Y]*, *то я его встречу*.

Примечания

1. Подчинительно-союзное СинтО по синтаксическим свойствам также примыкает к комплетивным СинтО, поскольку и союз является предикатным словом, валентность которого заполняется придаточным предложением или инфинитивным оборотом.

2. Связь между сравнительным или сочинительным союзом и словом, зависящим от него, оформляется с помощью других СинтО — сравнительно-союзного и сочинительно-союзного, соответственно (см. ниже, п. 1.2.1.14 и 1.2.3.3).

3. В предыдущих версиях синтаксической модели ЭТАП-3 для описания связи между союзом и инфинитивом использовалось особое СинтО — инфинитивно-союзное. Сейчас это отношение объединено с подчинительно-союзным.

1.2.1.13. Сравнительное СинтО (сравнил)

Используется для представления двух типов конструкций: а) X — прилагательное или наречие в сравнительной степени, Y — именная группа в родительном падеже, представляющая второй из сравниваемых членов, либо сравнительный союз *чем*: *Маша красивее [X] Кати [Y]; Маша красивее [X], чем [Y] Катя, Маша более [X] красива, чем [Y] Катя; «Конкорд» летел быстрее [X] звука [Y]*; б) X — глагол, имя или наречие, Y — сравнительный союз (*как, словно, будто, что* и т. п.): *Я вам верю [X], как [Y] своему лучшему другу; Он свободен [X], словно [Y] птица в небе.*

1.2.1.14. Сравнительно-союзное СинтО (сравни-союзн)

X — сравнительный союз, Y — второй из сравниваемых членов сравнительной конструкции: *Я вам верю, как [X] другу [Y]; Она чаще задумчива, чем [X] беззаботна [Y].*

1.2.1.15. Элективное СинтО (элект)

Используется для представления конструкций со значением выбора из элементов множества. X — числительное, прилагательное в превосходной степени, порядковое прилагательное, слово *последний* и такие показатели аналитической превосходной степени, как *самый, наиболее* и ряд других; Y — предлог *из* или *среди*, вводящий указание на множество, в котором производится выбор: *две [X] из [Y] книги; пятеро [X] из [Y] мальчиков; интереснейшая [X] из [Y] книг, самый [X] старший среди [Y] нас, второй [X] из [Y] оставшихся.*

Примечание. Элективная конструкция представляет собой своеобразный синтаксический эквивалент существительного, вершиной которого является не существительное. *Лучший из учеников* — это элективная конст-

рукция, а *лучший ученик из нашего класса* и даже *лучший ученик из всех учеников* — не элективная конструкция: в обоих последних выражениях существительное *ученик* подчиняет предлог *из* по атрибутивному СинтО (см. ниже п. 1.2.2.2.1).

1.2.1.16. Сентенциально-предикативное СинтО (сент-предик)

Используется для представления идентифицирующих конструкций типа *Это [Y] разговаривают [X] друзья, Это [Y] мышшь скребется [X] за печкой, То [Y] не ветер ветку клонит [X]*, где объектом идентификации является ситуация, выражаемая, как правило, двусоставным предложением, вершиной которого является личный глагол. Этот глагол и является вершиной конструкции, а ее зависимым членом выступает указательное местоименное существительное *это* или *то* в именительном падеже.

Примечание. Данная синтаксическая связь не может оформляться с помощью предикативного СинтО, обычно устанавливаемого между сказуемым в качестве вершины и подлежащим при нем в качестве зависимого, потому что у личного глагола в таких идентифицирующих конструкциях есть свое подлежащее (*друзья, мышшь* и *ветер* в приведенных выше примерах), а предикативное СинтО является неповторимым. См. также замечания об этой конструкции во Введении.

1.2.1.17. Презентативное СинтО (презентат)

В качестве вершины X выступают слова *вот* или *вон*, которыми говорящий вводит нас в некоторую ситуацию [Y]. В качестве X могут выступать слова различных частей речи (существительные, прилагательные и даже целые предложения). *Вот [X] мой дневник [Y]. Вон [X] стоит [Y] дом³.*

³ Стоит заметить, что презентативные конструкции оказываются близки к идентифицирующим конструкциям со словом *это* (типа *Это стол, Это тархтит трактор*), в которых, как мы видели выше, усматриваются предикативное и сентенциально-предикативное СинтО. Здесь также имеет место похожая оппозиция: *Вот скатерть* vs. *Вон лежит скатерть*, а теморематическое членение предложения указывает на то, что второй элемент презентативного разумно трактовать как сказуемое; ср. смену декораций в случае сильного фразового ударения на *вот*: *↓Вот скатерть*. Возможно, трактовка конструкций с *вот* и *вон* в дальнейшем будет пересмотрена.

1.2.2. Атрибутивные СинтО

Главной особенностью атрибутивных СинтО является тот факт, что они связывают некоторое слово [X] со словом [Y], которое выражает при X значение невалентного атрибута — в самом широком смысле этого слова. Атрибутивные СинтО естественно подразделяются на 5 подгрупп: 1) определительные, 2) общеатрибутивные, 3) аппозитивные, 4) количественные, 5) обстоятельственные.

1.2.2.1. Определительные СинтО

1.2.2.1.1. (Собственно) определительное СинтО (опред). X — существительное или прилагательное (в том числе порядковое типа *пятый*), Y — прилагательное или причастие. Обычно Y согласуется с X-ом по роду, числу, падежу и одушевленности (*вижу красивый [Y] дом [X]; вижу красивого [Y] мальчика [X]*), кроме некоторых особых случаев (количественные и/или сочинительные группы): *три опытных [Y, мн] работника [X, ед]; красивые [Y, мн] Маша [X, ед] и Катя; красный [Y, ед] и зеленый шары [X, мн]*.

1.2.2.1.2. Описательно-определяющее СинтО (оп-опред). X — существительное или прилагательное, Y — прилагательное или причастие, выступающее в качестве обособленного определения к X: *Разгневанный [Y], он [X] не видел ничего; Петя [X] и я, усталые [Y], вернулись домой; От нас [X], собравшихся [Y] здесь, зависит судьба проекта.*

Примечание. Простые причастные обороты при существительном X, выступающие в постпозиции, но не выражающие никакой дополнительной предикации, присоединяются к X с помощью определительного СинтО, ср. (а) *солдат*, — *опред* → *стоявший у двери*, но (б) *солдат* ^{оп-опред} → *стоявший почему-то у двери — вскинул ружье*. Обратим внимание, что (а) образует законченное словосочетание (которое, например, может выступать в качестве заглавия текста или раздела), а первая часть (б) — до глагола — такого словосочетания не образует.

1.2.2.1.3. Аппроксимативно-порядковое СинтО (аппрокс-порядк). Используется для представления конструкций со значением приближительного порядка. X — существительное, Y — порядковое прилагательное: *числа [X] первого [Y]; день [X] на пятый [Y]*.

Примечание. Препозитивное порядковое прилагательное связывается с X определительным отношением: *на пятый* ^{опред} ← *день* (см. п. 1.2.2.1.1).

1.2.2.1.4. Релятивное СинтО (релят). X — существительное или прилагательное, Y — вершина придаточного определительного: *Деревня [X], где скучал [Y] Евгений, была прелестный уголок; Миша [X], с другом которого я недавно познакомился [Y]...; Первый [X] из них, чье лицо я сразу узнал [Y], что-то сказал соседу.*

Примечание. Конструктивной особенностью релятивной конструкции является тот факт, что вершине придаточного — непосредственно или опосредованно — обязательно подчиняется одно из союзных слов *который, чей, каковой, кто, что* (дом, что стоял на углу) и т. д.

1.2.2.2. Общеатрибутивные СинтО

1.2.2.2.1. (Собственно) атрибутивное СинтО (атриб). X — существительное или прилагательное, Y — несогласованное определение. В качестве Y могут выступать а) S_{род} (*дом [X] Петра [Y]; его [Y] дом [X]; двигателя [X] такого типа [Y]*); к *девятому [X] мая [Y]* (= к *девятому числу [X] мая [Y]*); б) S_{твор} (*плавание [X] брассом [Y]*); в) прилагательное в сравнительной степени (*дети [X] моложе [Y] трех лет*); г) предложная группа (*дом [X] за [Y] углом*); д) наречия некоторых типов (*яйцо [X] всмятку [Y]; домик [X] напротив [Y]; ночи [X] напролет [Y]*).

Примечание. Если существительное в форме родительного или творительного падежа при некотором существительном X реализует синтаксические валентности X, то оно присоединяется к X с помощью других отношений. Субъект X присоединяется к нему посредством квазиагентивного (*приход [X] друга [Y]*) или агентивного СинтО (*прием [X] президентом [Y] представителей Думы*), а объект действия — посредством 1-го комплетивного СинтО (*оценка [X] знаний [Y]*).

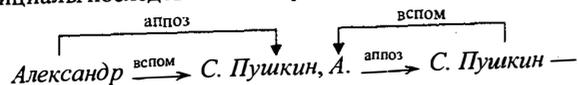
1.2.2.2.2. Композитное СинтО (композ). Соединяет части сложного слова. X — вторая часть сложного слова, Y — его первая часть, в частности а) композит типа *авиа, гидро, агро* и другие элементы, употребляющиеся в составе сложных слов: *авиа[Y]конструктор [X]; агро[Y]промышленный [X]*; б) существительное, прилагательное или числительное в особой композитной форме «сл», употребляющейся в составе сложных слов: *нефте[Y]добыча [X]; снего[Y]уборочный [X]; русско[Y]-польский [X]; сине[Y]-зеленый [X]; одиннадцати[Y]этажный [X]; бизнес[Y]-проект [X]*.

1.2.2.2.3. Смещенно-атрибутивное СинтО (смещ-атриб). X — существительное, Y — предложная группа, вводимая предлогом U и выражающая так называемого внешнего посессора: *Татуировка [Y] у [X] нее на груди смотрелась эффектно.*

1.2.2.3. Аппозитивные СинтО

1.2.2.3.1. (Собственно) аппозитивное СинтО (аппоз). X — существительное, Y — следующее за ним приложение. Обычно X и Y согласованы по падежу и числу (*женщине [X]-врачу [Y]; страны [X] — члены [Y] ООН*), кроме особых случаев: *к городу [X, дат] Великий Устюг [Y, им]; (Нет) инженеров [X, мн] Иванова [Y, ед] и Петрова.*

Примечание. Аппозитивное СинтО используется и для представления связей внутри составных имен людей: *Александр ^{аппоз} Сергеевич ^{аппоз} Пушкин; Федерико ^{аппоз} Гарсиа ^{аппоз} Лорка* и т. д. Однако в случае, когда имя человека содержит инициал, первый из них присоединяется к полноценому имени по вспомогательному отношению (см. п. 1.2.4.3), а остальные инициалы последовательно присоединяются к предыдущим слева направо:

и т. д.

1.2.2.3.2. Обособленно-аппозитивное СинтО (об-аппоз). X — существительное, Y — обособленное приложение к нему: *Машина [X], старый жигуленок [Y], стояла во дворе.* В отличие от собственно аппозитивных конструкций, приложение выделяется здесь с обеих сторон запятыми или тире.

1.2.2.3.3. Номинативно-аппозитивное СинтО (ном-аппоз). X — существительное, Y — вершина любой группы в кавычках, представляющей собою название: *картина [X] «Бурлаки [Y] на Волге»; пьеса [X] «На [Y] дне»; фильм [X] «Убить [Y] пересмешника»; либретто [X] «Старый Таллинн [Y]».*

1.2.2.3.4. Нумеративно-аппозитивное СинтО (нум-аппоз). X — существительное, обозначающее регулярно нумерующиеся объекты, Y — числительное в именительном падеже (обозначающее номер): *отдел [X] 10 [Y]; комната [X] триста двадцать семь [Y].*

Примечание. Нумерация, обозначаемая порядковым прилагательным, оформляется с помощью определительного отношения (*глава ^{опред} пятая*).

1.2.2.4. Количественные СинтО

1.2.2.4.1. (Собственно) количественное СинтО (количест). С помощью этого отношения оформляются связи в количественной группе. X — существительное, Y — числительное, стоящее в препозиции к X: *пять [Y] дней [X]; 10 [Y] книг [X]; оба [Y] родителя [X]; семеро [Y] смельчаков [X]; тремястами двадцатью семью [Y] страницами [X].*

Примечания

1. В количественной группе синтаксическая связь всегда направлена от существительного к числительному, независимо от того, согласованы ли члены группы по падежу или же существительное стоит в родительном падеже, а числительное — в именительном или винительном.

2. Если группой числительного Y управляет не существительное, а глагол, она связывается с ним количественно-копредикативным отношением (см. п. 1.2.2.4.3); ср.: *Привезли четыре ^{количест} книги, но: Книг привезли — колич-копред → четыре.*

3. Элементы составного числительного (*триста двадцать пять*) связываются особым синтаксическим отношением — количественно-вспомогательным (см. ниже, п. 1.2.4.4).

4. Связь в сочетаниях типа *тысяча человек* или *миллион рублей* не количественная, а квазиагентивная (п. 1.2.1.4), поскольку слова *тысяча* и *миллион* — здесь не числительные, а существительные.

1.2.2.4.2. Аппроксимативно-количественное СинтО (аппрокс-колич). Используется для представления конструкций со значением приблизительного количества. X — существительное, Y — числительное, стоящее в постпозиции к X: *человек [X] десять [Y]; дней [X] через пять [Y].*

1.2.2.4.3. Количественно-копредикативное СинтО (колич-копред). X — глагол, Y — группа числительного или именная группа с количественным значением. При таком глаголе обязано стоять существительное в родительном падеже, выступающее при нем в качестве подлежащего (*Детей пришло [X] пять [Y]*) или дополнения (*Книг привезли [X] целый ящик (двадцать) [Y]*).

1.2.2.4.4. Количественно-ограничительное СинтО (колич-огран). X — прилагательное или наречие в сравнительной степени, Y — наречие или группа с предлогами *в* или *на*, указывающая на интенсивность: *втрое [Y] мощнее [X]; больше [X] в [Y] три раза.*

1.2.2.4.5. Распределительное СинтО (распред). X — именная группа, обозначающая некий параметр (цену, скорость, вес и т. п.), Y — $S_{им}$ или группа с предлогами *в*, *на*, *за*, указывающая на единицу измерения: *яблоки по двадцать рублей [X] килограмм [Y]; со скоростью 9 метров [X] в [Y] секунду.*

1.2.2.4.6. Аддитивное СинтО (аддит). X и Y — числительные или количественные группы в конструкциях, вводящих единицы измерения двух или более уровней типа *два метра [X] двадцать сантиметров [Y]; 5 килограмм [X] 300 грамм [Y]; пятнадцать часов [X1] двадцать девять минут [Y1, X2] пятьдесят девять секунд [Y2]; колбаса за два [X] девяносто [Y]* (т. е. 'за два рубля девяносто копеек'); *ровно в пятнадцать [X] тридцать [Y].*

1.2.2.5. Обстоятельственные СинтО

1.2.2.5.1. (Собственно) обстоятельственное СинтО (обст). X — глагол или слово другой части речи, являющееся вершиной предложения, Y — обстоятельство. В качестве Y могут выступать а) наречия (*Программы запускаются [X] поочередно [Y]*); б) существительные в творительном падеже (*идти [X] лесом [Y]*; *пришел [X] глубокой ночью [Y]*; *работает [X] топором [Y]*); в) прилагательное или существительное в родительном падеже (так называемые родительный даты, ср. *вернулся [X] второго [Y] мая*, и родительный возраста, ср. *выдали [X] замуж шестнадцати лет [Y]*); г) предложная группа (*Его избили [X] на [Y] улице*); д) деепричастие (*уснул [X], не потушив [Y] света*); е) инфинитив (целевой при глаголах движения: *пошел [X] обедать [Y]*); з) подчинительный союз (*Если [Y] теорема верна, будет [X] справедливо следующее утверждение*).

Примечания

1. При существительном, даже отглагольном, обстоятельственное СинтО не используется. В соответствующих конструкциях употребляется атрибутивное СинтО; ср. *плавать ^{обст}→ брассом*, но *плавание ^{атриб}→ брассом*. Однако в случае, когда существительное или слово другой части речи является вершиной предложения (например, при отсутствии глагола-связки), обстоятельство при нем допускается, ср. *Завтра [Y] у нас экзамен [X]*.

2. В данной системе СинтО не различаются присловные обстоятельства, с одной стороны, и детерминанты и сентенциальные обстоятельства, с другой. Например, в предложении *Он точно выполнял приказы командира* наречие *точно* в значении 'пунктуально' характеризует только глагол *выполнял*, а то же наречие в значении 'несомненно' характеризует все предложение. Тем не менее и в том, и в другом случае наречие *точно* подчиняется глаголу по обстоятельству к отношению.

3. Обстоятельства длительности и пространственной протяженности, выражаемые существительными в винительном падеже, присоединяются к глаголу, соответственно, с помощью длительного и дистанционного СинтО (см. ниже п. 1.2.2.5.2 и 1.2.2.5.4): *Он говорил ^{длительн}→ минуту*; *Он шел ^{дистанц}→ версту, потом отдыхал*.

1.2.2.5.2. Длительное СинтО (длительн). X — глагол, Y — обстоятельство длительности, выражаемое S_{вин} или предложной группой со значением приблизительного количества или распределительности: *Прибор работает [X] уже год [Y]*; *Третий век [Y] играет [X] музыка* (Б. Окуджава); *Он спит [X] по [Y] пять часов в сутки*.

Примечания

1. Если глагол имеет синтаксическую валентность длительности, то связь между ним и словом, выражающим эту валентность, оформляется с

помощью 1-го комплетивного СинтО, ср. *работал ^{длительн}→ год*, но *отработал ^{1-компл}→ год*. Обратим внимание на то, что глаголы типа *отработать* — переходные, они «повелительно» требуют дополнения в винительном падеже. Некоторые из этих глаголов (далеко не все!) допускают пассивизацию. В случае, когда такой глагол стоит в страдательном залоге, валентность длительности при нем выражается подлежащим и, естественно, оказывается в именительном падеже: *Год ^{предик}← отработан*, и никто меня не уволил. Сочетания с обстоятельством длительности типа *читал час* такой трансформации не допускают никогда.

2. Если значение длительности выражено наречием, то в соответствующих конструкциях используется обстоятельственное отношение: *работал ^{обст}→ долго* (недолго).

1.2.2.5.3. Кратно-длительное СинтО (кратно-длительн). X — глагол, Y — обстоятельство многократной длительности, выражаемое S_{твор} во множ. числе: *Он сутками (ночами, годами) [Y] работал [X] над этой темой*.

1.2.2.5.4. Дистанционное СинтО (дистанц). X — глагол, Y — обстоятельство пространственной протяженности, выражаемое S_{вин} или предложной группой со значением приблизительного количества или распределительности: *Самолет летел [X] пятьсот миль [Y]*; *Он шел [X] версту [Y], потом отдыхал*; *Спортсмен бегал [X] по [Y] 20 километров в день*.

Примечание. Если глагол имеет синтаксическую валентность дистанции, то связь между ним и словом, выражающим эту валентность, оформляется с помощью 1-го комплетивного СинтО, ср. *шел ^{дистанц}→ версту*, но *прошел ^{1-компл}→ версту*. Глаголы типа *пройти*, как и глаголы типа *отработать*, — переходные, они требуют дополнения в винительном падеже. В случае, когда такой глагол стоит в страдательном залоге, валентность длительности при нем выражается подлежащим и, естественно, оказывается в именительном падеже: *Верста ^{предик}← пройдена*, а ребенок ничуть не устал. Сочетания с дистанционным обстоятельством типа *шел версту* такой трансформации не допускают.

1.2.2.5.5. Обстоятельно-тавтологическое СинтО (обст-тавт). Связывает глагол X с существительным в твор. падеже Y, дублирующим часть значения глагола: *спать [X] крепким сном [Y]*; *жить [X] полноценной жизнью [Y]*; *говорить [X] грубым голосом [Y]*.

1.2.2.5.6. Субъектно-обстоятельственное СинтО (суб-обст). X — глагол, Y — обстоятельство в творительном падеже, характеризующее одновременно субъект действия: *Птицы селились [X] на озере целыми стаями [Y]*.

1.2.2.5.7. Объектно-обстоятельственное СинтО (об-обст). X — глагол, Y — обстоятельство в творительном падеже, характеризующее

ющее одновременно объект действия: *Они покупают [X] апельсины ящиками [Y]; Ели [X] черную икру столовыми ложками [Y]* (в последнем примере обратим внимание на трудно различимую синтаксическую омонимию обычного обстоятельства, выражающего значение инструмента и объектного обстоятельства).

1.2.2.5.8. **Субъектно-копредикативное СинтО (суб-копр).** X — глагол, Y — именная группа в именительном или творительном падеже либо предложная группа, выступающая в функции, близкой к функции именной части составного сказуемого, но по смыслу характеризующая подлежащее и (в случае именной группы) согласующаяся с ним по роду и числу: *Отец пришел [X] пьяный [Y]; Он вернулся [X] победителем (помолодевшим) [Y]*.

Примечания

1. С помощью субъектно-копредикативного СинтО описываются конструкции со словами *сам* и *один*: *Петя поехал [X] туда сам [Y]; После смерти отца она осталась [X] совсем одна [Y]*.

2. В отличие от присвяточного СинтО, в субъектно-копредикативном СинтО главный член — не связочный, а полнозначный глагол, ср.: *Петя был (казался) — присвяз → больным, но: Петя вернулся — суб-копр → больным [Y]*. В субъектно-копредикативном СинтО, как и в объектно-копредикативном (см. ниже), Y — невалентное зависимое.

1.2.2.5.9. **Объектно-копредикативное СинтО (об-копр).** X — глагол, Y — именная группа в творительном или винительном падеже или предложная группа, характеризующая дополнение [Z] и (в случае именной группы) согласующаяся с ним по роду и числу: *Его [Z] привезли [X] умирающим (умирающего; с забинтованной головой) [Y]; Петю [Z] отправили [X] туда одного [Y]*.

1.2.2.5.10. **Ограничительное СинтО (огранич).** Это отношение связывает слово любой части речи с частицей или ограничительным наречием: *Часто [X] ли [Y] отключают энергию?; Решение [X]-то [Y] ошибочно; Он только [Y1] этого [X1] и [Y2] хотел [X2]*.

Примечание. В конструкциях с несколькими частицами при одном слове типа *Чуть было не ошибся* каждая из частиц по отдельности (*чуть, было, не*) связывается с этим словом (*ошибся*) с помощью ограничительного отношения.

1.2.2.5.11. **Вводное СинтО (вводн).** Вершина вводной конструкции — сказуемое или другой член предложения, а зависимым членом может быть а) вводное слово, вводный оборот или предложение (*Проблема, конечно [Y], существует [X]; Проблема, как [Y] мы считаем, существует [X]; Проблема была решена на предыдущем се-*

минаре, по-моему [Y], одним [X] из студентов); б) обращение (*Колья [Y], закройте [X] дверь*).

Примечание. Вводное СинтО используется также для присоединения авторских слов после прямой речи или внутри нее (*Я пошел [X], сказал [Y] он*).

1.2.2.5.12. **Изъяснительное СинтО (изъясн).** X — вершина группы сказуемого главного предложения, Y — вершина придаточного, включающего союзное слово *что, отчего* или *почему*: *Углы равносоставленного треугольника равны [X], что и требовалось [Y] доказать; Произошла [X] авария, почему [Y] мы и вызвали аварийную службу; Он приехал [X], о чем я уже писал [Y]*.

Примечание. Изъяснительное придаточное всегда характеризует факт, обозначаемый главным предложением. Его смысл близок к предложению с анафорическим *это, поэтому, потому*, раскрывающим содержание главного предложения: *Углы равносоставленного треугольника равны, что и требовалось доказать = Углы равносоставленного треугольника равны. Это и требовалось доказать; Произошла авария, почему мы и вызвали аварийную службу = Произошла авария. Потому-то мы и вызвали аварийную службу*.

1.2.2.5.13. **Разъяснительное СинтО (разъяснит).** X — слово с родовым значением или обобщающее слово (типа *всё, везде* и т. п.), Y — слово с видовым значением; между X-ом и Y-ом стоит двоеточие, тире или слова типа *например*: *Получена аппаратура [X]: осциллограф [Y], семь реле, роторы; В продаже было всё [X] — колбасы [Y], сыры, кондитерские изделия; Дома [Y], на работе — везде [X] он думал об этом*.

1.2.2.5.14. **Примыкательное СинтО (примыкат).** Y — вершина вставного выражения, заключенного в скобки или ограниченного с обеих сторон тире; X — его «хозяин», полнозначное слово, стоящее перед открывающей скобкой или первым тире: *Неопознанные летающие объекты [X] — НЛО [Y] — интересуют многих; Директор [X] же (он выступал [Y] последним) остудил пыл собравшихся*.

1.2.2.5.15. **Уточнительное СинтО (уточн).** X и Y представляют элементы предложения с одинаковой синтаксической функцией, где второй элемент семантически уточняет первый: *встретимся на [X] площади под [Y] часами; приезжаю в [X] пятницу, в [Y] четыре часа; где-то [X] возле [Y] середины; ты куда [X] едешь, в [Y] Париж?*

1.2.3. Сочинительные СинтО

В принятой системе синтаксических отношений сочинительные отношения принципиально не отличаются от подчинительных — и

те и другие направлены, связывают главный член конструкции с зависимым.

1.2.3.1. Сочинительное Синто (сочин)

Члены сочинительной конструкции (не однородные предложения!) соединяются слева направо: *гуляли [X1], купались [Y1, X2], собирали [Y2] грибы*. В случае союзного сочинения в качестве Y выступает сочинительный союз: *собираем грибы [X] и [Y] ягоды* (второй из однородных членов — *ягоды* — подчиняется здесь союзу *и* по сочинительно-союзному Синто, см. ниже п. 1.2.3.3).

Примечание. Члены сочинительной конструкции (S, A или V, реже ADV) обычно морфологически согласованы (*Нет грибов и ягод; полезные и интересные книги; Ловлю рыбу и собираю грибы, Левее и правее мы увидели то-то и то-то*), за редкими исключениями типа *Кто, куда и зачем пошел* (так называемая семантическая однородность в смысле [Санников 1989]). Эта особенность отличает данную конструкцию от сочинения предложений, где подобного согласования нет (*Я ловлю рыбу, а он собирает грибы*): сочинение предложений описывается сентенциально-сочинительным отношением (см. ниже п. 1.2.3.2).

1.2.3.2. Сентенциально-сочинительное Синто (сент-соч)

X — вершина первого из однородных предложений, Y — вершина второго предложения или же сочинительный союз: *Мчатся [X] тучи, вьются [Y] тучи...; Они не придут [X], и [Y] мы останемся одни; Если [X] они не придут и [Y] если мы останемся одни, может случиться беда; Если они не придут [X] и [Y] мы останемся одни, может случиться беда*.

1.2.3.3. Сочинительно-союзное Синто (соч-союзн)

X — сочинительный союз, Y — вершина второго из однородных членов или предложений: *собираем грибы и [X] ягоды [Y]; усталые, но [X] довольные [Y]; Они не придут, и [X] мы останемся [Y] одни*.

1.2.3.4. Коммуникативно-сочинительное Синто (ком-сочин)

Соединяет элементы предложения, между которыми существует одновременно как сочинительная, так и подчинительная связь (на-

пример, обстоятельственная или определительная): *Он пришел [X], но [Y] поздно; Люблю кашу [X], но [Y] только манную*.

1.2.3.5. Кратное Синто (кратн)

Главный член кратной конструкции — существительное, прилагательное, числительное или глагол, а зависимый член либо а) оформлен так же, как главный, и отделен от него дефисом, тире или наклонной чертой (*счет 3 [X]: 4 [Y]; годен [X] — негоден [Y]; обязательные [X] / факультативные [Y] позиции*) либо б) вводится предлогом *на* или *к* (*размером 10 [X] на [Y] 15*).

1.2.4. Служебные Синто

Служебные Синто связывают два элемента, синтаксически тесно связанные друг с другом. Часто члены таких конструкций — фактически части одного сложного слова.

1.2.4.1. Аналитическое Синто (аналит)

X и Y — элементы аналитических глагольных форм, или так называемого составного глагольного сказуемого. Они оформляют сложное будущее время (*Будем [X] продолжать [Y] работу*) или сослагательное наклонение (*Я бы [Y] поспал [X]; Уехать [X] бы [Y] куда-нибудь*).

Примечания

1. Аналитические формы сравнительной или превосходной степени прилагательных и причастий представляются с помощью определительного (*самый ^{опред} интересный*), ограничительного (*более ^{огранич} интересный*) или сравнительного Синто (*интереснее ^{сравнил} всего (всех)*).

2. Аналитические формы страдательного залога представляются с помощью пассивно-аналитического Синто, см. следующий пункт.

1.2.4.2. Пассивно-аналитическое Синто (пасс-анал)

Связывает глагол-связку *быть* со страдательным причастием, формируя аналитический страдательный залог: *Работа была (будет) [X] продолжена [Y]; Лучшие быть [X] исключенным [Y] из института, чем сносить такие оскорбления; Будучи [X] отвергнутым*

[Y], он не находил себе места. Ср. также *Всю жизнь он был [X] ненавидим [Y] черню.*

1.2.4.3. Вспомогательное СинтО (вспом)

X и Y — части образующих синтаксическое и смысловое единство словосочетаний *слева [X] направо [Y]; само [X] собой [Y]; сам [Y] себя [X]; да [Y] здравствует [X]; друг [Y] за другом [X].*

Примечание. С помощью вспомогательного СинтО описываются имена людей, содержащих инициалы (*А. [Y] Пушкин [X], Александр [X] С. [Y] Пушкин*). Полные составные имена людей представляются с помощью аппозитивного СинтО (см. выше п. 1.2.2.3.1).

1.2.4.4. Количественно-вспомогательное СинтО (колич-вспом)

Последовательно, справа налево связывает части составного числительного или составного порядкового прилагательного: X — правый элемент пары, Y — левый; ср. *триста [Y2] сорок [X2, Y1] две [X1] книги; триста [Y2] сорок [X2, Y1] вторая [X1] книга.*

Примечание. Не следует путать количественно-вспомогательное СинтО с аддитивным (см. выше п. 1.2.2.4.6), в котором связь направлена слева направо и которое характеризует конструкции существенно другой природы.

1.2.4.5. Соотносительное СинтО (соотнос)

Связывает части разрывных парных союзов, предлогов и частиц. Обычно связь идет от первого (левого элемента) ко второму: *Если [X] всё так, то [Y] почему ты не вмешался?; Поезд идет туда от [X] пяти до [Y] шести часов.* Однако в случае парных сочинительных союзов связь идет в обратном направлении, справа налево — поскольку одиночный сочинительный союз всегда располагается между однородными членами: *Нет ни [Y] книг, ^{сочин}→ ни [X] ^{соч-союзн}→ газет; Или (либо) [Y] эта проклятая кобыла, ^{сочин}→ или (либо) [X] ^{соч-союзн}→ я!*

Примечание. С помощью соотносительного СинтО представляется и конструкция типа *что касается X, то Y; что до X, то Y; Что [X] касается меня, то [Y] я приду.*

1.2.4.6. Эксплетивное СинтО (эксплет)

X — указательные местоимения — «прокладки» типа *то, тот, Y* — подчинительный союз или вершина предложения, их «расшифровывающего»: *предчувствие того [X], что [Y] дело кончится плохо; с того [X] дня, как [Y] он уехал; То [X], зачем она уехала [Y], до сих пор остается загадкой.*

1.2.4.7. Пролептическое СинтО (пролепт)

Соединяет слово X, семантически неполнозначное, но занимающее полноценную позицию в предложении (например, позицию подлежащего), со словом или группой слов Y, вынесенным вонне: *Школа [Y] — это [X] наш дом; Школа [Y] — вот [X] наш дом; Трудности [Y] в работе — это [X] дело обычное; Сомнения [Y], они [X] должны быть.* Подробнее о пролептических конструкциях см. раздел 1.3.3 ниже.

1.2.4.8. Эллиптическое СинтО (эллипт)

Служебное отношение, предназначенное для формального соединения частей синтаксически несвязного предложения.

1.3. Чередования в синтаксисе (к проблеме альтернологии)⁴

1.3.1. Вводные замечания

В начале 80-х годов в работах [Санников 1980б, 1981а] была предпринята попытка распространить на синтаксис существующее в фонетике и морфологии понятие чередования. Эти статьи остались незамеченными. Однако прошедшие десятилетия убеждали не только в теоретической оправданности развиваемого подхода, но и целесообразности применения его в системах автоматической обработки русских текстов. Более того, такой подход был применен, правда, не в полном объеме, в системе ЭТАП, которая разрабатывалась во ВНИИ «Информэлектро», а затем в Институте проблем передачи информации РАН.

⁴ Текст этого раздела был ранее опубликован в [Санников 1980б].

1.3.2. «Основные» и «дополнительные» синтаксические средства

В русском синтаксисе используются следующие типы средств выражения: морфологические характеристики, или грамемы; служебные слова; порядок слов; интонация (в письменной речи — знаки препинания).

Граемы, сопровождающие ту или иную лексему, образуют цепочку граммем. Так, лексемы существительных сопровождаются цепочками граммем — *им,ед* (= именительный падеж, единственное число); *род,ед*; ...; *им,мн* ... и т. д.

Средством выражения синтаксической функции подлежащего в русском языке являются, например, цепочки граммем, включающие грамему «именительный падеж»: *Дождь [им,ед] будет*. Известно, однако, что в определенных синтаксических условиях подлежащее может оформляться также и другими падежами, в частности, родительным: *Дождя [род,ед] не будет*.

Одно из перечисленных средств выражения функции подлежащего можно считать «главным», «основным» (это, бесспорно, цепочка граммем, включающая именительный падеж), другое — «второстепенным», «дополнительным» (цепочка *род,ед*).

Деление синтаксических средств (в частности, цепочек граммем) на основные и дополнительные интуитивно оправдано и согласуется с лингвистической традицией — ср. нередкие в работах по русскому синтаксису формулировки типа: «Имя существительное в именительном падеже является наиболее типичной формой выражения подлежащего» [Грамматика 1960: 368]; ср. также существующую лексикографическую практику, где переходные глаголы снабжаются указанием на сочетаемость с винительным падежом (напр.: ИМЕТЬ *кого-что*), но не указывается возможный в случае отрицания род. падеж (ср. *Не имеет денег*). Однако четкого осознания принципов этого разделения, а также описания способов их формального представления в русистике нет.

В синтаксическом описании дополнительные цепочки граммем естественно получать из основных с помощью особых правил, которые могут быть названы правилами синтаксических преобразований, модификациями и т. д. Однако необходимости во введении нового термина, видимо, нет, поскольку сходные явления (относящиеся к другим языковым уровням — фонологии и морфологии) давно известны в лингвистике под термином «чередование».

Ниже будут рассмотрены некоторые черты сходства и различия между изучаемыми синтаксическими явлениями и явлениями морфологическими.

1.3.3. Чередования в морфологии и синтаксисе

Естественно возникает вопрос, являются ли чередования «индивидуальной особенностью» низших уровней (фонологического и морфологического) или же они присущи и другим уровням языка, в частности, синтаксическому. Нам кажется, что правильно второе. Рассмотрение русского синтаксиса позволяет выделить большую совокупность явлений, которые близки по своей природе чередованиям в фонологии и морфологии.

Сравним два ряда примеров — (1) и (2):

- (1) а. *молод-ой* [морфа *молод*].
б. *молож-е* [морфа *молож*].
- (2) а. *Доклад имел успех* [УСПЕХ,вин,ед].
б. *Доклад не имел успеха* [УСПЕХ,род,ед].

Известно, что в (1) мы имеем дело с одной морфемой {МОЛОД}, которая представлена двумя морфами, или алломорфами, — *молод* и *молож*. Одна из них (это, бесспорно, морфа *молод*) является основной, «представляющей» (именно она должна быть помещена в словарь), а вторая является результатом применения правила ⟨д⟩/⟨ж⟩, которое называется морфемным, или морфонологическим, поскольку это — операция над фонемным составом морф в зависимости от тех или иных фонологических или морфологических условий (в нашем примере — от того, какая морфа сравнительной степени (*е* или *ее*) следует за основой, ср.: *молодой* — *молож-е*, но: *седой* — *сед-ее*).

Очевидно, в (2) мы имеем дело с аналогичным явлением, хотя и относящимся к другому уровню. Здесь в (2а) и (2б) представлена одна и та же функция (так называемое прямое дополнение), которую выполняют лексемы, отличающиеся одной из морфологических характеристик — грамемой падежа: в (2а) это винительный, в (2б) — родительный. Одна из цепочек граммем (это, бесспорно, цепочка «вин,ед») может рассматриваться как основная, «типичная», «представляющая» для данной синтаксической функции, а другая («род,ед») может рассматриваться как результат применения к цепочке «вин,ед» правила «вин.падеж» ⇒ «род.падеж». По аналогии с

морфологическими правилами данное правило и правила, ему подобные, мы предлагаем называть правилами синтаксического чередования, поскольку это — операция над морфологической характеристикой синтаксической единицы в зависимости от некоторых условий (в нашем примере — в зависимости от наличия при глаголе отрицания НЕ).

Итак, по нашему мнению, не только в морфологии, но и в синтаксисе наблюдается явление чередования: преобразование единиц в единицы того же уровня — в зависимости от контекстных условий.

Приведем еще несколько примеров русских синтаксических чередований.

1.3.4. Примеры синтаксических чередований. Чередования «комбинаторные» и «исторические»

Как известно, сказуемое согласуется с подлежащим в числе и иногда в роде. Однако в ряде случаев это согласование нарушается.

Пример нарушения согласования по роду:

Начальство [ср] / *едет пьяненький* [муж] / *в казенной машине* / *и в дамской компанийке* (В. Маяковский).

Нарушение согласования по числу наблюдается, во-первых, в случае, если подлежащее — лексема типа РЯД, БОЛЬШИНСТВО, ЧАСТЬ, ТРЕТЬ... Ср.:

На заводе произошел [ед,муж] *ряд* [ед,муж] *аварий*, но:
Ряд [ед,муж] *сотрудников выступили* [мн] (не **выступил!*) *в прениях*.

Сюда относятся и не вполне нормативные примеры типа:

Пролетели [мн], *улетели* [мн]
Стая [ед] *легких времией* (В. Хлебников).

Это наблюдается, далее, в случае, если подлежащее входит в комитативную или в сочинительную конструкцию — бессоюзную или включающую соединительный союз. Ср.

Маша [ед,жен] *обижена* [ед], но: *Маша* [ед,жен] *и Сеня обижены* [мн]; *Маша* [ед,жен] *с Сеней обижены* [мн].

Интересно, что данное чередование имеет место и в некоторых других конструкциях, в частности:

а) в так называемых копредикативных конструкциях, ср.: *Маша* [жен,ед] *вернется усталой* [жен,ед], *Сеня* [муж,ед] *вернется усталым* [муж,ед], но: *Маша* [жен,ед] *и Сеня вернутся усталыми* [мн]; *Маша* [жен,ед] *с Сеней вернутся усталыми* [мн];

б) в конструкциях с так называемым косвенным дополнением, требующим согласования актантов, ср.: *Я считаю Машу* [жен,ед] *умной* [жен,ед]; *Я считаю Сеню* [муж,ед] *умным* [муж,ед], но: *Я считаю Машу* [жен,ед] *и Сеню* [муж,ед] *умными* [мн];

в) в некоторых предложных конструкциях, ср.: *Матрос* [ед] *за матросом поднимались* [мн] *на борт*.

Таким образом, чередование *ед* ⇒ *мн* (как и многие другие чередования) можно использовать как общее правило, имеющее силу для нескольких конструкций.

Чередование *ед* ⇒ *мн*, обусловленное лексическими свойствами существительного (вхождение в ряд БОЛЬШИНСТВО, ЧАСТЬ, ТРЕТЬ...) или синтаксическим окружением (вхождение этого существительного в комитативную или сочинительную конструкцию), — пример того, что в морфологии называют «регулярными», «системно обусловленными», «комбинаторными» чередованиями (в морфологии это чередования типа ⟨в⟩/⟨в'⟩: *здоровый* / *здоровее*).

Известно, что в морфологии бывает и второй тип чередований — чередования «традиционные» (или «исторические»), «не обусловленные причинно данным состоянием языка», такие, «причины которых не даны в синхронии языка, а скрыты в его истории» [Реформатский 1955: 108—109], ср., например, чередования ⟨в⟩/⟨вл'⟩ (*дешевый* / *дешевле*: не: *дешевее*), ⟨ск⟩/⟨щ⟩ (*искать* / *ищут*) и т. д.

В синтаксисе к числу «исторических» могут быть отнесены чередования в количественных конструкциях. Основным, типичным синтаксическим средством выражения количественного отношения является согласование числительного с существительным в числе, падеже и (для нескольких числительных) в роде и одушевленности, ср.: *одна копейка — один рубль — одного рубля — одному рублю...*; *двух (пяти, пятидесяти) рублей — двум (пяти, пятидесяти) рублям...*

Однако в определенных синтаксических условиях согласование существительного и числительного нарушается, и происходят следующие чередования граммем:

им,мн ⇒ род,ед Ср.: *Стоят столы* [им,мн], но:
Стоят два (три, четыре) стола [род,ед].
вин,мн ⇒ род,ед Ср.: *Вижу столы* [вин,мн], но:
Вижу два (три, четыре) стола [род,ед].

- им,мн \Rightarrow род,мн Ср.: *Стоят столы* [им,мн], но:
Стоят пять столов [род,мн].
- вин,мн \Rightarrow род,мн Ср.: *Вижу столы* [вин,мн], но:
Вижу пять столов [род,мн].
- дат \Rightarrow род Ср.: *к пяти рублям* [дат], *по 21 рублю* [дат], но:
получили по пяти рублей [=род.] (не **рублям*⁵).
- мн \Rightarrow ед Ср.: *к двадцати бойцам* [мн], *с 30 бойцами* [мн], но:
к двадцати одному бойцу [ед], *с 31 бойцом* [ед].

Чередования *им,мн \Rightarrow род,ед* и *вин,мн \Rightarrow род,ед* объясняются в конструкциях с числительным ДВА утратой двойственного числа, в результате чего форма *стола* (именительный-винительный двойственного числа) переосмыслилась как форма род. падежа ед. числа и согласование с числительным (когда-то имевшее место в этих случаях!) нарушилось. Труднее объяснить это чередование в конструкциях с числительными ТРИ, ЧЕТЫРЕ. В. В. Виноградов [1947: 238] вслед за А. А. Шахматовым [1941] видит здесь «грамматические идиомы, неразложимые грамматические обороты».

Чередования *им,мн \Rightarrow род,мн*; *вин,мн \Rightarrow род,мн*; *дат \Rightarrow род* — реликты эпохи, когда слова ПЯТЬ, ШЕСТЬ, ДЕСЯТЬ и т. п. были еще счетными существительными, подобными существительным ПЯТОК, ШЕСТЕРКА, ДЕСЯТОК... и не согласовывались с существительным, а управляли существительным в форме родительного падежа (*Купил десять яиц* [род] — как *десяток яиц* [род]).

Не все приведенные выше примеры синтаксических чередований могут показаться убедительными.

Ясно, однако, что речь здесь может идти не о сомнительности наших примеров, а лишь о наличии других интерпретаций. Некоторые из них более привычны, чем наша, но это не значит, что содержательно они более оправданы.

Так, не слишком удачной представляется широко распространенная точка зрения, согласно которой числительное в форме именительного или винительного падежа управляет существительным в родительном падеже (*Стоят два \rightarrow стола*). Во-первых, этимологически здесь не управление, а согласование числительного с существительным в форме именительного (или винительного) падежа двойственного числа, которая лишь «по внешнему облику» совпала с формой родительного падежа, да и то не всегда, ср.: *два (три, четыре) ряда (часá, шагá)* при родительном (*нет ряда, часа, шага*; см. [Виногра-

⁵ Об этой конструкции см. [Виноградов 1947: 239].

дов 1972: 244—245], [Зализняк 1967: 47]. Во-вторых, при таком подходе следовало бы, видимо, признать, что в сочетаниях типа *два стола* числительное управляет не только падежом, но и числом существительного. На странность такого управления справедливо указывали еще А. М. Пешковский [1956: 438] и А. А. Шахматов [1941]. О едином характере синтаксических отношений внутри групп Num + S в именительном/винительном и косвенном падежах убедительно писал И. А. Мельчук [1985].

1.3.5. Чередования в морфологии и синтаксисе: различия между ними

Известно, что в морфологии, кроме *незначащих* чередований (типа *рук-а — рук'-е*), выделяются чередования так называемые *значащие*, ср. глагольные пары *со-бир-а-ть* и *со-бр-а-ть*, *избеж-а-л* и *избеж-а-л*, где чередования в основе указывают на вид глагола.

Видимо, в синтаксисе также можно выделять чередования *значащие* и *незначащие*. Примеры *незначащих* чередований приводились выше. Примером *значащих* чередований являются в синтаксисе фразы типа *Сторож не был на работе / Сторожа не было на работе; Пришли десять человек / Пришло десять человек*, которые «не вполне синонимичны: они различаются референтностью/нереферентностью, определенностью/неопределенностью группы подлежащего и т. д.» [Иомдин 1990].

Значащих чередований в русском синтаксисе много. Можно даже высказать предположение, что в отношении чередований существенное различие между морфологией и синтаксисом заключается, в частности, в том, что в русской морфологии *значащие* чередования имеют меньший удельный вес, чем *незначащие*, а в синтаксисе они распространены столь же (если не более) широко, как и *незначащие* чередования.

В синтаксисе чередование обычно связано с приращением синтаксического контекста, обычно альтернант — дополнительная цепочка грамем, получаемая из основной с помощью того или иного чередования, используется в случае усложнения синтаксической структуры. Ср.: *Имею выговор* [вин,ед] \Rightarrow *Не имею выговора* [род,ед]; *Вижу деревья* [вин,мн] \Rightarrow *Вижу пять деревьев* [род,мн].

В морфологии чередование также может быть связано с приращением контекста (ср. чередование <к>/<ч> в случае появления суффикса -к-: *рук-а/руч-к-а*), однако зачастую в морфологии никакого

приращения морфологического контекста нет (ср. чередование <к>/<к'> в случаях типа *рук-а/рук'-и*).

Поэтому само разделение единиц на «основные» и «дополнительные» в синтаксисе более содержательно оправданно и более определено, чем подобное разделение в морфологии, где оно связано иногда со значительными трудностями. Какая морфа является основной — *рук* (*рук-а, рук-у, рук-ой, ...*) или *рук'* (*рук'-и, рук'-е, ...*); *им'* (*им'-я, имен* (*имен-а, имен-ами, ...*) или *имен'* (*имен'-и, имен'-ем, ...*)? Поэтому определить направление чередования в морфологии гораздо труднее, чем в синтаксисе.

В синтаксисе бросается в глаза многоступенчатость преобразований во фразе, включающей чередующуюся единицу. Так, чередование *мн* ⇒ *ед* в цепочке граммем существительного КНИГА: *Вижу книги* [мн], но: *Вижу 21 книгу* [ед] — вызывает целую цепь чередований в словах, зависимых от этого существительного: *Вижу 21 новую* [ед], *интересную* [ед], *прекрасно изданную* [ед] *книгу* [ед].

В особом рассмотрении нуждается сопоставление продуктивности морфологических и синтаксических чередований.

Как известно, морфологические чередования в общем случае имеют силу для многих морф. Так, чередование беглой гласной с нулем (*сон* — *сна, станок* — *станка*) применимо к сотням, если не к тысячам, — основ.

Синтаксические чередования производят во многих случаях впечатление уникальных. Важно, однако, что продуктивность синтаксических чередований следует оценивать не столько по количеству цепочек граммем, к которым это чередование приложимо, сколько по количеству конструкций, в которых эти цепочки встречаются. Так, цепочки граммем существительных, подвергающихся чередованию *вин* ⇒ *род*, встречаются в целом ряде конструкций — комплетивных, длительных, обстоятельственных, предложных и др., ср.:

Купил $\xrightarrow{1\text{-компл}}$ *книгу* [вин], но: *Купил пять книг* [род].
Работал $\xrightarrow{\text{длит}}$ *месяц* [вин], но: *Работал пять месяцев* [род].
 $\xrightarrow{\text{обст}}$
Приходил один раз [вин], но: *Приходил пять раз* [род].
На предл \rightarrow *книгу* [вин], но: *На пять книг* [род].

Указанные различия между чередованиями в синтаксисе и чередованиями в морфологии (к ним, возможно, должны быть добавлены и некоторые другие) связаны с различиями в самой языковой материи и представляются менее существенными, чем отмеченные ранее

черты сходства между соответствующими синтаксическими и морфологическими явлениями.

Впрочем, не следует преувеличивать роль сопоставления интересующих нас синтаксических явлений с морфологическими явлениями: наличие чередований в морфологии не может расцениваться как доказательство наличия чередований в синтаксисе; и наоборот: даже в случае отсутствия в морфологии понятия чередования, это понятие все равно следовало бы ввести для синтаксиса. Если в работе сопоставлению морфологии и синтаксиса отводится значительное место, то делается это по двум причинам:

1) мы хотели пояснить новое синтаксическое понятие с помощью понятия, давно известного в морфологии;

2) подобное сопоставление позволяет сделать некоторые интересные, на наш взгляд, обобщения, касающиеся изоморфизма в языковых уровнях (ср. [Панов 1963]).

1.3.6. Какие из морфологических характеристик могут подвергаться чередованиям?

Известно, что словоизменительные характеристики делятся на два типа: «синтаксические» и «несинтаксические» [Пешковский 1956: 31].

«К первым относятся род, число и падеж прилагательного, падеж существительного и число, род и лицо глагола. Род, число и падеж прилагательного, например, не передают никакой самостоятельной семантической информации, а значат лишь то, что данное прилагательное синтаксически зависит от существительного с теми же значениями категории рода, числа и падежа.

Ко вторым относятся число существительного, время, вид, залог и наклонение глагола, степени сравнения прилагательного. Значение этих категорий определяется тем, какой смысл необходимо выразить, и не зависит от синтаксического контекста, в котором выступает данное слово» [Апресян, Иомдин, Перцов 1978: 271]. Следует заметить при этом, что в случае эллипсиса, как и во многих других случаях (подробнее см. [Иомдин 1990]) синтаксические обусловленные характеристики могут оказаться семантически значимыми. Именно этот факт имеет место в предложении *Я купил голубую рубашку, а он — розовую (розовые)*, где обычно чисто согласовательная характеристика числа прилагательного *розовый* приобретает семантическое содержание и несет информацию о количестве купленных рубашек. Синтаксическим чередованиям, естественно, подвергаются

в первую очередь синтаксически обусловленные, но не семантически содержательные характеристики. Исключение составляют те немногочисленные случаи, когда происходит процесс, обратный только что указанному: семантически содержательные словоизменительные характеристики «десемантизуются», становятся чисто синтаксическими (об этих случаях также см. в [Иомдин 1990]). Оказалось, что такие «десемантизованные» характеристики также могут подвергаться чередованиям. Так, число существительного (обычно семантическая информация!) становится в ряде случаев чисто согласовательным и допускает чередование множественного числа с единственным. Это происходит, в частности:

а) при наличии однородных определений, ср.: *У него есть как мобильный, так и стационарный телефон* [ед] / *телефоны* [мн];

б) в количественных конструкциях, ср.: *пять мальчиков* [мн], но: *четыре мальчика* [ед]; *к 20 девочкам* [мн], но: *к 21 девочке* [ед].

Вероятно, следовало бы расширить понятие, допустив возможность чередования в синтаксисе не только морфологических характеристик, но и некоторых классифицирующих (словарных) признаков лексем, таких как одушевленность/неодушевленность существительных.

Так, отмеченные Е. В. Урысон [1981, 1982] аппозитивные конструкции типа *Вижу человека-ящика* (не: **человека-ящик!*) можно интерпретировать как результат замены словарного признака «неодушевленность» у лексемы ЯЩИК признаком «одушевленность».

С обратным случаем мы имеем дело в аппозитивных конструкциях типа *Вижу город-герой* (не: **город-героя*), которые можно рассматривать как результат чередования *одуш* ⇒ *неодуш*.

Сложные случаи, давно привлекавшие внимание исследователей (см., например, [Зализняк 1967: 50—52]), типа *пойти в солдаты; зачислить в преподаватели; «Не рвусь я грудью в капитаны и не ползу в ассессора»* (А. С. Пушкин; пример заимствован из работы [Кузнецов 1959: 106]), также можно интерпретировать как конструкции с вин. падежом одушевленного существительного, претерпевшего в определенных синтаксических условиях чередование *одуш* ⇒ *неодуш*. Эта интерпретация представляется достаточно естественной и этимологически оправданной: как известно, конструкция *пойти в солдаты* — реликт той эпохи, когда русские существительные не имели категории одушевленности.

Описанные случаи мены классифицирующих признаков лексем происходят в зависимости от синтаксических условий (таких, например, как вхождение в аппозитивную конструкцию), и не исключено, что они могут интерпретироваться как синтаксические чередования.

1.3.7. Альтернология и понятия «управление» и «согласование»

Выделение учения о чередованиях — альтернологии — позволяет предложить более четкую лингвистическую интерпретацию некоторых синтаксических явлений, сложным образом «переплетающихся» с явлениями управления и согласования и «затемняющих» эти явления. Тем самым уточняются и сами понятия управления и согласования. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Фраза *Имею выговор*, бесспорно, удовлетворяет всем критериям управления (см. о них главу 3 настоящей книги): глагольная лексема ИМЕТЬ имеет семантическую валентность объекта; эта валентность насыщается лексемой ВЫГОВОР, имеющей определенное морфологическое оформление — «винительный падеж»; выбор этого морфологического оформления определяется лексическими свойствами управляющего слова — глагола ИМЕТЬ.

Если же взять фразу *Не имею выговора*, то она удовлетворяет, видимо, не всем критериям управления, а именно: морфологическое оформление зависимого слова («родительный падеж») формально не определяется лексическими свойствами главного слова — глагола ИМЕТЬ (и не предусмотрено моделью управления этого глагола). При существующем подходе статус этого явления остается не совсем ясным.

Еще сложнее обстоит дело с понятием согласования. В русских грамматиках отмечается: «Согласованием обычно называется такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен — также падежа, для глаголов — лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому» [Грамматика 1960: 22].

Однако тщательное изучение согласования в русском языке выявляет множество фактов, не укладывающихся в имеющиеся определения. «В более сложных случаях происходит не уподобление, а соотнесение формы главного и зависимого компонентов» [Белашапова 1977: 32]. Описание большого числа подобных случаев содержится в [Иомдин 1990]. Так, если в словосочетании *к двум толстым книгам* мы, бесспорно, имеем дело с согласованием — числительного с существительным (в падеже) и прилагательного с существительным (в числе и падеже), то можно ли говорить о согласовании во фразе *Вижу две большие сосны?* Ведь здесь существительное

имеет форму родительного падежа, а «согласующееся» с ним числительное и прилагательное — форму винительного падежа; существительное имеет форму единственного числа, а «согласующееся» с ним прилагательное — форму множественного числа. Л. Л. Иомдин отмечает, что «иной раз соответствие морфологических и синтаксических характеристик бывает настолько запутанным, что от согласования в узком смысле этого слова — совпадения значений одноименных грамматических категорий согласуемых слов — не остается и следа» [Иомдин 1990].

По нашему мнению, «искажение», «затемнение» природы управления и согласования объясняется неоправданным включением в их сферу явлений другой природы — альтернативных явлений. Выведа эти явления в автономную область синтаксиса, мы тем самым не только определяем их лингвистический статус, но и «очищаем» понятия управления и согласования от явлений, искажающих (иногда «до неузнаваемости») их природу. В результате эти понятия получают достаточно точный и ясный смысл.

Согласование — это грамматический способ выражения того или иного синтаксического отношения, заключающийся в уподоблении морфологических характеристик согласуемой лексемы морфологическим характеристикам согласующей лексемы и/или ее классифицирующим признакам. Так, в словосочетании *большую реку* способом выражения определительного отношения является согласование, заключающееся в уподоблении морфологических характеристик прилагательного: а) классифицирующему признаку существительного («жен. род») и б) морфологическим характеристикам существительного, обусловленным синтаксически («вин. падеж») или семантически («ед. число»).

В понимании управления мы присоединяемся к Ю. Д. Апресяну (см. главу 3 настоящей книги).

Отступления от этого понимания управления и согласования — отдельная область синтаксиса, часть общей альтернологии.

1.3.8. Об отображении синтаксических чередований в формальных моделях русского языка

Учет синтаксических чередований в действующих моделях языка способствовал бы большей адекватности и экономичности этих моделей.

В данном разделе изложение будет вестись в терминах системы ЭТАП. Приводимые соображения в равной мере касаются и анализа, и синтеза. Для удобства изложения мы ориентируемся на синтез.

В первой версии системы ЭТАП не только синтаксические, но и морфологические чередования не учитывались.

В **морфологии** чередующиеся основы рассматривались как «равноправные», не выводимые одна из другой (т. е. примерно так, как рассматриваются супплетивные морфы типа *человек — люди*). Так, представление прилагательного **КРЕПКИЙ** включало три морфологических статьи: *крепок, крепч и крепк*. Естественно, парадигма этого прилагательного также делилась на три части: 1) форма *кр, муж*; 2) формы сравнит. и прев. степени; 3) остальные формы. Учет чередований позволил объединить три статьи в одну и сделать это громоздкое описание предельно экономным и более содержательно оправданным:

КРЕПКИЙ осн:креп(ок|ч|к) чер:6|11 т:217

(Блок осн задает три чередующихся основы; блок чер указывает на их распределение: *крепок* — *кр, муж*, *крепч* — формы сравнит. и прев. степени; *крепк* — остальные формы; *трафарет* — т:217 «отвлекается» от чередований и задает парадигму прилагательного, общую со многими другими прилагательными, в том числе и не имеющими чередований в основе.)

В **синтаксисе** переход от фрагмента русской поверхностно-синтаксической структуры (ПСС) — одной ветви дерева зависимостей — к фрагменту глубинно-морфологического представления (ГМП), т. е. к паре лексем, снабженных всеми морфологическими характеристиками, происходил первоначально с помощью специальных правил также без учета чередований, в один шаг; это — один этап, и, естественно, этап чрезвычайно сложный и громоздкий. В дальнейшем было признано целесообразным осуществлять переход от ПСС к ГМП фразы в два этапа. На первом этапе по общим (достаточно простым) правилам вырабатываются основные характеристики лексем, на втором — они корректируются (разумеется, только при необходимости произвести те или иные чередования).

Пример — синтез «каверзной» фразы *Возьмем два новых журнала* (см. Апресян и др. 1989: 203—204).

На первом этапе с помощью простых правил каждой лексеме приписывается «основная», «дежурная» характеристика. После завершения этого этапа представление фразы имеет следующий вид:

ВЗЯТЬ, изъяв, непрощ, 1-л, мн + ДВА, муж, вин + НОВЫЙ, вин, мн + ЖУРНАЛ, вин, мн.

На следующем этапе результат работы первого этапа корректируется с помощью правил синтаксических чередований. Эта корректировка коснется двух лексем:

НОВЫЙ, вин, мн (*новые*) → НОВЫЙ, род, мн (*новых*)
 ЖУРНАЛ, вин, мн (*журналы*) → ЖУРНАЛ, род, ед (*журнала*)

Что касается «простых» фраз типа *Возьмем один новый журнал* или *Анализ двух новых журналов*, то эти фразы уже на первом этапе получают правильное синтаксическое представление и не нуждаются в преобразованиях. (Напомним, что при подходе, принятом ранее, эти «простые» фразы должны «прогоняться» через ту же совокупность сложных правил, что и «каверзные» фразы.)

В целом применение чередований в действующих моделях языка (выбор одного из способов выражения той или иной синтаксической функции в качестве основного, с дальнейшей особой обработкой редких отступлений, или «каверзных случаев») способствует содержательной адекватности модели, «прозрачности» ее структуры и эффективности ее работы. Использование понятия чередования в морфологии и синтаксисе представляется полезным техническим сокращением — даже независимо от содержательной лингвистической стороны дела.

1.3.9. О соотношении понятий «чередование», «морфонология», «синтморфонология»

Понятие чередования сложным образом соотносится с понятием **морфонологии**. Морфонология в современной лингвистике понимается по-разному. Согласно широкому пониманию, морфонология изучает фонологическую структуру любых морфем, согласно узкому — структуру лишь тех морфем, которые характеризуются чередованием составляющих их единиц (при этом, по сути дела, ставится знак равенства между понятиями чередования и морфонологии). Но наибольшее распространение получило в русистике еще более узкое понимание сущности морфонологии как «связующего звена» [Трубецкой 1967: 116] между двумя смежными уровнями языка — фонологией и морфологией. Так, перед морфой сравнительной степени *-е*

(но не перед морфой *-ее!*) фонемный состав некоторых основ корректируется правилами чередований. Например: ⟨т⟩/⟨ч⟩ (*крутой* — *круче*, но не: *святой-святч-ее*) и т. п.

При этом учитывались лишь чередования фонем, обусловленные **морфологически**, единицами более высокого уровня (отсюда и само название — морфонология). Между тем, давно известно, что чередования фонем могут быть обусловлены фонологически, единицами того же уровня, ср. чередование заднеязычных, напр. ⟨к⟩/⟨к'⟩ в некоторых (чисто фонологических!) условиях: *рука/рук'е*, *рук'и* и т. п. Трудно также квалифицировать как морфологические чередования беглых гласных. Они обусловлены не морфологически, а **фонологически** (наличием гласного непосредственно после основы): *сон*, но: *сна*, *снами*, и **лексически**. Ср.: лексему *сон*, где это чередование есть (*сон* — *сна*, *снами*), и лексемы *тон*, *сом*, где в сходных фонологических и морфологических условиях его нет (*тон* — *тона*, *тонами*; *сом* — *сома*, *сомами*).

В первом варианте работы [Санников 1980б; 1981а] автор отдал дань общему увлечению морфонологией и попытался выделить сходный раздел («синтморфологию») для синтаксиса. Синтморфология понималась как автономный раздел синтаксиса, в задачу которого входит преобразование **морфологических** характеристик лексем в зависимости от **синтаксических** условий.

Поскольку и в морфологии, и в синтаксисе чередования могут быть обусловлены единицами не только соседнего (более высокого) уровня, но и единицами того же, своего уровня, а также и «несмежного» уровня, необходимость в терминах «морфонология» и «синтморфология» для нас перестала быть очевидной. Если их использовать, то необходимо понимать, что речь идет лишь об **одном из видов чередований** — о чередованиях, обусловленных единицами **соседнего** (более высокого) уровня.

1.3.10. О списке русских синтаксических чередований

Минимум синтаксических явлений, которые, по нашему мнению, должны быть отражены в русской альтернологии, мы зафиксировали в предварительном списке русских синтаксических чередований. Список, включающий 15 чередований (только незначущих), приводится в [Санников 1980б; 1981а], и мы отсылаем заинтересованного читателя к этим работам.

1.3.11. Краткие итоги

1. В одном отношении современное положение в синтаксисе напоминает то, которое существовало в морфологии в начале XIX в.: в синтаксис, как когда-то в морфологию, включается и «распыляется» в нем некоторая автономная область, аналогичная морфологическим чередованиям. Эту область синтаксиса мы предлагаем интерпретировать как синтаксические чередования.

Синтаксические чередования — это мена синтаксической единицы на единицу того же уровня, обусловленная либо единицами синтаксического уровня, либо единицами других уровней — в первую очередь лексического и поверхностно-семантического.

2. Тем самым следует говорить об общей теории чередований (альтернологии), изучающей мена той или иной языковой единицы на единицу того же уровня, обусловленную единицами того же или другого уровня (не обязательного смежного).

3. Введение понятия «чередование» в синтаксисе позволило бы:

— отделить в синтаксисе «основные» средства от «дополнительных», «регулярные» от «аномальных» и описать отношения между ними;

— очистить основополагающие понятия управления и согласования от явлений, искажающих их природу;

— дать более экономное представление синтаксических явлений в действующих моделях языка;

— проследить изоморфизм в разных языковых уровнях, в частности — в морфологии и в синтаксисе.

4. Возможно, развиваемый подход применим к описанию и формальному представлению не только русского, но и некоторых других языков.

Глава 2

КОНСТРУКЦИИ МАЛОГО СИНТАКСИСА

2.1. Конструкция типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография¹

2.1.1. Вводные замечания

Предметом настоящего исследования является небольшой класс конструкций малого синтаксиса², или микросинтаксиса (термин Л. Л. Иомдина), формируемых единицами типа *некого, нечего, негде* и т. п. Ср.

- (1а) *...Если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась ... Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться* (Ф. М. Достоевский),
- (1б) *Вам специально дана тема, которую неоткуда списать, да и не у кого* (И. Круппин),
- (1в) *У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть* (А. П. Чехов),
- (1г) *В землянке негде было повернуться* (В. Рождественский),
- (1д) *Некуда было деться от запаха* (Гончаров),
- (1е) *Стало быть... в деревню таскаться незачем* (Тургенев).

Такое исследование неизбежно затягивает в себя и связанные с ними утвердительные и вопросительные конструкции с так называемыми К-словами — *кого, что, где* и т. п.:

¹ Материал этого раздела представляет собой переработанную и дополненную статью [Апресян, Иомдин 1989].

² Под «малым синтаксисом» понимается совокупность периферийных фразеологизованных синтаксических конструкций, каждая из которых имеет по крайней мере одну фиксированную грамматическую форму или лексему. В современной английской грамматической терминологии этому соответствует понятие *minor type sentences*.

- (2а) *Себе шкаф сделать некогда, а пить есть на что* (Суханова),
 (2б) *И без вас есть кому меня бить* (Салтыков-Щедрин),
 (2в) *Нам, браток, иногда и у молодых есть чему поучиться* (Шолохов),
 (2г) *Трофеи, надо сказать, порядочные, есть о чем докладывать* (Симонов),
 (2д) *Если мне есть куда драпать, мне воевать спокойнее* (Злобин),
 (2е) *Есть разгуляться где на воле* (Лермонтов),
 (2ж) *Ну зачем было рекомендовать в этот дом?* (Герцен),
 (2з) *А что ему оставалось еще делать* (Домбровский).

Однако исходной точкой для нас послужил именно первый класс конструкций.

Он представляет весьма большой интерес, так как не имеет аналогов даже в близкородственных славянских языках³ и обладает рядом уникальных особенностей внутри русского языка. Этот класс конструкций издавна привлекал внимание лингвистов. Так или иначе он описывался во всех академических грамматиках и толковых словарях и породил довольно большую специальную литературу⁴. Однако удивительным образом некоторые фундаментальные свойства таких конструкций до сих пор не были замечены.

В сущности, фонд положительных сведений об этих конструкциях сводится к некоторому перечню свойств их главного элемента — так называемых отрицательных местоимений и наречий *некого*, *нечего*, *негде* и т. п. Эти сведения можно суммировать следующим образом.

1. Семантические сведения. В семантическую структуру единиц типа *некого* входит кванторный компонент 'не существует' и модальный компонент 'можно'; ср. толкования этих единиц в [Ожегов 1988]: *некого* = 'нет никого такого, кого бы'; *нечего* = 'нет ничего,

³ Исключение составляет украинский язык, в котором наряду с конструкциями *Немає чого читати* сохраняются синонимичные им конструкции *Нічого читати*. Подробнее см. [Потебня 1958: 410], а также [Мразек 1972], где дается исчерпывающий обзор синтаксических типов предложений с подобными единицами и их смысловых эквивалентов в различных славянских языках.

⁴ См. [Грамматика 1960, I: 404; II, ч. 2: 26]; [Грамматика 1970: 306, 309, 569, 591, 593]; [Грамматика 1980, I: 412, 539; II: 348, 347, 404]; [Ушаков 1934]; [Ожегов 1988]; [БАС]; [МАС]; [Holthusen 1953]; [Ломтев 1956]; [Галкина-Федорук 1958]; [Попов 1962]; [Mirowicz 1964]; [Исаченко 1965]; [Чернов 1966]; [Гвоздев 1968]; [Тулапина 1969]; [Георгиева 1971]; [Янко-Триницкая 1976]; [Garde 1976]; [Veyrenc 1979]; [Guiraud-Weber 1984]; [Rapport 1986].

что бы (можно было делать)'; *некуда* = 'нет такого места, куда бы можно было идти, поместить и т. п.'; *негде* = 'нет такого места (где можно делать, получить что-н.)'.

2. Синтаксические сведения. Все рассматриваемые единицы требуют при себе инфинитива, ср. *некому (было) помочь, мне некогда отдыхать*. При сочетании с (первообразными) предложениями единицы *некого* и *нечего* разрываются, и предлог вставляется внутрь: *не перед кем, не из-за чего* и т. д.

3. Морфологические сведения. Единицы *некого* и *нечего* имеют дефектные парадигмы: у обоих отсутствуют формы именительного падежа (*некто* и *нечто* — совершенно другие слова); кроме того, у *нечего* отсутствует и самостоятельный винительный падеж (так сказать, *нечто 2*) — он возможен только при предлоге, ср. *наказывать не за что* и *делать нечего* [Зализняк 1977: 66].

4. Просодические сведения. Все рассматриваемые единицы, в том числе и в тех случаях, когда они разрываются предлогом, имеют ударение на *не-*; тем самым остающаяся часть местоимения оказывается энклитикой.

5. Орфографические сведения. Во всех лексических единицах рассматриваемого класса компонент *не* пишется слитно, однако сочетания единиц *некого* и *нечего* с предлогами пишутся в три слова.

Мы видим, таким образом, что грамматики, специальные работы и словари содержат существенную информацию о лексических единицах типа *некого*. Однако, как будет ясно из дальнейшего, этой информации недостаточно ни для адекватного представления самих этих единиц, ни, тем более, для полного формального описания конструкций, в состав которых они входят. Такое описание потребует от нас дополнительного исследования языкового материала, а в ряде случаев — и ревизии решений, предлагаемых в традиционной русистике.

Наше изложение будет построено по следующему плану. В первой части мы рассмотрим лингвистическую природу единиц типа *некого* и покажем, что на самом деле большинство из них представляют собой не слова, а соединения слов, притом соединения, составные части которых непосредственно синтаксически не связаны друг с другом (п. 2.1.2). Этот вывод будет положен в основу нашего представления синтаксических структур, соответствующих конструкциям с единицами типа *некого* и с их утвердительным и вопросительным коррелятами (п. 2.1.3). Во второй части (п. 2.1.4) будут подробно рассмотрены синтаксические и лексико-семантические свойства каждой позиции, входящей в состав таких конструкций.

2.1.2. Лингвистическая природа местоимений типа некого

Во всех приведенных выше формулировках из грамматик, специальных работ и словарей предполагается, что единицы *некого*, *нечего*, *негде* и т. п. являются словами.

Об этом свидетельствует прежде всего их грамматическая трактовка, в частности тот факт, что им приписываются части речи. В академических грамматиках [Грамматика 1960, 1970, 1980], как, впрочем, и во всех вузовских и школьных учебниках, они отнесены к тому же классу отрицательных местоимений, что и слова *никто*, *ничто*, *нигде*, *никогда*, *никуда* и т. п.

В. В. Виноградов [1947: 318] включал их в число «бесприютных» местоимений, куда, кроме того, он относил также личные, отрицательные (*никто*, *ничто*), вопросительные и неопределенные местоимения.

В [Грамматика 1980], как и в ряде других работ (см., например, [Mirowicz 1964: 366]; [Veugenc 1979: 73]), элемент *не-* в составе наших единиц квалифицируется как префикс, из чего следует, что они рассматриваются как производные слова. Иногда *не-* называют не префиксом, а словообразовательной частицей, т. е. относят к тому же классу, что и частицы *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-*, на том основании, что здесь проявляется общее свойство словообразовательных частиц — менее тесная связь с основой, чем у префиксов и суффиксов; см. [Янко-Триницкая 1976: 88]; ср. также [Чернов 1966: 96]; [Rapport 1986: 3]. Однако и в таких формулировках речь идет о соединении словообразовательного элемента с основой, а не о соединении двух самостоятельных слов.

Наконец, единицы *некого*, *нечего*, *негде* и т. п. включаются на правах слов во все толковые словари русского языка.

Ниже мы оспорим эту трактовку и постараемся показать, что данные единицы являются скорее соединениями слов, чем словами. Чтобы исключить всякую предвзятость, рассмотрим их орфографические, просодические, морфологические, синтаксические и лексические свойства и учтем все возможные аргументы не только в пользу, но и против того, что они суть соединения слов. При этом мы будем использовать следующую терминологию и обозначения: отрицательный элемент *не-*, входящий в состав единиц типа *некого*, мы будем обозначать через *не²*, чтобы отличить его от отрицательной частицы *не¹*. Остающийся местоименный элемент мы будем называть, в соответствии с традицией, идущей от А. В. Исаченко,

К-словом, сами эти единицы — *не²*-единицами, а содержащие их конструкции и выражения — *не²*-конструкциями и *не²*-выражениями.

2.1.2.1. Орфографические свойства

Не²-единицы в большинстве случаев пишутся слитно, что, конечно, подталкивает к мысли об их однословности. Однако факту слитного написания нельзя придавать принципиального значения. Как известно, орфография — это вторичная система норм. Она лишь отчасти отражает законы языка. В «узких» местах становится очевидной ее другая сторона — зависимость от установок и даже вкусов нормализатора.

Одно из таких узких мест, где в полной мере проявляется условность и капризность орфографии, — это как раз правописание отрицательных слов. Соответствующие факты известны по материалам разных языков, в том числе русского. Напомним, что еще в XIX в. допускались значительные колебания в написании самих *не²*-единиц, ср., с одной стороны, формы *некчему* и *недлячего*, фиксируемые в словаре В. И. Даля (1881 г.), а с другой стороны, раздельное написание *не зачем* в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого: *Стало быть, не зачем говорить? Да, слава Богу, и нечего говорить, — сказала она себе.* Ср. также написание частиц *не* и *ни* в парах типа *не хватает — недостает; не факультативный — необязательный; (Нам было) не скучно — (Нам было) невесело; ни один — никакой* и т. п.⁵

2.1.2.2. Просодические свойства

Более серьезные свидетельства в пользу однословности *не²*-единиц можно извлечь из их просодических свойств. Мы знаем два таких свидетельства.

1. Местоименные слова (*кто*, *что* и т. д.) во всех рассматриваемых сочетаниях представляют собой энклитики, примыкающие к фразово ударному отрицательному элементу *не²*, и фонетически образуют с ним единое слово. Такого рода клитики и в других случаях обнаруживают тенденцию к слиянию в одно слово с предшествующим элементом. Ср., например, фразеологизованные предложно-

⁵ Ср. суждение О. П. Ермаковой (1969: 90) о единицах типа *никто*, *ничто*, *ничей* и т. п., восприятие которых как целых слов связано с «гипнозом орфографического изображения».

именные группы типа *во поле, за город, из лесу, на реку, по ветру, по воду, под руку* и т. п. У этих групп есть некоторые бесспорные свойства слов: именной элемент в их составе не может иметь определенных и других зависимых слов (**на эту реку, *за город в стети*), не может заменяться близкими по смыслу словами (**из бору*), не может менять падежной формы, даже если она при данном предлоге допускает (*из леса).

2. Произношение местоименных элементов *кто* и *что* в предложном падеже в отрицательных предложениях не вполне идентично их произношению в утвердительных и вопросительных предложениях. Сравним следующие тройки предложений:

- (3а) *Здесь не о чем спорить,*
 (3б) *Здесь есть о чем спорить,*
 (3в) *Здесь есть о чем спорить?;*
 (4а) *Вам не о ком заботиться,*
 (4б) *Вам есть о ком заботиться,*
 (4в) *Вам есть о ком заботиться?*

Легко заметить, что в предложениях (3а) и (4а) эти элементы произносятся с большей редуциацией гласного в К-слове, чем в предложениях (3б), (3в), (4б), (4в). В этих последних местоименный элемент может быть ударным, что совершенно исключено для (3а) и (4а). Иными словами, местоимения в отрицательных предложениях гораздо более клитичны, чем в утвердительных и вопросительных, т. е. обнаруживают тенденцию к слиянию в одно фонетическое слово с *не*².

Другие просодические свойства рассматриваемых единиц, наоборот, свидетельствуют в пользу их неоднословности. Главное из них состоит в том, что элемент *не*² в их составе почти всегда несет на себе главное фразовое ударение⁶. Ни в русском языке, ни в каких-либо других известных нам языках нельзя указать такой единицы, которая была бы бесспорной частью слова и при этом имела закрепленное за ней главное фразовое ударение.

⁶ Известны два исключения из этого правила (оба отмечены в (Грамматика 1980, II: 348)): а) экспрессивные варианты коммуникативно нерасчлененных предложений с препозицией инфинитива (*Там хорошо, но жить негде; Нам ночевать не у кого*); б) противопоставительные предложения с рематическим инфинитивом: *Нечего — пить (а еда есть)*. Впрочем, в последнем случае ударение на инфинитиве — не просто главное фразовое, а логическое (контрастное), которое поглощает фразовое. Об особом статусе противопоставительного отрицания см. [Богуславский 1985].

2.1.2.3. Морфологические и синтаксические свойства

Эти две группы свойств целесообразно рассмотреть вместе, поскольку они фактически тесно связаны друг с другом. Аргументация данного раздела будет построена как рассуждение от противного: мы примем на время традиционный взгляд на *не*²-единицы как на слова и покажем, что это ведет к трудно устранимым противоречиям.

Поставим сначала основной грамматический вопрос, возникающий первым по поводу любого слова: к каким частям речи относятся *не*²-единицы?⁷

У большинства грамматистов и лексикографов ответ на этот вопрос не вызывает особых затруднений. Единицы типа *негде, некуда, неоткуда*, явным образом лишенные словоизменения, легко квалифицируются как наречия. Что же касается двух оставшихся *не*²-единиц — *некого* и *нечего*, — то их как будто ничто не мешает считать существительными. Действительно, у этих единиц можно усматривать падежные парадигмы, пусть и неполные: *некого* — *некому* — *некого* — *некем*, *нечего* — *нечему* — *нечем* и т. д. Дефектность парадигм, как мы знаем, не является уникальным для русской морфологии свойством; даже факт отсутствия именительного падежа, помимо единиц *некого* и *нечего*, характеризует местоименное существительное *себя* и местоименные прилагательные *скольких, скольким, столько, столько, нескольким, нескольким* и т. п.

Если мы, однако, посмотрим на «существительные» *некого* и *нечего* чуть более внимательно, то сразу же обнаружим, что их поведение разительно отличается от поведения любых других русских существительных. В самом деле, эти слова ни при каких условиях не могут быть подлежащими, прямыми и косвенными дополнениями при личных глаголах⁸, не могут иметь определений и других по-

⁷ Местоимения мы не считаем самостоятельной частью речи, а распределяем между существительными (*я, он, некто, что-либо, ...*), прилагательными (*такой, тот, этот, какой-нибудь, ...*) и наречиями (*здесь, где, туда, как-то, ...*). Это соответствует и существу дела, и той грамматической традиции, которая ведет свое начало от Ф. Ф. Фортунатова, и решениям, принятым в [Грамматика 1970] и [Грамматика 1980].

⁸ Показателен следующий маленький эксперимент, поставленный авторами: мы попросили нескольких школьников, обычно хорошо справляющихся с подобными заданиями, просклонять слова *некого* и *нечего*. По привычке начиная склонять по шаблонам (*имеется ... некого?, боюсь ... некого?, дам ... некому?*), школьники чувствовали «ловушку» и заявляли, что эти слова не склоняются.

добных распространителей (предложно-именных атрибутов, при-словных придаточных и т. д.). Между тем слова *кто*, *что* и даже *никто*, *ничто*, которые, по классификации грамматик, принадлежат к тому же разряду отрицательных местоимений, что и *некого*, *нечего*, и являются, так сказать, их ближайшими грамматическими соседями, с легкостью выполняют все эти функции. Ср. *Кто пришел? — Никто не пришел; Кого вы видели? — Не видели никого; ничего нового; никто другой; никому из нас; ничем, что могло бы вас заинтересовать* и т. д.

Добавим к сказанному, что «существительным» *некого* и *нечего* невозможно приписать какой-либо грамматический (согласовательный) род и какую-либо грамматическую одушевленность, поскольку они никогда не встречаются в контекстах, требующих согласования. Этот факт беспрецедентен для русской грамматики; во всяком случае, авторам не известны никакие другие существительные, которым нельзя было бы приписать категории рода и одушевленности.

Однословная трактовка единиц *некого* и *нечего* не в состоянии объяснить этих особенностей. Стоит, однако, признать их сочетаниями слов, между которыми нет внутренних связей, как их несклоняемость и другие «антисубстантивные» свойства немедленно получают естественное и убедительное объяснение.

В свете сказанного можно усомниться и в том, что единицы типа *негде*, *некуда* и т. п. являются наречиями. В самом деле, для признания какой-либо единицы наречием одной неизменяемости недостаточно. В языке существуют и другие неизменяемые единицы — предлоги, союзы, частицы. При этом многие предлоги, союзы и частицы семантически не отличаются от наречий. Единственное отличие наречий от других неизменяемых разрядов слов состоит в их синтаксической функции — приглагольного или сентенциального обстоятельства, детерминанта (миропорождающего предиката) или приименного атрибута. Следовательно, чтобы доказать, что некоторая единица является наречием какого-либо класса, необходимо прежде всего продемонстрировать, что ей присуща основная синтаксическая функция этого класса. Проверим, обладают ли этим свойством рассматриваемые *не*²-единицы.

*Не*²-единицы типа *негде*, *некуда*, *неоткуда* мотивированы наречиями *где*, *куда*, *откуда* и т. п. и, следовательно, должны были бы выполнять в первую очередь синтаксическую функцию приглагольного обстоятельства или дополнения места, направления, исходной точки. Ведь именно эти функции выполняются другими наречиями,

образованными от *где*, *куда*, *откуда*. Сравним, однако, следующие выражения:

- (5а) *сесть* здесь *⟨там⟩*,
- (5б) *сесть* где-нибудь,
- (5в) *нигде* не *сесть*,
- (5г) *Сесть* негде;
- (6а) *пойти* сюда *⟨туда⟩*,
- (6б) *пойти* куда-нибудь,
- (6в) *никуда* не *пойти*,
- (6г) *Пойти* некуда.

Очевидно, что (5а)—(5в), (6а)—(6в) суть словосочетания, в которых наречия выполняют функцию обстоятельства места или направления. Синтаксически они взаимозаменяемы с любыми другими обозначениями мест и направлений; ср.

- (5а') *сесть* здесь — *сесть* на полу *⟨наверху, внизу⟩*;
- (6а') *пойти* туда — *пойти* в школу *⟨наверх, домой⟩*.

Что же касается выражений (5г) и (6г), то они представляют собой законченные предложения. По одной этой причине синтаксическая функция *не*²-единиц не сводится в них к функции обстоятельств места и направления. Недаром они совершенно не допускают замен на другие обозначения мест и направлений; ср. неправильность трансформаций

- (5г') *Сесть* (было) негде — **Сесть* (было) на полу *⟨наверху, внизу⟩*;
- (6г') *Пойти* (было) некуда — **Пойти* (было) в школу *⟨наверх, домой⟩*⁹.

Не выполняя синтаксической функции, которая является конституирующей для наречий на *-где*, *-куда*, *-откуда* и т. п., *негде*, *некуда*, *неоткуда* теряют право на зачисление в классы наречий места, направления, исходной точки. Но, может быть, это другая часть речи, а именно так называемая «категория состояния»? Оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере «категория состояния» может считаться частью речи (см. об этом [Апресян 1985: 301 и сл.]), отметим, что основания для такого предположения есть. Некоторые единицы из нашего списка выполняют типичную для «категории состояния» функцию предикатива и иногда даже сочиняются с прототипическими предикативами. Ср. следующие примеры, взятые из [Санников 1989]:

⁹ Этот факт отмечен в [Попов 1962], но оставлен без интерпретации.

- (7а) *Придется уходить. Но ведь некуда и невозможно* (Трифонов);
 (7б) *Ходить ему сейчас было жарко и незачем* (Платонов).

Такая точка зрения, действительно, представлена в литературе и варьируется от признания этих единиц «категорией состояния» [Ермакова 1988] до более осторожных формулировок: «предикатив» [Зализняк 1977], «отрицательный предикатив» [Федорова 1965], «предикативное наречие» [Иомдин, Перцов 1975], «предикативное слово наречного происхождения» [Грамматика 1960, II, ч. 2: 1029]; «прономинально-предикативный контаминант» [Сидоренко 1987]. Начиная с А. М. Пешковского [1956: 361], эти единицы квалифицируются также как «безличные предикативы»; см., в частности, [Исаченко 1965: 288]; [Veyrenc 1979: 73]; [Forsyth 1970: 277].

Эту точку зрения следует отвергнуть по двум причинам.

Во-первых, лишь одна *не*²-единица из всего списка способна обозначать внутреннее состояние субъекта, как это характерно для типичных предикативов — это единица *некогда*:

- (8а) *Ему сейчас очень некогда (разговаривать);*
 (8б) *Я всегда нервничаю, когда мне некогда.*

Некогда, безусловно, стоит особняком в группе *не*²-единиц, о чем мы скажем подробнее в п. 2.1.4.3.

Другие *не*²-единицы, традиционно относимые к категории состояния, имеют на это гораздо меньше прав. Дело в том, что ядро их значений формируется смыслами 'где', 'куда', 'откуда' и 'зачем', которые явным образом несовместимы с типичным для предикатов значением внутреннего состояния.

Во-вторых, признав единицы *негде*, *некуда*, *неоткуда*, *незачем* категорией состояния, мы должны были бы бесповоротно оторвать их от единиц *некого* и *ничего* (в объектном значении), которые никто не рискует зачислять в эту категорию. Однако при классифицировании всех интересующих нас единиц должно быть отдано предпочтение соображениям аналогии, по которым они составляют единую группу: общие свойства выражений *некого*, *ничего*, *негде*, *некуда*, *неоткуда* и *незачем*, безусловно, перевешивают все различия между ними, как бы велики они ни были.

Итак, ни одной *не*²-единице нельзя разумным образом приписать никакой части речи.

Перейдем к другим синтаксическим свойствам *не*²-единиц, свидетельствующим в пользу того, что они представляют собою соединения слов.

Сравним следующие пары предложений:

- (9а) *(Плохо, что) некому пожаловаться;*
 (9б) *(Хорошо, что) есть кому пожаловаться;*
 (10а) *Вам нечем гордиться;*
 (10б) *Вам есть чем гордиться;*
 (11а) *В нашем городе негде развлечься;*
 (11б) *В нашем городе есть где развлечься.*

Легко заметить, что между предложениями внутри каждой пары (9) — (11) есть различия двоякого рода — лексические и семантические.

Лексические различия состоят в том, что одной словоформе в (9а) — (11а) соответствуют две словоформы в (9б) — (11б): *некому* — *есть кому*; *нечем* — *есть чем*; *негде* — *есть где*.

Семантически пары предложений различаются только значением отрицания. В этом отношении различий между ними не больше, чем в обычных парах «отрицательное предложение — утвердительное предложение» типа *Он не пришел* — *Он пришел*.

Во всех остальных отношениях между ними наблюдается полный параллелизм, включая, в частности, практическое тождество просодического оформления (ср., однако, примеры (3) — (4)) и идентичность коммуникативной организации.

Этот параллелизм полностью сохраняется и в вопросо-ответных парах типа

- (12а) *Тут есть где переночевать?*
 (12б) *(Нет,) тут негде переночевать.*

Ответ здесь явным образом формируется из лексико-семантического материала вопроса, к которому добавляется только отрицание.

Еще более отчетливо параллелизм прослеживается в парах предложений с предлогами:

- (13а) *Не с кем поговорить,*
 (13б) *Есть с кем поговорить,*
 (14а) *Тут не о чем спорить,*
 (14б) *Тут есть о чем спорить.*

Здесь форме *есть* в утвердительном предложении однозначно соответствует форма *не* в отрицательном предложении, и эта оппозиция составляет единственное различие внутри каждой пары. Предложно-падежные формы *с кем* и *о чем* внутри пар (13) и (14) не отличаются друг от друга ни лексически, ни синтаксически, ни се-

мантически. Небольшое просодическое различие, имеющееся в (14), было прокомментировано выше, при обсуждении примеров (3)—(4).

По нашему мнению, этот параллелизм должен быть в максимальной мере отражен в формальном лингвистическом описании. Добиться этого, сохраняя представление о *некого, нечего, негде* и т. п. как о словах, нельзя. Из них должны быть вычленены словесные единицы, одна из которых соответствовала бы глагольной форме *есть*, а другая — К-слову *кому* (*кого, кем,...*), *чем, где* и т. д. В предложениях (9а), (10а), (11а), (12б), (13а) и (14а) имеется ровно одна единица, которую естественно было бы поставить в соответствие форме *есть*: это — форма *не*, которая тоже должна быть признана глагольной. Она, по существу, является лексико-синтаксическим вариантом глагольной формы *нет*, с которым она находится в дополнительном распределении. Если бы в русском языке были грамматически правильны выражения вида **Нет кому Р*, **Нет где Р* и т. п., то они были бы совершенно типичными перифразами выражений вида *Некому Р, Негде Р*¹⁰.

Правда, круг контекстов, в которых возможна глагольная форма *не*, настолько узок, что может возникнуть сомнение в ее словесности; и все же в целом есть гораздо больше оснований считать ее отдельным словом — вариантом *нет*, чем частью слова.

Отметим, что формант *не-* в составе рассматриваемых единиц квалифицируется как отдельное глагольное слово в [Holthusen 1953: 158] и [Garde 1976: 54 и сл.]¹¹. Ж. Вейренк [Veurenc 1979: 67], а вслед за ним и М. Гиро-Вебер [Guigaud-Weber 1984: 250] возражали против этого решения на том основании, что отрицание в главном предложении не может вызывать мены винительного падежа на родительный у дополнения в придаточном предложении; ср. *Я читал эту книгу* ⇒ *Я не читал этой книги*, но *Я видел, что он делал* ⇒ *Я не видел, что он делал* (**чего он делал*. Если же считать, что *не²* — отрицательный глагол, формирующий главное предложение, то получается необъяснимая мена *что* ⇒ *чего* (ср. *нечего*) в придаточном предложении.

¹⁰ Любопытно, что выражения с *нет* нередко встречаются в речи людей, недостаточно хорошо владеющих литературным языком. Более того, они становятся допустимыми в разговорной речи в составе вопросительных предложений с частицей *ли*: *Нет ли у тебя чего поесть?* См. об этом в конце данного раздела.

¹¹ И. Б. Иткин (2008: 149) ошибочно полагает, что первым это наблюдение сделал П. Гард; его сделал Й. Хольтузен. Есть в этой рецензии и другие неточности и даже прямые искажения.

С нашей точки зрения, этот контраргумент нужно отвести по следующей причине. В *не²*-предложениях родительный вызывается не контекстом отрицания, а скорее значением количества, естественно возникающим в контексте идеи существования (или несуществования) какого-то объекта. Недаром родительный объекта возможен в утвердительных и вопросительных предложениях разговорного языка; ср.

- (15) *Там есть чего есть? Есть чего. Одеть есть чего? Есть чего. Пить есть чего? Есть чего. Так почему так жить нельзя?* (М. Жванецкий)¹²

Параллелизм отрицательных, утвердительных и вопросительных конструкций еще яснее прослеживается в тех случаях, когда на месте глагола *быть* появляется другой глагол существования, сохраняющий один и тот же облик во всех трех конструкциях. Ср.

- (16а) *В нашем городе есть где развлечься;*
 (16б) *В нашем городе было (не было) где развлечься;*
 (16в) *В нашем городе всегда найдется (даже не найдется) где развлечься;*
 (16г) *(Слава богу, пока) есть на что купить хлеба;*
 (16д) *Не на что купить хлеба;*
 (16е) *(Что делать, если) не станет (не окажется, не найдется) на что купить хлеба?*¹³

Возможность такого варьирования — свидетельство того, что в синтаксической структуре предложения действительно есть позиция бытийного (экзистенциального) глагола и что она осознается как самостоятельная. Об этом же свидетельствует и тот факт, что собственно экзистенциальному глаголу в «безличном» предложении может соответствовать своего рода «экзистенциальный каузатив» в личном предложении:

¹² Уместно напомнить, что историческая грамматика без колебаний выводит элемент *не-* в интересующих нас единицах из сочетания *не + е*, т. е. из сочетания отрицания со старой формой третьего лица настоящего времени глагола *быть*; см., например, (Преображенский 1910; Ломтев 1956: 17, 37). Ср. в этой связи следующее характерное высказывание Л. А. Булаховского (1958): «В современном литературном языке *не...* отделяется предлогом только у слов, где оно имеет значение сказуемого *нет*».

¹³ Тот факт, что предложения с отрицанием типа (15б), (15в) и (16в) носят несколько разговорный характер (ср. (Пешковский 1956: 361)) на нашу аргументацию никак не влияет.

(17а) *Спустя годы всегда найдется что поправить* (Г. Владимиров, Московские новости, 1989, № 4);

(17б) *Спустя годы писатель всегда найдет что поправить.*

Еще одним свидетельством в пользу признания элемента *не²* отдельным словом, а всего *не²*-выражения — соединением слов, является поведение по отношению к ним вопросительной частицы *ли*.

В принципе, *не²*-единицы могут выступать в составе общепро- сительного предложения с частицами, ср.

(18а) *Разве у тебя нечего выпить?*

(19а) *Разве тебе негде отдохнуть летом?*

Попробуем теперь сформировать вопросительное предложение с *не²*-единицей с помощью частицы *ли*. Как известно, эта частица, за строго определенными исключениями¹⁴, императивно, по закону Вакернагеля, требует для себя второго места в предложении, считая от его начала. Если *не²*-единицы — это слова, то трудно объяснить неправильность предложений

(18б) **Нечего ли у тебя выпить?*

(19б) **Негде ли тебе отдохнуть летом?*

Если же принять, что *не²*-единицы представляют собою соединения слов, а *не²* — отдельное слово, то эта неправильность сразу же получает естественное объяснение: оно состоит в том, что *ли* в (18б) и в (19б) в действительности занимает не второе, а третье место — после отрицательного глагола *не²* и К-слова. Поместив же частицу *ли* на подлинно второе место, т. е. между *не²* и К-словом, мы в ряде случаев можем получить вполне приемлемый результат; правда, при этом отрицательный глагол будет выступать в полной форме *нет*, ср.:

(18в) *Нет ли у тебя чего выпить (чем писать, где переночевать)?*¹⁵

¹⁴ В частности, в счет не входят отрицательная частица и предлоги, ср. *Не у тебя ли он тогда остановился?*

¹⁵ Можно возразить, правда, что и другие К-слова (*никто, ничто, кто-либо, кое-кто* и т. п.) не допускают общих вопросов с *ли* на втором месте: **Никто ли не идет?*; **Кто-либо ли знает это?* и т. д. Однако этот запрет объясняется более глубокими, семантическими причинами, между тем как в нашем случае он предстает как чисто синтаксический, что подтверждается допустимостью перифразы со словом *нет*.

2.1.2.4. Лексические свойства

Упомянем, наконец, лексический аргумент в пользу того, что *не²*-единицы суть соединения слов, а не самостоятельные слова.

Признание их словами увеличивает словарь на соответствующее число лексем. Если же *некого, нечего* и т. д. расчлняются на пары слов, то получается сокращение словаря, потому что каждое из этих слов имеет самостоятельное существование в языке. *Не²* существует в виде *нет*, а *кого, где, куда* и т. д. — в виде местоименных существительных и наречий, реализуемых в утвердительных и общепро- сительных конструкциях типа (36), (3в), (4б), (4в) и др.

Это решение хорошо еще и тем, что на единицы данного класса не придется распространять правил разрыва слова предлогом, которые должны были бы действовать в конструкциях типа *Не у кого (попросить денег)*. Представляя *некого, нечего* в виде двух слов, мы получаем возможность пользоваться общими правилами размещения предлогов, которые действуют в высказываниях с отрицательной частицей *не¹* и отрицательным глаголом *нет* в обоих вариантах — собственно *нет* и *не²*; ср. *Не у кого (попросить денег)* — *Не было у кого (попросить денег)* — *Нет у меня (денег)* — *Не было у меня (денег)*.

2.1.2.5. *Не²*-единицы — синтаксические агломераты

Итак, последовательно рассмотрев орфографические, просодические, морфологические, синтаксические и лексические свойства *не²*-единиц, мы пришли к выводу, что они представляют собою не слова, а соединения, сочетания слов.

Мы намеренно пользуемся выражением «сочетание слов» и избегаем термина «словосочетание», поскольку наши единицы не являются словосочетаниями в общепринятом смысле этого термина: между входящими в них словами нельзя усмотреть непосредственной синтаксической связи, они лишены внутренней синтаксической структуры. Заметим, кстати, что в точно таком же смысле не являются словосочетаниями и последовательности типа *есть кому, есть чем, есть где*.

Сочетание слов, лишенное внутренней синтаксической структуры, но всегда произносимое как единое целое (с акцентно выделенным ядром и примыкающими к нему клитичными или полуклитичными элементами), мы предлагаем называть синтаксическим агломератом.

Мы решаемся ввести в теоретическую лингвистику это новое понятие по двум причинам.

Во-первых, синтаксические агломераты — не изолированное явление в русском языке. К этому классу текстовых единиц разумно, в частности, отнести выражения следующих типов: а) *мало кто, мало что, мало с кем, мало где* и т. п. (но, например, не **мало почему*), ср. *Мало кто это знал, Мало что можно сделать, Мало где это можно купить*; б) *где бы, куда бы, как бы, кто бы, что бы* и т. п., ср. *Где бы мы ни были, Куда бы ни шли*.

Во-вторых, для синтаксических агломератов характерна мимикрия, маскировка под слова, каковыми они в действительности не являются. Тот факт, что в ходе исторического развития они могут превратиться и часто в самом деле превращаются в полноценные слова (хороший пример — русские частицы, союзы и союзные слова типа *неужели, даже, зато, почему, чтобы, зачем* и т. п. — см. о них [Николаева 1985, 2005]), не должен нас смущать. В процессе такого превращения необходимо уметь выделять его начальную, срединную и конечную фазы, т. е. «останавливать мгновение» в любой лингвистически содержательной точке, фиксировать явление *in statu nascendi*.

Введение понятия синтаксического агломерата как раз и является средством фиксации начальной фазы превращения сочетания слов в слово. Оно позволяет ориентироваться в массе запутанных фактов и видеть их скрытую сущность.

2.1.3. Синтаксическая структура предложений с ne^2 -единицами

2.1.3.1. Количество синтаксических позиций в ne^2 -предложениях

Вопрос о синтаксической структуре (далее, сокращенно, СинтС) ne^2 -предложений многократно рассматривался в специальной литературе; см., в частности, [Потебня 1958: 409 и сл., 413 и сл.]; [Булаховский 1958: 149]; [Holthusen 1953: 156 и сл.]; [Галкина-Федорук 1958: 242 и сл.]; [Попов 1962: 67 и сл.]; [Garde 1976: 54 и сл.]; [Veurenc 1979: 73 и сл.]; [Rapaport 1986: 6 и сл.]. Нам кажется излишним подробно останавливаться на истории различных точек зрения на эту тему. С одной стороны, такие обзоры уже предпринимались (см., в особенности, две последние из упомянутых выше работ);

с другой стороны, предлагаемое нами синтаксическое решение принципиально отличается от всех обсуждавшихся до сих пор и по существу строится заново.

Это решение является логическим следствием из попытки ответить на более простой вопрос: сколько в СинтС предложений с ne^2 -единицами отдельных узлов, или, если пользоваться более традиционным термином, сколько в ней синтаксических позиций? Сколько, например, синтаксических позиций в предложении (20а)?

(20а) *Негде спать.*

Очевидно, этих позиций столько же и они те же самые, что и в предложениях:

(20б) *Негде было спать,*

(20в) *Негде будет спать.*

Если отказаться от такого допущения, то будет невозможно зафиксировать бесспорное синтаксическое подобие предложений (20а)—(20в), в частности, тот факт, что нулевой глагол в (20а) в такой же мере является носителем значений времени и наклонения, как в (20б) и (20в) — реально представленные словоформы *было* и *будет*.

Подчеркнем, что в этих предложениях глагол *быть* — типичная связка. Действительно, он имеет нулевую форму, что характерно для связочного, локативного (*Машина во дворе*) и поссесивного (*У меня много книг*) значений, но не для экзистенциального значения, нормально реализуемого формой *есть*. Поскольку локативное и поссесивное значения в (20а) исключены, остается одно связочное.

Этот вывод подтверждается тем, что глагол *быть* в (20а) может быть заменен такими каноническими связочными глаголами, как *оказываться, становиться* и даже *делаться*, ср.

(20г) *Спать оказалось негде,*

(20д) *Спать станет негде,*

(20е) *Дышать сделалось нечем.*

О связочном характере *быть* в (20а)—(20в) свидетельствует и отмеченная нами возможность сочинения ne^2 -единиц с «категорией состояния», ср. выше примеры (7).

Итак, позиций в (20а) как минимум три:

(20а') *Негде ∅_{быть} спать.*

Выше, однако, мы уже показали, что большинство ne^2 -единиц состоят из отрицательного экзистенциального глагола ne^2 (лексико-

синтаксического варианта *нет*) и К-слова. Число позиций, увеличивается, таким образом, до четырех:

(20а") He^2 где $\emptyset_{\text{БЫТЬ}}$ *спать*.

Все перечисленные позиции являются синтаксически обязательными.

Кроме них, в СинтС наших предложений следует предусмотреть, как это и предлагалось в литературе, начиная, по крайней мере, с А. А. Потебни [1958: 409], еще одну позицию. Это — синтаксически факультативная, но семантически обязательная позиция производителя действия (агенса), которая обычно заполняется существительным в дательном падеже:

(21) *Детям не² где $\emptyset_{\text{БЫТЬ}}$ спать*.

Никаких других собственных позиций в рассматриваемой конструкции нет.

Таким образом, максимальная «обойма» конструкций с $не^2$ -единицами включает пять позиций и может быть представлена приблизительно в следующем виде:

(22а) ИГ, агенс, дат + $не^2$ + К-слово + V, связ + V, инф.

Реальный порядок следования элементов конструкции в конкретном предложении, разумеется, может отклоняться от этого нейтрального словоупорядка.

Соответствующая «обойма» для утвердительных и общевопросительных конструкций представляется в виде

(22б) ИГ, агенс, дат + V, экзист + К-слово + V, связ + V, инф,

где «V, экзист» обозначает глагол со значением существования.

Поскольку вторая и четвертая позиции могут замещаться одним и тем же глаголом *быть* в разных значениях, мы будем в дальнейшем различать *быть*₁ (связочное) и *быть*₂ (экзистенциальное). В дальнейшем нам, кроме того, понадобится *быть*₃ (посессивное). He^2 , соответствующее экзистенциальному *быть*₂, мы будем обозначать через $не^2_1$, а $не^2$, соответствующее посессивному *быть*₃, — через $не^2_2$. «Полные» формы этих двух значений отрицательного экзистенциального глагола естественно представлять как *нет*¹ и *нет*² соответственно.

В заключение этого раздела заметим следующее. Как уже говорилось, отрицательный экзистенциальный глагол $не^2$ семантически эквивалентен сочетанию смыслов 'не есть', 'не имеется'. Может возник-

нуть вопрос: не следует ли усматривать здесь и синтаксической эквивалентности; иными словами, нельзя ли и на синтаксическом уровне представлять $не^2$ как сочетание слов $не^1 + есть$ (и тем самым довести число позиций в (22а) до шести, считая отрицательную частицу)? В пользу такого решения можно было бы привести такие же соображения синтаксического подобия, какими мы уже воспользовались и какими обычно пользуются при постулировании нулевой связки:

(23а) *Негде спать*;

(23б) *Не было где спать*;

(23в) *Не будет где спать*.

Однако тогда нам пришлось бы точно таким же образом расщеплять надвое и основной отрицательный глагол *нет* в любых контекстах, где он только возможен. Подобное решение, не обладая никакой объяснительной силой, имело бы единственным эффектом уничтожение в синтаксической структуре предложений реального слова русского языка, и мы его отвергаем. Тем самым в предложениях (23б) и (23в) имеется, если отдельно учитывать отрицание $не^1$, на одну позицию (узел) больше, чем в (20) и в (23а), а в предложении

(24) *Детям не было где спать* —

на одну позицию больше, чем в (21).

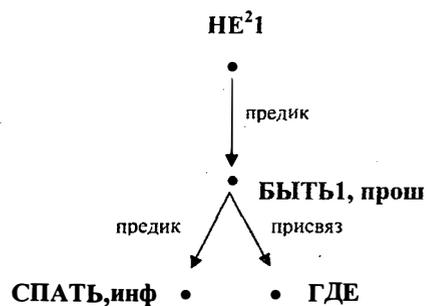
Очевидно, что в СинтС предложений типа (20), (21), (23), (24) должны быть представлены все релевантные для них позиции (узлы).

2.1.3.2. Древесная синтаксическая структура $не^2$ -предложений

Для представления СинтС наших конструкций, как и повсюду в книге, мы пользуемся средствами разработанной И. А. Мельчуком лингвистической модели «Смысл \leftrightarrow Текст», в первую очередь средствами ее поверхностно-синтаксического компонента¹⁶.

¹⁶ В число этих средств входят, в частности, деревья зависимостей как способ изображения СинтС предложений, а также синтаксические нули (\emptyset). В узлах дерева зависимостей стоят имена лексем с приписанными им цепочками морфологических характеристик. Дуги дерева СинтС помечены именами синтаксических отношений (список отношений см. выше, в разделе 1.2). Приводимые ниже СинтС носят иллюстративный и потому схематичный характер. Чтобы избежать излишней громоздкости, мы отвлекаемся от ряда деталей, прямо не относящихся к рассматриваемому материалу; в

(206Δ)

Древесная структура предложения *Негде было спать*.

(20дΔ)

Древесная структура предложения *Спать станет негде*.

(20еΔ)

Древесная структура предложения *Дышать сделалось нечем*.

частности, мы оставляем в стороне вопрос о сохранении (или несохранении) в СинтС исходного линейного словопорядка предложения, не выписываем полных цепочек морфологических характеристик при лексемах и т. д.

(21Δ)

Древесная структура предложения *Детям негде спать*.

(236Δ)

Древесная структура предложения *Не было где спать*.

Аналогичные СинтС имеют, разумеется, и утвердительные предложения типа

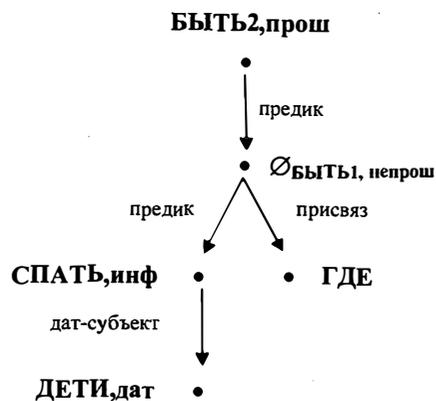
(25а) *Детям есть где спать,*(25б) *Спать детям было где.*

(25aΔ)

Древесная структура предложения *Детям есть где спать.*

(25aΔ)

Древесная структура предложения *Спать детям было где.*

Как легко увидеть, в каждой из этих СинтС мы усматриваем по два лично-глагольных центра, прототипами которых являются глагольные лексемы *быть₂* и *быть₁* или их ближайшие синонимы. Тем самым предложения типа (20), (21), (23), (24) и им подобные оказываются для нас сложноподчиненными¹⁷. В главной части

¹⁷ Мысль о том, что в вершине конструкций с *не²*-единицами стоит отрицательный экзистенциальный глагол *не-*, высказывалась в уже цитиро-

предложений (20), (21) и (23a) стоит отрицательный экзистенциальный глагол *не²1*; в главной части предложений (23б) и (24) — глагол *быть₂* (экзистенциальный) с отрицанием *не¹*; в роли сказуемого придаточной части всех предложений выступает связочный глагол *быть₁*, который в настоящем времени представлен своей нулевой формой.

Принятое нами понимание СинтС *не²*-предложений и их коррелятов позволяет формально описать факт неоднозначности предложений типа

(26a) *Мне некому помогать <писать письма>;*

(26б) *Ему историкам нечего... разьяснить <Домбровский>.*

Так, предложение (26a) может быть понято либо как (26a'), либо как (26a''), ср.

(26a') 'Нет никого, кому бы я мог помогать <писать письма>'.
(26a'') 'Нет никого, кто бы мог мне помогать <писать письма>', —

а предложение (26б) — как (26б') или как (26б''):

(26б') 'Нет ничего, что бы историки могли ему разьяснить';

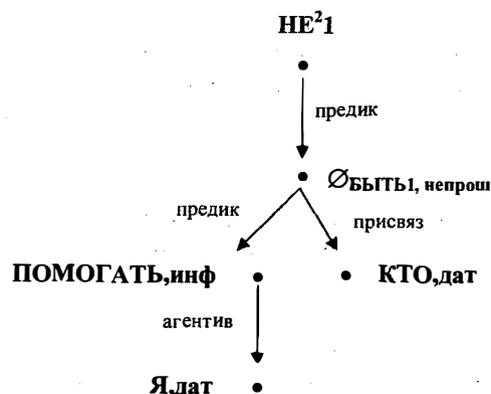
(26б'') 'Нет ничего, что бы он мог разьяснить историкам'.

Неоднозначность такого типа, отмечаемая почти во всех специальных работах, возникает в ситуации, когда у глагола, заполняющего позицию инфинитива, есть, помимо агенсной, какая-либо другая валентность, оформляемая дательным падежом, или когда этот глагол способен подчинять *dativus commodi*.

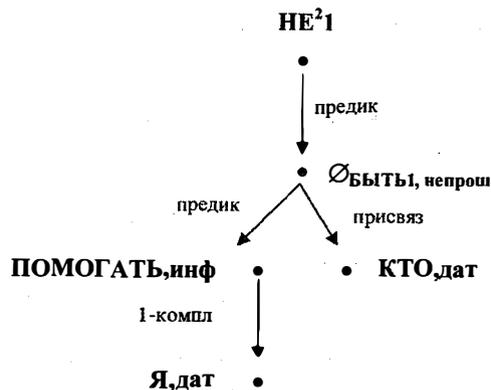
СинтС, соответствующие (26a') и (26a''), имеют следующий вид:

вавшихся работах Й. Хольтхузена (Holthusen 1953) и П. Гарда (Garde 1976). В целом, однако, синтаксические структуры для *не²*-предложений, постулируемые этими авторами, существенно отличаются от наших. У них: а) инфинитив непосредственно подчиняется экзистенциальному глаголу; б) К-слово непосредственно подчиняется инфинитиву. Кроме того, в) у П. Гарда агенсный дательный непосредственно подчиняется экзистенциальному глаголу. Подчеркнем, что последнее решение невозможно подкрепить ни семантическими соображениями, ни синтаксическими параллелями. Между тем параллели к приинфинитивному агенсному дательному отыскиваются без всякого труда (см. ниже п. 2.1.4.1). Семантически же он предстает как единственное решение.

(26a'Δ)

(26a'Δ)

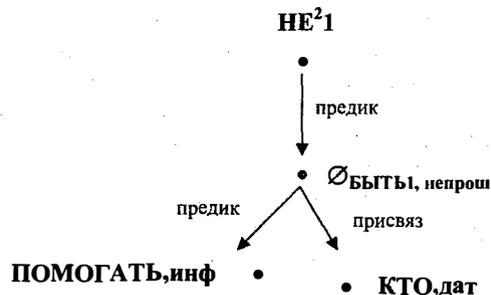
В случае, если агенсная позиция не выражена, СинтС для обеих интерпретаций становятся неразличимыми, ср.

(26в) Помогать некому;

(26в') 'Нет никого, кому можно было бы помогать';

(26в'') 'Нет никого, кто мог бы помогать':

(26вΔ)

Экспликация такой омонимии происходит на семантическом (или, может быть, на глубинно-синтаксическом) уровне, когда насыщаются все синтаксически не выраженные валентности предикатов.

Мы отдаем себе отчет в том, что предложенная нами синтаксическая трактовка *не²*-конструкций и их коррелятов может вызвать возражения. Вот наиболее естественные из них:

I. В русском языке нет и, по-видимому, никогда не было¹⁸ конструкций, в которых бы оба лично-глагольных центра были представлены полноценными (т. е. не нулевыми и не «инкорпорирующими» типа *не²*) глагольными словоформами. Контраргумент состоит в том, что порознь каждый из упомянутых глагольных центров бесспорно присутствует в реальных русских предложениях.

II. Можно считать неоправданным подчинение инфинитиву агенсной именной группы, поскольку их относительное размещение в коммуникативно нейтральных предложениях резко отличается от нормального словопорядка в паре «предикат + актанта» и вызывающе нарушает требования проективности СинтС. Напомним, что у П. Гарда он зависит от экзистенциального глагола. Контраргумент состоит в том, что и в других синтаксических конструкциях с модальностью в группе сказуемого возможен вынос актанта в начало предложения с результирующей непроективностью; ср.

(27а) *Ему можно было доверять;*(27б) *Газеты следует читать ежедневно.*

Правда, в наших конструкциях перекрываются сразу две вершины.

III. Странным может показаться соподчинение инфинитива и К-слова связочному глаголу в ситуации, когда морфологическое (падежное) оформление К-слова явно обусловлено инфинитивом. Особенно серьезные сомнения могут вызвать СинтС предложений типа

(28) *Мне было что ØБЫТЬ читать,*

где в качестве присвязочного члена выступает слово *что* в винительном падеже. Однако, хотя это действительно нетипичный спо-

¹⁸ А. А. Потебня (1958: 410), правда, предлагает для предложений типа *Мне было нечего делать* реконструкцию **Мне было нѣ (= не есть) чего делать*, однако исторических фактов в поддержку этой реконструкции не приводит. Похожая реконструкция (*Мне негде будет взять* (**Не есть где мне будет взяти*), опять-таки без опоры на фактический материал, предлагается и в [Седельников 1976: 75].

соб выражения второй валентности связки, он все же встречается и в других конструкциях; ср., с одной стороны, вопросы типа

(29а) *Кого было посылать?*

(29б) *Что было делать?*

(см. о таких вопросах ниже, п. 2.1.4.3), а с другой стороны — винительный временной или пространственной протяженности во фразах

(30а) *Идти было какую-то версту;*

(30б) *Учиться оставалось неделю*

и присвяточный винительный в выражениях типа

(31) *Так было <оказывалось> всякий раз, когда он не приходил.*

Как видим, гипноз каждого из этих, в сущности поверхностных, фактов удастся преодолеть даже локально. В целом же неизбежность странного мира (образ Д. Данина), постулируемого нами, естественным образом вытекает из изложенного выше языкового материала. Более того, наше решение позволяет непринужденно объяснить ряд других фактов, речь о которых пойдет ниже, в связи с обсуждением вопроса о способах и условиях заполнения каждой из пяти позиций наших конструкций. Именно к этому вопросу мы и переходим.

2.1.4. Синтаксические позиции конструкции

Конструкция *негде спать* фразеологизована и в общей системе русского синтаксиса занимает периферийное место. Казалось бы, повышенный интерес к ней необъясним. Однако она по разным линиям соприкасается с большим числом более свободных и, следовательно, более активных конструкций и испытывает сильное давление с их стороны. В результате каждая позиция этой конструкции оказывается точкой пересечения, фокусом взаимодействия разнообразных тенденций и правил, а конструкция в целом, несмотря на свой периферийный характер, приобретает серьезный методологический интерес. Под этим общим углом зрения мы и постараемся рассмотреть конкретные вопросы, связанные с каждой из пяти позиций конструкции *негде спать*.

2.1.4.1. Первая позиция

Характеризуя первую позицию, мы остановимся на двух основных вопросах: ее семантике и способах ее оформления.

Семантика первой позиции в достаточной мере определяется тем, что это — позиция агенса, или, говоря другими словами, целесообразного производителя действия. Поэтому с наибольшей свободой она заполняется названиями человека. Фразы типа

(32а) *Мебели негде стоять,*

(33а) *Картине негде висеть*

либо искусственны, либо создают эффект языковой игры. В кодифицированном литературном языке соответствующие мысли естественнее было бы выразить фразами

(32б) *Мебель негде поставить,*

(33б) *Картину негде <некуда> повесить.*

Лишь в составе фразеологических единиц типа

(34) *Яблоку негде <было> упасть*

первая позиция бывает представлена именем вещи. К аналогичным выводам приходят и другие исследователи нашей конструкции; ср., например, [Guiraud-Weber 1984: 246].

В связи со сказанным позиция в целом может быть охарактеризована как антропоцентрическая. В этом отношении дательный в *не²*-конструкции — не изолированное, а вполне системное явление в синтаксическом строе русского языка. Можно привести до десятка других конструкций, в которых дательный антропоцентричен. К их числу относятся, в частности, 1) конструкции с предикативными прилагательными и наречиями, ср. *Мне было холодно <грустно>*; 2) конструкции с так называемыми демипассивами (см. [Заичкова 1972]), ср. *Нам хорошо спалось <жилося, работалось>*; 3) конструкции с глаголами, обозначающими безотчетные интеллектуальные, эмоциональные или волевые состояния, ср. *Тебе это показалось <поме-реещилось, пригрезилось, почудилось, привиделось>*, *Эта служба ему претила*, *Нам хотелось <не терпелось> выпить*; 4) инфинитивные конструкции с модальностью обязанности/ возможности/ невозможности типа *Тебе водить, В Москве простому смертному форели не поеть* (В. Гроссман)¹⁹; 5) инфинитивные конструкции с так называемым вторым дательным (см. о нем [Comrie 1974]), ср. *Нам*

¹⁹ В инфинитивной конструкции *Саду цвести, Быть грозе*, с модальностью уверенности, дательный падеж не антропоцентричен.

придется делать это самим (одним); б) конструкции с посессивным дательным типа *посмотреть кому-л. в глаза*²⁰ и многие другие.

Перейдем ко второму вопросу — о способах оформления позиции агенса.

На первый взгляд может показаться, что у $S_{дат}$ заполняющего первую позицию таких конструкций, есть альтернатива — предложено-именная группа $у + S_{род}$: ср.

- (35а) *Мне нечего читать,*
 (35б) *У меня нечего читать*²¹.

Ниже мы постараемся показать, что в действительности это — не альтернативный способ заполнения агенсной позиции, а другая позиция, дополнительная к нашей обойме. В пользу этого утверждения мы приведем сначала несколько непосредственно очевидных синтаксических и прагматических аргументов.

1. $У + S_{род}$ заменяет $S_{дат}$ в конструкциях с некоторыми, но не со всеми не²-единицами. В частности, в (36а)—(36в) допустим лишь $S_{дат}$:

- (36а) *Мне некуда (неоткуда) посылать письма,*
 (36б) *Мне незачем спорить с тобой,*
 (36в) *Мне не к чему (нечего) беспокоиться.*

Предложения (37а)—(37в) в сравнимом значении невозможны:

- (37а) **У меня некуда (неоткуда) посылать письма,*
 (37б) **У меня незачем спорить с тобой,*
 (37в) **У меня не к чему (нечего) беспокоиться.*

2. Далее, при $у + S_{род}$ придаточное инфинитивное предложение с К-словом можно заменить именной группой, а при $S_{дат}$ этого сделать нельзя:

- (38а) *У меня есть что читать* \Rightarrow *У меня есть чтение* (чтиво, книга и т. п.);

²⁰ Антропоцентричность дательного в этом случае имеет весьма глубокие семантические основания; см. [Wierzbicka 1979], [Лазурский 1988] и библиографические списки в этих работах.

²¹ Ср. следующие рассуждения А. А. Потебни: [Этот дательный] «может заполняться в нов.-рус. посредством $у$ с род. для отличия от других оттенков дательного... напр., «мне (т. е. у меня) есть кому (т. е. к кому, или *dat commodi* для кого) писать»» [Потебня 1958: 409]. Позднее мысль о вариантивности $S_{дат}$ и $у + S_{род}$ повторялась и другими исследователями; см., например, [Guiraud-Weber 1984: 246].

(38б) *У меня нечего читать* \Rightarrow *У меня нет чтения* (чтива, книги и т. п.);

(39а) *Мне есть что читать* \Rightarrow **Мне есть чтение*;

(39б) *Мне нечего читать* \Rightarrow **Мне нет чтения*.

3. Конструкции с формами $у + S_{род}$ и $S_{дат}$ не допускают сочинения друг с другом, которое было бы возможно, если бы они представляли одну и ту же синтаксическую позицию:

(40а) ?*У меня есть что читать, а тебе нечего*;

(40б) ?*Мне есть что читать, а у тебя нечего*.

4. Если некто спрашивает: *Нет ли у тебя чего почитать?*, *Есть ли у тебя что почитать*, имея в виду себя в качестве потенциального читателя, то (35б) может служить кооперативным ответом на этот вопрос, а (35а) — нет. Ср.

(41а) — *Нет ли у тебя чего почитать?* — *У меня нечего читать*;

(41б) — *Нет ли у тебя чего почитать?* — **Мне нечего читать*.

Все эти ограничения и запреты вряд ли можно считать чисто сочетаемостными. Если синтаксические и прагматические контексты таких языковых форм «первого плана», как $у + S_{род}$ и $S_{дат}$, различаются, то различие следует искать глубже — в их семантике.

Чтобы уловить семантическое различие между конструкциями (35а) и (35б), переведем их в утвердительную форму:

(42а) *Мне есть что читать*,

(42б) *У меня есть что читать*.

В (42а) утверждается, что существует возможность чтения, а в (42б) — что я располагаю материалом, который можно читать. В (42а) на роль субъекта есть ровно один претендент — я. Никакой другой субъект чтения здесь немыслим. В (42б) субъект действия не определен, он никак не специфицируется в самой конструкции. Квазисинонимия конструкций (42а) и (42б) возникает по следующей причине: когда субъект чтения явным образом (т. е. в виде $S_{дат}$) не указан, по умолчанию предполагается, что в этой роли выступает референт формы $у + S_{род}$.

Итак, конструкция (42а) в основе своей экзистенциальная, с одновалентной лексемой *быть*₂ ('существовать'), а конструкция (42б) — посессивная, с двухвалентной лексемой *быть*₃ ('что-л. есть у кого-л').

Точно таким же образом соотносятся и $не^2$ -конструкции типа (35а)—(35б): в первой из них фигурирует одновалентный отрицательный экзистенциальный глагол $не^2 1$, а во второй — двухвалентный отрицательный посессивный глагол $не^2 2$, с валентностью посессора, оформляемой группой $у + S_{\text{род}}$.

Группа $у + S_{\text{род}}$ может выполнять еще одну синтаксическую функцию и иметь еще одно значение в составе $не^2$ -конструкций. Рассмотрим предложения типа

- (43а) *У меня вам негде (будет) спать;*
 (43б) *У меня вам есть где спать;*
 (43в) *У меня вам некуда (будет) пойти;*
 (43г) *У меня вам нечего беспокоиться.*

В этих предложениях $у + S_{\text{род}}$ — детерминант, точно такой же, как, например, в

- (44) *У меня вы будете как сыр в масле кататься.*

Значение этого детерминанта в первом приближении может быть истолковано так: 'в личном мире X -а', 'в личной сфере X -а', т. е. 'в том мире, где всеми объектами и ходом вещей распоряжается X '. Истолкуем в свете этого (43а) и (43б):

- (43а') 'В том мире, где всеми объектами и ходом вещей распоряжаюсь я, не существует места, где вы можете спать';
 (43б') 'В том мире, где всеми объектами и ходом вещей распоряжаюсь я, существует место, где вы можете спать'.

Таким образом, в (43а) и (43б) представлены не посессивные $не^2 2$ и $быть 3$, а экзистенциальные $не^2 1$ и $быть 2$.

В связи с выводом о различии между агенсным $S_{\text{дат}}$ и посессорным $у + S_{\text{род}}$ (соответственно между экзистенциальными $быть 2$ и посессивным $быть 3$) возникают четыре новые загадки.

Во-первых, в чем источник неправильности предложений типа (37) относительно посессивного осмысления (подчеркнем, что относительно детерминантного и «лично-сферного» осмысления они при некоторых условиях становятся правильными)?

Во-вторых, в предложении

- (45а) *У меня есть что возразить,*

с посессивным $быть 3$, неопределенность субъекта действия снимается. Субъектом возражения (в отличие, например, от субъекта чтения в (42б)), не может быть никто, кроме меня. Почему это происходит?

В-третьих, (45а) оказывается синонимичным

- (45б) *Мне есть что возразить —*

по крайней мере, в одном из двух возможных осмыслений этого предложения. Спрашивается, как может возникнуть синонимия, если в вершине (45а) стоит посессивный глагол $быть 2$, а в вершине (45б) — экзистенциальный глагол $быть 2$?

Наконец, в-четвертых, формы $у + S_{\text{род}}$ и $S_{\text{дат}}$ совместимы в рамках одного предложения:

- (46а) *У меня вам будет нечего читать,*
 (46б) *У меня вам будет что читать.*

Как это возможно, если форма *у меня* диктует осмысление $не^2$ и $быть$ как $не^2 2$ и $быть 3$ (посессивных), между тем как весь остальной состав предложения диктует их осмысления как $не^2 1$ и $быть 2$ (экзистенциальных)? Ведь одновременная реализация двух разных значений одного слова должна порождать эффект каламбура, которого в (46а) и (46б) очевидным образом нет.

Ответим последовательно на все четыре вопроса.

1. Невозможность посессивного осмысления предложений (37) объясняется, по-видимому, тем, что в нашем мире (онтологически) вполне нормальным является лишь обладание предметными сущностями. Идея обладания направлениями, причинами и даже местами, вообще говоря, абсурдна. Поэтому в цепочке «предметные сущности — места — направления — причины» при переходе к каждому следующему элементу осмысление формы $у + S_{\text{род}}$ как посессора становится все более затруднительным и, наоборот, нарастает естественность ее «лично-сферного», т. е. детерминантного понимания.

На первый взгляд кажется, что утверждение о невозможности обладания причинами противоречит очевидным фактам: ведь можно сказать

- (47) *У меня есть причины молчать,*

где *у меня* явным образом не детерминант. Однако эта форма не обозначает и посессора. На самом деле (47) значит не 'Я обладаю причинами молчать', а

- (47') 'Существуют причины для моего молчания, которые я могу сообщить'.

Следовательно, $у + S_{\text{род}}$ в (47) — не посессор, а субъект информационного процесса.

Чтобы прояснить различие между этими двумя ролями, рассмотрим предложения с глаголом *делиться*, у которого есть два полезных для нас значения: 1) 'отдать кому-л. часть своей собственности' (посессивное) и 2) 'сообщить кому-л. (всё) свое знание о чём-л.' (информационное). Во фразах типа

(48а) *Я поделился с ним своим хлебом*

возможно только посессивное, но не информационное осмысление (*по*)делиться, потому что физические объекты вроде хлеба могут быть предметом обладания, но не содержанием сообщения. Наоборот, во фразах типа

(48б) *Я поделился с ним последними новостями*

возможно только информационное и невозможно посессивное осмысление глагола. Действительно, новости могут составить содержание сообщения или предмет знания, но никак не предмет обладания.

Рассмотрим теперь предложение

(48в) *Я поделился с ним причинами своего молчания.*

Если бы причинами можно было владеть, (48в) допускало бы посессивное осмысление. На самом же деле для него возможно только информационное осмысление

(48в) 'Я сообщил ему о причинах своего молчания всё, что знал сам, так что он стал знать об этом столько же, сколько я'.

2. Сужение множества возможных субъектов до одного происходит в том случае, когда позицию инфинитива занимает интенциональный глагол, т. е. глагол, обозначающий внутреннее, извне на наблюдаемое, действие или состояние субъекта²². Я могу наблюдать только свой собственный внутренний мир и ничей другой. Заявление о том, что у меня есть нечто, что вы могли бы возразить, бессмыс-

²² Тем самым мы предполагаем, что статус утверждений типа *У меня (мне) есть что возразить* и *У него (ему) есть что возразить* не вполне одинаков. Утверждения первого типа делаются на основании твердого знания, утверждения второго типа — на основании более или менее правдоподобной догадки (если, конечно, они не являются простым повторением уже сделанного кем-то заявления). В пользу этого свидетельствует тот факт, что высказывания типа *У меня (мне), наверное, есть что возразить* гораздо менее естественны, чем высказывания типа *У него (ему), наверное, есть что возразить*.

ленно — в отличие от заявления о том, что у меня есть нечто, что вы могли бы прочитать.

3. Синонимия (45а) и (45б) объясняется той семантической (или прагматической) аксиомой, что когда мир вообще сужен до внутреннего мира (сознания) одного субъекта, владение какими-то объектами этого мира равносильно их существованию в нем: если нечто существует в моем сознании, то я имею это в своем сознании, и наоборот.

4. Что касается совместимости форм $у + S_{род}$ и $S_{дат}$ в рамках одного предложения, то на самом деле никакого совмещения посессивного *быть3* ($не^2 2$) и экзистенциального *быть2* ($не^2 1$) она не порождает. Наличие в предложении выраженной агенсной позиции $S_{дат}$ неизменно выталкивает форму $у + S_{род}$ в позицию детерминанта, как легко убедиться на примерах (46). Выраженные позиции посессора и агенса несовместимы.

2.1.4.2. Вторая и четвертая позиции

Эти позиции целесообразно рассмотреть вместе, поскольку, как мы уже видели, они никогда не замещаются одновременно двумя нормальными глаголами. Тем самым всякий раз на конструкцию в целом расходуется только одна ненулевая и неотрицательная глагольная словоформа.

Рассматривая лично-глагольные позиции, мы обсудим следующие три вопроса: 1) способы заполнения каждой из них; 2) причины вытеснения одного глагола другим; 3) источники синонимичности предложений с «материализованным» связочным глаголом и предложений с «материализованным» экзистенциальным глаголом; ср.

(49а) *Мне негде было спать (быть — связка) и*

(49б) *Мне было негде спать (быть — экзистенциальный).*

В ходе обсуждения первой позиции обоймы (22) мы уже говорили, что вторая позиция может замещаться глаголом с экзистенциальным или с посессивным значением. Кроме канонических экзистенциальных *быть2* и $не^2 1$ и посессивных *быть3* и $не^2 2$, в этой позиции могут выступать и другие экзистенциальные и посессивные глаголы (с отрицанием или без него), однако далеко не все. В частности, в этой позиции невозможен «главный» экзистенциальный глагол *существовать* и почти невозможны глаголы *бывать* и *иметься*; ср.:

(50а) **Мне (не) существует в чем сомневаться (куда пойти);*

(50б) ^{??}Если мне бывает (имеется) куда пойти вечером, я прихожу с работы пораньше.

Эти факты являются убедительным свидетельством фразеологизованности нашей конструкции.

Из других глаголов, допустимых во второй позиции, упомянем *найтись*, *оказаться* и *стать*:

(51) Не нашлось (не оказалось, не стало) кого посылать в колхоз.

Употребление этих глаголов, однако, тоже нельзя считать свободным: оно регулируется целым рядом разнородных и не всегда мотивированных ограничений. Так, глагол *найтись* в принципе имеет экзистенциальное значение в обеих видовых формах:

(52а) Находятся люди, которые даже в такое тяжелое время уклоняются от работы;

(52б) Всегда найдутся люди, готовые помочь.

Между тем в конструкциях с *не*²-единицами и в их утвердительных и общевпросительных коррелятах предпочитается форма совершенного вида глагола *найтись*. Действительно, (53а) лучше, чем (53б):

(53а) Ему (не) найдется (не) нашлось) что сказать в свое оправдание;

(53б) [?]Ему всякий раз находится (не находится) что сказать в свое оправдание.

Что касается глаголов *оказаться* и *стать*, то они употребляются во второй позиции только с отрицанием и только в совершенном виде, ср. (51).

Перейдем к четвертой позиции нашей конструкции — позиции связочного глагола. Связка, как известно, двухвалентна. В наших СинтС в качестве подлежащего при связке, т. е. ее первой валентности, выступает инфинитив, а в качестве присвязочного члена, т. е. второй валентности — К-слово. Очевидно, однако, что по существу (в семантическом или даже в глубинно-синтаксическом представлении *не*²-конструкций) К-слово выполняет роль актанта (или сирконстанта) самого инфинитива. Тем самым мы имеем здесь дело с синтаксическим смещением: К-слово оказывается смещенным дополнением или обстоятельством при инфинитиве.

Помимо связки *быть*¹, в четвертой позиции допускаются и некоторые другие глаголы, например *бывать*, *делаться*, *становиться*, *оказываться*, в том числе и в настоящем времени, ср.

(54а) Ребенка бывает (бывало) не с кем оставить,

(54б) Торопиться стало (оказалось, сделалось) незачем.

С другой стороны, такие типичные связки, как *являться* и *казаться*, в *не*²-конструкциях невозможны:

(55а) *Торопиться казалось незачем,

(55б) **Торопиться являлось незачем.

Эти факты, конечно, тоже свидетельствуют о высокой фразеологизованности *не*²-конструкций.

Заканчивая рассмотрение вопроса о способах заполнения второй и четвертой позиций, обратим внимание на следующую любопытную деталь. Классы глаголов, способных заполнять эти две позиции, в значительной мере пересекаются. В частности, глаголы *быть*, *становиться*, *оказаться* с одинаковой легкостью используются и во второй, и в четвертой позициях. Это обстоятельство камуфлирует существенное синтаксическое и семантическое различие между ними. Есть, однако, другой интересный факт, в котором указанное различие вещественно (лексически) себя обнаруживает. У глагола *найтись* есть только экзистенциальное значение, но нет связочного, и он может использоваться лишь во второй позиции. Напротив, у глагола *сделаться* есть связочное, но нет экзистенциального значения, и он может употребляться лишь в четвертой позиции.

Обратимся ко второму из намеченных выше вопросов — о вытеснении связочного глагола эксплицитно выраженным экзистенциальным.

Существо дела состоит в следующем. Четвертая, связочная, позиция нашей конструкции может замещаться ненулевой словоформой только в том случае, когда вторая ее позиция реализована глаголом *не*²:

(56а) Ребенка _{II} *не*² с кем _{IV} было оставить,

(56б) Ребенка было _{IV} *не*² с кем _{II} оставить,

(56в) Будь мне _{IV} *не*² с кем _{II} оставить ребенка, я бы не смогла работать.

Если же вторую позицию замещает любой другой экзистенциальный глагол, в том числе и с отрицанием, то в качестве связки может выступать только нулевая словоформа *быть*¹; ср.:

(57а) Ребенка было (нашлось) с кем оставить,

(57б) Ребенка *не*¹ было (не¹ нашлось) с кем оставить,

но не

- (57в) *Ребенка было *(нашлось)* с кем было *оставить*,
 (57г) *Ребенка не¹ было *(не¹ нашлось)* с кем было *оставить*.

Тем самым экзистенциальный глагол вытесняет связку, «оттягивая» на себя грамматические характеристики времени и наклонения.

На наш взгляд, источник такого вытеснения следует искать в сложном взаимодействии семантики времени и наклонения с лексическим значением экзистенциального и связочного глаголов. Рассмотрим предложение

- (58) Не² где было *спать*

и спросим себя, к чему на самом деле относится время и наклонение, грамматически выраженные при связке. Ответ очевиден — к идее существования. Правильным толкованием (58) является (58'), а не (58''):

- (58') 'Не существовало [до момента речи] места, такого, что в этом месте можно спать';
 (58'') 'Не существует [сейчас] места, такого, что в этом месте можно было [когда-то] спать'.

Оказывается, таким образом, что при каком бы глаголе — экзистенциальном или связочном — ни выражалось время и наклонение грамматически, семантически значения времени и наклонения всегда присоединяются к значению существования. Это и понятно. **Время** какого-то положения вещей (например, положения вещей «в этом месте можно спать») и **время существования** данного положения вещей — это одно и то же.

Поскольку значения времени и наклонения оттягиваются к значению существования, на долю связки остается только общая функция формирования предикативности во вложенном предложении. Для этого достаточно связки в немаркированном настоящем времени изъявительного наклонения, т. е. в форме *ОБЫТЬ* I. Она является универсальным средством формирования предикативности практически во всех внешне безглагольных предложениях русского языка, за исключением, может быть, предложений с презентативными предикативными частицами *вот* и *вон*.

Если попытаться подвести исследуемый феномен под уже известные явления, то его ближайшим аналогом окажется феномен согласования времен в английском или французском языках, с той разницей, что вершинный глагол не уподобляет себе сказуемое придаточного предложения, а императивно требует от него настоящего времени — т. е. нулевой словоформы.

Другим интересным аналогом исследуемого феномена является феномен синтаксического смещения, уже изучавшийся на материале смещенных отрицаний и наречий, а также смещенных дополнений и обстоятельств. Своеобразие, а может быть, и уникальность рассматриваемого случая смещения состоит в том, что здесь смещаются от одного слова к другому не материальные, а идеальные сущности — граммема, т. е. грамматические значения. С небольшой натяжкой он может быть сближен с переносом показателей лица и числа от личной формы глагола к союзу в польском языке (ср. *Mieszkaliśmy w Warszawie — żebyśmy mieszkali w Warszawie* 'Мы жили в Варшаве — чтобы мы жили в Варшаве') и с аналогичными явлениями в семитских языках.

Нам остается рассмотреть вопрос об источнике синонимии пар предложений типа (49), в которых, помимо отрицательного слова, физически присутствует только либо связочный глагол, как в (49а), либо только экзистенциальный, как в (49б).

Данная синонимия естественно вытекает из следующих двух фактов: а) в любом предложении интересующего нас типа одновременно присутствуют обе глагольные позиции и, следовательно, выражаются оба нужных значения — экзистенциальное и связочное; б) время и наклонение выражаются в любом предложении только один раз и семантически всегда при его вершине.

- (49а) *Мне не² где было спать* = 'не существовало места такого, что в этом месте мне можно спать',
 (49б) *Мне не¹ было где спать* 'не существовало места такого, что в этом месте мне можно спать'.

Различия между (49а) и (49б), если они и есть, — чисто коммуникативные.

2.1.4.3. Третья позиция

Третья позиция — это позиция смещенного актанта или сирконстанта инфинитива; тем самым тип К-слова, которое ее заполняет, целиком определяется семантикой инфинитива; ср.:

- (59а) *Есть куда (некуда) поехать* *(направить студентов, стремиться, ...)*,
 (59б) **Есть куда (некуда) стоять* *(сидеть, разговаривать, ...)*;
 (60а) *Есть где (негде) стоять* *(сидеть, разговаривать, ...)*,
 (60б) **Есть где (негде) поехать* *(направить студентов, стремиться, ...)*.

Тем не менее далеко не все К-слова, которые могут выполнять роль актантов и сирконстантов соответствующих глаголов в свободном употреблении, допустимы в третьей позиции *не*²-конструкций и ее коррелятов.

При рассмотрении третьей позиции оказываются интересными следующие три вопроса: 1) какова природа К-слов, которые ее заполняют? В частности, являются ли они вопросительными местоимениями?; 2) отличаются ли отрицательные конструкции от соответствующих им утвердительных и (обще)вопросительных по составу К-слов?; 3) является ли группа К-слов, встречающихся в отрицательной конструкции, синтаксически и семантически однородной?

Отвечая на первый вопрос, большинство исследователей квалифицирует К-слова как вопросительные. Так, П. Гард анализирует группы *ничего, некого, некогда* и т. п. как содержащие глагольную форму *не* и «вопросительное местоимение (местоименное существительное с предлогом или без предлога или местоименное наречие)» [Garde 1976: 54]. Ж. Вейренк пишет, что слова типа *ничего, негде* образуются «от безударной основы вопросительного местоимения и ударного префикса» [Veurenс 1979: 73]. Несколько более осторожную, но вполне сопоставимую формулировку мы находим в [Rapport 1986: 3]: в утвердительных предложениях «К-слово идентично вопросительному местоимению».

Эта трактовка представляется нам неверной. Главный аргумент против нее извлекается из сопоставления двух близких, но отнюдь не идентичных вопросительных конструкций:

(61а) *Было кому жаловаться?*

(61б) *Было что читать?*

(61в) *Было где ночевать?*

(62а) *Кому было жаловаться?*

(62б) *Что было читать?*

(62в) *Где было ночевать?*

Предложения типа (62) сближаются с частновопросительными, хотя и не являются специальными вопросами в общепринятом смысле этого термина. Более точно, они образуют специальный подкласс риторических вопросов, которые можно было бы назвать «недоуменными»²³ и содержание которых можно эксплицировать следующим образом (на примере (62в)):

²³ Р. Мразек называет их «делиберативными» [Мразек 1972: 98].

(62в') *Где было ночевать?* = 'Говорящий не знает места, в котором можно было ночевать; говорящий допускает, что адресату такое место может быть известно; говорящий просит адресата назвать такое место и одновременно сообщает ему, что он сомневается, что такое место существует'²⁴.

Как следует из этой экспликации, в предложениях (62) действительно содержится частный вопрос (в (62в) — о потенциальном месте ночевки), хотя и с массой оговорок. Тем самым К-слова оказываются вопросительными. Именно они, кстати говоря, образуют рему предложения.

Что же касается предложений (61), то они являются общевопросительными (см. аргументацию в [Чернов 1966: 96]). В них говорящий не просит адресата указать человека, которому можно пожаловаться, литературу, которую можно читать, или место, где можно переночевать. Его интересует лишь существование такого человека, литературы или места в принципе. Нормальная рема такого предложения — глагол существования, а не К-слово, которое, вместе с инфинитивом, образует тему. К-слова, следовательно, служат не для формирования специального вопроса, а для связывания двух предложений, т. е. выполняют синтаксическую функцию, типичную для относительных местоимений, или союзных слов (ср. [Седельников 1968: 75]). Очевидно, что в утвердительном и отрицательном коррелятах общего вопроса они выполняют ту же синтаксическую функцию, т. е. являются относительными местоимениями.

Можно ли, однако, считать их такими же относительными местоимениями, как слова *кто, что, какой, чей, который, как, когда, где, куда, откуда, почему, зачем, сколько*? Отрицательный ответ на этот вопрос в какой-то мере предопределен самим списком классических относительных местоимений, который мы только что привели. Он

²⁴ Мы не рассматриваем классических частновопросительных конструкций типа *Где ночевать?, Куда идти?, Откуда брать воду?* (с нормальной интонацией специального вопроса), потому что они отстоят существенно дальше от интересующих нас конструкций. В частности, связка в них никогда не материализуется; ср. невозможность **Где было ночевать?, *Куда было идти?, *Откуда было брать воду?* относительно частновопросительного значения. Еще одно различие между двумя типами вопросов — недоуменным и специальным — состоит в том, что вполне адекватным ответом на недоуменный вопрос является молчание. Между тем молчание в ответ на собственно специальный вопрос, обращенный к одному адресату, воспринимается как невежливость.

почти вдвое шире, чем та группа слов, которая встречается в не²-конструкциях и их вопросительных и утвердительных коррелятах. В современном литературном языке эта группа насчитывает, как мы знаем, максимум семь слов (*кого, чего, где, куда, откуда, зачем, когда*), между тем как в класс собственно относительных местоимений входит никак не меньше 13 элементов. Если бы наши семь слов действительно не отличались от обычных относительных местоимений, трудно было бы объяснить, почему остальные шесть относительных местоимений не употребляются в не²-конструкциях и их утвердительных и вопросительных коррелятах:

- (63а) **Некакой дом сносить,
 (63б) ??Есть какой дом сносить,
 (63в) ??Есть какой дом сносить?;
 (64а) **Нечью лошадь посылать,
 (64б) ?Есть чью лошадь посылать,
 (64в) ?Есть чью лошадь посылать?;
 (65а) *Нпочему расстраиваться,
 (65б) ??Есть почему расстраиваться,
 (65в) ??Есть почему расстраиваться?;
 (66а) **Некак работать,
 (66б) *Есть как работать,
 (66в) *Есть как работать?;
 (67а) **Несколько книг продать,
 (67б) *Есть сколько книг продать,
 (67в) *Есть сколько книг продать?;
 (68а) **Не в котором часу работать,
 (68б) *Есть в котором часу работать,
 (68в) *Есть в котором часу работать?²⁵

Правда, в [Rappaport 1986: 10] предложения типа (63б, в)—(65б, в) считаются вполне правильными (оценка, с которой наша языковая интуиция расходится), но даже в этой работе не фигурируют в качестве допустимых примеры (66)—(68): такие предложения выходят далеко за пределы грамматической нормы.

²⁵ В этой подборке примеров отрицательные конструкции с К-словами воспринимаются как еще менее правильные, чем утвердительные и вопросительные. Этот факт комментируется ниже, в связи с обсуждением вопроса о том, отличаются ли отрицательные конструкции от соответствующих им утвердительных и (обще)вопросительных по набору К-слов.

Между тем собственно относительная функция свойственна всем 13 перечисленным выше местоимениям, включая те шесть, которые в рассматриваемых нами конструкциях не употребляются или употребляются с трудом:

- (69а) *средство, каких днем с огнем не сыщешь,*
 (69б) *человек, чье лицо я запомнил навсегда,*
 (69в) *то, почему надо ехать в Москву,*
 (69г) *способ, как отличить одно от другого,*
 (69д) *столько, сколько потребуется,*
 (69е) *люди, которых мы знаем.*

Противопоставленность семи канонических местоимений *кого, что (чего), где, куда, откуда, зачем, когда* всем остальным относительным местоимениям русского языка проявляется еще в трех синтаксических конструкциях.

Это, во-первых, конструкция с глаголом *найти*, соотносительным с экзистенциальным *найтись* (см. выше описание второй позиции). *Найти* вполне свободно сочетается лишь с семью каноническими К-словами в придаточном предложении:

- (70а) *Я найду, кого туда послать (чем замазать окна, где спать, куда пожаловаться, откуда выписать книги, зачем сделать перерыв, когда навестить его).*

Сомнительны или невозможны при *найти* придаточные предложения, вводимые относительными местоимениями *какой, чей, почему, сколько, который*:

- (70б) *Я найду, ?какой дом снести (?чью лошадь послать, ?почему сделать перерыв, ??как дальше работать, *сколько книг отдать в переплет, *в котором часу прийти в институт).*

Во-вторых, это темо-рематическая конструкция типа

- (71а) *Кто был недоволен, так это Сережа,*
 (71б) *Что было плохо, так это спектакль,*
 (71в) *Где бывает тихо, так это в горах,*
 (71г) *Куда невозможно попасть, так это в Большой театр*

и т. п. В [Апресян 1988: 15] было показано, что эта темо-рематическая конструкция (ее коммуникативная организация описывается в [Белошাপкова 1977: 152—153]) лексически ограничена. Нетрудно убедиться, что с достаточной свободой в ней употребляются те же

семь относительных местоимений, что и в интересующих нас конструкциях. Ср. невозможность предложений типа

- (72а) **Как туда нельзя добраться, так это быстро,*
 (72б) **Почему нельзя пойти гулять, так это из-за дождя.*

Наконец, в-третьих, это уже упоминавшиеся в п. 2 конструкции типа

- (73а) *Мало кто это знает,*
 (73б) *Мало что он любит так, как стихи,*
 (73в) *Мало где бывает так тихо,*
 (73г) *Мало куда можно пойти вечером*

и т. п. В этих конструкциях возможны те же семь К-слов, что и в трех предшествующих (хотя *зачем* менее допустимо, чем все остальные). Ср. неправильность или сомнительность

- (74а) **Мало почему следует беспокоиться,*
 (74б) ?? *Мало как можно туда пойти*

и т. п.

Таким образом, выделение семи относительных К-слов в особый класс получает независимую поддержку со стороны, по крайней мере, трех других конструкций. Это представляется нам вполне достаточным основанием для предложенного решения. Однако в его пользу можно привести еще два аргумента — синтаксический и семантический.

Синтаксический аргумент в пользу автономности наших относительных местоименных существительных состоит в том, что они невозможны в контексте копредикативных зависимых:

- (75) **Некого (есть кого) другого послать туда.*

Обычные относительные местоименные существительные в таких контекстах допустимы:

- (76) *Всякий (Тот), кто первый откликнется на твой зов, — твой друг.*

Семантический аргумент в пользу автономности выделенного нами подкласса относительных местоимений состоит в том, что их значения отличаются от значений обычных относительных местоимений указанием на неопределенность предмета, места и т. п. Мы не можем пока сказать, в какой форме это указание должно включаться в их толкование, но для наших целей достаточно признать, что они в

принципе выражают идею неопределенности. Косвенным подтверждением этой гипотезы является тот факт, что по смыслу они ближе к неопределенным местоимениям *кто-либо, что-либо, где-либо, куда-либо, некто, нечто* и т. п., чем к обычным относительным местоимениям. Это проявляется, в частности, в следующих перифразах:

- (77а) *Туда некого послать* = 'Нет кого-либо, кого можно туда послать',
 (77б) *Есть кого туда послать* = 'Есть некто, кого можно туда послать',
 (77в) *Там есть что читать?* = 'Есть ли там что-либо, что можно читать?'

Неопределенность входит и в значение адverbиальных *не²*-единиц и обнаруживает себя в перифразах типа

- (77г) *Негде спать* = 'Нет какого-либо места, где можно спать'.

Таким образом, семантический аргумент оказывается сквозным, охватывающим и субстантивные, и адverbиальные *не²*-выражения.

Конечно, все эти особенности К-слов, встречающихся в наших конструкциях, можно было бы описать и без выделения их в специальный класс, т. е. непосредственно в словарных статьях обычных относительных местоимений. Однако тогда лексикографически интересная группировка была бы растворена в другом материале. Выделение такой группировки позволяет высветить системный характер отличий наших относительных местоимений от обычных.

Итак, К-слова, употребляющиеся в рассматриваемых конструкциях, — это не вопросительные местоимения и даже не обычные относительные, а особый подкласс относительных местоимений.

Перейдем к следующему вопросу, связанному с третьей позицией: отличаются ли отрицательные конструкции от соответствующих им утвердительных по составу К-слов.

На такой вопрос наводит уже рассмотренная нами подборка примеров (63)—(68). Мы видели, что отрицательные конструкции с К-словами воспринимаются как существенно менее правильные, чем их утвердительные и вопросительные корреляты. В другом месте мы обращали внимание и на просодические отличия К-слов в составе отрицательных конструкций от К-слов в составе утвердительных и вопросительных конструкций (см. п. 2.1.1.2). Теперь пришло время дополнить сводку этих различий рядом лексико-семантических соображений.

Почти все К-слова в составе утвердительных и вопросительных конструкций допускают толкование по схеме

- (78а) *кого* = 'человек, которого можно',
 (78б) *что, чего* = 'вещь, которую можно',
 (78в) *где* = 'место, в котором можно',
 (78г) *куда* = 'место, в которое можно',
 (78д) *откуда* = 'место, из которого можно',
 (78е) *когда* = 'время, в которое можно'²⁶.

Лишь слово *зачем* не допускает такого толкования. Оно имеет сложное значение, осциллирующее между значениями причины, основания, цели и мотивировки.

В дальнейшем мы будем условно называть его причинно-целевым. В какой-то форме в него входит и модальность, но не модальность возможности, а модальность необходимости:

- (79) *Незачем туда ехать* = 'Не существует оснований, по которым нужно туда ехать'.

В составе отрицательной конструкции не всем К-словам можно дать столь единообразные толкования. Прежде всего следует выделить единицу *некогда*. С одной стороны, у нее есть значение, сопоставимое с *когда* утвердительных и вопросительных предложений, т. е. значение 'не существует времени, в которое можно':

- (80а) [*В Голливуде*] *актеры не пьют. Некогда: в любой момент ты можешь стать звездой, а такой момент необходимо встретить трезвым* (Московский комсомолец. 1989. 22 февр.);
 (80б) *Мне некогда было привыкнуть к жесткой рыси Аргамака* (И. Бабель).

С другой стороны, у *некогда* есть значение **дефицита** времени, в котором оно не сопоставимо с *когда* утвердительных и вопросительных предложений:

- (81) *Мне некогда заниматься музыкой* = 'У меня настолько мало времени, что занятия музыкой для меня невозможны' ≠ 'Не существует времени, в которое я могу заниматься музыкой'.

²⁶ В данном случае мы отвлекаемся от вопроса о том, где следует локализовать модальность: в толковании К-слова, в толковании (одного из грамматических значений) инфинитива или в толковании всей конструкции.

Это второе значение охватывает, по-видимому, большинство употреблений *некогда*. Ср.

- (82а) *Тестю некогда глядеть, смотрит ли кто в окошко или нет* (Н. В. Гоголь);
 (82б) *У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть* (А. П. Чехов);
 (82в) *О душе подумать некогда* (М. Горький).

Поскольку у *некогда* есть значение, не сопоставимое со значением *когда* утвердительных и общевопросительных предложений, мы должны признать, что состав К-слов отрицательных и неотрицательных конструкций не совпадает, по крайней мере, в этом пункте.

Отметим еще одно расхождение, связанное с элементом *что* в причинно-целевом значении. Есть две *не*²-конструкции, в которых *что* имеет это значение:

- (83а) *Нечего с ним спорить,*
 (83б) *Не к чему с ним спорить.*

Соответствующие утвердительные и общевопросительные конструкции с относительным местоимением *что* затруднены или невозможны:

- (83в) **Есть что с ним спорить,*
 (83г) **Есть что с ним спорить?;*
 (83д) **Есть чего с ним спорить,*
 (83е) **Есть чего с ним спорить?;*
 (83ж) **Есть к чему с ним спорить,*
 (83з) **Есть к чему с ним спорить?*

Следовательно, среди К-слов утвердительных и общевопросительных конструкций нет безупречных аналогов для причинно-целевых *нечего* и *не к чему* в отрицательных конструкциях. Подчеркнем, что для объектного значения *нечего* и *не к чему* такие соответствия есть; ср. *нечего добиваться* и *есть чего добиваться*, *не к чему стремиться* и *есть к чему стремиться*.

В целом, как видим, синтаксический параллелизм утвердительных, общевопросительных и общеотрицательных конструкций не до конца поддерживается лексико-семантическим параллелизмом их К-слов. Состав К-слов в двух неотрицательных конструкциях несколько уже, потому что там нет чистых аналогов для *некогда* в значении дефицита времени и для *нечего*, *не к чему* в причинно-целевом значении.

Последний вопрос, который мы должны рассмотреть в связи с третьей позицией, — это вопрос о синтаксической и семантической гомогенности К-слов, встречающихся в отрицательных конструкциях. Обсуждение этого вопроса тоже в значительной мере подготовлено выводами, к которым мы пришли в результате сопоставления неотрицательных и отрицательных конструкций с К-словами.

Абсолютно во всех посвященных $не^2$ -конструкциям работах, с которыми нам удалось познакомиться, предполагается, что класс встречающихся в них К-слов синтаксически и семантически однороден. Нам представляется, что степень их однородности преувеличивается.

Начнем опять-таки с единицы *некогда* во втором значении — *некогда*². Выше было показано, что *когда* в составе *некогда*² не равно *когда* в составе утвердительных и общевопросительных предложений. Но коль скоро в *некогда*² нельзя вычленить «нормального» *когда*, а «ненормальное» *когда* за пределами *некогда* не встречается, у нас не остается ровно никаких оснований для его расчленения на два слова.

Вывод о том, что *искогда*² — цельное слово со специфической семантикой (вспомним идею дефицита времени), поддерживается и некоторыми синтаксическими соображениями. В частности, *некогда*² — единственная единица изучаемого класса, которая допускает градуирование с помощью наречий степени и употребление без инфинитива:

- (84а) Мне очень *(немного)* некогда, но не
(84б) *Мне очень *(незачем, некуда)*.

Оторвавшись от класса канонических $не^2$ -выражений, т. е. от синтаксических агломератов, *некогда*² перестало отличаться от так называемой «категории состояния» (мы уже говорили об этом в п. 2.1.2.3)²⁷.

Интересны в этом отношении и причинно-целевые *нечего, не к чему*. Выше было показано, что у них нет аналогов среди относительных местоимений *что, чего, к чему*. Теперь к этому можно добавить, что такие аналоги обнаруживаются в совершенно другом

²⁷ Указанные свойства *некогда* — градуируемость, опустимость инфинитива и близость к «категории состояния» отмечают и другие авторы; ср. например, [Veugens 1979], [Guiraud-Weber 1984: 248]. Однако они считают эти свойства особенностями единого *некогда* и не видят здесь двух лексических единиц.

месте — среди вопросительных местоимений «недоуменно»-вопросительных конструкций. Изучение последних проливает свет и на природу *нечего, не к чему*. Рассмотрим несколько примеров.

- (85а) *Что было спорить?*,
(85б) *Чего было спорить?*,
(85в) *К чему было спорить?*

Те же самые *что, чего* и *к чему* употребляются и в других конструкциях:

- (86а) *Что же ты не едешь?*,
(86б) *Чего ты по-пустому волнуешься?*,
(86в) *К чему ты такие книги покупаешь?*

Представляется очевидным, что вопросительные местоимения в (85)–(86) — это квазисинонимичные наречия с причинно-целевым значением (ср. соображения на эту тему в [Guiraud-Weber 1984: 249]). Будучи наречиями, они, естественно, лишены склонения. Поэтому неправильно считать *что* и *чего* падежными формами одного слова, как это делается, например, в МАСе, тем более, что они отличаются друг от друга стилистически. *К чему* — тоже самостоятельное однословное наречие, которое лишь в силу орфографической условности пишется в два слова. Так же пишется и просторечное синонимичное наречие *на что*; однако условность орфографии обеих этих единиц подчеркивается тем обстоятельством, что синонимичное им наречие *почто* (вариант — *пошто*), как, впрочем, и *почему*, пишется слитно.

Причинно-целевое *нечего* ни при каких условиях не разрывается на $не^2$ и причинно-целевое относительное *чего*. Следовательно, у нас нет равным счетом никаких аргументов в пользу того, что данное *нечего* — это соединение двух слов, и мы должны признать его одним словом. Поскольку, далее, $не^2$ в составе причинно-целевого *не к чему* ни при каких обстоятельствах не отрывается от *к чему* (относительного причинно-целевого *к чему*, как мы помним, просто не существует), мы должны признать цельным словом и данное *не к чему*, несмотря на его орфографию. Кстати, по тем же самым соображениям единым словом является и причинно-целевое *ни к чему*, которое полностью синонимично нашему *не к чему* и не имеет отношения к отрицательному местоимению *ничто*, ср.

- (87а) *Вам не к чему с ним разговаривать* ⇒ *Вам ни к чему с ним разговаривать*, но

(87б) *Со стороны он [план] выглядел стройно, придраться было не к чему* (В. Некрасов) ⇒ **придраться было ни к чему*.

Итак, *некогда*² (со значением дефицита времени) и причинно-целевые *нечего к не к чему*, будучи словами, синтаксически и семантически отрываются от других *не*²-единиц и требуют другого лексикографического решения.

Заключим данный раздел схемой лексикографического описания *не*²-выражений, учитывающей все рассмотренные в связи с третьей позицией факты.

Для классических агломератов *некого, нечего* (в объектных значениях), *негде, некуда, неоткуда, незачем*, а также *некогда* (в стандартном значении, представленном в примерах (80)) в словаре необходимо предусмотреть одноименные словарные статьи, отсылающие к словарным статьям особых относительных местоименных субстантивов и наречий *кого, что, где, куда, откуда, зачем* и *когда*. Причинно-целевые наречия *нечего, не к чему* и наречие *некогда* (со значением дефицита времени) образуют самостоятельные словарные входы.

2.1.4.4. Пятая позиция

Пятая позиция — одна из ключевых в нашей обойме, потому что она осуществляет некий семантический диктат по отношению к первой и третьим позициям. Сейчас для нас особенно важен диктат по отношению к первой позиции — позиции агенса: семантика этого подчиненного элемента проливает свет на значение главного элемента, т. е. на значение инфинитива.

Коль скоро у инфинитива есть валентность агенса, т. е. целесообразного производителя действия, сам этот инфинитив должен, вообще говоря, обозначать действие. Таково, действительно, первое семантическое условие, накладываемое на класс глаголов, способных занимать пятую позицию.

Второе — (глубинно-)синтаксическое условие накладывается на актантную структуру глагола и состоит в том, что агенс должен быть его первым актантом. Это требование отражает некий более общий факт привилегированности первой агенсной или субъектной валентности во всем строе русского синтаксиса. Вспомним хотя бы правило кореферентности субъекта дееспричастия и первого — субъектного же — актанта главного глагола или правило кореферентности

субъекта притяжательного местоимения *свой* с субъектом-подлежащим глагола, которому подчинена именная группа, содержащая это местоимение.

Мы вынуждены ограничиться этой ссылкой на системный фактор, в известной мере мотивирующий второе сформулированное нами условие, хотя и допускаем, что оно имеет более глубокую семантическую подоплеку.

На основе обоих сформулированных условий можно теоретически предсказать, какие группы глаголов способны занимать позицию инфинитива в наших конструкциях, а какие не способны.

Очевидно, что каноническими для этой позиции будут глаголы, обозначающие действия в собственном смысле слова: *брать, давать, идти, писать, работать, чинить* и т. п.:

(88) *Некому взять книги* (сделать заказ, идти на дежурство, писать отчет, работать, починить замок).

Любые отступления от этого канонического типа должны караться той или иной степенью несвободы относительно позиции инфинитива. В чрезвычайно пестром и разнообразном лексическом и грамматическом материале, представляющем собой отступление от канона, можно выделить несколько групп с достаточно четкими границами: 1) стативные глаголы; 2) глаголы, агенсная валентность которых насыщена суррогатом агенса; 3) глаголы в страдательном залоге; 4) глаголы типа *нравиться, импонировать, претить* и глаголы типа *хотеться, мерещиться*; 5) безличные глаголы.

Рассмотрим эти пять групп в указанном здесь порядке.

1. Стативные глаголы в меньшей мере, чем глаголы действия, приспособлены для того, чтобы заполнять позицию инфинитива; ср.:

(89а) [?]*Его некому* (негде, незачем) *видеть*,
 (89б) [?]*Его есть кому* (есть где, есть зачем) *видеть*;
 (89в) [?]*Некому* (негде, незачем) *слышать песню*,
 (89г) [?]*Песню есть кому* (есть где, есть зачем) *слышать*.

Небольшое отклонение от нормы в таких предложениях особенно хорошо улавливается на контрастном фоне вполне правильных предложений с соответствующими глаголами действия:

(90а) [?]*Некому слышать музыку* (видеть закат) (стативы),
 (90б) *Некому слушать музыку* (смотреть на закат) (действия);
 (91а) ^{??}*Некому думать, что старику нужно внимание* (статив),
 (91б) *Некому думать о старике* (действие).

2. Следующий класс глаголов, сопротивляющихся помещению в позицию инфинитива, — это глаголы действия, первая валентность которых, однако, насыщена не настоящим агенсом, т. е. именем производителя действия, а его суррогатом, например именем животного или вещи. Ср.:

- (92а) У них некому пахать землю: все мужчины подались в город;
 (92б) ?У них некому пахать землю: все лошади давно проданы;
 (92в) *У них нечему пахать землю: все трактора неисправны.

Такие глаголы не удовлетворяют второму условию, так как их первый актант не является агенсным в полном смысле слова. Ср., например,

- (93) Трактор пашет поле =
 'Некто с помощью трактора пашет поле'

(трактор только метонимически может интерпретироваться как Агенс; на самом деле это Инструмент).

3. Позиция инфинитива явным образом противопоставлена пассивным формам глагола:

- (94а) Этот вопрос некому (негде, незачем) рассматривать,
 (94б) *Этому вопросу некем (негде, незачем) рассматриваться.

Аномальность (94б) легко объяснима: в пассивной форме глагола первое место оказывается занятым объектом действия, а агенс отодвигается на второе.

4. Следующий класс глаголов, не способных заполнять инфинитивную позицию, составляют похожие на пассивную форму²⁸ глаголы, обозначающие эмоциональные состояния типа *нравиться*, *импонировать*, *претить*, *опротиветь* и т. п. и безотчетные интеллектуальные и волевые состояния типа *казаться*, *мерещиться*, *привидеться*, *чудиться*, *хотеться* и т. п. У них есть по две интересные для нас валентности:

- (95а) Его смелость [объект, содержание] импонирует Ивану [субъект];

²⁸ Иногда они даже квалифицируются как (однозалоговые) пассивы; см. [Милославский 1978]. Этот тезис, однако, представляется нам слишком далеко идущим: он может быть принят только при условии коренного пересмотра грамматического понятия пассива.

- (95б) Это [объект, содержание] почудилось Ивану [субъект].

Помещение таких глаголов в позицию инфинитива порождает два типа сомнительных или неправильных предложений:

- (96а) ??Его смелости некому нравиться,
 (96б) *Ивану нечему нравиться (в Марши);
 (97а) *Этого некому хотеться,
 (97б) *Ивану нечему мерещиться.

Степень неправильности (96)–(97) превосходит степень неправильности (89), где позицию инфинитива занимают канонические стativas. Объясняется это тем, что в (96)–(97) нарушено не только семантическое, но и глубинно-синтаксическое требование к заполнению этой позиции. В (96а) и (97а) первым актантом является не субъект, а объект (содержание) — *его смелость*, *это*. В (96б) и (97б) субъект состояния (*Иван*) является не первым, а вторым актантом глагола.

5. Последний класс глаголов, которые не могут заполнять инфинитивную позицию, — безличные глаголы; ср.:

- (99а) Из-за чего так рано темнеет? —
 (99б) *Не из-за чего так рано темнеть;
 (100а) Кого угораздило влюбиться в такую дуру? —
 (100б) *Некого было угораздить влюбиться в такую дуру;
 (101а) Среди нас не было никого, кому бы хватило самообладания в такую минуту,
 (101б) *Среди нас некому было хватить самообладания в такую минуту;
 (102а) Кому-нибудь из вас ругали за то, что вы разбили окно? —
 Некому было ругать: мы все убежали,
 (102б) Кому-нибудь из вас попало (влетело, нагорело) за то, что вы разбили окно? — *Некому было попасть (влететь, нагореть): мы все убежали;
 (103а) На даче мне всегда хорошо работалось (легко дышалось),
 (103б) *На даче некому было хорошо работать (легко дышаться).

Неправильность конструкций (99б)–(103б) объясняется тем, что в них не выполняется второе из наших требований, а именно требование о том, что первая валентность глагола должна быть валентностью агенса. Мы разделяем предложенную в [Мельчук 1974б] точку зрения, в силу которой первая валентность всех безличных глаголов

замещается нулевой лексемой, значение которой, однако, каково бы оно ни было, во всяком случае не является чисто агенсным.

Впрочем, для безличных глаголов оказывается нарушенным и первое наше требование: ни один из них не является глаголом действия в собственном смысле слова. Может, правда, показаться, что некоторые из так называемых демипассивных глаголов, например *работается, поется*, обозначают действия. Однако это впечатление обманчиво: они гораздо ближе к стативам. Об этом, кстати, свидетельствует и сам набор классов глаголов, от которых демипассивы образованы: в основном это глаголы физического состояния (*спит-ся, дремлет-ся*), интеллектуального состояния (*думается, верится*) и занятия (*работается, поется*); ср. [Заичкова 1972: 16 и сл.]. Характерным проявлением различия между настоящими глаголами действия и производными от них демипассивами является несовпадение областей действия отрицания и оценочных наречий в семантических структурах соответствующих глаголов; ср.:

- (104а) *Я не работаю,*
 (104б) *Мне не работает-ся;*
 (105а) *Я хорошо работаю,*
 (105б) *Мне хорошо работает-ся.*

В (104а) отрицается само действие, а в (104б) — наличие прогресса в работе; попытка работать, возможно, имеет место. В (105а) оценка может относиться к результату работы, а в (105б) она относится только к ее прогрессу.

Вывод о близости демипассивов к стативам подтверждается тем фактом, что у них есть ряд общих видовых свойств; в частности, демипассивы не имеют актуально-длительного значения несовершенного вида, не образуют совершенного вида и производных глаголов совершенного вида; ср.:

- (106а) *Когда она вошла, Иван не работал,*
 (106б) **Когда она вошла, Ивану не работалось;*
 (107а) *Я сегодня хорошо поспал,*
 (107б) **Мне сегодня хорошо поспалось.*

2.1.5. Заключение

Подводя итоги нашего исследования, попытаемся в множестве разнородных свойств *не*²-конструкций и их утвердительных и обще-

вопросительных коррелятов выделить и сформулировать некое надсвойство, определяющее их языковую уникальность и их лингвистическую загадочность. Нам представляется, что это надсвойство уместнее всего назвать мимикрией. *Не*²-конструкции и их корреляты — это конструкции-хамелеоны. Каждая конструкция в целом и все ее составные части в отдельности искусно маскируют свою подлинную сущность и на поверхности предстают не тем, чем являются на самом деле.

Отрицательные конструкции в настоящем времени внешне не имеют личного глагола (*Некуда переехать*) и поэтому привычным сравнением с прошедшим или будущим временем интерпретируются как связочные, с нулевой связкой и *не*²-единицей в роли предикатива. В утвердительных (и общевопросительных) конструкциях глагол *быть* материально представлен в настоящем времени (*Есть куда переехать*) и поэтому естественно интерпретируется как экзистенциальный. Это внешнее различие подталкивает к ложной мысли, будто утвердительные (и общевопросительные) конструкции «имеют совершенно иное синтаксическое строение», чем отрицательные ([Ломтев 1956: 77]; ср. также [Чернов 1966: 95]). Данный вывод легко подкрепить (что фактически и делается) сравнением отрицательных конструкций с их историческими прототипами. Как известно, синтаксическая структура последних была и внешне идентична синтаксической структуре утвердительных конструкций: раньше в отрицательных конструкциях был материально представлен именно экзистенциальный, а не связочный глагол, ср. *И не бысть имь куда переѣхати* (Ипат. л.: 127; цитируется по [Ломтев 1956: 77]).

Лишь тщательная внутренняя реконструкция, приводящая к обнаружению двух лично-глагольных центров — экзистенциального и связочного — во всех без исключения конструкциях интересующего нас класса, позволяет установить глубокое тождество синтаксических структур отрицательных, утвердительных и общевопросительных инфинитивных предложений в современном русском языке. Заметим, кстати, что в данном случае диахрония проливает яркий свет на синхронию.

Такой же камуфляж обнаруживается почти во всех основополагающих позициях изучаемых конструкций.

Дательный агенса на первый взгляд альтернирует с *у*-формами. При более пристальном анализе фактов оказывается, однако, что эти два ряда форм различны: *у*-формы обозначают не агенса, а посессора или субъекта личной сферы.

Элемент *не-*, маскирующийся под словообразовательную частицу, оказывается в конечном счете отрицательным глаголом, притом разным в разных случаях употребления. В сочетании с дательным агенса — это экзистенциальный глагол *не²1*, вариант *нет1*. В сочетании с *у-*формами — это посессивный глагол *не²2*, вариант *нет2*. Обе эти глагольные лексемы оказываются в сложном отношении вытеснимости с глаголом-связкой *быть1* четвертой позиции. Именно из-за этого возникает опасная иллюзия, будто во всех изучаемых конструкциях есть ровно одна позиция личного глагола — либо позиция экзистенциального глагола, либо позиция связки.

Местоименные слова третьей позиции маскируются особенно изощренно.

Прежде всего они порождают иллюзию своей «двойственной природы», нашедшую отражение во многих специальных работах. Прочитируем характерное высказывание А. Н. Гвоздева [1968: 96] на этот счет: «С одной стороны, они [местоимения] сохраняют значения второстепенных членов, выражая различные объекты и обстоятельства, и в этом смысле обнаруживают свою зависимость от инфинитива. С другой стороны, они совмещают со значением второстепенных членов предикативное значение невозможности действия и довольно явно в свою очередь подчиняют себе инфинитив». В действительности, как мы видели, никакой синтаксической двойственности и взаимного подчинения нет: синтаксически К-слова зависят не от инфинитива, а от глагола-связки, при котором они выполняют функцию предикатива. Лишь семантически они являются актантами или сирконстантами инфинитива. Это синтаксическое смещение К-слов от их подлинного семантического хозяина, хозяина *de natura*, к хозяину *de positione* глубоко скрыто, что и наводит на ложный след.

Во-вторых, К-слова маскируются под вопросительные местоимения, между тем как на самом деле они являются особой разновидностью относительных местоимений.

Наконец, в-третьих, К-слова предстают как семантически и синтаксически совершенно однородная группа. Нет ни одной специальной работы, посвященной отрицательным конструкциям с *не²*-выражениями, где бы не называлось ровно семь формирующих ее элементов — *некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, незачем, некогда*. При этом обычно для каждой из семи результирующих конструкций отыскиваются параллельные ей утвердительная и общевопросительная конструкции. Более детальный анализ показывает, однако, что эта группа в ходе развития языка подверглась значительному рас-

слоению. От нее отделились, по семантическим основаниям, почти все конструкции с *некогда*; последнее стало единым словом, практически утратившим соотносительность с *когда* утвердительных и общевопросительных конструкций. Оторвались от своих прототипов и отрицательные конструкции с причинно-целевыми *нечего* и *не к чему*: причинно-целевых *чего* и *к чему* в утвердительных и общевопросительных конструкциях интересующего нас типа просто нет. В результате тот идеальный параллелизм трех классов конструкций, который усматривается в большинстве специальных работ, разрушается.

Напомним в заключение, что *некого, нечего, негде, некуда, неоткуда, незачем* внешне маскируются под слова, а на деле не являются даже словосочетаниями с внутренне замкнутой синтаксической структурой.

Распутать эту многослойную мимирию было непросто. Если, однако, наши результаты получают признание, мы будем считать, что затраченные на эту работу усилия вполне вознаграждены. Ибо для нас важен не только конкретный результат сам по себе, но и более общая идея синтаксических агломератов и мимирирующих синтаксических конструкций, которая, возможно, даст ключ к пониманию других загадочных явлений языка.

2.2. Пролептические и близкие к ним конструкции ²⁹

В разделе рассматривается большой класс конструкций малого синтаксиса, которые традиция специально не выделяет в особую группу. Тем самым они «растворяются» среди русских конструкций с обособлением, хотя обладают целым рядом семантических, синтаксических и стилистических особенностей, настолько существенных, что это оправдывает введение в синтаксическое описание особого пролептического синтаксического отношения.

2.2.1. Вводные замечания

В традиционной русистике термин пролептические конструкции, насколько нам известно, не используется ³⁰. Однако при-

²⁹ Автор раздела благодарен С. М. Кузьминой и А. В. Санникову за консультации и помощь.

³⁰ Впервые пролептическое СинтО было введено в формальной модели синтаксиса французского языка; см. [Апресян 1983б]; [Апресян и др. 1983];

меры конструкций, которые мы называем пролептическими, приводятся как в общих курсах синтаксиса, так и в академических грамматиках.

Так, в книге А. М. Пешковского [2001] даются такие примеры, как *Квартальный поручик, он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту* (Н. В. Гоголь); *Эта романтическая литература начала XIX века в Германии, она влияла...* В [Грамматика 1960] обнаруживается пример *Слезы унижения, они были едки* (К. Федин), а в [Грамматика 1970] — целая серия конструкций: *Мама, она на работу ушла; Ребята, они народ хитрый; Какое оно, счастье?; Он не мог не начаться, умный, открытый разговор*. Подобные конструкции фиксируются и в разговорной речи, ср. *Русский старинный фарфор / он сейчас вот ценится; Воробьи / они ведь куда не улетают; Управдом / она вам ничего не скажет* [РРР 1973].

Наиболее подробно этот материал рассматривается в [Грамматика 1980] в большом, богато иллюстрируемом разделе об обособлении, написанном И. А. Ицковичем. Правда, и здесь пролептические конструкции «растворены» среди конструкций с обособлением. Это и неудивительно: в пролептических конструкциях налицо интонационное (и пунктуационное) обособление в пределах фразы. Более того, некоторые фразы письменного текста, содержащие такие конструкции, неоднозначны, допускают двойное понимание и стилистическое использование. Так, предложение

(1) *Потомственные аристократы, они любили простой народ*

можно интерпретировать либо как

(1') '(всем) потомственным аристократам было свойственно любить простой народ';

либо как

(1'') 'хотя описываемые конкретные лица были потомственными аристократами, они любили простой народ'.

Как мы увидим ниже, пролептической конструкции соответствует интерпретация (1').

Дальнейшее изложение строится по следующему плану: в разделе 2.2.2 дается краткая характеристика обособленно-атрибутивных

[Апресян и др. 1984]; [Апресян, Богуславский и др. 1985]; [Апресян, Гецевич и др. 1985]. См. также пункт 1.2.4.7 выше. В работе Е. В. Падучевой (1996: 382, 397) используется термин *пролеписис*, но в другом значении: «явное нарушение хронологии», «временной сдвиг».

конструкций, близких к пролептическим; в разделе 2.2.3 рассматриваются собственно пролептические конструкции и их отличие от обособленно-атрибутивных и, наконец, в разделе 2.2.4 анализируются некоторые промежуточные конструкции, отнесение которых к пролептическим остается спорным.

2.2.2. Обособленно-атрибутивные конструкции

Хотя русские конструкции с обособлением не обойдены вниманием исследователей, однако они нуждаются в дальнейшем изучении. В данном разделе мы сосредоточимся на одном виде конструкций с обособлением, с оглядкой на основную цель — описание пролептических конструкций.

В [Грамматика 1980: 181] выделяются поясняющие обособленные обороты (они «имеют уточняющий, конкретизирующий характер»: *Возле стены, в нише, удобный лежак* (В. Шукшин); *У нас, у довоенных мальчишек, ..., война отняла ласковую школьную романтику* (М. Анчаров)) и полупредикативные обороты («Они содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространенной части предложения, и характеризуются относительной информационной самостоятельностью»). В [Грамматика 1980] полупредикативные обороты (и обособление в целом) — понятия очень широкие, включающие и субстантивные обороты, и деепричастные и причастные обороты, и адъективные обороты: *Вернувшись в каюту, он долго не мог заснуть* (Л. Соболев); *Улицы, созданные пешеходами, перешли во власть автомобилистов* (И. Ильф и Е. Петров); *Малообщительный по натуре, он после смерти жены стал еще замкнутее и нелюдимее* (А. Грин).

Из выделяемых В. А. Ицковичем групп с обособлением для нас наибольший интерес представляют «субстантивные обороты» [Грамматика 1980: 184—185], куда без особых оговорок включены и пролептические конструкции. Отмечается, что в конструкциях этого типа препозитивный субстантивный оборот, относящийся к личному местоимению, имеет обстоятельство-характеризующее значение — причинное, как в

(2) *Человек партии, я признаю только суд моей партии* (М. Горький),

или уступительное, как в

- (3) *Человек до революции консервативных взглядов, он изменился в революции* (В. Шкловский).

Нетрудно убедиться, однако, в том, что вводимое в [Грамматика 1980] ограничение на местоименность синтаксического хозяина обособленного оборота ошибочно. В самом деле, во всех приводимых примерах этого типа вполне допустима без нарушения грамматической правильности замена личных местоимений неместоименными существительными, ср.:

- (2а) *Человек партии, Иванов признавал только суд своей партии;*
 (3а) *Человек до революции консервативных взглядов, отец изменился в революции.*

В примерах (2—3) указания на причинность или уступительность, бесспорно, есть, но создаются они не самим оборотом, предшествующим местоименному или полнозначному существительному, а второй частью или последующим контекстом.

Об этом свидетельствует тот факт, что каждый из приводимых в [Грамматика 1980] примеров допускает прямо противоположное продолжение: (2) — уступительное, а (3) — причинное, ср.:

- (2б) *Человек партии, я не признаю суда моей партии.*
 (3б) *Человек до революции консервативных взглядов, он не изменился в революции.*

Если же последующий контекст не свидетельствует однозначно, с чем мы имеем дело — с указанием причины или же уступки, то мы теряемся в догадках:

- (4) *Потомственный дворянин, он поступил в Нижегородскую гимназию (Так как ...?, Хотя ...?).*

Только знание реалий или расширение контекста может нам помочь, и только в этом случае мы можем определиться:

- (4а) *Потомственный дворянин, он поступил в лучшую Нижегородскую гимназию (причина).*
 (4б) *Потомственный дворянин, он поступил в захудалую Нижегородскую гимназию (уступка).*

С изменением ситуации может меняться и понимание соответствующих высказываний, ср. ниже (5) и (6):

- (5) *Потомственный дворянин, он не покинул Россию.*
 (6) *Потомственный дворянин, он покинул Россию.*

По отношению к дореволюционному времени высказывание (5) скорее выражает причинное значение (= так как), а (6) — уступительное (= хотя). После революции эти высказывания, метафорически говоря, меняются значениями: высказывание (5) скорее интерпретируется как уступительное, а (6) — как причинное (потомственным дворянам было необходимо покинуть родину).

Следует ли из этого, что в описываемых конструкциях нет ни того, ни другого смысла? Видимо, нет. Ведь мы понимаем, что в (5) и (6) есть связь между частями — причинная или уступительная, пусть мы и затрудняемся ее идентифицировать.

Эта возможность двоякого понимания есть всегда, даже в самых «безнадежных ситуациях». Один пример: *Раб, он ненавидел рабство*. Существительное *раб* индуцирует здесь причинную связь, да другой, казалось бы, и быть не может. Это не так: вполне допустимо высказывание, содержащее уступку: *Раб, он оправдывал рабство*.

Итак, в конструкциях этого типа одно из значений (причинное или уступительное) есть, хотя оно зачастую эксплицитно не выражено. И этим конструкции с обособлением (5) и (6) отличаются от конструкций без обособления, где нет указания ни на причинную, ни на уступительную зависимость:

- (7) *Потомственный дворянин поступил в Нижегородскую гимназию.*
 (8) *Сын крестьянина поступил в Нижегородскую гимназию.*

В грамматиках справедливо отмечается, что обособленные субстантивные обороты соотносимы с придаточными предложениями, вводимыми союзами *так как, хотя* или с оборотом с *будучи*. Ср.:

- (9а) *Так как (поскольку) я человек партии, я признаю суд моей партии.*
 (9б) *Хотя я человек партии, я не признаю суда моей партии.*
 (9в) *Будучи человеком партии, я признаю суд моей партии.*

Здесь необходимо одно важное уточнение. Конструкции с деепричастием *будучи*, в отличие от конструкций с обособлением, допустимы при выражении лишь *причинной*, но не уступительной зависимости. Ср. (10) и (11):

- (10а) *Опытный специалист, он быстро нашел работу (причина);*

(10б) *Опытный специалист, он никак не мог найти работу (уступка);*

(11а) *Будучи опытным специалистом, он быстро нашел работу (причина),*

но не

(11б) *Будучи опытным специалистом, он никак не мог найти работу (уступка).*

Обособленные обороты такого типа могут быть как препозитивными, так и постпозитивными, и существенного смыслового различия между ними мы не видим; ср. (10а) и

(10в) *Он, опытный специалист, быстро нашел работу.*

Возможно, в случае препозиции, как в (10а), дополнительное причинное значение более ощутимо при привлечении более широкого контекста. Ср.:

(12) *Умный человек, он сделал блестящую карьеру.*

Эта фраза допускает дальнейшее обсуждение причины: *Однако главной причиной его успехов был не ум, а связи в высшем обществе.* Между тем высказывание

(12а) *Он, умный человек, сделал блестящую карьеру. Однако главной причиной его успехов был не ум, а связи в высшем обществе*

представляется несколько менее естественным.

Отметим еще один тип конструкций с обособлением. Они близки к рассмотренным выше, но не содержат ни причинного, ни уступительного значения. Это конструкции с атрибутивным (обычно атрибутивно-оценочным) значением. Они допускают разный порядок элементов:

(13а) *Он, негодяй, погубил своего отца.*

(13б) *Негодяй, он погубил своего отца.*

В таких случаях допустимо местоимение любого лица и числа, ср.: *Я, негодяй, погубил своего отца; Ты, негодяй, погубил своего отца; Мы, негодяи, отравили ему жизнь; Негодяи, мы отравили ему жизнь.*

Однако в случае 2-го лица трудно отделить характеризующее обособление от обращения. Это тонко подметил еще А. М. Пешковский [2001: 408], который, обсуждая пушкинские строки *Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид; Привет-*

ствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья, указывал, что трудно однозначно квалифицировать эти предложения как содержащие обособленное определение (атрибут) или обращение.

Как и в рассмотренных выше конструкциях с причинным или уступительным значением, хозяином здесь может быть не только личное местоимение, но и неместоименное существительное; ср. *Ученики, негодяи, отравили ему жизнь; Коля, негодяй, погубил своего отца.*

Интересно, что обособленное обращение *ты* или *вы* в побудительных предложениях встречается редко, ср. странность

(14а) *Иди сюда, ты!*

или

(15а) *Вы, не перебивайте меня!*

при обычном

(14б) *Иди сюда, Коля!*

Однако подобные конструкции с обращениями *ты* или *вы* становятся допустимыми, если местоимение сопровождается обособленным атрибутивным зависимым, обычно со значением отрицательной оценки; ср.

(14б) *Иди сюда, ты, негодяй!*

(15б) *Вы, лентяи, не перебивайте меня!*

2.2.3. Пролептические конструкции

Вопрос о пролептических конструкциях активно обсуждался авторами этой книги и другими коллегами, занятыми решением прикладных задач автоматической обработки текстов (в первую очередь задачи построения глубоко аннотированного корпуса русского языка). Особое внимание на этих обсуждениях уделялось способам формального представления описываемых конструкций. Для конструкций типа

(16) *Сомнения, они должны быть*

было решено ввести особое пролептическое синтаксическое отношение. Это решение аналогично принятой в традиционной французской грамматике интерпретации французских конструкций типа *Lui,*

il est malade букв. *Он, он болен* ≈ 'Что касается его, то он болен'. Пролептическое отношение соединяет семантически неполнозначное слово, занимающее нормальную позицию в конструкции (например, позицию подлежащего), со словом, вынесенным вовне. В (16) подлежащее (местоимение *они*) — главный член пролептического отношения, а зависимый член — существительное *сомнения*.

На первый взгляд пролептические конструкции мало отличаются от рассмотренных в 2.2.2 конструкций с обособлением: недаром, как мы уже отмечали, в грамматиках примеры пролептических конструкций растворены среди субстантивных обособленных оборотов.

Стоит, однако изменить референциальный статус существительного (с конкретно-референтного на родовой), как меняется тип конструкции — от обособленно-атрибутивной интерпретации (17а) мы переходим к пролептической (17б):

(17а) *Опытный специалист, он быстро найдет работу* (о конкретном лице).

(17б) *Опытный специалист, он быстро найдет работу* (общее высказывание, о классе лиц; ≈ 'Что касается опытного специалиста, такой человек быстро найдет работу').

Примеры (17а) и (17б) на первый взгляд тождественны. Однако на самом деле они существенно различаются и интонационно, и по синтаксическим (в частности, сочетаемым) свойствам, и по стилистическим характеристикам.

Причинная связь, достаточно явственная в (17а), в (17б) менее ощутима; (17а) допускает замену на предложение с уступкой, а (17б) — нет. Ср.:

(17в) *Опытный специалист, он (Иванов) нигде не найдет работу* (о конкретном человеке) = *Хотя он (Иванов) опытный специалист, он нигде не найдет работу*.

(17г) ^{??}*Опытный специалист, он нигде не найдет работу*; = ^{??}*Хотя он опытный специалист, он нигде не найдет работу* (общее высказывание, о классе лиц; ≈ 'Что касается опытного специалиста, такой человек нигде не найдет работу').

В других, более чистых пролептических конструкциях явно отсутствует и причинная, и уступительная связь между ее членами. Ср.:

(18) *Весна, она кого хочешь с ума сведет*.

(19) *Денежки, они счет любят*.

(20) *Коля, он непременно придет*.

В пролептических конструкциях (17б), (18)—(20) именная группа (*опытный специалист; весна; денежки; Коля*) — пролептическое зависимое, а главным словом, бесспорно, является местоимение 3-го лица. Интонационно оно входит именно в основную часть предложения. Показательно, что такое местоимение не обязательно выполняет роль подлежащего и не обязательно имеет форму именительного падежа, ср.: *Этот стол, пусть его поставят в передней* (пример А. М. Пешковского); *Пирожные / от них только толстеешь; Вот соседи наши / у них уже огурцы цветут; Песок / нету его совсем* (примеры из [PPP 1973]).

Что же касается пролептического зависимого, то, по мнению А. М. Пешковского и других исследователей, оно должно стоять в форме именительного падежа, и сами интересующие нас конструкции нередко именуется «конструкциями с именительным». Это не совсем точно: пролептическое зависимое иногда может быть согласовано с хозяином-местоимением по падежу и стоять в форме косвенного падежа:

(21) *Дураку, ему закон не тисан*.

(22) *Лентяев-то, их надо гнать из института*.

Как правильно замечено в [Грамматика 1970: 646], «обособленное имя... выполняет собственно информативную функцию, а местоимение — функцию вводящей, "подготавливающей" или собственно акцентирующей словоформы». А. М. Пешковский [2001: 405] писал о значении этих конструкций: «Мысль преподносится (...) как бы в два приема: сперва выставляется напоказ изолированный предмет, и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль». Эта весьма яркая и верная характеристика вряд ли, однако, приложима к некоторой части пролептических конструкций — конструкциям, где зависимое стоит в постпозиции к главному слову или вообще вынесено в конец предложения:

(23а) *Они, разбойники-то, в лесах скрывались*.

(23б) *Они в лесах скрывались, разбойники-то*.

В пролептических конструкциях местоимение функционально сближается с частицей *-то*. Ср.:

(24а) *Коля, он непременно придет*.

(24б) *Коля-то непременно придет*.

Естественно, что пролептические конструкции допускают и дополнительно употребление частицы *-то*, причем как при местоимении, так и при существительном или его определении, ср:

(25а) *Наш Коля, он-то непременно придет.*

(25б) *Наш Коля-то, он непременно придет.*

(25в) *Наш-то Коля, он непременно придет.*

Напротив, в обособленно-атрибутивные конструкции вход для частицы *-то* запрещен. Так, предложения (26), в которых речь идет о конкретном лице, представляются невозможными:

(26а) **Опытный-то специалист, отец нигде не нашел работу.*

(26б) **Опытный специалист-то, отец нигде не нашел работу.*

(26в) **Опытный специалист, отец-то нигде не нашел работу.*

Еще отчетливее обособленность пролептического зависимого от основной части предложения ощущается во фразах типа:

(27) *Андрей, да что он в этом понимает?;*

(28) *Сапоги — ну куда от них денешься?* (Б. Окуджава).

Весьма показательно, что это зависимое может получить (при интонационном усилении) «высокий статус» отдельного предложения; ср.:

(27а) *Андрей? Да что он в этом понимает?*

(29) — *Ты слыхал ли, кто он такой был-то? Шаляпин-то?* (С. Залыгин).

Отметим еще одно синтаксическое различие между рассматриваемыми конструкциями. Пролептическое зависимое допускает отрыв от местоимения, даже постановку в конце предложения, что недопустимо для обособленно-атрибутивных конструкций. Ср.:

(30а) *Он всегда найдет работу, опытный(-то) специалист* (общее высказывание).

(30б) ??*Он (Коля) никак не мог найти работу, опытный(-то) специалист* (высказывание о конкретном лице).

Пролептические конструкции существеннейшим образом отличаются от обособленно-атрибутивных также и стилистически: они характерны для разговорной речи. Вряд ли допустима даже в научно-популярной литературе фраза типа

(31) *Исаак Ньютон, он открыл закон всемирного тяготения.*

Впрочем, А. М. Пешковский [2001: 405], отмечая, что эти конструкции особенно распространены в разговорной речи, пишет, что лично ему чаще всего приходилось слышать подобные фразы в лекционные часы с университетской кафедры: *вот это постепенное обеднение римского крестьянина времен республики, оно привело к тому...; эта романтическая литература начала XIX века в Германии, она влияла... и т. д.* Ср. также приводимый им пример из периодического издания: *Эти бессонные ночи, ... проведенные за станком, сколько жизни, сколько радости приносили они нам...*

Обособленно-атрибутивные конструкции, напротив, обычны в книжной речи, а в речи разговорной выглядят странно, ср.: *Я встретил вчера Ивана Петровича. ?Потомственный дворянин, он вступил недавно в КПРФ.* Интересно, что при изменении порядка слов фраза становится более приемлемой: *Я встретил вчера Ивана Петровича. Он, потомственный дворянин, вступил недавно в КПРФ.*

К пролептическим относятся конструкции не только с личным местоимением, но и с указательными местоимениями *тот, этот*; ср.:

(32а) *Коля, он непременно придет.*

(32б) *Коля, (и) тот (этот) непременно придет.*

Как и в случае личных местоимений, здесь также возможно как падежное согласование между местоимением и существительным — (33а), так и отсутствие такого согласования — (33б):

(33а) *Черного хлеба, и того не хватало.*

(33б) *Черный хлеб, и того не хватало.*

Пролептические конструкции (как и другие конструкции, отнесение которых к пролептическим остается спорным, см. ниже раздел 2.3.4) делятся на два существенно различающихся типа в зависимости от референциального статуса существительного: конкретно-референтный (*Коля, он быстро найдет работу*) и родовой (*Матери, они любят своих детей*).

Конструкция нередко используется в иронических высказываниях; ср., например, *Он, неутомимый труженик, опять отлынивает от работы.* Интересно, что изменение порядка компонентов вряд ли допустимо: ?*Неутомимый труженик, он опять отлынивает от работы.*

Подведем некоторые итоги, касающиеся синтаксической и семантической специфики пролептических конструкций и оправдывающие введение в синтаксическое описание особой пролептической связи.

1. Главное слово в пролептической конструкции — личное местоимение 3-го лица (*он, она, оно, они*) или же одно из указательных местоимений *тот, этот*.

2. Зависимое — именная группа, которая обычно предшествует местоимению, но может располагаться и после него и даже в конце предложения.

3. По смыслу (информационно) главное — именная группа, хотя синтаксически это зависимый член словосочетания (ср.: *Коля и Петя, они непременно придут*).

4. Каждый из членов пролептической конструкции допускает сочетание с частицей *-то*.

5. Между частями конструкции нет ни причинной, ни условной, ни атрибутивной связи. Налицо лишь тематическое усиление (*Коля, он непременно придет*).

6. Пролептические конструкции характеризуют по преимуществу разговорную речь.

Подчеркнем, что многие из указанных признаков для рассмотренных выше, в разделе 2.2.2, обособленно-атрибутивных конструкций или нехарактерны, или недопустимы.

2.2.4. Спорные случаи

Рассмотрим теперь два типа конструкций, отнесение которых к пролептическим, на наш взгляд, не бесспорно и требует дополнительного обоснования.

1. Первый тип спорных конструкций представлен предложениями вида

(34) *Все знали, что оно будет, решительное наступление.*

(35) *А ты его, этого Петю, знаешь?*

С одной стороны, эти конструкции близки по смыслу к тем пролептическим, которые описаны в предыдущем разделе. С другой стороны, в (34)—(35) нечто семантически главное вынесено вправо, а не предваряет предложение, как в прототипических пролептических конструкциях типа (16—20). Местоимение в (34)—(35) предваряет именную группу, которая представляет собой расшифровку или уточнение его смысла. Конструкции такого типа имеют просодические, а также семантические особенности (указание на тождество). На этом основании при разработке глубоко аннотированного корпу-

са русского языка было принято решение не усматривать здесь пролепсиса, а постулировать особое обстоятельство-аппозитивное синтаксическое отношение.

Тем не менее вопрос остается дискуссионным. Возможно, месту пролептического зависимого в предложении не следует придавать большого значения. Авторам представляется, что как предложения (36), так и предложения (37) при всех их различиях включают пролептическую связь:

(36а) *Коля(-то), он непременно придет.*

(36б) *Поручик(-то), он один идет в ногу.*

(37а) *Он непременно придет, Коля(-то).*

(37б) *Он один идет в ногу, поручик(-то).*

Некоторые случаи непрототипического, постпозитивного, положения пролептического зависимого приводились и в предыдущем разделе 2.2.3 (ср. (23), (29), (30а)).

2. Сложнее обстоит дело с другим типом спорных конструкций, — а именно, конструкций, включающих слова *это* и *вон*. Несмотря на некоторые специфические особенности этих конструкций, при разработке глубоко аннотированного корпуса русского языка было принято решение включить их в класс пролептических. Останемся на этих конструкциях несколько подробнее.

Конструкции со словом *это*. Имеются в виду предложения типа

(38) *Институт — это наш дом.*

Предложение (38) допускает два интонационных рисунка и, в соответствии с этим, две разных интерпретации:

(38') 'Институт, по сути дела, является для нас домом' (пролептическое зависимое — усиленная тема);

(38'') 'Дом, по сути дела, является для нас Институтом' (пролептическое зависимое — усиленная рема).

Мы считаем, что в обоих случаях подлежащее — *это*, а *институт* — его пролептическое зависимое. Аргументом в пользу того, что подлежащее — именно *это*, а не существительное *институт*, служат предложения с глаголом-сказуемым. Ср.

(39) *Авария (аварии) — это случилось чуть не каждый день*

(не: *Авария — *это случалась..., не: *Аварии — это случались...).

Аналогичным образом обстоит дело и в предложениях *Внезапная атака — это представлялось единственным выходом. Внезапная атака — это было правильно.*

Конструкции с частицей *вот*. При всех безусловных отличиях конструкция

(40) *Институт — вот наш дом*

близка к конструкциям с *это* типа (38) и также может быть отнесена к пролептическим. Естественно, синтаксическая структура предложений типа (40) аналогична таковой в предложениях с *это*: подлежащее здесь — *вот*, пролептическое зависимое — существительное *институт*.

Ю. Д. Апресян [1995, 2: 615] отмечал, что *вот*, в отличие от *вон*, может выступать в конструкции типа (40), поскольку обозначает ближний дейксис. Ср. неправильность конструкций с частицей *вон*:

(41) **Институт — вон наш дом.*

Это различие между *вот* и *вон* Ю. Д. Апресян формулирует следующим образом:

«*Вот X* ≈ 'Говорящий указывает слушающему на (референтный) объект X; X находится в пределах пространства, которое говорящий мыслит как непосредственно примыкающее к себе'; *Вон X* ≈ 'Говорящий указывает слушающему на (референтный) объект X; X находится за пределами пространства, которое говорящий мыслит как непосредственно примыкающее к себе'».

На недопустимость частицы *вон* в конструкциях данного типа указывает также Т. М. Николаева [2000: 325], которая иллюстрирует этот факт изящными и убедительными примерами: *Государство — это я; Ученость — вот чума, но не: *Ученость — вон чума; *Государство — вон я.*

Любопытно, что в интересных и не раз обсуждавшихся псевдотавтологических конструкциях типа *X есть X (Иванов есть Иванов)* (см., напр., [Падучева 1985], [Wierzbicka 1987]); возможна (с существенным изменением значения, анализируемым в работе [Булыгина, Шмелев 1997: 504—509]) лексема *это*, но не другая пролептическая лексема — *вот*. Ср.: *Иванов — это Иванов, но не: *Иванов — вот Иванов.*

Укажем на одно существеннейшее отличие конструкций с частицей *вот* от конструкций с *это* и от рассмотренных ранее конструк-

ций с местоимением 3-го лица. В конструкциях с *это* пролептическая группа равно допустима, как мы видели (см. (38') и (38"')), и в теме, и в реме. В конструкциях с личным местоимением пролептическая группа — это, как правило, усиленная, «удвоенная» тема (*Институт, он наш дом*), а в конструкциях с *вот*, напротив — пролептическая группа — это всегда усиленная, «удвоенная» рема (*Институт — вот наш дом*). Естественно, что конструкции с *вот* в отличие от других пролептических конструкций «неодобрительно относятся» к частице *-то*; ср.

(42а) *Институт-то — он (это) наш дом, но не:*

(42б) ?*Институт-то — вот наш дом.*

В заключение этого раздела отметим, что сложные рассматриваемые конструкции с лексемами *это* и *вот* допускают и другую, отличную от нашей, синтаксическую интерпретацию.

БАС [т. II: 511] отмечает конструкции типа: [Фамусов:] *Ученье — вот чума, ученость вот причина, что нынче...* (А. С. Грибоедов) и определяет *вот* как связку при именном сказуемом. Т. М. Николаева в интересной статье, посвященной частицам *вот, вон, это*, детально рассматривает их в разных аспектах. Среди анализируемых ею конструкций есть и те, которые нас интересуют: *Любовь — это сон упоительный; Любовь — вот сон упоительный.* Т. М. Николаева разделяет идею из [Genaust 1975] о глагольно-связочной функции французских *voici, voilà* и полагает, что русские частицы *это* и *вот* также являются связками [Николаева 2000: 326]. Тем самым Т. М. Николаева практически солидаризуется с пониманием этих конструкций, предлагаемым в БАС.

Интерпретация этих частиц в рассматриваемых конструкциях как связок, на наш взгляд, интуитивно менее оправдана, чем предлагаемое выше понимание их как подлежащих, в частности потому, что, помимо связочного, они привносят в эти конструкции дополнительные смысловые элементы. К тому же понимание этих частиц как связок вызывает сложности при интерпретации конструкций, где употребляются одновременно обе «связки» или добавляется еще и третья — *есть*. Какова синтаксическая структура этих предложений и сколько же здесь связок? Ср.:

(43а) *Октябрьский переворот — вот это (это вот) его звездный час.*

(43б) *Октябрьский переворот — вот это был его звездный час.*

(43в) *Октябрьский переворот — вот это и есть его звездный час.*

По нашему мнению, подлежащим является в приведенных примерах *это*, частица *вот* — зависящее от него слово (функционально близкое здесь единицам типа *именно*), *октябрьский переворот* — пролептическое зависимое частицы *это*.

2.2.5. Формальное представление пролептических конструкций

Предпринятое здесь исследование русских пролептических конструкций намечает способы формального представления этих конструкций в действующих системах автоматической обработки текстов, в частности в системе ЭТАП-3.

Главное слово в пролептической конструкции — либо личное местоимение 3-го лица (*он, она, оно, они*), либо одно из указательных местоимений *тот, этот*, либо одна из лексем *это, вот*. Зависимое — вершина именной группы.

1) Зависимое обычно располагается перед главным, реже — непосредственно после него или же в конце предложения.

2) Между главным и зависимым обязателен знак препинания — запятая или (реже) тире.

3) Зависимое всегда согласовано с главным (существительным или прилагательным) в роде и числе. Что касается падежа, то, наряду с согласованием, здесь возможна и ситуация, когда зависимое имеет форму именительного падежа, а главное — форму одного из косвенных падежей.

Приведем теперь несколько примеров фраз с пролептическими конструкциями и явным указанием синтаксической связи:

(44) Коля, он непременно придет.

↓ пролепт

(45) Он непременно придет, Коля-то.

↑ пролепт

(46) Черного хлеба, и того не хватало.

↓ пролепт

(47) Черный хлеб, и того не хватало.

↓ пролепт

(48) Это случилось часто, крупные аварии.

↑ пролепт

↓ пролепт

(49) Институт, вот наш дом.

2.3. Гипотеза о двух синтаксических началах³¹

Раздел посвящен особому типу конструкций русского языка: предложениям с вложенными (полу-)фразеологическими выражениями, ср. *Он занимается чёрт знает чем*. Построить адекватную синтаксическую структуру для таких предложений оказывается весьма сложно. Здесь предлагается неортодоксальное решение этой проблемы, исходящее из того, что предложения такого типа имеют два синтаксических начала, или две вершины в синтаксической структуре. Тем самым эти конструкции, похоже, нарушают фундаментальное правило модели Смысл ↔ Текст, согласно которому синтаксическая структура любого предложения должна представлять собой дерево. Помимо этого, обсуждаемым конструкциям присущи другие интересные синтаксические и семантические особенности.

2.3.1. Проблема

В ходе многолетней работы с синтаксическими структурами предложений в рамках формальной модели «Смысл ↔ Текст»³², как в теоретическом аспекте³³, так и в целях практического применения³⁴, мы сталкивались с различными конструкциями, представляющими большие трудности при описании и интерпретации. Ниже будет рассмотрен один тип таких конструкций, которые в буквальном смысле слова бросают вызов исследователю. Мы имеем в виду конструкции, выступающие в предложениях с вложенными (полу-)фразеологическими выражениями (они выделены жирным шрифтом) в таких русских предложениях, как

³¹ Данный раздел представляет собой переработанный вариант статьи [Iomdin 2005].

³² См., кроме общеизвестного источника [Мельчук 1974а], еще [Mel'čuk 1988].

³³ См., например, [Июмдин 1990] и в особенности [Июмдин 2003], где обсуждаются похожие типы синтаксических фразем.

³⁴ Имеются в виду исследования, связанные с построением и развитием многоцелевого лингвистического процессора ЭТАП-3, в первую очередь входящей в его состав системы машинного перевода. См. об этом, в частности, [Апресян и др. 1989, 1992], [Aprésjan et al. 2003], [Iomdin et al. 2002].

- (1) *Он занимается чёрт знает чем.*
 (2) *Мне было — так лестно / Лезть за тобою — Бог / Знает куда!* (Марина Цветаева)

В других славянских языках, равно как и в германских и в романских, у обсуждаемых здесь конструкций есть близкие соответствия, так что можно говорить о некотором достаточно общем явлении. Применительно к английскому языку такие конструкции изучал, в частности, Дж. Лакофф [Lakoff 1974], который называл их синтаксическими амальгамами (syntactic amalgams)³⁵, а М. Хаспельмат [Haspelmath 1997] построил типологическую картину языковых явлений, в число которых входят интересующие нас здесь выражения. Проблема исследовалась и многими другими авторами. В числе важных работ следует отметить развернутую статью Я. Г. Тестельца и Е. Г. Былининой [Testelet, Vylinina 2005], где дается обстоятельный анализ таких конструкций на материале разных языков. Мы, однако, сосредоточимся здесь исключительно на исследовании русского материала.

Проблема заключается в том, что для таких предложений чрезвычайно сложно построить адекватное синтаксическое представление. При попытке решить эту задачу мы немедленно сталкиваемся с необходимостью ответить на следующий вопрос: какова синтаксическая роль глагола *знает* в выделенных частях предложений (1) и (2)?

С одной стороны, этот глагол никак не может быть вершиной всего поверхностно-синтаксического дерева — по той простой причине, что фраза

(1') *Чёрт знает, чем он занимается,*

где *знает* является бесспорной вершиной дерева, ни синтаксически, ни семантически не равнозначна (1). (Добавим, что для фраз типа (2) подобная перестановка частей вообще невозможна.)

С другой стороны, в рассматриваемых примерах для глагола *знает* нельзя подобрать естественного синтаксического хозяина. В самом деле, если бы мы захотели подчинить его основному глаголу предложения (*занимается* в (1) или *лезть* в (2)), то перед нами немедленно возник бы трудный вопрос о типе синтаксической связи между ними. Другое решение, которое в принципе можно рассмат-

³⁵ Используемый в работе [Апресян, Иомдин 1989] и в разделе 2.1 данной книги термин «синтаксический агломерат» характеризует, как нетрудно увидеть, схожие, однако не идентичные явления.

ривать, — это решение синтаксически подчинить глагол *знает* местоимению *чем* в (1) или *куда* в (2). Поскольку выражения типа *чёрт знает* являются частью фразем, можно заподозрить, что они успели превратиться в монолитные лексические единицы (амальгамы, агломераты и т. п.), более или менее эквивалентные неопределенным частицам типа *-нибудь* или *-либо*, которые в русском языке используются главным образом для образования неопределенных местоимений из вопросительных (*что-нибудь, куда-либо* и т. д.).

Такое решение, однако, на деле не выдерживает критики, поскольку инвентарь вложенных конструкций, обнаруживающих сходное синтаксическое поведение, отнюдь не ограничивается приведенными выше фразеологическими сочетаниями. Он может включать в себя вполне свободные словосочетания, образованные довольно широким кругом глаголов; ср., например:

- (3) *Когда я был подростком, сильное впечатление на меня произвела вычитанная не помню уже в какой книге история панамской авантюры* («Новое время», № 10, 2005);
 (4) *«Вдогонку» мне в «Вестнике ЛГУ» была напечатана статья И. Лапицкого, в которой я обвинялся во всех смертных грехах: я и монархист, и эсер, и троцкист, и еще не упомяну кто* (Дмитрий Лихачев);
 (5) *В Америке, не припомню, в каком городе, два торговца зашли в трактир и сели обедать* (Газета «Содействие», 1868);
 (6) *На Унжу мы забрались сами не знаем зачем* (Денис Осокин).

Более того, даже вторые части обсуждаемых здесь конструкций необязательно являются вопросительными местоименными словами — они могут быть представлены еще союзом *или* либо частицей *ли*. Ср. встречающиеся в письменных текстах разговорные конструкции, которые с точки зрения грамматической правильности представляются вполне приемлемыми:

- (7) *Его судят за преступление, которое он неизвестно совершил или нет;*
 (8) *Кроме того, есть еще такие сдерживающие факторы, как наличие Северной Кореи с непонятно имеющимся ли у нее ядерным оружием* (из аналитического обзора на сайте polit.ru, 25 апреля 2005 г.).

Считать все подобные выражения эквивалентами частиц едва ли возможно.

Заметим теперь, что в то время как в рассматриваемых предложениях у вторых глаголов нет очевидного синтаксического хозяина, для местоименных слов (или именных групп со словом *какой* в примерах (3) и (5)) имеется, по крайней мере, два вполне осмысленных кандидата на роль управляющего узла в синтаксической структуре.

Чтобы показать это, сосредоточимся для определенности на предложении (1) и попытаемся найти синтаксического хозяина для местоименного слова *чем*. На наш взгляд, имеются достаточные основания для признания хозяином прономинального слова любого из двух глаголов в этом предложении — *занимается* в его первой части и *знает* во вложенной конструкции.

Действительно, с одной стороны, будет вполне разумно предположить, что слово *чем* реализует первую комплетивную валентность *заниматься*: это единственное слово во фразе (1), которое стоит в творительном падеже — именно в том, которого требует глагол *заниматься*. С другой стороны, то же самое местоименное слово можно считать и заполняющим первую комплетивную валентность глагола *знать*: этот глагол допускает пропозициональное дополнение (придаточное относительное, формируемое любым союзным словом, ср. *Знаю, чем он занимается; Знаю, в какой город он поехал* и др.), и *чем* в (1) ведет себя так же, как в изолированных эллиптических предложениях с глаголом *знать*, например во фразе *Я знаю чем*. Следует добавить, что у обоих глаголов в предложении (1) синтаксическая валентность, соответствующая их первым дополнениям, представляется заполненной, поскольку это предложение отнюдь не выглядит эллиптическим.

Таким образом, в синтаксическом устройстве предложения (1) наблюдаются сразу две странности: одному слову (*знает*) нельзя подобрать ни одного хорошего кандидата на роль хозяина, тогда как у другого слова (*чем*) таких кандидатов целых два.

2.3.2. Решение

Чтобы разрешить загадку синтаксической структуры фразы (1), мы попытаемся рассмотреть эту фразу целиком и с большей степенью подробности.

Заметим, во-первых, что то объяснение двойственности синтаксического подчинения слова *чем*, которое мы только что привели, весьма далеко от тривиального и вызывает новые вопросы. В част-

ности, нам придется учесть следующий факт: в русском языке в простых предложениях местоименные слова типа *чем не могут* зависеть от таких глаголов, которые, в отличие от *знать*, не допускают при себе пропозициональных дополнений. Нельзя, например, сказать **Я занимаюсь чем*³⁶. Следовательно, коль скоро (1) — это никак не вопросительное предложение, мы должны либо отказаться от мысли подчинить слово *чем* слову *заниматься*, либо заключить, что данное предложение **не является простым**.

Второй вариант, на наш взгляд, представляется более верным. Примем, что (1) не является простым предложением, и попробуем определить, из каких элементарных частей (клауз) оно может состоять. Наиболее естественно предположить, что (1) содержит две клаузы, одну из которых формирует глагол *занимается*, а другую — глагол *знает*. В этом случае возникает вопрос: где же проходит граница между этими клаузами? Левые границы обеих клауз вполне очевидны: для первой — это абсолютное начало предложения, а для второй клаузы — это слово *чёрт*, являющееся подлежащим при глаголе *знает*. Где же находятся их правые границы?

Наша гипотеза состоит в следующем: обе клаузы имеют **тождественные правые границы, которые совпадают с концом предложения**, так что местоименное слово *чем* входит одновременно и в ту, и в другую клаузу.

Само по себе это предположение в принципе не содержит ничего особенно революционного. В конце концов, придаточное предложение в составе разных типов сложноподчиненных предложений может рассматриваться как полностью содержащееся в главном предложении, в котором вершина всего придаточного подчинена некоторому слову главного предложения. Именно так обстоит дело в

(9) *Я знаю, чем он занимается,*

где глагол *занимается* — вершина придаточного предложения *чем он занимается* — зависит от глагола *знаю* по первому комплетивному отношению.

Однако именно отсутствие такой зависимости отличает вторую клаузу в примере (1) от придаточного предложения во фразе (9). Вер-

³⁶ Говоря более точно, такие местоимения могут образовывать либо 1) специальный вопрос, как, например, *Чем вы занимаетесь?* — и в таком случае местоимение также является вопросительным, либо 2) весьма разговорный, граничащий с просторечием общий вопрос *Вы зани[ма]етесь чем?*, где *чем* — это неопределенное местоимение со значением 'что-нибудь'.

шина второй клаузы в (1) вообще остается без хозяина, и это, на наш взгляд, является наиболее важной характеристикой предложений данного типа.

Нам кажется уместным воспользоваться для описания механизма генерации предложений следующей метафорой. Предложения (9) и (1) разворачиваются в ходе генерации по-разному: фраза (9) порождается говорящим поступательно и беспрепятственно, тогда как при порождении (1) происходит некоторый скачок: ещё до того, как завершена первая клауза, начинается вторая³⁷, и, в течение какого-то времени, обе клаузы развиваются вместе, пока все предложение не завершится. Развивая метафору, мы можем сказать, что вторая клауза в примере (1) ведет себя как **приток реки, пополняющий ее своими ресурсами**³⁸.

В некотором отношении подобное разворачивание фразы (1) напоминает взаимосвязь между главным и вводным предложениями, когда вводная часть находится посередине главного предложения, как, например, в

- (10) *В этот момент какой-то молодой человек (это и был Иван) поднялся с места*

или в более разговорном примере

- (11) *Ее отец, пусть земля ему будет пухом, много лет работал учителем.*

Действительно, в (10) и (11) выделенные жирным шрифтом вводные клаузы начинаются до того, как закончились главные предложения. Однако коренное различие между предложениями (10) и (11), с одной стороны, и предложением (1), с другой стороны, заключается в том, что вводные предложения в (10) и (11) заканчиваются **раньше** главных клауз, тогда как во фразе (1) придаточное предложение завершается вместе с главной клаузой. Нам неизвестны никакие другие конструкции в русском языке (как и в прочих ранее упомянутых языках), которые обладали бы тем же свойством, что конструкции, представленные в примерах (1)–(8).

³⁷ В разговорной речи этот скачок явным образом поддерживается просодически и интонационно. Чтобы не отвлекаться от основной темы, мы, однако, опустим детальное рассмотрение просодических факторов.

³⁸ Любопытно, что весьма близкая ситуация имеет место и в конструкциях с синтаксическими конфликтами, обсуждаемыми ниже, в разделе 2.7.

Разумеется, если принять эту точку зрения, то нам придется признать, что предложения рассматриваемого типа имеют по **два синтаксических начала** (т. е. в конечном итоге по две вершины в синтаксической структуре)³⁹ — и тем самым нарушают фундаментальное требование синтаксического компонента теории «Смысл ↔ Текст», состоящее в том, что синтаксическая структура любого предложения должна быть **древесной**. Мы полагаем, однако, что в данном случае такое решение полностью оправдано.

Следует добавить, что, вводя два синтаксических начала в предложениях рассматриваемого типа, мы не открываем ящика Пандоры: даже сами по себе такие конструкции достаточно периферийны и экзотичны⁴⁰, а уж говорить о конструкциях с большим количеством синтаксических начал вообще не приходится: по нашим наблюдениям, во всяком случае в русском языке, таковых не существует. Нелзя представить себе фразы типа **Он общался черт знает с неизвестно какими людьми*. Возможно, зарождение второй клаузы при генерации предложения до завершения первой ее клаузы — это тот максимум, который может позволить себе человеческий мозг⁴¹.

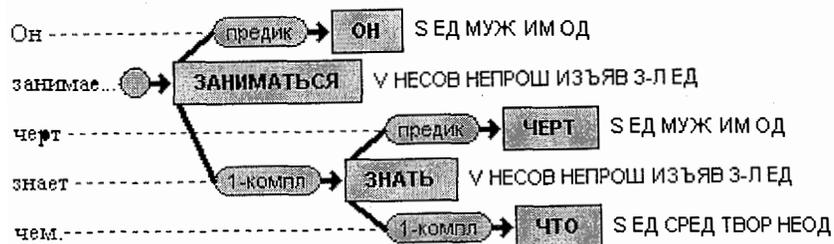
С другой стороны, утвердив указанное теоретическое решение и согласившись с тем, что синтаксические структуры предложений типа (1) — это графы с двумя синтаксическими вершинами, мы мо-

³⁹ Метафора двух синтаксических начал представляется нам здесь более уместной, чем констатация неединственности вершин в синтаксической структуре предложения, поскольку она характеризует динамику разворачивания предложения, а не только его статическую результирующую синтаксическую структуру.

⁴⁰ Возможно, другим примером конструкций с двумя синтаксическими началами в русском языке являются предложения, содержащие единицы со значением длительности состояния типа *уже час как* и т. д.: похоже, что во фразе *Господин в котелке ожидал на углу трамвая, хотя трамвай вот уже два часа как не ходил* (В. Набоков) есть, помимо вершины главного предложения, еще и другая вершина — *часа*, которая вводит группу *вот уже два часа*. Такое решение, однако, требует дополнительного исследования, которого мы сейчас проводить не будем.

⁴¹ Строго говоря, предложения с большим количеством синтаксических **вершин** (но не **начал**!) вполне могут существовать. Даже в пределах обсуждаемого материала можно представить себе фразу типа *Бродит неизвестно с кем неизвестно где*, в которой вершинами являются элементы *бродит* и *оба вхождения неизвестно*, однако последняя клауза с *неизвестно* зарождается после того, как закончилась предыдущая, и одновременно трех синтаксических начал не наблюдается.

жем позволить себе пойти на инженерную уступку и предложить техническое решение для сохранения древесного представления даже для таких предложений (в частности, это может быть полезным для компьютерно-лингвистических приложений, предназначенных для задач автоматической обработки естественно-языкового текста). Приемлемым мог бы считаться следующий подход: во фразе (1) глагол *знает*, образующий вторую клаузу, подчинен первому глаголу в предложении и заполняет его первую комплетивную валентность, как это показано на рисунке ниже:

Mutatis mutandis, можно построить сходные поверхностно-синтаксические представления для всех предложений типа (1)—(8). Если помнить о том, что с точки зрения теории структура фразы выглядит иначе, подобные представления не будут вводить нас в заблуждение.

2.3.3. Обсуждение

Помимо общих синтаксических особенностей рассмотренных выше предложений, обсуждаемым конструкциям присущи и другие свойства, которые также заслуживают внимания.

В частности, еще одна **синтаксическая** специфика выражений типа *чёрт знает что* — их способность включать в свой состав личные местоимения, чей синтаксический статус не вполне очевиден, например:

- (12) *Ему давно уже пора дом покупать, снимает чёрт его знает что!* (А. Торин);
 (13) *Деньги уходят чёрт их знает куда* (В. И. Ленин);
 (14) *...Птица, подхваченная страшной бурей войны, мчится чёрт ее знает куда* (А. Н. Толстой);

- (15) *Я искренне удивляюсь той привередливости, тому фигурантию со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо* (М. Зощенко);
 (16) *...Он вот-вот должен был поцаняться или уже поцанался со своей молодой любовницей, красавицей с кошачьей повадкой, писавшей пес их знает, что за стихи* (В. Набоков).

Во многих случаях эти личные местоимения кореферентны какому-либо существительному, входящему в предложение (*ему* в (12), *деньги* в (13), *птица* в (14), *женщин* в (15) и *стихи* в (16)) и согласуются с ним по числу и роду, причем синтаксическая позиция такого существительного во фразе может быть различной (в (12) это выраженный дательным падежом субъект предикативного наречия, в (13) и (14) — подлежащее, в (15) — агентивное дополнение при существительном, а в (16) — дополнение при самом же глаголе *знает* (выражение *что за стихи* синтаксически ведет себя примерно так же, как *какие стихи*).

В других случаях (17)—(19) такое личное местоимение стоит в «дежурном» единственном числе и «нейтральном» роде (вероятнее всего, в среднем, но определенно это утверждать невозможно) и ничему не кореферентно, ср.:

- (17) *А сволочь живет себе поживает в Вологде или чёрт его знает где еще...* (Н. Катерли);
 (18) *Но уже захлопывалась дверь — все вышло, приходите завтра или чёрт его знает когда* (М. Осоргин);
 (19) *...Впереди перед тобой, метров за пятьдесят каких-нибудь, немцев чёрт его знает сколько* (В. Некрасов).

Однако главная особенность таких конструкций — не в том, чему кореферентно такое местоимение и есть ли кореферентность вообще. Дело в том, что трудно определить, какие синтаксические отношения связывают глагол — вершину конструкции — и личное местоимение: с одной стороны, такое местоимение стоит в винительном падеже, и его следует интерпретировать как первое (прямое) дополнение глагола *знать*; с другой стороны, соответствующая валентность глагола заполнена местоименным словом *что*, куда, сколько и др. (или именной группой с таким словом, как в (16)) — при том, что первое комплетивное синтаксическое отношение, как известно, является неповторимым. Следует добавить, что в данных предложениях глагол *знать* неожиданным образом выражает одновременно два взаимоисключающих значения: стивное 'знать факт'

(которое соответствует немецкому глаголу *wissen* или французскому *savoir*) и значение 'быть знакомым с' (соответственно, в немецком языке это *kennen*, а во французском — *connaître*). Подобное совмещение смыслов в русском глаголе *знать* (и его неточном синониме *разбирать*) обнаруживается и за пределами исследуемых здесь выражений; ср. *Знаем мы вас, как вы плохо играете!* (Н. В. Гоголь); *А кто тебя знает, кто ты таков и откуда ты выскочил!* (Ф. М. Достоевский); *Кто ее знает, что она там делает за Волгой?* (И. А. Гончаров); *Черт их разберет, что они кричат?* (М. Ю. Лермонтов); *Кто вас знает, ребята, что вам со следующей дозы в голову взбредет* (М. Веллер) и др. Во всех таких случаях в фокус внимания говорящего попадает, помимо информации о факте, задаваемой глаголом *знать* во втором, пропозициональном значении, еще и личность участника этого факта (как правило, говорящий относится к такому участнику с подозрением). Такие выражения также сопротивляются классическому синтаксическому представлению.

В настоящий момент мы не готовы предложить решение, которое бы полностью объясняло данное противоречие. Чисто техническое решение могло бы состоять в том, чтобы подчинить личное местоимение глаголу, используя вспомогательное синтаксическое отношение, и тем самым избежать нарушения условия неповторимости первого комплетивного отношения.

Несмотря на то что круг обсуждаемых конструкций не ограничивается фразеологическими оборотами, на них накладываются жесткие лексические ограничения.

В пределах фразеологических единиц исследуемые конструкции образуются с помощью глаголов *знать* и, изредка, *ведать*, практически всегда стоящими в форме настоящего времени. Вместе с тем субъектами этих глаголов могут быть:

1) существительные *чёрт*, *дьявол*, *леший*, *бес* и *бис* (фактически *бес* по-украински), *шут* и *пёс* (последние два слова — это, вероятно, эвфемизмы слова *чёрт*), практически всегда в единственном числе⁴²;

2) грубо-просторечные слова типа *фиг* или *хрен* (ср. *В стране скоро фиг знает что начнется*), которые фактически выступают эвфемизмами непристойного слова, или само это слово;

⁴² В шутовском контексте можно также встретить что-то типа *По обе стороны трассы размещаются таверны, рестораны, кафе и еще черти знают что* (сообщение в Интернете).

3) существительные *бог*, *господь*, *аллах*, *всевышний*, как, например, в *Мне не нравится, что на юбилей города приглашают бог знает кого*. С существительным *бог* может быть использована еще одна выходящая из употребления глагольная форма *весть*: *Он отправился бог весть куда*⁴³.

Интересно, что употребление в этом контексте даже близких синонимов или родственных слов (например, *шайтан*, *демон*, *чертовка*, *чертёнок*, *ведьма*; *богиня* и пр.) практически невозможно, хотя искушенные авторы могут позволить себе высказывания типа *Первая корректура ушла из издательства Будда знает сколько времени назад* (из сообщения в интернете о публикации рукописи о Юго-Восточной Азии).

В нефразеологическом сегменте интересующая нас конструкция может быть образована несколькими глаголами со значением 'знать' (*знать*), 'понимать' (*понимать*, *разбирать*) или 'помнить' (*помнить*, *припоминать*, *упомнить*). Эти глаголы стоят в форме настоящего времени или — что происходит на удивление часто — в будущем времени совершенного вида со значением так называемого презенса напрасного ожидания, тогда как подлежащие при этих глаголах — это в большинстве своем личные местоимения (которые нередко просто опускаются), а именно, *я* и *ты*, как во фразах *Это уже тогда не бой, а я не знаю что* (Аркадий и Борис Стругацкие) и *Им еще, сверх того, показывали длинное представление с декорациями, на которых было нарисовано не поймешь что, с актерами, которые изображали не разберешь кого* (Николай Носов); ср. также примеры (3)—(5) выше.

Обсуждаемые конструкции могут образовываться не только перечисленными глаголами, но и некоторыми предикативными прилагательными и наречиями, в том числе *непонятно*, *неизвестно*, *неведомо*, *невесть* и *незнамо*, как, например, во фразах *Живете вы непонятно зачем* (А. и Б. Стругацкие) и *Ходит неизвестно где*. Последние четыре слова из списка являются близкими синонимами, а два последних употребляются исключительно в рассматриваемых конструкциях; ср., *Говорили слово по-нашему, слово по-татарски, а то промеж себя невесть по-каковски* (Н. С. Лесков); *За это незнамо кого благодарить* (К. Паустовский).

⁴³ Синтаксически схожее выражение с отрицанием — *не бог весть* — образует совершенно иную идиому со смыслом, близким к 'не слишком впечатляющий', как, к примеру, в сочетании *не бог весть что* ('ничего особенного').

Этот список может быть дополнен выражением с непонятной этимологией *чёрт-те* (как в *Он был одет классно, а я чёрт-те в чем* (Галина Щербакова)), в высшей степени разговорным сочетанием *не пойми*, в котором глагол *понимать* загадочным образом стоит в форме повелительного наклонения совершенного вида (ср. *В Ираке не пойми что происходит*) и сравнительно новым сленговым оборотом, поразительно быстро распространяющимся в молодежной субкультуре, *ХЗ*, или *ха-зэ* (очевидное сокращение от ненормативного *хрен знает* или даже его более соленого варианта; ср. *Мы забрели ХЗ куда*).

Наконец, сюда же следует отнести и выражения, содержащие демонстративы *вот* и *вон*, ср. *Но зато о нем вот что говорит народное сказание* (А. Куприн); *Надо же — завезти человека вон куда и бросить!* (В. Шукшин).

Фактически большинство выражений из трех предыдущих абзацев перестают вести себя как словосочетания и превращаются в отдельные слова, приближаясь, каждое со своей скоростью, к неопределенным частицам типа *-либо*, *-то* и пр.

Семантика конструкций типа *Чёрт знает что* чрезвычайно интересна, заслуживает особого внимания и тщательного изучения, однако здесь мы ограничимся лишь несколькими замечаниями, чтобы не слишком удаляться от основной темы.

1. Несмотря на многообразие лексических средств выражения, значения словосочетаний, в которых представлены исследуемые конструкции, необычайно близки. Все эти словосочетания имеют сильный оценочный компонент, при помощи которого выражается отрицательное отношение говорящего к обсуждаемой ситуации или ее участнику. Обращает на себя внимание, однако, значительное расхождение между тем, что означают разнообразные сочетания со словом *бог* (и его синонимами), с одной стороны, и все прочие словосочетания, с другой стороны. В случае с *бог* отрицательное отношение говорящего смягчается и меняется на сожаление и, возможно, сочувствие. На наш взгляд, это отрицательное отношение заключено скорее в ассерции, нежели в пресуппозиции. Этим, в частности, может объясняться грамматическая неправильность предложений типа **Он предал чёрт знает кого*: по всей видимости, семантика глагола *предать* требует, чтобы его объект заслуживал лояльности, а словосочетание *чёрт знает кто* вводит неизвестного и/или плохого человека, который ее не стоит.

2. Рассматриваемые в работе конструкции характеризуются явной **отрицательной ориентацией**, а некоторые из них — **отрицательной**

полярностью. В самом деле, почти все их лексические воплощения содержат эксплицитно выраженное или инкорпорированное отрицание, однако даже варианты этих реализаций без отрицания (*чёрт знает что*, *бог знает куда* и т. д.) вводят неизвестные сущности: *Он отправился бог знает куда* в действительности едва ли значит что-либо, сильно отличающееся от *Никто не знает, куда он отправился*.

3. По крайней мере, несколько словосочетаний, представляющих исследуемые конструкции, отличаются **некомпозиционностью**. Хорошим примером могут послужить выражения со словом *сколько*: по причинам, которые мы пока не можем объяснить, предложения типа *Он получил чёрт знает сколько денег* характеризуют ситуации, касающиеся неопределенно большого количества денег, но никогда не относятся к ситуациям, в которых присутствует неопределенно малая денежная сумма.

Подводя итоги этого раздела, еще раз подчеркнем, что рассмотренные конструкции являются уникальными и почти не имеют близких аналогов в языке⁴⁴. В частности, такие конструкции, как *Иди куда хочешь* (*куда тебе угодно*); *Он танцует с кем попало*; *Ребенок ест что ни попадя*, которые с нашими выражениями объединяет наличие вопросительных местоимений и значение неопределенности, тем не менее радикально отличаются от них (в английской терминологии такие конструкции часто называют слусинговыми). Для нас же самым важным является тот факт, что у этих конструкций нет второго синтаксического начала.

2.4. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом

2.4.1. Синтаксис и микросинтаксис

В данном разделе предлагается описание группы синтаксических фразем русского языка, т. е. таких фразеологических единиц, которые обладают синтаксической спецификой по сравнению с нефразеологическими сочетаниями⁴⁵. Здесь подытоживается серия исследуемых

⁴⁴ С этими конструкциями сближаются еще количественные выражения типа *мало где*, *много с кем* и пр., рассматриваемые ниже, в разделе 2.4.2.5.

⁴⁵ Термин «синтаксическая фразема» используется здесь так, как это было предложено в работе [Богуславский, Иомдин 1982]. В работах И. А. Мельчука (см. [Mel'čuk 1987, 1995]) синтаксическая фразема понимается несколько иначе: автор считает ключевым факт семантической некомпози-

дований, изложенных в статьях [Иомдин 2003, 2006а, 2006б], [Iomdin 2005], которые посвящены интегральному описанию⁴⁶ синтаксических фразем. Анализ фразеологических единиц важен не только с теоретической точки зрения, но и во многих практических задачах автоматической обработки текстов. Из последних заслуживает особого упоминания задача машинного перевода и задача построения синтаксически размеченных корпусов текстов — в решении обоих этих классов задач авторы принимали активное участие в последние годы. Наконец, детальное обсуждение сложных и в то же время чрезвычайно ходовых синтаксических конструкций, недостаточно описанных в грамматиках русского языка и словарях, может быть весьма полезно для целей обучения студентов русскому языку как родному и иностранному.

Сначала (раздел 2.4.2) мы рассмотрим конструкции, образованные вопросительными местоимениями (типа *черт знает кто* и *кто угодно*), затем (раздел 2.4.3) подробно рассмотрим одну синтаксическую фразу (точнее, фраземную вокабулу, т. е. фразу во всех ее лексических значениях), которая, несмотря на свою кажущуюся простоту, обладает целым рядом интересных и весьма нетривиальных свойств. Это фразема *ВСЁ РАВНО*. После этого (раздел 2.4.4) мы рассмотрим класс синтаксических фразем, мотивированных полноточными словами (на примере слова *сила*). Наконец (раздел 2.4.5) мы обратимся к классу эмоционально окрашенных синтаксических фразем с лексической доминантой ЧЁРТ. Помимо основной цели раздела — возможно более полного и всестороннего описания конкретных синтаксических фразем — мы видим свою задачу в демон-

циональности такой единицы. Близкий к И. А. Мельчуку подход развивается в работе [Nunberg et al. 1994], правда, здесь допускается, что синтаксическая фразема (точнее, синтаксическая идиома) может быть и вполне композиционной. Рей Джекендофф [Jackendoff 1997] видит основное свойство синтаксической идиомы в наличии переменных частей. Таковы, например, русские конструкции типа *Z-у не до X-а* ≈ '*Z слишком занят и вынужден игнорировать X*' (как в *Мне не до обеда* или в *Пьяному не до сострадания... к детям своим* — Ф. М. Достоевский) или *X X-у рознь* ≈ '*Между X и другим одноименным объектом имеются важные различия*' (как в *Письмо письму рознь* — Ф. М. Достоевский).

⁴⁶ Имеется в виду принцип интегрального описания лексических единиц языка, предложенный Ю. Д. Апресяном. В данной главе мы стремимся использовать (хотя и не в полном масштабе) подходы, принятые в Новом объяснительном словаре синонимов Ю. Д. Апресяна и его коллег [НОСС 2004]: этот словарь в полной мере базируется на указанном принципе.

страции арсенала средств, которыми современная лингвистика пользуется для решения сложных, зачастую междисциплинарных, лингвистических проблем. Прежде чем приступить непосредственно к изложению основного материала, следует сказать несколько слов о том месте, которое занимают синтаксические фраземы в общей синтаксической системе языка. По существу, эта система состоит из двух неравных частей, если угодно, «двух синтаксисов»: основной синтаксис языка, включающий относительно небольшое число базовых конструкций, и периферийный, содержащий во много раз большее количество конструкций. Базовые конструкции высокочастотны, неидиоматичны и строятся на основе весьма общих грамматических правил. Каждая из периферийных синтаксических конструкций встречается в текстах значительно реже, чем любая базовая, хотя в целом их частотность весьма высока — едва ли не во всяком русском предложении, кроме, может быть, самых элементарных, выступает хотя бы одна периферийная конструкция. Эти конструкции весьма разнообразны и встраиваются в общую систему синтаксиса с большим трудом.

Часть синтаксиса языка, образуемую периферийными конструкциями, иногда называют «малым синтаксисом» (фактически это перевод английского термина *minor type sentences*). Авторам представляется более подходящим использовать для характеристики этой части синтаксиса языка предложенный в [Иомдин 2006] термин «микросинтаксис»: ведь, по сути дела, речь идет в первую очередь не о величине или большей/меньшей важности соответствующего фрагмента языка, а о том, какие методы следует применять при работе с ним. Исследование, описание и обработка периферийных языковых конструкций требует методов, подходов и инструментов гораздо более индивидуальных, «штучных», прецизионных, гораздо менее поддающихся внутриязыковой и межъязыковой экстраполяции, чем обработка базовых конструкций. Здесь уместно, по нашему мнению, провести аналогию с медициной: как известно, некоторые органы человека нуждаются в более тонких методах оперативных вмешательств, чем другие органы. Комплекс таких методов (в число которых входит применение микроскопа) называется микрохирургией. Последняя не противопоставляется общей хирургии по масштабу или принципу значимости, а является ее составной частью. Именно составной, хотя и специфической частью общего синтаксиса языка является микросинтаксис в изложенном только что понимании.

В состав микросинтаксиса входят объекты двух основных типов: нестандартные синтаксические конструкции и синтаксические фраземы. Граница между этими объектами достаточно условна; главным различающим критерием тут является степень лексикализации объекта.

Скажем, инфинитивно-модальные безличные конструкции типа *Z-у X-овать* 'Z-у предстоит X-овать' (*Тебе выходить на следующей остановке, Хозяйке всю ночь посуду мыть* и т. п.) относятся к первому типу, так как заполнение этих конструкций, в общем, лексически не ограничено. К этому же типу следует, по нашему убеждению, отнести и инфинитивно-модальные конструкции типа *Z-у не X-овать* с двумя значениями а) 'отсутствует перспектива, что Z будет X-овать' (ср. *Не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!* (Н. В. Гоголь), *Этому не бывать*) и б) 'Z не сможет сделать X', ср. *Без солнцезащитного крема вам не обойтись, Тебе ничём не решить такой задачи* и т. д.): хотя один элемент этой конструкции лексически жестко ограничен (он реализуется единственной лексической единицей — частицей *не*), тем не менее другие позиции конструкции лексически свободны, а ограничения затрагивают слово весьма общей семантики, по существу, слово служебное.

К первому типу микросинтаксических объектов относятся и разнообразные сочинительные конструкции с лексически тождественными частями, ср. *ну упал и упал* ≈ 'казалось, что падение не было чем-то необычным'; *бывают аварии и аварии* ≈ 'аварии бывают разные'; *У нас в зоопарке медведь был. Ну, медведь и медведь* ≈ 'обычный медведь'; *У нас в институте сотрудник был. Ну, медведь и медведь* ≈ 'по некоторым внешним признакам похож на медведя'⁴⁷; *сказал, что его зовут так-то и так-то* (назвал одно имя, а не два); *надо сделать то-то и то-то* (возможно, предстоит всего одно дело) и т. д. Во всех таких конструкциях тоже есть ровно один лексически ограниченный элемент — слово *и*.

Аналогичная ситуация имеет место и в звательной конструкции с лексически и морфологически тождественными элементами — *Вась, а Вась; Иван Иванович, а Иван Иванович* и т. д. — здесь единственным фиксированным словом является междометие *а*.

А вот уже упоминавшуюся конструкцию типа *Z-у не до X-а* ≈ 'Z занят более важными делами, чем X, и считает, что X-ом можно пренебречь' мы считаем правильным отнести ко второму типу, по-

⁴⁷ Подробнее см. о таких конструкциях в разделе 2.5.

скольку здесь лексически связанными являются целых два словесных элемента — *не* и *до*.

Безусловно ко второму микросинтаксическому типу относятся единицы типа *руки чешутся (сделать что-л.)*; ср.

- (1) *У людей руки чешутся кидать камни, а тут объявляется, что это священная обязанность* (Ф. Искандер).

От обычных фразеологических единиц, лишенных синтаксической специфики (таких как *смотреть сквозь розовые очки*, синтаксически ничем не отличающихся от свободного словосочетания того же лексического состава), эта единица отличается идиосинкратической способностью управлять инфинитивом — способностью, которой лишены оба лексических элемента этой единицы. Аналогичным свойством обладают и такие синтаксические фраземы, как *в силах* (ср. *Я не в силах сделать это*); *иметь честь*, ср. *Недавно я имел честь быть на вашем спектакле* (М. Жванецкий); *давать слово*, ср. *Я никому и никогда не давал слова хранить эти встречи в тайне* (В. Соловьев) и т. д. Последняя синтаксическая фразема обладает и другой идиосинкратичной особенностью — управлять придаточным предложением, вводимым союзом *что*, ср. *Дай слово, что ты вернешься* (А. Вампилов). Эту управляющую особенность разделяет с фраземой *давать слово* и другая синтаксическая фразема — *делать вид*, ср.

- (2) *Пожалуйста, не делай вид, что тебе всё равно* (Б. Окуджава).

В то же время способность управлять инфинитивом у фраземы *делать вид* отсутствует.

Мы сосредоточимся теперь целиком на втором типе объектов микросинтаксиса — синтаксических фраземах. Следует заметить, что синтаксическое поведение таких фразеологических единиц в предложении, как и другие их свойства — лексическая сочетаемость, характер коммуникативного взаимодействия с другими частями предложения и текста в целом, даже просодический рисунок — отличается большим своеобразием, и это не вызывает удивления. В самом деле, фразеология — это именно та часть языка, где древние элементы — синтаксические конструкции, лексические единицы, грамматические формы — входят в тесный контакт с современной языковой тканью, образуя порой такие причудливые комбинации, которые способны привести в замешательство не только блестяще владеющего языком иностранца, но и вполне образованного

носителя родного языка. Поразительным, однако, является то, что своеобразием обладает не просто фразеологическая единица в противовес свободному словосочетанию: по сути дела, каждая такая единица оказывается синтаксически неповторимой. Тем самым описание синтаксических особенностей таких единиц — задача, казалось бы, преимущественно грамматическая — оборачивается необходимостью штучного лексикографического анализа каждой единицы.

Вообще говоря, синтаксической специфике фразем разных языков посвящено большое число работ. Мы ограничимся лишь одной, но весьма характерной цитатой. В статье, посвященной французскому синтаксису, Л. Иорданская и И. Мельчук писали: «If we say something true about a language, it is true everywhere—except for some particular cases, which must be explicitly identified. This happens, for instance, in all types of PHRASEOLOGIZED expressions, where general rules and properties of the language can be ‘suspended’» [Iordanskaja, Melčuk 2000]⁴⁸.

Нам кажется важным отметить также следующую фундаментальную особенность синтаксического поведения фразеологического фрагмента языка в целом: это легкость, с которой фраза способна разрушить любые синтаксические стандарты, которые существуют вне сферы идиоматики, такие как порядок слов, правила согласования и управления, способность-неспособность к пассивизации. У лексем, входящих в состав фразем, может меняться совокупность синтаксических свойств (в том числе таких свойств, которые предсказываются всей системой языка) и набор синтаксических функций, которые эти единицы могут выполнять. В результате синтагматика каждой фраземы должна характеризоваться отдельно и в значительной мере трактоваться как исключение из правил.

При сборе языкового материала для данного раздела мы пользовались современными компьютерными ресурсами, в первую очередь Корпусом русского языка сектора теоретической семантики Института русского языка РАН, Национальным корпусом русского языка (<http://www.ruscorgora.ru>) и нашим собственным синтаксически размеченным корпусом СинТарРус.

⁴⁸ «Если мы утверждаем, что в языке что-либо истинно, то это истинно повсюду — за некоторыми конкретными исключениями, которые должны быть оговорены эксплицитно. В частности, это происходит со всеми типами фразеологических выражений, в которых общие правила и свойства языка могут “приостанавливаться”».

2.4.2. Микросинтаксические конструкции, образованные вопросительными местоимениями⁴⁹

2.4.2.1. Вводные замечания

В фокусе внимания сейчас будет находиться один класс синтаксических фразем, а именно синтаксически идиоматичные конструкции русского языка, содержащие вопросительные местоимения. Следует отметить, что эти единицы — не совсем типичные синтаксические фраземы, поскольку в них, в отличие от единиц, обсуждавшихся в разделе 2.4.1, невысок уровень некомпозиционности и практически нет переменных частей. Эти особенности, однако, компенсируются исключительной синтаксической специфичностью рассматриваемых единиц.

Особое внимание будет уделено двум принципиально различным классам таких синтаксических конструкций: 1) конструкциям, в которых вопросительное слово тяготеет к концу (*мало что (знает), хоть кого (спросите)*) и т. д. и 2) конструкциям, которые открываются вопросительным словом (*какой угодно, кого попало, (спал) где придется*) и т. п. Будут рассмотрены синтаксические и частично семантические особенности обоих классов конструкций.

2.4.2.2. К-слова в русском языке

Объектом нашего рассмотрения являются синтаксические фраземы, формируемые тем классом местоименных слов, которые, начиная с работы [Исаченко 1965], часто называются К-словами. Эти местоименные слова распадутся на три основные группы:

- (а) вопросительные местоимения, ср. (1) *Кто пришел?*; (2) *Когда он пришел?*;
- (б) относительные местоимения, ср. (3) *Я знаю, кто пришел*; (4) *Спроси у него, когда он пришел*;
- (в) неопределенные местоимения, ср. (5) *Тебя обидел кто?*; (6) *Разве я тебя обманывал когда?* (Б. Екимов); (7) *Напиши указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен* (С. М. Соловьев); (8) *Жду ль чего?*

⁴⁹ Настоящий раздел представляет собой переработанный материал статей [Иомдин 2007] и [Iomdin 2007].

жалею ли о чем? (М. Ю. Лермонтов); (9) *Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет* (О. Мандельштам)⁵⁰.

К-слова последнего типа встречаются почти исключительно в разговорной и в поэтической речи. Таковы, в частности, условные предложения типа (7), риторические вопросы типа (8), сопоставительные конструкции типа (9). В некоторых случаях эти конструкции свойственны только просторечию: таковы общие вопросы типа (5) и (6)⁵¹. В литературном языке эти К-слова должны заменяться обычными неопределенными местоимениями с частицами, такими как *-нибудь*, *-то* и др. Так, «перевод» примера (5) на литературный язык будет иметь вид (5а) *Тебя кто-то обидел?*

2.4.2.3. Классы неопределенных местоимений, формируемые К-словами

Помимо неопределенных местоименных слов, приведенных выше в разделе (в), в русском языке есть заведомо более десяти типов конструкций микросинтаксиса, или синтаксических фразем, которые включают в себя К-слова и вместе с ними ведут себя как неопределенные местоимения.

В некоторых из этих синтаксических фразем К-слово находится в начале, ср. *кто угодно*, *что попадетя, где придется, как попало, чей бы то ни было* и т. д.

В других синтаксических фраземах К-слово тяготеет к концу. Таковы, например, единицы типа *чёрт знает что*, *мало кто*, *много где*, *редко когда*, *абы с кем* и т. д.

Мы постараемся показать, что хотя смысл обоих типов конструкций имеет много общего, их синтаксическое поведение весьма и весьма различно. Упомянем для начала бесспорный и в то же время

⁵⁰ Здесь и далее для наглядности жирным шрифтом выделяются обсуждаемые К-слова.

⁵¹ Заметим, что хотя подобные неопределенные употребления вопросительных местоимений свойственны не всем языкам (их, например, совсем нет в английском), они вовсе не составляют исключительно русской специфики. Так, в разговорном немецком они распространены даже в большей степени, чем в русском, ср. общие вопросы типа *Hast du was vergessen?* 'Ты забыл что?' и даже утвердительные предложения типа *Ich habe was vergessen* 'Я кое-что забыл', при том, что в русском языке выражения типа ***Я забыл что* (и поэтому *вернулся*) абсолютно неграмматичны.

удивительный факт, что, несмотря на то, что русский язык славится свободным порядком слов, ни одна из перечисленных синтаксических фразем не допускает смещения К-слова относительно остальных ее элементов — даже в разговорной речи. В первом классе фразем К-слово остается в начале (*пригласи кого угодно*, но не ***пригласи угодно кого*); во втором же классе К-слово заключает фразему: *Мало кто понял объяснение*, но не ***Кто мало понял объяснение*. При этом обращает на себя внимание, что за пределами наших единиц позиция К-слов далеко не столь строгая, так что любые из них в разговорной речи или в поэзии могут «путешествовать» по предложению. В частности, в вопросах типа *Кого ты видел?* слово *кого* может переместиться вправо, как в *Ты кого видел?* и даже *Ты видел-то кого?* Бывают даже относительные придаточные, в которых К-слово размещается не в начале предложения, а в его конце, ср. *Когда я итожу то, что прожил и роюсь в днях, ярчайший где* (В. Маяковский).

Разница в поведении двух типов синтаксических фразем, по-видимому, объясняется тем, что они этимологически восходят к разным синтаксическим сущностям. В частности, фраземы, начинающиеся с вопросительного слова, представляют собой компрессию определительных придаточных предложений: *пригласи того, кого тебе угодно пригласить* ⇒ *пригласи того, кого тебе угодно* ⇒ *пригласи кого угодно*. Что касается синтаксических фразем, заканчивающихся вопросительным словом, то они могут рассматриваться как трансформации сложного предложения, состоящего из главного и определительного придаточного: *Один Бог знает, что он делает* ⇒ *Он делает (один) бог знает что*. Рассмотрим оба класса синтаксических фразем подробнее.

2.4.2.4. Синтаксические фраземы, начинающиеся с К-слова

Этот класс синтаксических фразем, как оказалось, достаточно многочислен и разнороден. Первая их часть может быть представлена практически любым К-словом: *что*, *кто*, *когда*, *где*, *куда*, *откуда*, *как*, *зачем*, *какой*, *чей*, *который*, *почему*, *отчего*, *сколько* и даже *сколь* и *почём*. Заметными исключениями из этого списка являются

1) составное К-выражение *что за* ≈ 'какой'⁵², ср. *Какой учебник тебе подойдет?* = *Что за учебник тебе подойдет?*, но *Мне подой-*

⁵² Тонкие семантические различия между *что за* и *какой* обсуждаются в книге [Рахилина 1990].

дет какой угодно учебник при невозможности ****Мне подойдет что угодно за учебник или **Мне подойдет что за угодно учебник**);

2) наречные К-слова *что* и *чего* в значении 'почему'; ср. *Почему он опоздал? — Он мог опоздать почему угодно, но не Чего он опоздал? — **Он мог опоздать чего угодно.*

Оба типа исключений объясняются, вероятно, тем, что соответствующие конструкции оказались бы чересчур «вторичными»: ведь вопросительные слова *что за* и *что (чего)*, от которых они могли бы образоваться, сами по себе «вторичны» по сравнению с их нейтральными синонимами *какой* и *почему*.

Что касается вторых частей данного класса фразем, то они представлены несколькими словами и словосочетаниями (последние могут быть разной степени идиоматичности). Назовем их.

1) Предикативное наречие *угодно*, которое может сочетаться с любыми из перечисленных выше К-слов — от *что угодно* до *сколько угодно* и *сколь угодно*; ср. *Интервал времени между делениями не может быть сколь угодно большим* (С. Лем).

2) *Попало, попадет, ни попадя, попадется* и, возможно, несколько других выражений, представляющих собой застывшие формы глаголов *попасть* и *попасться*. Эти выражения способны присоединяться практически ко всем К-словам, ср. *Он ест что попало; Не стоит дружить с кем попало; Смотришь конкурс в Сопоте / И глотаешь пыль, / А кого ни попадя / Пускают в Израиль* (В. Высоцкий) и т. д. Некоторые из этих сочетаний, правда, кажутся весьма искусственными и нарочитыми, хотя и встречаются в литературных текстах (ср. *Стопорили фургон на сколько попало времени* (О. Павлов, «Октябрь», 1998).

Единственное сочетание такого типа, которое нам не удалось подтвердить материалом Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), — это *сколь попало*.

Отметим, что фраземы, сформированные этими застывшими глагольными формами, обнаруживают несколько разное поведение. Так, фраземы, содержащие форму *попало*, наиболее нейтральны, а фраземы с *ни попадя* (устаревшей и нестандартно акцентуированной формой деепричастия, сопровождаемой труднообъяснимой отрицательной частицей) — стилистически маркированы и характеризуются значительными лексическими ограничениями (вряд ли они включают такие К-слова, как *чей* или *сколько*). Любопытно, что форма *ни попадя* за пределами рассматриваемых здесь фразем вообще не встречается.

3) Застывшее выражение *бы то ни было*, которое практически полностью утратило самостоятельную синтаксическую форму, слившись по существу в одно слово. Оно стилистически нейтрально, легко сочетается с любым К-словом и, как и *ни попадя*, встречается лишь внутри рассматриваемых идиом; ср. *Ты больше знаешь, чем кто бы то ни было* (Л. Н. Толстой); *Приучайте ребенка засыпать в своей кровати без **чьего бы то ни было** присутствия* и т. д.

4) Модальные предикативные наречия типа *надо, нужно, необходимо, можно* и т. д.; ср.

(10) *Брат поговорил с кем надо.*

Следует подчеркнуть, что последняя группа синтаксических фразем — твердый орешек для задач автоматической обработки текстов, поскольку их весьма трудно отграничить от омонимичных свободных словосочетаний, образующих относительное придаточное, ср. (10) и

(11) *Спроси, с кем надо поговорить.*

5) Несколько глаголов со значением желания (*хотеть, желать, вздуматься, заблагорассудиться*) или требования (*понадобиться, следовать, потребоваться, прийти, полагаться*), а также застывшее причастие *положено*; ср. *Ты свободен делать что хочешь* (Н. С. Лесков); *Гулял где хотел, ворчал на кого вздумается* (А. Попов); *Отработает, сколько положено, и уедет* (В. Шукшин).

6) Ряд идиоматических сочетаний типа *Бог на душу положит; под руку попадется, Бог пошлет*; ср. *Музыку надо писать, как Бог на душу положит* (П. Чайковский); *Я жила и все еще живу в Ницце чем бог пошлет* (И. Бунин); *Хватай, что под руку попадется* (Л. Петрушевская).

Несмотря на все разнообразие синтаксических фразем с К-словами в начале, их синтаксическое поведение представляется весьма сходным. Если говорить о представлении этих фразем в поверхностной синтаксической структуре в русле теории «Смысл ↔ Текст», то, на наш взгляд, самым естественным решением было бы считать, что К-слово есть вершина всей фраземы, которой подчиняется вершина ее оставшейся части (в большинстве случаев, единственному оставшемуся словесному элементу). Что же касается самого К-слова, то оно может подчиняться любому элементу предложения. Иными словами, такая фразема не составляет придаточного предложения, а является членом предложения — под-

Сначала кратко очертим круг этих фразем. В дополнение к экспрессивным единицам типа *чёрт знает кто* (куда, ...), подробно исследованным нами ранее ([Pomdin 2005]; см. также раздел 2.3), в этот класс входят фраземы, образованные количественными наречиями *мало*, *много*, *редко*, а также несколькими уступительными союзами *хоть*, *лишь бы*, *абы* и, возможно, некоторыми другими⁵⁴. Все эти элементы могут сочетаться практически с любыми К-словами, за исключением некоторых выражений типа **мало сколько* или **много почему*. Мы, однако, ограничимся в основном фраземами, содержащими К-слово *кто*.

1) *Мало кто* и *много кто* иллюстрируются предложениями типа

(15) *Мнение большинства мало кому интересно;*

(16) *Мало ведь кто держит в уме и в сердце десятитомник «полного» Пушкина* (Журнал «НЛО», 2006).

В (17) используется наречие *маловато*, производное от *мало*:

(17) *Три языка маловато кто на хорошем уровне знает.*

(18) *Нужно еще много с кем познакомиться.*

2) Фраземы, образованные наречием *редко*, имеют любопытное семантическое свойство: они сочетают идею малочисленности некоторых объектов с идеей временной редкости. Так, предложение

(19) *Редко кто сходил с поезда, редко кто выглядывал из окон* (Д. Гранин)

непрерывно вводит динамику движения. Было бы неуместным сказать что-л. вроде **редко кто сидел в этом зале*.

Аналогичным образом, кажущаяся избыточность фраземы в (20) соединяет идею недостаточного числа мест с редкостью ситуаций:

(20) *Хорошее вино сейчас редко где выпьешь* (Ф. Искандер).

3) Синтаксические фраземы с союзами *хоть кто*, *лишь бы кто*, *абы кто* можно проиллюстрировать примерами типа

(21) *Доверчивое, неожиданное прикосновение молодой, честной души смутит хоть кого* (Ivan Turgenev);

(22) *В наш лучший университет лишь бы кого не приглашают;*

(23) *Нам лишь бы кто не нужен в идиоты* (Б. Левин, из шуточного стихотворения);

⁵⁴ Синтаксические свойства этих фразем рассматриваются в интересной работе [Testelefs, Vylinina 2005], которая отталкивается от понятия слусинга. Наш подход, однако, принципиально иной.

(24) *Сразу видно, что не абы кто писал, а хороший и умелый писатель* (М. Веллер).

Очевидно, что две последние фраземы обладают сильной отрицательной полярностью и употребляются в основном в предложениях с явным или скрытым отрицанием.

Под стать нетривиальным семантическим особенностям этих фразем их в высшей степени нетривиальные синтаксические свойства. По убеждению автора, как и в случае с фраземами типа *чёрт знает кто*, обсуждаемыми в разделе 2.4.1, предложения с этими фраземами не могут быть адекватно представлены нормальным деревом зависимостей. Им должен соответствовать граф с двумя вершинами, или, образнее говоря, двумя синтаксическими началами. Например, для предложения

(25) *Мало кто знает три языка*

должна строиться структура с двумя вершинами — *знает* и *мало*. При этом К-слово *кто* должно зависеть от *знает*, будучи подлежащим при нем, и одновременно должно быть «фраземным» зависимым от *мало*, отражая тем самым единство фраземы.

Обоснование этого решения таково. Предположим противное и попытаемся построить обычное дерево зависимостей для (25). Кандидатами в вершины могут быть слова *мало* и *знает*. Пусть вершина — *мало*. В этом случае глагол *знает* должен непосредственно зависеть от *мало*. Какова же здесь синтаксическая связь? Чтобы личный глагол был зависимым, эта связь должна быть близкой к союзной или межсентенциальной. Здесь это явно не так. Пусть тогда вершиной является *знает*. Тогда *мало* должно зависеть от *кто*, чтобы обеспечить синтаксическую целостность фразы. Отсюда следует, что и любые зависимые слова *мало*, включая сентенциальные наречия и частицы вроде *же* или *ведь*, типичные для таких предложений, должны относиться к группе местоимения. Наконец, придется считать, что и в конструкциях типа *мало ли кто это знает* (которые, хоть и не являются синтаксическими фраземами, имеют с ними много общих синтаксических свойств) вся пропозиция зависит от местоимения, которое обычно вообще не имеет зависимых⁵⁵.

⁵⁵ По соображениям места мы опускаем дополнительную аргументацию, затрагивающую просодический и коммуникативный аспекты предложений, содержащих данные фраземы.

Кажется, что наше решение позволяет избежать таких несуразностей и натяжек. Кроме того, оно согласуется с тем фактом, что все фраземы, в которых вопросительное слово тяготеет к концу, содержат по два утверждения: так, предложение (25) сообщает, что а) существуют люди, которые знают три языка и б) таких людей мало. В то же время оба утверждения синтаксически слиты в одном простом предложении. Синтаксическое представление с двумя вершинами, на наш взгляд, является хорошей аппроксимацией этого факта.

2.4.3. Синтаксическая фразема ВСЁ РАВНО⁵⁶

К классу синтаксических фразем без сомнения относится многозначная синтаксическая фразема с двумя фиксированными элементами *ВСЁ РАВНО*. У этой фраземы есть три четко выделяемых лексических значения: *всё равно 1* ≈ 'независимо ни от чего'; ср. *Я всё равно сижу дома*; *всё равно 2* ≈ 'безразлично'; ср. *Нам всё равно, куда ехать*; и *всё равно 3* ≈ 'равносильно'; ср. *Сняться в плохом фильме — всё равно что плюнуть в вечность* (Фаина Раневская). Ни одну из этих единиц нельзя считать несинтаксической фраземой, поскольку каждая из них обладает синтаксическими и сочетаемостными особенностями, не разделяемыми, насколько нам известно, никакими другими единицами русского языка.

Полное описание синтаксического поведения фраземы должно включать в себя, в частности:

- (1) лексическую и морфологическую идентификацию входящих в нее словесных элементов;
- (2) характеристику синтаксических отношений, устанавливаемых между словесными элементами фраземы, и их направление;
- (3) фиксацию синтаксических особенностей лексем в составе фраземы, обуславливающих взаимодействие фраземы с другими элементами предложения.

Последняя задача выполняется с помощью аппарата синтаксических признаков, предложенного в лингвистической теории «Смысл ⇔ Текст» и активно используемого в лингвистическом процессоре «ЭТАП-3», экспериментальная работа с которым в значительной мере послужила толчком для данного исследования.

Описание синтаксического поведения фраземы должно дополняться другими типами лексикографической информации (интона-

ционно-просодической, семантической, прагматической и др.), которые мы также будем учитывать, хотя и не в полной мере.

Рассмотрим каждый из упомянутых типов синтаксического описания фраземы по очереди.

Лексическая и морфологическая идентификация всех трех описываемых лексических единиц фраземной вокабулы — *всё равно 1*, *всё равно 2* и *всё равно 3* — одинакова: они составлены из местоименного существительного *всё* в именительном падеже единственного числа и прилагательного *равный* в краткой форме, единственном числе и среднем роде⁵⁷.

Синтаксическая связь между элементами фраземы во всех трех случаях направлена от прилагательного *равно* к местоименному существительному *всё* — тем самым это прилагательное оказывается синтаксической вершиной фраземы и, вообще говоря, является ее представителем во внешних синтаксических связях. Конкретный тип синтаксического отношения, который, на наш взгляд, разумно усматривать между вершиной и зависимым членом — фраземное: это отношение используется для характеристики внутрифраземных связей, если их не удастся естественным образом интерпретировать как какое-либо из отношений, наблюдающихся в свободных словосочетаниях. В частности, ни в одной из трех фразем здесь нельзя использовать предикативное синтаксическое отношение, применяемое для описания зависимости между сказуемым и подлежащим. Даже к, казалось бы, наиболее подходящей для такой интерпретации фраземе *всё равно 2* это отношение неприменимо, в чем легко убедиться, если сравнить предложение *мне всё безразлично*, где *всё* — несомненное подлежащее при прилагательном-сказуемом, и предложение *Мне всё равно*, в котором подлежащее отсутствует, но которое может быть им дополнено, ср. *Мне это всё равно*; *мне всё равно, куда он пойдет* и даже *Мне всё всё равно* (подлежащие выделены графически)⁵⁸.

⁵⁷ Доказательство этих двух утверждений мы здесь опускаем, чтобы не слишком отвлекаться от темы изложения, хотя в принципе оба из них заслуживают подробной аргументации.

⁵⁸ Заметим, что в стихотворении М. Цветаевой, где эта фразема сначала дважды употребляется «в нормальном режиме», а затем дважды обыгрывается (точнее, разрушается), синтаксическое отношение между *равно* и *всё* оказывается именно предикативным; ср.

Мне все — равны, мне всё — равно;
И, может быть, всего равнее —
Роднее бывшее — всего.

⁵⁶ Раздел 2.4.3 основан на материале статьи [Иомдин 2006а].

Прочие синтаксические особенности у всех трех фразем существенно различаются.

Так, сентенциальное наречие *всё равно 1* в тексте ведет себя так же, как и другие, нефразеологические сентенциальные наречия (типа *наверняка, обязательно, непременно, точно, напрасно* и др.), обычно подчиняясь вершине всего предложения, чаще всего — но не исключительно — личному глаголу или инфинитиву (*Всё равно я его люблю, Тебе всё равно вставить рано, Он всё равно хороший* и т. д.). *Всё равно 1* не может подчинять никаких других слов, даже ограничительных наречий или частиц: **Не всё равно я его люблю, *Тебе совершенно всё равно вставить рано; *Он почти всё равно хороший*. Элементы этой фраземы характеризуются фиксированным порядком следования и не могут перемежаться никакими другими словами.

Из трех фразем *всё равно 1* дальше всех продвигается в сторону формирования единого слова, фактически отличаясь от такового лишь фонетикой и просодикой — наличием двух словесных ударений (основное из которых, по нашим ощущениям, приходится на второй элемент) и нередуцируемого [о] в элементе *всё*.

Синтаксические особенности предикативного наречия *всё равно 2* весьма близки к особенностям таких предикативных наречий и прилагательных, как *жаль, безразлично* и т. п. В частности, синтаксическая роль, которую *всё равно 2* играет в предложении, — это именная часть сказуемого (глагольная часть которого представлена связкой, ср. *Ему было (стало, оказалось) всё равно*). Эта фразема обладает той же совокупностью синтаксических признаков, что и такие предикативные слова, как *безразлично, интересно, любопытно*, а именно, (а) признаком «предчто», характеризующим способность слова присоединять (через связку) придаточное-подлежащее, вводимое союзом *что*, ср.

(3) *Ей было всё равно, что ребенок устал и хочет спать,*

и (б) признаком «предвопр», характеризующим способность слова присоединять придаточное-подлежащее, являющееся косвенным или альтернативным вопросом, ср.

(4) *Ей было всё равно, куда идти (получит ли она место, придет он или нет, что будет на обед).*

...

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,

И всё — равно, и всё — едино.

(члены предикативного отношения выделены графически).

В синтаксической структуре предложения вершины придаточных предложений (союз *что* в (3) и глаголы *идти, получит, придет, будет* в (4)) подчиняются глаголу-связке по предикативному отношению.

Кроме того, *всё равно 2* управляет (через связку) существительным в дательном падеже, которое реализует его субъектную семантическую валентность, выражая субъект состояния. Последний не обязательно представлен словом со значением человека; на эту роль годится и организация; ср. два вхождения субъекта состояния (выделяемые графически) в (5):

(5) — *Дамы здесь ни при чем, дамам это всё равно, — отвечал пират, буквально сжигая швейцара глазами, — а это милиции не всё равно!* (М. Булгаков).

В синтаксической структуре предложения существительное, выражающее субъект состояния, подчиняется вершинному элементу фраземы *всё равно 2* по 1-му комплетивному синтаксическому отношению.

Элементы данной фраземы также характеризуются фиксированным порядком следования, однако в определенных условиях (в отрицательном общем вопросе) могут перемежаться другими словами, ср.

(6) *Не всё ли тебе равно, что со мной будет?*

Заметим, что в подобных предложениях некоторые слова могут подчиняться невершинному элементу фраземы — именно так обстоит дело с частицей *ли*, которая в (6), как разумно предположить, зависит от *всё*, а не от вершины фраземы *равно*: именно относительно *всё* определяется положение *ли* во фразе, эта частица является энклитикой при *всё*.

В отличие от двух остальных рассматриваемых фразем, *всё равно 2* обладает вариативной просодикой — основное ударение здесь может приходиться как на первый, так и на второй словесный элемент.

Наконец, синтаксические свойства предикативного наречия *всё равно 3* весьма специфичны и, по-видимому, не имеют близких аналогов в других лексических единицах русского языка.

Фразема *всё равно 3* управляет союзом *что* и, в более разговорном варианте, союзом *как*; ср. *Никогда не следует сожалеть, что человека обуревают страсти. Это всё равно, как если бы мы стали сожалеть, что он человек* (А. Моруа, пер. с франц.). При этом наличие какого-либо из двух союзов в предложении обязательно. Как и наречие *всё равно 2*, данное наречие выступает в предложении как

именная часть сказуемого при связке, однако накладывает ограничения на подлежащее при этом сказуемом (оно может быть почти исключительно именем действия, местоимением *это* и инфинитивом, причем в последнем случае инфинитивом должен управлять и союз, так что все предложение с *всё равно 3* оказывается биинфинитивным; ср. *Плывать на поэзию — всё равно что плывать на Большую Медведицу* (Ю. Мориц); другие примеры см. выше).

Характерно, что, в отличие от *всё равно 2*, лексическая единица *всё равно 3* не присоединяет субъекта состояния в дательном падеже (невозможно что-л. вроде **Плывать на поэзию — мне всё равно что плывать на Большую Медведицу*). Это наречие, по нашему мнению, вообще не имеет субъектной валентности. В высказывании типа *Плывать на поэзию — для меня всё равно что плывать на Большую Медведицу* слово *меня* вводит субъект оценки ситуации, а не субъект равносильности.

Заключая обзор синтаксических свойств фраземной вокабулы *ВСЁ РАВНО*, отметим, что факт ее многозначности (как и факт многозначности любой другой синтаксической фраземы) вызывает дополнительные затруднения при автоматическом анализе текста, когда системе приходится идентифицировать не только фразеологическую единицу в противовес свободному словосочетанию, но и конкретную лексическую единицу в пределах вокабулы. В ряде случаев это бывает непросто.

Приведем сначала пример ситуации, когда фразеологическую единицу (неважно, синтаксическую фразему или «нормальную» идиому) приходится отличать от свободного словосочетания. Сравним фразеологическую единицу *в одиночку* (≈ ‘без помощи или компании других людей’), как в

(7) *Он любил работать в одиночку,*

и свободное сочетание предлога *в* с существительным *одиночка* (которое, добавим, само по себе является многозначным, ср. в частности, такие значения, как ‘женщина, воспитывающая детей без мужа’ и ‘одиночная камера в тюрьме’). Очевидно, что во многих случаях разрешение неоднозначности такого типа требует привлечения глубоких семантических соображений и/или широкого контекста; ср. *Он отправился в одиночку* — ‘один или в одиночную камеру’ при однозначности (7) и

(8) *Он в одиночку отправился на Северный полюс.*

Возвращаясь к многозначной фраземе *всё равно*, укажем на близость некоторых типичных контекстов для единиц *всё равно 1* и *всё равно 2*. Так, каждая из них может выступать в компании с существительным в форме дательного падежа и инфинитивом, ср.

(9) *Мне всё равно лететь*

и

(10) *Мне всё равно, лететь или не лететь.*

В (9) имеет место единица *всё равно 1*, выступающая в качестве сентенциального наречия при инфинитивно-модальной конструкции *мне лететь*. В (10) выступает единица *всё равно 2*, при которой местоименное существительное *мне* заполняет ее субъектную валентность, а инфинитивный оборот *лететь или не лететь* является подлежащим.

Еще более запутанным является предложение

(11) *Мне всё равно, чёрт возьми, чистить картошку или мыть туалет!*

в котором неоднозначность фраземы *всё равно* обуславливает возможность различной интерпретации всего предложения: ‘независимо ни от чего (= *всё равно 1*) мне предстоит чистить картошку или мыть туалет’ vs. ‘мне безразлично (= *всё равно 2*), какое из двух неприятных занятий меня ожидает — чистка картошки или мытье туалета’.

Предложение (11) сконструировано нами, однако подобные ситуации встречаются и в реальных текстах. Так, в стихотворной строфе

*И, ещё спеша и суетясь,
Всё равно — смешно нам или горько,
Трепыхаясь в лиственных сетях,
Мы плывём за временем вдогонку*

(А. Городницкий)

элемент *всё равно* можно трактовать как относящееся к глаголу *плывем* сентенциальное наречие *всё равно 1* (‘плывем невзирая ни на что’), а также (пусть с некоторой натяжкой) — как предикативное наречие *всё равно 2*, при котором выражение *смешно нам или горько* выступает в качестве придаточного подлежащего (‘кому-то всё равно, смеемся мы или горюем’).

В таких ситуациях единственным надежным методом разрешения неоднозначности является обращение анализирующей системы к

пользователю в интерактивном режиме: этот метод в последнее время активно разрабатывается применительно к лингвистическому процессору «ЭТАП-3» (Boguslavsky et al. 2005).

2.4.4. Синтаксические фраземы, мотивированные полными словами⁵⁹

2.4.4.1. Вводные замечания

В данном разделе с теоретической и прикладной точек зрения рассматривается класс русских синтаксических фразем, сформированных с участием существительного *сила*. Каждая такая фразема обладает неповторимым набором свойств. Предлагаются индивидуальные описания нескольких из этих фразем, которые строятся по единой схеме с применением микросинтаксического подхода к описанию таких языковых единиц. Своими основными задачами автор видит, во-первых, по возможности полное описание конкретных синтаксических фразем, т. е. заполнение важной лексикографической лакуны (для большинства из этих фразем такая работа ранее никем не проводилась), а во-вторых, отыскание решений, которые позволили бы использовать такие описания в прикладных задачах автоматической обработки текстов.

Ниже будут рассмотрены следующие фразеологические единицы, образованные с помощью существительного *сила*:

- 1) предлог **В СИЛУ** (*В силу этой теории поведение в одной точке вселенной влияет на поведение в другой точке*);
- 2) наречие степени **ОТ СИЛЫ** (*от силы десять человек*);
- 3) наречие образа действия **ЧЕРЕЗ СИЛУ** (*Он отвечал через силу*);
- 4) наречная фразеосхема **В Х-ОВУЮ СИЛУ** (*Работает в полную силу, в треть силы, вполсилы*);
- 5) предикативное наречие **ПОД СИЛУ** (*Мне не под силу сделать это*);
- 6) предикативное наречие **ПО СИЛАМ** (*Такая задача ей по силам*);
- 7) предикативное наречие **В СИЛАХ 1** (*Старик был не в силах быстро ходить*);

⁵⁹ Раздел 2.4.4 представляет собой слегка измененный вариант статьи [Иомдин 2008].

- 8) предикативная наречная фразеосхема **В СИЛАХ 2** (*Сдержанность смех было не в моих силах*)⁶⁰.

Нетрудно увидеть, что выше перечислены далеко не все фразеологические единицы, образуемые с участием слова *сила*: в этом достаточно убедиться, открыв любой толковый словарь русского языка, где отмечается гораздо большее число таких единиц. Данная выборка обусловлена стремлением продемонстрировать, во-первых, разнообразие в поведении даже близких по смыслу фразеологических единиц, а во-вторых, дать читателю представление о масштабе еще не решенных задач, стоящих перед лексикографами, взявшимися за систематическое описание русского микросинтаксиса.

При работе над данной статьей автор широко использовал материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), а также Корпуса русского языка, имеющегося в секторе теоретической семантики Института русского языка РАН.

Фразеологические единицы будут в основном характеризоваться неформально: полное описание этих единиц, включая формальные толкования, потребовало бы существенно большего пространства.

2.4.4.2. Составной предлог В СИЛУ

2.4.4.2.1. *Синтаксис*. Заметим прежде всего, что составной предлог *в силу*, образованный из первообразного предлога *в* и существительного *сила* в винительном падеже единственного числа, выступает в русском языке как полноценный, почти первообразный предлог, управляющий родительным падежом. В отличие от многих других предложных выражений, образованных из прототипического предлога и существительного, таких как *в виде*, *в лице*, *в качестве*, *в случае*, *в отношении*, *за исключением*, *за счет*, *на основании*, *по поводу*, *с помощью*, *в связи с* и др., данный предлог не может разрываться даже местоименными определениями к существительному и тем самым никогда не переходит в наречное речение. Ср. *Он работает в*

⁶⁰ Строго говоря, не все эти единицы можно с полным правом отнести к синтаксическим фраземам в смысле [Богуславский, Иомдин 1982] или [Nunberg et al. 1994]: единицы *в силу*, *от силы* и *через силу* являются рядовыми составными предлогами и наречиями и не отличаются значительной синтаксической спецификой от других таких единиц. Мы рассматриваем их здесь потому, что представляет особую проблему идентификация этих единиц в тексте вследствие порождаемой этими единицами синтаксической омонимии и их отграничение от других синтаксических фразем.

качестве инженера с прошлого года — Он работает в этом качестве с прошлого года; На основании какого документа мне отказано? — На каком основании мне отказано? Для *в силу* это невозможно: *В силу этой теоремы данное утверждение верно*, но не **В ее силу данное утверждение верно*⁶¹. С этой точки зрения предлог *в силу* относится к тому же (меньшему, чем первый) классу русских составных предлогов, что и *в отличие от*, *в противовес*, *в угоду*, *в ходе*, *по сравнению с*.

Далее, первообразность предлога *в силу* выражается в том, что личные местоимения третьего лица, подчиняющиеся этому предлогу, практически обязательно приобретают начальное *н-*, как в случае первообразных предлогов, ср.

- (1) *Иногда в силу теории вероятности выпадают подряд одинаковые карты — Иногда в силу нее выпадают подряд одинаковые карты,*

но не **в силу ее...*

Тем не менее у *в силу* существуют синтаксические особенности, не позволяющие безоговорочно квалифицировать его как первообразный предлог, а именно: в сочетаниях с некоторыми парными союзами (*либо... либо, то ли... то ли, не то... не то, как... так и*) или частицами *ли* и *же* эти последние могут размещаться между данным предлогом и зависящим от него существительным; ср. *В силу как обстоятельств, так и личных пристрастий Набоков стремится осознать себя как абсолютно изолированную единицу, существующую вне культуры как таковой; Не в силу ли этого своего хобби он создал равное количество романов по-русски и по-английски?* (из статей о В. Набокове); *Эти люди, в силу либо незнания правил игры, либо в силу отсутствия к ней способностей играют не очень успешно; Гуманитарные ценности, в силу ли своего облагораживающего влияния на человечество, в силу ли объединения его вокруг общих ценностей, в силу ли создания идеалов эквивалентны по ценности естественнонаучным; В силу же полной обратимо-*

⁶¹ Заметим для полноты картины, что кристаллизация этого предлога произошла лишь недавно. Еще в XIX в. ситуация была другой и можно было встретить выражения типа *Я предложил моему наставнику такой вопрос: в какую силу принимаются им все эти приношения* (И. С. Никитин, 1860). Более того, даже в наши дни возможна языковая игра с данным предлогом (пусть и не в лучшем вкусе): *В эту же силу к множественному принадлежит профанный нуль* (из Интернета).

сти времени аксиома III отсутствует в механике Ньютона. Ничего подобного настоящие первообразные предлоги не допускают: **Не из-за ли своего хобби...* (надо: *не из-за своего ли хобби...*).

2.4.4.2.2. Семантика и сочетаемость. Предлог *в силу*, без сомнения, не композиционален относительно своих составных частей. В смысл этого предлога не входит ни смысл первообразного «направительного», управляющего винительным падежом предлога *в* (во всяком случае, в его основном значении), ни смысл существительного *сила* в каком бы то ни было из его лексических значений.

Примерное толкование этого предлога могло бы выглядеть следующим образом:

- (2) *Р в силу X-a* ≈ ‘Имеет место факт, свойство, событие или ситуация X (пресуппозиция); факт, свойство, событие или ситуация Р объясняется тем, что имеет место X (ассерция)’.

Следует отметить, что традиционные толковые словари русского языка относят *в силу* к причинным предлогам (например, в словаре С. И. Ожегова *в силу* толкуется как ‘по причине чего-н., из-за чего-н.’). Однако это неверно или, во всяком случае, неточно: в действительности данный предлог употребляется тогда, когда причинная связь между X и Р если и имеется, то носит достаточно сложный и опосредованный характер; для экспликации этой связи требуются логические рассуждения; неформально говоря, употребляя предлог *в силу*, говорящий предлагает слушающему произвести эти логические рассуждения. Заметим, например, что замена предлога *в силу* в предложении (1) на основной русский причинный предлог *из-за* приведет к существенному изменению смысла: выпадение одинаковых карт происходит не потому, что имеет место теория вероятностей (ее могло бы вообще не существовать, что не отразилось бы на поведении карт); говорящий же в (1) объясняет выпадение одинаковых карт соответствием этого события теории вероятностей.

В соответствии с толкованием (2) вряд ли уместны высказывания типа *Я не успел в театр в силу опоздания поезда*: в подобной ситуации причинно-следственная связь между двумя событиями слишком очевидна, чтобы для ее описания прибегать к тяжелой артиллерии книжного предлога *в силу*.

Существенно, с другой стороны, что, подобно причинным предлогам, предлог *в силу* вводит неравноправные факты: факт X утверждается первичным, независимым, а факт Р — вторичным. Поэтому выражения типа *в соответствии друг с другом* допустимы, а выра-

жения **по причине друг друга* и **в силу друг друга* — нет. В предложении *Они [творческие индивиды] либо делают подлости в силу глупости, либо глупости в силу подлости* (А. Зиновьев, «Зияющие высоты») описываются две разные ситуации, в которых факты X и P меняются местами, но не одна ситуация взаимообусловленности X и P.

В полном соответствии с толкованием, предлог *в силу* подчиняет реализующие валентность X существительные со значением фактов, свойств, событий и ситуаций (но, например, не предметов и лиц: **в силу Америки*, **в силу Ивана*) и подчиняется реализующим (пассивную) валентность P глаголам и существительным с теми же значениями.

2.4.4.2.3. *Идентификация предлога В СИЛУ при автоматической обработке текстов.* Как и в других ситуациях, когда неоднословная фразеологическая единица языка омонимична свободным словосочетаниям и/или другим фразеологическим единицам, надежное отождествление ее в тексте при автоматическом анализе представляет собой трудно разрешимую проблему. Не говоря уже о случаях реальной неоднозначности предложения (ср. *Он верит в силу привычки* 'предмет его веры есть сила привычки', vs. 'его вера [например, в Бога] объясняется привычкой'), отграничение в тексте предлога *в силу* от последовательности двух слов *в* и *силу* не может быть описано с помощью сколько-нибудь надежных правил.

Данное утверждение подтверждается следующим небольшим экспериментом, проведенным автором. Автор проверил встречаемость в текстах некоторых сочетаний цепочки *в силу* со словами, которые, по его эмпирическим ощущениям, максимально благоприятствовали интерпретации этой цепочки как предлога: 1) *в силу теории* (леммы, аксиомы, гипотезы, утверждения), 2) *в силу закона, теории, разума, ума, слова*. Выяснилось, что если в первой группе словосочетаний *в силу* действительно практически всегда следует интерпретировать как предлог, то во второй группе ситуация существенно меняется: *в силу теории* содержит предлог *в силу* в 90% случаев (ср., например, непредложное функционирование во фразах *Он верил в силу теории* или *Тут вступают в силу теории эволюции*), *в силу ума* содержит предлог *в* в 70% случаев, *в силу закона* — в 20% случаев (здесь возмущающим элементом является устойчивое сочетание *вступление в силу*), а *в силу разума* — лишь в 8% случаев (ср. *Индивидуальность в силу разума обладает способностью к реструктуризации*). Добавим, что стопроцентное попадание выражения *в силу* в предлог наблюдается в цепочке *в силу чего* (это начало изъяс-

нительного придаточного) и почти стопроцентное — в цепочке *в силу чего* (исключение: *Вы только вслушайтесь в силу чего-то чувства к неведомой нам девушке*).

Отсюда можно сделать следующий вывод. Частично информацию о совместной встречаемости предлога с каким-либо словом можно учесть в статистических моделях автоматического анализа текста. Если представить себе, однако, объем предшествующей такому учету эмпирической работы и помножить его на количество фразеологических единиц, заслуживающих такой же эмпирической работы, станет ясно, что подобная задача не поддается практическому решению.

Сказанное в данном разделе в полной мере относится ко всем другим фразеологическим единицам, упоминаемым выше. Из соображений экономии места мы не будем приводить подобные рассуждения для этих единиц.

Заклучим эту главку следующей курьезной информацией. Еще в тридцатых — сороковых годах XX в. русская орфография допускала слитное написание данного предлога — *всилу*, что отмечено в толковом словаре Д. Н. Ушакова. Если бы творцы орфографической нормы учитывали интересы создателей систем автоматической обработки текстов, работа последних могла бы стать существенно легче.

2.4.4.3. Наречие степени ОТ СИЛЫ

2.4.4.3.1. *Синтаксис.* Данное наречие, сформированное предлогом *от* и существительным *сила* в родительном падеже единственного числа, выступает в качестве препозитивного или постпозитивного модификатора при именных группах и, изредка, глаголах, ср.

- (3) *Он получит от силы 1000 рублей (1000 рублей от силы);*
 (4) *За это его от силы пожурят, но, конечно, не уволят.*

От силы не имеет существенных синтаксических особенностей, отличающих его от других степенных наречий, особенно таких, которые сочетаются с числовыми выражениями (*максимум, максимум, минимум* и др.; ср., с одной стороны (3)—(4), а с другой — высказывания *Он получит максимум 1000 рублей, За это его максимум поставят в угол*). Мы сосредоточимся поэтому на семантических свойствах этого наречия.

2.4.4.3.2. *Семантика и сочетаемость.* Как и предлог *в силу*, наше наречие не композиционально относительно своих составных час-

тей. Мы не видим в семантике наречия *от силы* даже следа значений формирующих его лексических единиц — предлога *от* или существительного *сила*.

Приблизительное толкование этого наречия выглядит так:

- (5) Q *От силы* P 'максимальная величина некоторого параметра Q составляет P, говорящий считает, что эта величина мала'.

Обе валентности наречия *от силы* — пассивные. В предложении (3) валентность P заполнена именной группой *1000 рублей*, а валентность Q — глаголом *получит*. В предложении (4) валентность P заполнена глаголом *пожурят*, а валентность Q эксплицитно не выражена, хотя примерный ее смысл ясен любому носителю языка — это 'наказание'.

Имплицитный характер валентности Q сближает наше наречие с подробно рассматриваемыми в [Богуславский 1996] кванторными словами типа *только*. Семантическая экспликация предложения (3) посредством нашего толкования (5) могла бы выглядеть так: 'Из всех видов наказаний самое строгое наказание, которое он за это понесет, — его пожурят; говорящий считает, что это мягкое наказание'.

Пресуппозитивный компонент толкования (5) 'говорящий считает, что эта величина мала' представляется весьма важным: он отличает выражение *от силы* от его ближайших синонимов *максимум* и *максимально*. Ср., например, предложения

- (6) *На этом турнире любая команда может набрать максимум 10 очков,*

где говорящий предлагает объективный арифметический подсчет результатов (при этом он может оценивать величину в 10 очков и как большую, и как малую или вообще ее не оценивать), и

- (7) *На этом турнире любая команда может набрать от силы 10 очков,*

где говорящий со всей определенностью характеризует эту величину как малую.

Добавим к сказанному, что составное наречие *от силы* разделяет со своими синонимами и аналогами (*максимум*, *минимум*, *как минимум* и пр.) способность задавать разные ориентации иерархической шкалы некоторых параметров (см. об этом [Июмдин Б., Юмдин Л. 2005]): от низшей точки к высшей или наоборот. Предложение *Она займет от силы третье место* означает, что она может занять

третье, четвертое и последующие места, но не первое и не второе, а предложение *Каждый из нас помнит имена своих родственников от силы до четвертого-пятого поколения* означает, что не помнятся имена родственников шестого и более далеких поколений.

В заключение отметим, что наречие *от силы*, как и другие разговорные лексические единицы со значением количественной оценки, охотно сочетается с аппроксимативно-количественными конструкциями: *Придет от силы человек восемь*; *Я заработал от силы тысяч десять*, а также с имеющими значение приблизительности кратными конструкциями *Придет от силы восемь-десять человек*. Весьма любопытно при этом, что замена в таких высказываниях аппроксимативной конструкции на выражение, содержащее эксплицитное указание на приблизительность, приводит к неправильности высказывания: **Придет от силы приблизительно восемь человек*, **Я заработал от силы примерно десять тысяч*. По ощущениям автора, эта неправильность носит не чисто сочетаемостный или грамматический, а семантический характер, однако для ее объяснения требуется дополнительное исследование. Укажем пока на то обстоятельство, что сам по себе пресуппозитивный компонент смысла *от силы* 'эта величина мала' не может быть причиной указанной неправильности: выражения типа *Я заработал только (всего) примерно десять тысяч* вполне правильны, хотя *только* и *всего* тоже содержат указанный компонент.

2.4.4.4. Наречная конструкция В X-ОВУЮ СИЛУ

2.4.4.4.1. *Синтаксис*. Наречная конструкция, или, если воспользоваться термином Д. Н. Шмелева [1960], фразеосхема *в X-овую силу* обладает той важной особенностью синтаксической фраземы, что содержит как постоянную, так и обязательную переменную часть. Постоянная часть образована управляющим винительным падежом предлогом *в* и существительным *сила* (на этот раз в одном из своих основных лексических значений), а переменная часть представлена словами лексического класса весьма причудливого состава, характеризующими степень применения этой силы. В этот лексический класс входят прилагательные *полный*, *неполный*, *половинный*; количественные существительные *половина*, *половинка*, *треть*, *четверть*, *часть*, *третья*, *десятая* и т. п. (в значении *третья часть*, *десятая часть*), а также числительные — *пол*, *полторы*, *две*, *три*, *девять* и т. п. Синтаксические связи внутри данной фраземы оказы-

ваются различными в зависимости от того, как реализована переменная часть — если это прилагательное или числительное, то оно подчиняется существительному *сила*, а если это количественное существительное, то оно подчиняется предлогу *в* и подчиняет себе существительное *сила*. Если переменная часть реализуется существительным *часть*, то оно почти всегда сопровождается порядковым прилагательным: *в пятую часть силы* и т. п.

Разумеется, частоты встречаемости в текстах конкретных реализаций переменной части нашей синтаксической фраземы несопоставимы друг с другом — прилагательное *полный* используется регулярно, а все остальные варианты появляются в единичных случаях и чаще всего в качестве метафоры или в порядке языковой игры. Показательный пример: в критической статье о романе В. Орлова, озаглавленной «Альтист Данилов, игра не в полную силу», где употреблен обычный вариант нашей фраземы, встречается и синонимичное выражение *Он играл в неполную силу*. Ср. также другие примеры, где налицо явная языковая игра: *В лагере каждый тянет вполсилы*⁶² или *в полторы силы*. *Дружно в лагере тянуть не умеют* (В. Шаламов); *Российским футболистам будет сложно справиться с реактивными «камикадзе», играющими не просто в полную силу — в две силы; Сверхдержава воевала даже не в треть, а в десятую силы; Семнадцать лет. По улицам кружить, / Читать Ахматову и Гумилева, / Дышать вполсилы, в четверть силы жить* (Б. Верникова) и т. д.

2.4.4.4.2. Семантика. Единица *в X-овую силу* в целом ведет себя как наречие степени и служит модификатором предикатного слова (прототипически — глагола или отглагольного существительного).

Примерное толкование синтаксической фраземы *в X-овую силу* выглядит так:

- (8) *Р в X-овую силу* 'действие или деятельность Р происходит так, что субъект Р использует при совершении Р часть силы, равную X'.

Существенной семантической особенностью нашей фраземы является тот факт, что формально количественная⁶³ оценка прилага-

⁶² Тот факт, что по прихоти русской орфографии данный вариант фразеосхемы пишется слитно, мы оставляем без внимания.

⁶³ И иногда весьма точная оценка, ср. *Говоря со мной об одном человеке, он сказал, что ум у него в девять сил из расчета на морскую свинку; Бил он*

емой силы фактически всегда используется как метафора: если говорится, например, что один футболист играл матч вполсилы, другой в треть силы, а третий — в четверть силы, то никакого реального подсчета при этом не производится, утверждается лишь, что футболисты играли ниже своих возможностей. Тем самым можно утверждать, что — во всяком случае, с точки зрения узуса — выражения типа *в треть силы* и *в четверть силы* синонимичны друг другу, как и выражения типа *в две силы* и *в три силы*. Разумеется, такая ситуация наблюдается и в других фразеологических единицах и просто в речевых штампах: выражения *Я сто раз тебе повторял, что так делать нельзя* и *Я тысячу раз тебе повторял, что так делать нельзя* значат одно и то же.

Нам неясно пока, следует ли относить к рассматриваемой синтаксической фраземе выражения, в которых переменная часть представлена существительными типа *разряд*, *гроссмейстер* и т. п.; ср. *Сюсаку к тому времени уже играл в силу 7-го дана; Зрелищным оказался турнир «молодых», большинство из которых играют в силу крепкого I разряда; Если Чигорин играл в силу международного мастера, то Ласкер образца 1905-го играл в силу очень приличного гроссмейстера*, а также *Каждый работал в силу своих возможностей*. С одной стороны, такие выражения характеризуют уровень приложения сил, однако скорее они характеризуют его не с количественной стороны, а с качественной и вводят идею сравнения с эталоном.

2.4.4.5. Предикативное наречие В СИЛАХ 1 и предикативная наречная фразеосхема В СИЛАХ 2

2.4.4.5.1. Синтаксис. Насколько известно автору, никакие словари и грамматики русского языка не различают двух фразеологических единиц *в силах*. Между тем, как мы сейчас увидим, с синтаксической точки зрения эти две единицы резко контрастируют друг с другом.

Синтаксическая фразема *в силах 1*, образованная предлогом *в*, управляющим предложным падежом, и существительным *сила* в предложном падеже множественного числа — это предикативное наречие, выполняющее в предложении роль сказуемого (точнее,

в сотую часть силы, но у Аникиной перехватило дыхание (Русский национальный корпус).

именной части составного сказуемого, глагольная часть которого представляет собой связку). Подлежащее при таком сказуемом стоит в именительном падеже; кроме того, эта синтаксическая фраза имеет дополнение, выражаемое инфинитивом, ср. *Иван в силах сделать это; Я оказался не в силах побороть усталость; Больной к ночи уже был не в силах поднимать рук и только смотрел пред собой, не изменяя внимательно сосредоточенного выражения взгляда* (Л. Н. Толстой); *Я, не будучи в силах преодолеть себя, иду к рыжему дому и звоню к дворнику* (А. П. Чехов).

С синтаксической точки зрения фраза *в силах 1* ведет себя так же, как синтаксическая фраза *в состоянии* (ср. *Я в состоянии сделать это*), и весьма близка к прилагательному *способен* (*Я способен сделать это*).

Синтаксическая фраза *в силах 2* ведет себя существенно иначе. Хотя эта фраза тоже является предикативным наречием и выполняет роль именной части составного сказуемого, она отличается от *в силах 1*, во-первых, тем, что, подобно рассмотренному в п. 2.4.4.4 наречию *в Х-овую силу*, имеет обязательную переменную часть и тем самым является фразеосхемой. Эта переменная часть выражается существительным в родительном падеже или прилагательным (чаще всего местоименным, но не только), которое вводит субъекта данной фраземы: *в силах Ивана, не в моих силах*. Во-вторых, подлежащим при сказуемом *в силах 2* прототипически выступает не именная группа, а инфинитив; ср. *Не в моих силах писать по-французски* (В. Некрасов). Тем самым фраземе *не в силах 2* при ее описании в терминах синтаксического компонента модели «Смысл ⇔ Текст» должен быть приписан особый синтаксический признак ПРЕДИНФ (см. о нем, в частности, [Июдин, Мельчук, Перцов 1975] и [Апресян и др. 1992]).

Нетрудно заметить, что с синтаксической точки зрения фраземы *в силах 1* и *в силах 2* практически являются конверсивами.

К сказанному необходимо сделать еще три добавления.

Первое. Фразеосхема *в силах 2*, помимо переменной части, может еще сопровождаться эпитетом к слову *силах*, что представляется достаточно необычным свойством; ср. *Сделать это не в моих скромных (слабых) силах*.

Второе. Мы видели, что и при *в силах 1*, и при *в силах 2* появляется инфинитив — в первом случае он реализует собственное управление фраземы, а во втором — несобственное управление через связку. Характерно при этом, что в первом случае инфинитив не

альтернирует даже, как это обычно бывает, с местоименным словом; ср. *Он любит решать задачи — Он любит это — Что он любит?*, но *Он в силах решить задачи — *Он в силах это — *Что он в силах?* В случае же *в силах 2* инфинитив, выполняющий роль подлежащего, чередуется не только с местоимением, но и с другим словом широкой семантики; ср. *Сделайте все, что в человеческих силах. В человеческих силах немалое, а потому трое способнейших, запершись в кабинете, начали там систематический обыск* (Карел Чапек, пер. Т. Аксель и О. Молочковского).

Третье. Как было только что показано, две достаточно близких по смыслу фраземы, мотивированные одним и тем же словом, обладают весьма различными синтаксическими свойствами. Если ввести в рассмотрение еще две фраземы с близкими значениями — *под силу* и *по силам*, то обнаружится, что их свойства отличаются как от *в силах 1*, так и *в силах 2*. Главное отличие состоит в том, что субъект этих фразем выражается дательным падежом, превращая конструкции в безличные: *Мне не под силу (не по силам) выполнить такую работу за месяц*. Данный факт — еще одна демонстрация гигантского объема работы, который предстоит выполнить микросинтаксистам.

2.4.4.5.2. *Семантика*. В данной главке мы ограничимся лишь неформальным указанием на одно важное различие в семантике фразем *в силах 1* и *в силах 2*, оставляя на будущее их подробное описание, включая толкования.

В силах 1 свободно употребляется для характеристики любых способностей субъекта — как физических, так и умственных, психических, моральных и т. д.: ср. *Я (не) в силах поднять этот чемодан — Врач был не в силах помочь безнадежному больному*. Эти способности воспринимаются как внутренне присущие субъекту (в первую очередь, разумеется, человеку).

Что касается *в силах 2*, то эта фраза характеризует в первую очередь моральные способности человека, причем представляет их как не зависящие от его воли, как бы данные ему свыше. Поэтому вряд ли уместно сказать что-то вроде *Поднять этот чемодан в его силах* или *Поднять этот чемодан не в его силах*: в первом случае говорящий представил бы достаточно рядовое физическое здоровье субъекта как данное ему высшей силой, а во втором случае, соответственно, он представил бы недостаток физической силы у субъекта как результат воздействия некоторого высшего существа. И то, и другое в бытовой ситуации не оправданно.

2.4.5. Синтаксические фраземы с экспрессивным значением⁶⁴

Обсуждаемый ниже языковой материал затрагивает несколько русских экспрессивных фразеологических единиц, объединенных общностью ключевого слова *чёрт*⁶⁵: 1) *какого чёрта*; 2) *на кой чёрт*; 3) *чёрт с ним*; 4) *ну его к чёрту*; и 5) *чёрта с два*. Еще одна фразеологическая единица этого класса (*чёрт знает что* <куда, ...>) рассматривалась выше, в разделе 2.3.

При рассмотрении синтаксических фразем мы полностью абстрагируемся от их просторечных и архаичных разновидностей, отмечаемых в словарях и иногда встречающихся в текстах (для фраземы *какого чёрта* такие разновидности — это *какой чёрт*, *кой чёрт*, для фраземы *на кой чёрт* это *за каким чёртом*) и не будем сравнивать их с основными (= каноническими) вариантами. Заметим лишь, что, скорее всего, эти варианты — во всяком случае, с синхронной точки зрения — представляют собой самостоятельные единицы, требующие отдельного лексикографического анализа.

2.4.5.1. Какого чёрта?

2.4.5.1.1. Синтаксис. Обсуждение свойств этой фраземы мы начнем с вопроса, казалось бы, весьма простого: в каком падеже стоит это выражение? Очевидно, что выбор здесь невелик: грамматические формы как существительного *чёрта*, так и местоименного прилагательного *какого* могут относиться к родительному или к винительному падежу. При этом даже внимательный анализ материала, как это ни удивительно, не дает ясного ответа. Дело в том, что основная синтаксическая функция фраземы *какого чёрта* в предложении — это обстоятельство (о его семантическом типе мы поговорим ниже), ср.

- (12) *Но всё ж, дитя, какого чёрта / Сюда явились?* (М. Цветаева);
 (13) *Какого чёрта мы теряем время?* (А. и Б. Стругацкие);
 (14) *Какого чёрта вы смеетесь?* (В. Аксенов);
 (15) *Одного не пойму, <...> какого чёрта я взял с собой корзину, раз эта старуха увязалась за нами?* (Ф. Искандер)

⁶⁴ Исследование, лежащее в основе этого раздела, выполнено благодаря поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 04-06-80148).

⁶⁵ Первые три из этих единиц были рассмотрены в работе [Иомдин 2003]; в данной книге материал подвергся существенной переработке.

и т. д. Однако в русском языке обстоятельства как в родительном, так и в винительном падеже без предлога — большая редкость, их перечень исчерпывается ограниченным кругом семантических типов, таких как обстоятельства даты и — реже — возраста, выражаемые родительным падежом (*встреча состоится первого [= род] ноября, шестнадцати лет ее выдали замуж*) или обстоятельства длительности и пространственной протяженности, выражаемые винительным (*он работает у них всего неделю [= вин], до деревни нам топтать еще целую версту [= вин]*). Ни к одному из этих типов обстоятельство *какого чёрта* явно не относится.

Не помогает прояснению ситуации и сравнение фраземы с ее синонимами, в том числе просторечными и грубо-просторечными — *какого дьявола*, *какого рожна*, *какого хрена* и т. д. Разумеется, *рожон* и *хрен* — существительные неодушевленные и, формально говоря, данные словосочетания могут рассматриваться лишь как стоящие в родительном падеже. Однако именно во фразеологизмах русская категория одушевленности нередко размывается, причем процесс размывания может идти как в сторону исчезновения показателя одушевленности (как во фраземе *на кой чёрт*), так и в сторону его появления (*дать дуба, залепить строгача* [= строгий выговор] и т. п.). Тем самым ничто не мешает нам усматривать в упомянутых фраземах и винительный падеж — тем более, что от лексического значения слов *рожон* ('острый кол') и *хрен* ('острый овощ') здесь ничего не остается. Поэтому постулирование в этих конструкциях любого из этих двух падежей было бы равно адекватным для представления выражаемых этой фраземой обстоятельств.

Однако, кроме обстоятельства, фразема *какого чёрта* может, и не столь уж редко, выполнять и другие синтаксические роли: прямого дополнения или даже подлежащего. Так, бесспорное прямое дополнение имеет место в примере

- (16) *А где бургомистр? Какого чёрта он делает?* (А. и Б. Стругацкие).

В предложениях

- (17) *«А какого чёрта ему надо?» — подумал Бездомный и нахмурился* (М. А. Булгаков);
 (18) *Всегда искренне недоумевал в душе — не понимал, какого чёрта еще нужно признанному писателю* (В. Шукшин)

фразема *какого чёрта* может считаться либо дополнением (если считать (17) или (18) безличными), либо даже подлежащим

(если считать, что предикативы *надо* и *нужно* могут иметь таковые: такое допущение подтверждается примерами типа *Оно тебе нужно?*).

Наконец, в несколько разговорном предложении

(19) *Какого чёрта тебе тут понадобилось?*

подлежащая трактовка фраземы вообще не вызывает сомнений⁶⁶. В последнем случае решение усматривать в *какого чёрта* винительный падеж было бы совсем уж экзотичным: подлежащих в винительном падеже в русском языке, насколько известно автору, не находили никогда. Таким образом, аргументов **против** того, чтобы усматривать во фраземе *какого чёрта* винительный падеж, набирается больше, чем аргументов **против** того, чтобы видеть здесь родительный падеж. Руководствуясь этим фактом, мы и примем эту последнюю трактовку⁶⁷.

2.4.5.1.2. *Семантика*. Обратимся теперь к семантическим свойствам фраземы *какого чёрта*. Попытаемся определить для начала, к какому смысловому типу относятся представленные этой фраземой обстоятельства. Традиционный толковый словарь МАС дает для *какого чёрта* толкование 'зачем, для чего', т. е., по существу, предлагает видеть здесь обстоятельство **цели**. Между тем такая интерпретация, в общем, не подтверждается материалом. В частности, из четырех приведенных выше примеров (12)—(15) с обстоятельством *какого чёрта* целевая интерпретация представляется весьма сомнительной, по крайней мере, в (13) и в (14). Кроме того, эта фразема легко сочетается (а) с глаголами, обозначающими события, состояния или неконтролируемые действия; ср. *Какого чёрта ее понесло на Сицилию?* (Ю. Семенов); *Какого чёрта он несет всю эту чепуху?* (Ф. Искандер); *Он никак не мог взять в толк, какого чёрта мельничный жёрнов оказался лежащим на пастухе, а сам пастух при этом оказался лежащим в воде* (Ф. Искандер); *И какого чёрта мне заго-*

⁶⁶ В этом отношении *какого чёрта* напоминает другую русскую синтаксическую фразему — *что за*, которая формирует подлежащее (*что за человек этот Петья*) или прямое дополнение (*что за человека ты встретил*), но не косвенное дополнение (**что за человеком ты интересовался*).

⁶⁷ Неожиданное подтверждение правильности этой трактовки обнаружилось в московской молодежной газете «Реакция» (№ 3, 3—10 марта 2005 г.). В шуточной заметке журналистка сокрушается: «*Так какого же рога-хвостатого существа меня сплошь окружают люди без понятия?*» Разумеется, словоформа *существа* может принадлежать только родительному падежу существительного среднего рода *существо*.

релось, — *подумал он, трезвея* (Ю. Домбровский), с модальными глаголами, ср. *Старого друга... напрямую спросили, какого чёрта тот захотел податься в партию* (А. Азольский), а также с глаголами под отрицанием: *Какого чёрта тогда не взорвали меня раньше?* (В. Кунин); *Какого чёрта ты не пошел одеваться на берег?* (Джером К. Джером, пер. с англ.); *Какого же чёрта ты не спишь?* и т. д. Все такие контексты обстоятельству цели противопоказаны: недаром ни в одном из этих предложений замена *какого чёрта* на *зачем* невозможна или, по крайней мере, неестественна. На наш взгляд, в этих предложениях имеет место не обстоятельство цели, а обстоятельство **причины**: *какого чёрта* соотносится здесь не с *зачем*, а с *почему*, которое легко подставляется во все приведенные примеры. Несмотря на то, что *какого чёрта*, как правило, формирует риторический вопрос, на который редко следует ответ, встречаются даже контексты, непосредственно подтверждающие этот вывод: *Какого чёрта вы верите им и не верите мне? — Да потому, что ты пьян!* (А. и Б. Стругацкие). С другой стороны, и обратная замена *зачем* на *какого чёрта* не всегда дает уместное высказывание, ср. *Зачем (*какого чёрта) человеку автомобиль?*; *Зачем (*какого чёрта) вам это знать?* и т. п. Заметим, что такая замена неуместна именно тогда, когда неуместна и замена *зачем* на *почему*: фразы **Почему человеку автомобиль* и **Почему вам это знать?* равным образом неграмматичны.

Правда, в некоторых инфинитивно-модальных конструкциях *какого чёрта* встречается и легче заменяется именно на *зачем*; ср. *Если всё это так, какого чёрта тут вообще разговаривать?* (А. и Б. Стругацкие); *Какого чёрта уезжать? Здесь ты можешь стать «новым русским», «новым евреем», «новым узбеком» или «новым чеченцем», что в сущности — одно и то же, и поехать отдыхать на Канарские острова* (В. Кунин). Однако, на наш взгляд, в инфинитивно-модальных конструкциях само слово *зачем* не обязательно формирует вопрос о цели предполагаемого действия и может побудить дать ответ о причинах, ср. *Зачем тебе уезжать? — Да ведь у меня здесь никого не осталось*. Та же особенность распространяется и на фразему *какого чёрта*⁶⁸.

Что касается значения фраземы *какого чёрта*, выступающей в функции прямого дополнения или подлежащего, как в (16)—(19), то

⁶⁸ О связи языковых значений цели и причины, а также о соотношении вопросительных слов *зачем* и *почему* подробнее см. [Богуславская, Левонтина 2004].

оно естественным образом соотносится со значением вопросительного местоимения *что*. Очевидно, что ни о причине, ни о цели здесь речь вообще не идет.

В связи с этим возникает естественный лексикографический вопрос о том, принадлежат ли обстоятельственное и актантное употребление *какого чёрта* к одной лексической единице или к разным. По мнению автора, существуют две лексические единицы *какого чёрта* — «обстоятельная» и «актантная».

Необходимо теперь хотя бы кратко охарактеризовать то смысловое наращение, которое фразема *какого чёрта* вносит в высказывание по сравнению с вопросительными словами *почему* и *что*. На наш взгляд, это наращение представляет собой модальный компонент, характеризующий отношение говорящего к событию, который отражается в толкованиях двух лексических единиц приблизительно следующим образом:

Какого чёрта 1 Р? = 'Говорящий испытывает досаду от того, что Р имеет место, и спрашивает, почему Р имеет место'.

Какого чёрта 2 Р? = 'Говорящий испытывает досаду от того, что что-то Р, и спрашивает, что именно Р'.

Наличие смыслового компонента 'досада', содержащегося в семантическом представлении *какого чёрта*, объясняет тот факт, что эту фразему неуместно употреблять для характеристики ситуаций по-настоящему серьезных и трагических: странно было бы услышать что-либо вроде **Какого чёрта Гитлер напал на Польшу?* или **Какого чёрта Моцарт так рано умер?* (если только в коммуникативные намерения говорящего не входит специальное снижение пафоса высказывания).

2.4.5.1.2. *Сочетаемость и парадигматика*. Отметим несколько причудливых парадигматических и сочетаемостных особенностей, которые должны быть включены в лексикографическое описание *какого чёрта*.

Во-первых, любопытен набор синонимов этой фраземы: помимо перечисленных выше, в этот набор входят три-четыре просторечных и грубо-просторечных выражения, а также словосочетания, сформированные синонимами слова *чёрт*: *какого дьявола, какого шайтана, какого беса, какого лешего*, но почему-то не **какого демона* и не **какого сатаны*. Заметим, что синонимия всех этих выражений практически абсолютная, включая и пресуппозитивный компонент толкования.

Во-вторых, среди вариантов фраземы отсутствуют уменьшительные и женские формы **какого чёртика, *какого бесёнка, *какой чертовки, *какой дьяволицы* и т. д.

В-третьих, поскольку в состав единицы входит вопросительное местоимение *какого*, естественно было бы ожидать существования у фраземы вариантов *какого-то чёрта, какого-либо чёрта, какого-нибудь чёрта* и *кое-какого чёрта* — ведь все четыре варианта присутствуют у вопросительных коррелятов этой фраземы *почему* и *что*. На самом деле в языке наличествует только один из этих вариантов, ср. *Какого-то чёрта я встал ни свет ни заря и отправился на дачу*.

2.4.5.2. На кой чёрт?

2.4.5.2.1. *Синтаксис*. Фразема *на кой чёрт* очень похожа на предыдущую и синтаксическими свойствами, и семантической организацией. Как уже отмечалось, в этой фраземе разрушена грамматическая категория одушевленности (*на кой чёрт* вместо *на коего чёрта*⁶⁹), причем, на взгляд автора, для утраты одушевленности нет никаких семантических оснований: существительное *чёрт* здесь выступает ровно в том же значении, что и вне фразеологических сочетаний. Любопытно, что из двух «усеченных» синонимических вариантов фраземы *на кой чёрт* — *на кой* и *на чёрта* — одушевленность утрачена только в первом.

В отличие от предыдущей фраземы, *на кой чёрт* выступает лишь в одной синтаксической функции — обстоятельства: *На кой чёрт я писал эти стихи да еще посылал их по почте?* (В. Аксенов). Ни как дополнение, ни как подлежащее эта фразема не встречается никогда. Характерно, что данная фразема очень часто появляется в безглагольных модальных конструкциях с дательным падежом бенефицианта (или, возможно, экспериенсера, см. ниже п. 2.4.5.2.2); ср. *И на кой чёрт она нам теперь, революция, когда и так без революции дело идет как нельзя лучше на нашу сторону* (Н. Лесков); *На кой чёрт мертвецу цветы?* (Дж. Сэлинджер, пер. с англ.), а также в инфинитивно-модальных конструкциях; ср. *На кой чёрт себя-то обманывать?!* (В. Шукшин).

⁶⁹ Для полноты картины приведем пример, когда одушевленность в этой фраземе остается неприкосновенной: *Но на коего чёрта ему понадобилось для начала провалить себя в Никодеме?* (М. Булгаков).

Обе последние конструкции, как уже отмечалось в 2.4.5.1.2, типичны и для нейтрального аналога фраземы *на кой чёрт* — вопросительного слова *зачем*.

2.4.5.2.2. *Семантика*. Именно с этим последним словом, которое легко подставляется во все приведенные выше примеры, и соотносится *на кой чёрт*. Соответственно, и семантический тип обстоятельства, выражающегося этой фраземой — обстоятельство *цели*.

Как нам представляется, противопоставление причины и цели составляет единственное семантическое различие между *какого чёрта 1* и *на кой чёрт*. Этим, в частности, объясняется тот факт, что последняя фразема в большей степени ориентирована на целеустремленного субъекта, чем первая: недаром весьма типичными контекстами для *на кой чёрт* являются высказывания с глаголами типа *сдаться* или *понадобиться* или с прилагательным *нужен*, при которых выражение субъектной валентности почти обязательно; ср. *На кой чёрт мне сдались все огни — и красные и белые* (А. С. Новиков-Прибой); *И на кой чёрт тебе нужен галстук, если на тебе нет штанов?* (М. Булгаков).

Если же в высказывании с *на кой чёрт* такого субъекта нет, оно оказывается неграмматичным или по меньшей мере неуместным, ср. *Какого чёрта магазины в Германии закрываются так рано?*, но не **На кой чёрт магазины в Германии закрываются так рано?*

Тем самым пресуппозитивный компонент толкования *на кой чёрт* должен содержать упоминание о субъекте действия или экспириенсере состояния, а само толкование может в первом приближении выглядеть так:

На кой чёрт P(Q)? = 'Говорящий испытывает досаду от того, что R имеет место, и спрашивает, почему Q сделал R'.

Таким образом, *какого чёрта 1* и *на кой чёрт* являются не синонимами, а лишь аналогами (если их понимать так, как в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка НОСС 2004).

2.4.5.2.3. *Сочетаемость и парадигматика*. Завершая описание фраземы *на кой чёрт*, отметим, что набор ее синонимов достаточно причудлив и, как это ни удивительно, существенно отличается от такового для *какого чёрта*. Из всех синонимов слова *чёрт* в этот набор попадает разве что *дьявол*; ср. *На кой дьявол ты так рано встал?* Ни *бес*, ни *шайтан*, ни *леший* с *на кой* не сочетаются. Зато в качестве синонима фигурируют просторечные фраземы *на кой ляд* и

*на кой шут*⁷⁰, в то время как другие просторечные и грубо-просторечные фраземы, аналогичные тем, которые приводились в п. 2.4.5.1 (*на кой рожон*, *на кой хрен* и т. д.), употребляются лишь окказионально. Не существует и ни одного из четырех мыслимых вариантов фраземы с частицами, включая и **На кой-то чёрт* (хотя в сниженной речи и эта фразема встречается).

2.4.5.3. Чёрт с ним!

2.4.5.3.1. *Синтаксис*. Фразема *чёрт с ним* (или, говоря более общо, *чёрт с X-ом*) представляется нам с синтаксической точки зрения одной из самых своеобразных во всей системе русской фразеологии. Начнем с того, что эта фразема, как и ее довольно многочисленные синонимы (от *бог с ним* до *фиг с ним* и далее), состоит из постоянной (*чёрт с*) и переменной части (*ним, ней* и т. д.), причем лексическая реализация второй части по существу ограничена личными местоимениями.

Далее, эта фразема (опять-таки вкуче с синонимами) представляет собой, насколько нам известно, единственный в русском языке случай обязательной пролептической катафоры: в случае, если объект пренебрежения говорящего (так сказать, «тот, с кем чёрт») выражается именной группой, отличной от личного местоимения, она должна предваряться соответствующим личным местоимением и вводиться дубликатом предлога *с*; см. первую строку в отрывке из стихотворения М. Цветаевой:

Что Москва! Чёрт с ней, с Москвою!
Чёрт с Москвою, чёрт со мною, —
И сам Свет-Христос с собой!

Исключения из этого правила редки и в основном представляют собой намеренные авторские нарушения (см. вторую строку этого отрывка).

Эта фразема играет в русском языке синтаксическую роль, аналогичную той роли, которую играют предикативные наречия или прилагательные (типа *ладно, неважно, хорошо*) — это означает, что выражения типа *чёрт с ним* по существу формируют целое предложение, которое выступает либо независимо, как в (20)—(21), ср.

⁷⁰ Заметим попутно, что в этой последней тоже оказывается разрушенной категорией одушевленности.

(20) *А, чёрт с ними, со всеми с этими планами* (В. Аксенов);

(21) *Чёрт с ними, с двенадцатью* (И. Ильф, Е. Петров),

либо входит в состав сложного предложения, как в примерах (22)—(23):

(22) *Ну, чёрт с тобой, провожу тебя до остановки* (В. Набоков);

(23) *Он, видно, уже не вернется, а если вернется, чёрт с ним* (В. Набоков).

Несмотря на предикативный характер фраземы, она не сочетается с ненулевой связкой: предложения типа **чёрт был (будет) с ним* или **был (будет) чёрт с ним* совершенно исключены. С другой стороны, вполне возможны употребления типа *чёрт бы с ним*, в которых *бы* по сути дела представляет собой связку в сослагательном наклонении, ср. *И отчего, в самом деле, ты не хотела съездить и потешить его? Чёрт бы с ним!* (А. Ф. Писемский); *Я испугался — и за старика, и за собаку. Чёрт бы с ним, с пьяным, но не хотелось осиротить собаку* (М. Чулаки); *Кабы дело было только в Интернете, так и чёрт бы с ним — жили без него прежде, прожили бы и теперь* (Известия). В этом отношении наша фразема ведет себя аналогично предикативному наречию *ладно*, которое также практически не сочетается с ненулевой связкой, но сочетается с *бы*. *И ладно бы, если бы он просто ушел*.

Еще одна синтаксическая особенность фраземы *чёрт с ним* состоит в том, что она может присоединять придаточное-подлежащее, вводимое союзом *что*, ср.

(24) *Чёрт с ним, что папа судебный следователь* (М. Булгаков);

(25) *Чёрт с тобой, что ты жил за границей* (С. Есенин),

и тем самым обладает популярным в синтаксическом компоненте модели «Смысл ↔ Текст» признаком «предчто» — это довольно редкое свойство для фразеологических единиц. (Другой пример такой единицы — она выделена полужирным шрифтом — можно наблюдать в предложении *У меня сердце кровью обливается, что дочь там одна*.) Характерно, что тем же признаком обладает и предикативное наречие *ладно*, которое в некоторых употреблениях (см. 28) синонимично *чёрт с ним*:

(26) *Ладно, что и родился, ладно, что детей народил* (В. Белов);

(27) *И это бы еще ладно, что материщи... но им подай пуговицы* (И. Бродский);

(28) *Ладно, что толстый и лысый, чёрт с ним, что старый (все мы не молодеем), но ведь еще и маньяк!* (из Интернет-форума).

2.4.5.3.2. *Семантика*. Насколько нам известно, рассматриваемая фразема пока не получила хорошего словарного толкования. Не претендуя на полноценное решение этой лексикографической задачи, заметим лишь, что, на наш взгляд, стержневым смысловым элементом фраземы *чёрт с X-ом* является готовность говорящего пренебречь («пожертвовать») X-ом, некоторая уступка (X-у или кому-либо другому). Этот элемент должен содержаться в ассертивной части толкования фраземы. Что же касается пресуппозитивной части этого толкования, то здесь, как и в предыдущих двух фраземах, должен, на наш взгляд, фигурировать смысловой компонент ‘досада’. В соответствии со сказанным эскиз толкования мог бы выглядеть примерно так:

Чёрт с X-ом = ‘Объект, человек или положение дел X важны для говорящего. Считаю, что сохранение статуса X-а в некоторой развивающейся ситуации лучше, чем изменение этого статуса в ней, и испытывая досаду от того, что такой статус изменяется или может измениться, говорящий сообщает, что он тем не менее готов на такое изменение’.

Попытаемся проиллюстрировать некоторые элементы этого эскиза толкования, кратко прокомментировав известный сюжет из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», когда Ипполит Матвеевич Воробьянинов уступает уговорам Безенчука и соглашается заказать у него дорогой гроб:

Как раз к этому времени Ипполит Матвеевич уже решил все. «Поеду, — решил он, — найду. А там посмотрим». И в брильянтовых мечтах даже покойница теща показалась ему милее, чем была. Он повернулся к Безенчуку:

— Чёрт с тобой! Делай! Глазетовый! С кистями!

В этом отрывке говорящий (Ипполит Матвеевич) считает, что сохранение статуса X-а (Безенчука) в разворачивающейся ситуации — т. е. вариант, когда X не получит выгодного заказа, — лучше для говорящего (ему не придется потратиться), чем изменение этого статуса (получение заказа), однако выражает готовность пойти на это изменение, уступив X-у.

Элемент толкования ‘положение вещей’ относится к случаям, когда антецедент или референт местоимения *оно* в *Чёрт с ним* — это имя ситуации, а не конкретный человек или предмет; так, в предложении *И чёрт с ним, что в этих высотных зданиях нет логики* (В. Некрасов) уступка говорящего относится к факту отсутствия ло-

тики в высотных зданиях. Вероятнее всего, примерно так же обстоит дело и в предложении (24) в предыдущей главке.

2.4.5.3.3. *Парадигматика*. Завершая обсуждение фраземы *чёрт с X-ом*, коротко охарактеризуем круг ее синонимов. Этот круг на удивление широк. Мы уже отмечали, что он содержит фраземы, принадлежащие самым разным языковым жанрам: на одном полюсе находятся фраземы *бог с ним* и *господь с ним*, а на другом полюсе — весь спектр просторечных и грубо-просторечных фразем типа *хрен (фиг) с ним* и т. д. Сюда же следует присовокупить и довольно неожиданные фраземы *пёс с ним* и *шут с ним*. Посередине этого списка находятся фраземы, образованные с помощью синонимов слова *чёрт*: *дьявол с ним* (ср. *В роли грозного господя бога // Перед пленным стоял офицер. // И сказал капитан Богомоллов: Дьявол с ним. Пусть живет этот олух!* (Д. Самойлов)), *бес с ним*, *шайтан с ним* и т. д. Как и в случае предыдущих двух фразем, синонимия здесь представляется нам практически полной. Исключение, однако, составляют фраземы *бог с ним* и *господь с ним*, в которых, на наш взгляд, пресуппозитивный компонент ‘испытывать досаду’ отсутствует: вместо него здесь должен фигурировать компонент, близкий к ‘проявлять великодушие по отношению к X-у’.

2.4.5.4. Ну его к чёрту!

2.4.5.4.1. *Синтаксис*. Как и предыдущая фразема, выражение *Ну его к чёрту!* (или, опять-таки в общем виде, *ну X-а к чёрту*) обладает значительным синтаксическим своеобразием и также состоит из постоянной (*ну... к чёрту*) и переменной части (*его, её, их, тебя* и т. д.). Далее, как и в предыдущем случае, переменная часть лексически реализуется в основном личными местоимениями 2-го и 3-го лица ⁷¹

⁷¹ Любопытно, что появление здесь местоимения первого лица (**ну меня (нас) к чёрту*) практически невозможно даже в порядке языковой игры — в отличие от рассматриваемой выше фраземы *Чёрт с X-ом*. Этот факт объясняется, по-видимому, важными различиями между ассертивными частями этих фразем (см. ниже п. 2.4.5.4.2). Стоит добавить, что с распространением развитых систем поиска в Интернете утверждения о наличии или отсутствии каких-либо конструкций в языке начинают допускать непосредственную количественную оценку (см. об этом также [Беликов 2004]). В частности, поисковая система Google находит в русских текстах около 3000 вхождений выражений *Черт со мной* и *Черт с нами*, но всего 30 вхождений выражений *Ну меня к чёрту* и *Ну нас к чёрту*.

(в винительном падеже ⁷²), которые тоже могут формировать конструкции с пролептической катафорой, при этом полнозначное слово может следовать непосредственно после местоимения, как в *Ну их, сокровища, к чёрту* (Б. Акунин), или передвигаться в конец фраземы, ср. *Да ну его к чёрту, этого врача* (Е. Попов); *Ну их к чёрту, всех проповедников!* (С. Залыгин). Однако, в отличие от фраземы *чёрт с ним*, пролептическая катафора здесь не обязательна, и вместо личного местоимения может выступать полнозначное существительное (в этом случае порядок следования элементов фраземы меняется, и существительное ставится на последнее место), ср. *Послушай, братец: ну к чёрту Собакевича, поедем ко мне!* (Н. В. Гоголь); *Тогда он вдруг решил: ну к чёрту всех! поймаю сам.* (Ю. Домбровский); *Ну к чёрту сны воображенья! / Не раз полночною порой / Вы нестерпимые волненья / В душе будили молодой* (Н. М. Языков). Стоит сказать, однако, что такие примеры в современном языке почти не встречаются.

Переменная часть фраземы может сопровождаться определением *ми всех* или *обоих*, ср.

(29) *Я допускаю, что вы светочи и освободители России, что без вас она пропала бы, погрязши в нищете и невежестве, и тем не менее мне не до вас и наплевать на вас, я не люблю вас и ну вас всех к чёрту* (Б. Пастернак).

Любопытен здесь грамматический статус первого элемента фраземы — *ну*. В МАСе это слово трактуется как междометие, однако фактически оно сближается с глаголами, поскольку управляет винительным падежом ⁷³.

Подчеркнем, что двухэлементную фразеологическую единицу *ну X-а* (ср. *Да ну тебя, надоел*) было бы, по нашему мнению, неверно трактовать как усеченный вариант рассматриваемой здесь фраземы. Дело, во-первых, в том, что хотя значения обеих единиц близки, они все же не тождественны (*ну тебя к чёрту*, в частности, предполагает

⁷² В качестве курьеза отметим неверную атрибуцию падежа переменной части этой фраземы в МАСе, где утверждается, что личное местоимение стоит в родительном падеже.

⁷³ Для полноты картины стоит заметить, что сходные с *ну* свойства обнаруживает и традиционно считающееся междометием слово *на* в конструкциях типа *на тебе хлеб*. Характерно, что и *на*, и *ну* имеют просторечные формы с глагольным окончанием второго лица множественного числа: *на-те вам хлеб; Да нуте вас!* — *увертывается с подносом Зойка* (Е. Носов).

более сильные эмоции говорящего), а во-вторых, в том, что неидентичны и их синтаксические свойства. В частности, переменная часть этой короткой фраземы может заполняться исключительно личными местоимениями (высказывания типа **Да ну Петю* полностью неграмматичны).

Примечательной синтаксической особенностью фраземы *Ну X-а к чёрту* является обязательность эксплицитного выражения посессора с помощью притяжательного местоимения при указании объектов или свойств, принадлежащих X-у; ср.: *Да ну вас к чёрту с вашей стенкой! Ничего ей не сделается!* (М. Булгаков) — при сомнительности ?*Ну вас к чёрту со стенкой!* — или *Ну вот, теперь ты прежний, ты смеешься, — отвечала Маргарита, — и ну тебя к чёрту с твоими учеными словами* (М. Булгаков). Отметим, что, в отличие, скажем, от французского или английского языков, такое эксплицитное указание посессора русскому языку, вообще говоря, не свойственно, скорее имеет место обратное: нормальный перевод на русский выражений типа *Il a été invité avec sa femme* или *He was invited with his wife* — это *Его пригласили с женой*, а не ?*Его пригласили с его женой*.

Еще одна особенность фраземы *ну его к чёрту* состоит в том, что она, подобно предыдущей, может изредка выступать как предикатив, присоединяя при этом в качестве подлежащего инфинитивный оборот: *Ладно, ну его к чёрту размышлять, нужно дело делать* (Ф. Незнанский, Э. Тополь). Лексическим единицам, обладающим таким свойством, приписывается синтаксический признак «прединф», редко, но все же встречающийся и у фразем (ср. уже рассмотренные в разделе 2.4.4 фраземы *по силам* и *под силу*): *Нам по силам победить эту команду; Мне было не под силу поднять этот рельс*.

В подобном употреблении эта фразема сближается с предикативами (типа *нужно, важно*).

Завершая обзор синтаксических свойств фраземы *ну его к чёрту*, обратим внимание на то, что она обладает вполне отчетливой внутренней синтаксической структурой: ее синтаксической вершиной является элемент *ну*, а элементы *его* и *к чёрту* подчиняются *ну*, заполняя, соответственно, объектную валентность этого слова и его валентность конечной точки. Тем самым *Ну его к чёрту* обладает синтаксической структурой, параллельной структуре типа *Посылаю его к бабушке*.

2.4.5.4.2. *Семантика*. В отличие от *чёрт с X-ом*, фразема *ну X-а к чёрту* выражает, на наш взгляд, не готовность говорящего пожерт-

вовать X-ом, а желание говорящего освободиться от объекта, человека или положения дел X, а, метафорически говоря, удалить X-а из своей личной сферы⁷⁴. Этот компонент значения является ключевым для рассматриваемой фраземы. Как и в предыдущем случае, этот смысловой элемент должен содержаться в ассертивной части толкования фраземы, набросок которого мог бы выглядеть так:

Ну X-а к чёрту = 'Объект, человек или положение дел X в некоторой развивающейся ситуации находится в личной сфере говорящего и вызывает досаду говорящего. Считая, что возможное исчезновение X-а из этой ситуации улучшит эту ситуацию, говорящий сообщает, что хочет, чтобы X покинул ее'.

Это толкование хорошо иллюстрируется уже приведенным примером (29) из «Доктора Живаго» Б. Пастернака; ср. также популярный анекдот о закутанном в шарф человеке, идущем по заснеженной Москве, к которому встречный обращается с вопросом «Который час?», на что получает ответ: *К чёрту, к чёрту, летом, летом* (правда, здесь использован усеченный вариант нашей единицы, но он семантически тождествен *ну его к чёрту*.)

С помощью данного толкования легко объяснить также, почему переменная часть фраземы, как мы уже отмечали в 2.4.5.4.1, не может реализоваться местоимением первого лица. Высказывание

(30)**Ну меня к чёрту*

означало бы выражение говорящим желания удалить себя из своей личной сферы — желания, безусловно, шизофренического. Тем самым, в случае, если бы этот в высшей степени нестандартный смысл действительно входил в намерения говорящего, его, в соответствии с давними наблюдениями Ю. Д. Апресяна ([Апресян 1978]; ср. также [Иомдин 1990: 85]), следовало бы выразить максимально эксплицитно (например, так: *я хотел бы, чтобы я был удален от себя самого*).

В случае с *чёрт с ним*, разумеется, заполнение переменной части местоимением первого лица тоже не совсем обычно, но допустимо при соответствующей смене эмпатии (когда человек досадует на самого себя и готов махнуть на себя рукой).

Добавим к этому, что высказывание типа (30) не может появиться даже в косвенной речи (**Он сказал, что ну меня к чёрту*), ибо фра-

⁷⁴ Понятие личной сферы говорящего, введенное в [Апресян 1986] и часто используемое в работах Московской семантической школы, оказывается весьма продуктивным для описания самых разных семантических явлений.

зема *ну его к чёрту* может употребляться только иллокутивно⁷⁵. Тем самым (30) семантически сближается с императивными предложениями. Однако, как мы уже видели, смысл рассматриваемой здесь фраземы близок к смыслу высказывания с глаголом в 1-м, а не во 2-м лице (*Отправляю X-а к чёрту*) и, возможно, ее следует считать своеобразным перформативом.

Из сказанного можно заключить, что единицы *чёрт с ним* и *ну его к чёрту* могут до некоторой степени считаться антонимами, так как содержат (правда, очень глубоко в семантическом представлении) противоположные смыслы 'ухудшить' и 'улучшить'. Обратим внимание, на то, что последняя фразема имеет однозначно проспективную ориентацию (т. е. отражает некий план действий говорящего и сообщает о принятом им решении), в то время как *чёрт с ним* чаще используется ретроспективно (т. е. выражает оценку свершившегося факта — хотя и противоположная ситуация тут тоже возможна (ср. разобранный в 2.4.5.3.2 сюжет из «Двенадцати стульев»)).

2.4.5.4.3. *Парадигматика*. Круг синонимов фраземы *ну его к чёрту*, в общем, невелик. Среди них — варианты с уже знакомыми нас синонимами слова *чёрт*, ср. *Ну его к дьяволу, этот фиорд* (А. Некрасов); *Ну тебя к лешему* и т. п. Правда, *ну его к шайтану, ну его ко жу* и *ну его к шуту* представляются по меньшей мере нарочитыми (впрочем *ну его к шуту* встречается у В. Даля, который в «Пословицах и поговорках русского народа» приводит еще и варианты *Ну его к бесу* и *Ну его к сатане*), а два-три эвфемизма-синонима типа *хрен* и *фиг* влекут за собой замену предлога *к* на *на* и превращаются при этом предлоге в энклитику (*ну их на фиг* и т. п.).

Кроме того, вместо самого чёрта могут фигурировать два новых персонажа — *чёртова мать* и *чёртова бабушка*, а также коллективный персонаж *все черти*; ср. *Я счастлива, что с вами расстаюсь! Ну вас к чертовой матери!* (М. Булгаков), *А ну его ко всем чертям!* (Б. Шоу, пер. с англ.).

Для полноты картины стоит упомянуть, что, как и в предыдущем случае, невозможно употребить ни уменьшительных, ни женских форм чертей (*чертик, чертенок, чертовка*), а также никаких синонимов слов *мать* и *бабушка* — ни *к чёртовой маме*, ни *к чёртовой бабуле* или *бабке* никто почему-то никого не посылает. Впрочем, как

⁷⁵ В этом отношении наша фразема сближается также с иллокутивными употреблениями некоторых русских союзов, таких как *раз, поскольку, коль скоро* и т. д.; см. о них (Иорданская 1988), а также раздел 2.6 данной главы.

и всегда, возможна вторичная языковая игра: *Ну ее к чертовой... тетеньке! Из-за них только неприятности!* — *недовольно промолвил боцман* (К. Станюкович).

Варианты фраземы, где вместо слова *чёрт* выступает слово *бог* или его синоним, как в *Ну тебя к богу с твоими юбками* (М. Булгаков), *Ну вас к аллаху* и т. п., имеют несколько другое значение. По-видимому, как и в случае с фраземой *Чёрт с ним*, 'досада' здесь уступает место 'великодушию' или 'снисхождению'.

Достаточно близким аналогом фраземы *ну его к чёрту* является фразема *иди к чёрту* (точнее, весь куст этих фразем — *иди, катись, убирайся, поди, пошел, шел бы ты к чёрту*). Подробно разбирать этот куст не входит сейчас в наши намерения, поскольку мы не видим в нем каких-либо интересных и неожиданных свойств. Стоит разве что заметить, что в *иди к чёрту* значительно сильнее выражен человеческий характер объекта, который должен идти к чёрту (впрочем, выражения типа *Да пошло оно все к чёрту* встречаются довольно часто). Большой интерес представляет производная от *иди к чёрту* фразема *посылать к чёрту*, порождающая целый ряд семантических идиосинкразий. Заметим хотя бы, что сам глагол *посылать* в этой фраземе представляется не каузативным, а коммуникативным: *посылать к чёрту* означает не 'побуждать идти к чёрту', а 'сказать «иди к чёрту»'.

2.4.5.5. Чёрта с два

2.4.5.5.1. *Синтаксис*. Начнем с внутреннего синтаксического строения этой фраземы. Нетрудно увидеть, что по своему устройству она тождественна аппроксимативно-количественной конструкции с предлогом типа *часа в два, рублей с пятьсот*. Однако, разумеется, совпадение здесь исключительно внешнее: смысл *чёрта с два* не имеет с аппроксимативно-количественной конструкцией ничего общего, ибо эта фразема никак не означает 'приблизительно два чёрта' (более того, по-видимому, ее нельзя использовать в качестве аппроксимативно-количественной конструкции даже в языковой игре: **В комнате было чёрта с два*). Обратим внимание на то, что, строго говоря, и здесь, как во фраземе *на кой чёрт*, слово *чёрт* утрачивает одушевленность, по-нашему, тоже без всяких на то оснований⁷⁶.

⁷⁶ Любопытно отметить, что и в обычных аппроксимативных конструкциях утрачивается одушевленность именной группы, ср. *Приведи мне четырех человек vs. Приведи мне человека четыре*.

Как и в случае с *какого чёрта*, фразема *чёрта с два* может выступать в синтаксической роли обстоятельства, как в предложениях *Да, — продолжал он тихо, — черта с два получишь ты что-нибудь!* (Н. В. Гоголь); *Черта с два здесь получишь ты добрый совет, / или, скажем, привет, или белый букет* (Е. Евтушенко); *А что ты с ним поделаешь? Не отбирать же у него теперь кукурузу! Да и чёрта с два он ее отдаст!* (Н. Думбадзе), и в синтаксической роли прямого дополнения, как в предложении *Чёрта с два вы нашли бы в парке, разве только *ageratum* или канны* (К. Чапек, пер. с чешского), а также, с некоторой натяжкой, и в качестве подлежащего; ср.: *Чёрта с два мне теперь достанется приз* (обстоятельство) и [?]*Чёрта с два мне теперь достанется* (подлежащее); *Чёрта с два мы там найдем* (дополнение) и [?]*Чёрта с два там найдется* (подлежащее).

2.4.5.5.2. *Семантика*. На наш взгляд, фразема *чёрта с два*, как и рассмотренная выше фразема *какого чёрта*, образует две лексические единицы. В качестве обстоятельства выступает одна из них, близкая по значению к *вряд ли*, а в актантных конструкциях другая, близкая по значению к фраземе *мало что*. Эти лексические единицы безусловно содержат в своем значении отрицание⁷⁷, отчего, в частности, весьма затруднены сочетания *чёрта с два* с эксплицитным отрицанием: [?]*чёрта с два он не придет*. Значение типа *мало что* (но не *ничего* и не *мало кто*) обуславливает несочетаемость *чёрта с два* со словами, не допускающими некантифицируемые объекты (**черта с два он отремонтирует, а не компьютер*), и со словами, предполагающими одушевленность актанта (**Черта с два он приведет, *Черта с два спали в ту ночь*). Это отличает нашу фразему от близкого синонима *чёрта лысого*, который скорее означает 'ничего', чем 'мало что', ср. *Черта лысого ты получишь, а не грузчиков!* (И. Хмельская, пер. с польского).

Интересно, что *чёрта с два*, в отличие от *вряд ли*, допускает как декрементную, так и инкрементную последовательность количественных выражений: *И он и я знаем, что Ушастик послушно скажет, что добавит, но чёрта с два свыше ста пятидесяти восьми оборотов добавит хоть половинку* (В. Конецкий); *«Ты можешь вытянуть из него по восемь долларов за штуку». А я говорю — чёрта с два по восемь, я из него и десять выжму* (Дж. Лондон, пер. с англ.).

⁷⁷ Ср. аналогичное наблюдение о более сильных ругательствах в работе [Левин 1998].

2.5. Конструкции с тождественными словоформами

2.5.1. Вводные замечания

Лингвисты неоднократно обращались к конструкциям с тождественными словоформами (далее КТС), называя их по-разному: редупликация, повтор, удвоение. обстоятельное описание подобных конструкций и тех «дополнительных модальных и экспрессивных значений», которые они выражают, содержится в работе Н. Ю. Шведовой [1960]. Однако многие проблемы (особенно семантика конструкций) в предшествующей литературе рассмотрены недостаточно подробно, а то и вообще не замечены, что делает целесообразным обращение к этой интересной теме. Во многих случаях при обзоре материала, помимо значения, обсуждаются специфические свойства КТС разных классов — морфология, лексико-семантическая сочетаемость, порядок слов, другие синтаксические свойства, пунктуация и т. п. Эти свойства разумно использовать в дальнейшем в ходе разработки формальных правил идентификации КТС при автоматическом синтаксическом анализе текста.

Уточним область исследования. Мы будем говорить о полном, «буквальном» повторе. Таким образом, исключены из рассмотрения конструкции с частичной формальной, а также со смысловой редупликацией. Это сочинительные конструкции типа *Иногда мне снилось, что я умер, умираю, умру...* (Г. Газданов), а также конструкции типа *темным-темно; всего-навсего, худо-бедно, судьба-доля, хлеб-соль*; см. о них, например, [Шведова 1960]; [Сигал 2004]; [Крюкова 2004].

В целом КТС характерны для разговорной речи и для текстов художественной и публицистической речи. Что касается деловой речи, в частности, научной, то здесь они редки: точный и сжатый деловой язык не допускает повторов, избегает эмоциональности, стремится к строгой объективности, и КТС в нем представляются несколько «вольными».

Чаще всего в КТС мы имеем дело с повтором тождественных словоформ: *Любит, любит кровушку / Русская земля* (А. Ахматова).

Реже встречаются повторы групп с отрицательными и вопросительными частицами, а также предложными группами: *Не верь, не верь поэту, дева!* (Ф. Тютчев); *Давно ль, давно ль, о юг блаженный, / Я зрел тебя лицом к лицу...* (Ф. Тютчев); *О тебе, о тебе, о тебе, / Ничего, ничего обо мне!* (Н. Гумилев).

Еще более редки повторы целых словосочетаний и даже предложений: *Что ни день, что ни день, / Всё желтее колосья / Жаворонки поют* (М. Басё, пер. В. Марковой).

Несмотря на кажущееся единообразие (соединение двух тождественных словоформ или двух тождественных словосочетаний), конструкции с редупликацией крайне разнородны — и по синтаксическим свойствам, и по значению. Это отчетливо видно даже при беглом взгляде на фразы, включающие редупликацию:

- (1) *Весело, весело было.*
- (2) *Весело-весело было!*
- (3) *Он рос и рос.*
- (4) *Снег да снег кругом.*
- (5) *Я верил и не верил.*
- (6) *Бывают аварии и аварии.*
- (7) *Мужик здоровый. (Ну), медведь и медведь.*
- (8) *(Ну), упал и упал. Бывает.*
- (9) *Кто, кто приходил?*
- (10) *Кто да кто приходил?*
- (11) *(Ну) кто, кто, а Коля придет.*
- (12) *Кого-кого он (только) не знает!*
- (13) *И, зная толк в вине и в эле, // Домой вернулись еле-еле* (Д. Минаев).
- (14) *Колокольчик динь-динь-динь.*

2.5.2. Редупликация — морфология, словообразование, синтаксис?

Даже самая общая («уровневая») характеристика этих загадочных единиц небесспорна. В них, или в части из них можно видеть морфологическое явление. Если *помягче* — смягченная форма сравнительной степени, то почему бы редупликацию *мягко-мягко, мягкий-мягкий* не считать ее противоположностью — «усиленной» формой сравнительной степени (= *очень мягко, очень мягкий*), относя, тем самым, в область морфологии. Так и делает В. В. Виноградов, который интерпретирует эти сочетания как «экспрессивные или усиленные формы слов, образованные посредством их повторения, или удвоения» [Виноградов 1975б: 44].

Конструкции с повтором вопросительных местоимений можно квалифицировать как сочинительные (*Кто да кто придет?*) или как синтаксические фраземы (*Кто-кто, а Коля придет*). И т. д.

Большое внимание определению лингвистической природы КТС уделяет О. Ю. Крючкова. Она делит конструкции с повторами на две основные группы: «...в настоящее время прием словного удвоения осознается как способ образования новых слов, обладающих определенной продуктивностью в лексико-грамматических классах наречия, местоимения, междометия и в некоторых группах существительных. Удвоенные же частицы, прилагательные, предикативы, а также удвоенные существительные с префиксальным осложнением существуют, по всей видимости, в языковом сознании как единицы конструктивные, свободно производимые носителями языка в процессе речевой деятельности в соответствии со сложившимися моделями. Таковы образования типа *большой-большой, белый-белый, синий-синий, ходишь-ходишь, ехали-ехали, самый-самый* и т. п.» [Крючкова 2004: 73].

Это осознание неоднородности природы КТС проявлялось и раньше в лексикографической практике. Так, в МАСе, а также в словарях Ушакова и Ожегова выделяются в отдельные статьи единицы *едва-едва, еле-еле, чуть-чуть, динь-динь-динь*, а сочетания типа *большой-большой, белый-белый, ходишь-ходишь* и т. п., разумеется, не представлены вовсе.

Показательно, что устранение удвоения, например в каламбуре Минаева, возможно лишь при изменении порядка слов: *Еле вернулись домой* (не: *Домой вернулись еле*.) Подобная картина — с наречием *едва-едва*, ср. сомнительную фразу *Домой вернулись едва*.

В отдельные словарные статьи выделяются нередко удвоенные звукоподражательные слова и междометия (*динь-динь-(динь), ей-ей*). О. Ю. Крючкова отмечает, что они «передают звуки живой и неживой природы, а также... могут иконически обозначать длительность действия с различными оттенками (интенсивности, многократности, непрерывности...)» [Крючкова 2004: 79]. В данной работе мы их не рассматриваем, как и наречия типа *еле-еле, едва-едва*.

Наибольший интерес для нас представляют те КТС, которые по ряду существенных признаков сближаются с сочинительными. Это конструкции (1)—(12).

2.5.3. Основные синтаксические характеристики КТС

КТС крайне неоднородны не только по значению, но и в плане чисто синтаксическом. Это проявляется в наличии /отсутствии со-

чинительного союза, контекстных ограничениях, интонации (внешним проявлением которой являются иногда знаки препинания) и т. д.

Обычно русские сочинительные и бессоюзные сочинительные конструкции взаимозаменяемы (разумеется, иногда с некоторым изменением смысла). Однако КТС — очень «трепетны» в этом отношении: обычно союзные и бессоюзные конструкции не взаимозаменяемы, ср.: *Любит, любит кровушку русская земля* (не: **Любит и любит кровушку русская земля*).

В целом конструкции с сочинительным союзом в языке художественной литературы встречаются гораздо чаще, чем в разговорной речи. Понятна причина этого различия: письменная речь компенсирует специальными знаками (сочинительными союзами) то, что в устной речи выражается интонацией.

Некоторые фразы известных писателей кажутся (особенно при прочтении вслух) немного странными. Особенно много таких фраз у Льва Толстого и у Виктора Астафьева (примеры приводятся ниже).

Набор союзов, употребляемых в КТС, крайне ограничен — всего два: *и* и *да*, и они также обычно не взаимозаменяемы. Ср.: *(Ну), упал и упал*, не: **(Ну), упал да упал*.

По употреблению сочинительных союзов КТС делятся на три группы:

а) конструкции, где союз невозможен — (2), (9), (11), (12); в некоторых из них обязателен дефис — (2), (12);

б) конструкции, где союз (только соединительный!) возможен, но не обязателен — (1), (3), (4);

в) конструкции, где союз обязателен, причем иногда допустимы оба союза *и* и *да*, ср. (10), а иногда лишь один определенный — (5), (6), (7).

Наша задача — возможно более полная инвентаризация этих конструкций и описание (предварительное) их семантических и синтаксических особенностей.

2.5.4. Основные семантические группы КТС

В этом разделе мы будем говорить также и о синтаксических характеристиках той или иной группы КТС, но основным для нас было значение той или иной конструкции, и в основу разбиения положен именно семантический принцип.

Ниже дается краткое описание каждой из перечисленных конструкций (см. выше (1)—(12)). Оно строится по одному плану: 1) на-

звание конструкции (поскольку терминология не устоялась, в качестве названий групп часто приводятся конкретные фразы, их иллюстрирующие); 2) указание их синтаксических свойств; 3) примеры, иногда с краткими комментариями; 4) значение конструкции.

Поскольку КТС слабо изучены, мы считали полезным дать больше фактического материала — и из русской литературы предшествующего периода, и из современной художественной литературы и журналистики. Это может натолкнуть на наблюдения, ускользнувшие от нашего внимания, и наметить некоторые тенденции в использовании этих конструкций, которые представляются (даже после большой предварительной работы) не совсем ясными.

При внешнем сходстве (это «буквальное» повторение слова или словосочетания) значение конструкции в разных контекстах обычно резко (и не побоимся сказать — непредсказуемо!) меняется. Иногда это происходит за счет контекста, описывающего конкретную ситуацию. Ср. резкие смысловые различия между двумя фразами:

(15) *Был у нас в зоопарке медведь. Ну, медведь и медведь* (= обыкновенный медведь).

(16) *Мужик здоровый. Ну, медведь и медведь* (= в каком-то отношении похож на медведя).

Иногда смысловые различия связаны с лексемным составом конструкции. В общем, что ни лексема, что ни контекст, то и другое осмысление интересующей нас конструкции. Попытаемся, однако, выделить основные типы КТС и дать краткое описание их семантики и синтаксических свойств.

2.5.4.1. Весело, весело было

Здесь повтор словоформы используется исключительно для подчеркивания, для усиления смысла и не привносит дополнительного смысла (как это имеет место в других конструкциях, о которых мы будем говорить ниже).

Еще несколько примеров:

(17) *И скоро, скоро бури след / В душе моей совсем утихнет* (А. С. Пушкин);

(18) *И где-то, где-то города / Вдали маячат, как бывало* (Б. Пастернак);

(19) *А кто, кто виноват, что эти тряпки застали ей и жизнь, и мужа, и всё на свете?* (Ф. Абрамов).

Здесь — простое усиление, допускающее устранение удвоения без резкого изменения смысла. Высказывание обращено на слушающего, связано со стремлением сделать свое сообщение более весомым и убедительным. Естественно, такой повтор часто употребляется в побудительных высказываниях, иногда в риторических вопросах. Ср.:

(20) *Не верь, не верь поэту, дева!* (Ф. Тютчев).

В поэтической речи это зачастую касается явлений природы:

(21) *Сияй, сияй прощальный свет / Любви последней, зари вечерней!* (Ф. Тютчев);

(22) *Помедли, помедли, вечерний день, / Продлись, продлись, очарованье!* (Ф. Тютчев).

Тожественные слова или словосочетания нередко (в отличие от других конструкций с тождественными единицами) дистантны, ср.:

(23) *Не буди ж ты ее, не буди, — / На заре она сладко так спит!*

Описываемые конструкции представляются не соответствующими одному из важнейших постулатов общения Грайса, а именно принципу экономии: дублирующая единица зачастую может быть опущена без заметного изменения смысла, ср.: *Приду, приду!*; *Но плакать... плакать больше он не может* (Н. Гумилев).

КТС, имеющие это значение, бессоюзны, однако в художественной литературе встречается (и не так уж редко) постановка союза *и*. Ср.:

Всякая рознь кончилась, все общественные органы говорят одно и одно, все почуяли стихийную силу (Л. Толстой); *Ей-богу, отпрошусь у Петра Алексеевича, не надо и не надо мне генерал-губернаторства* (А. Н. Толстой); *Да, да, эта страна богата... но куда ей правят бояре, мы будем терпеть убытки и убытки...* (А. Н. Толстой); *Понимаете ли вы, что видаться нельзя вам; что это гадость и гадость* (А. Белый); *Нету у меня и нету! Пусть Пушкин им сдает валюту. Нету!* (М. Булгаков); *И не бесчестна я перед своею совестью — нет и нет! Я — честная!* (С. Залыгин); *И вот четвертый месяц я здесь. И знаете ли, нахожу, что здесь очень и очень неплохо* (М. Булгаков).

Интересно, что употребление в подобных условиях сочинительного союза — черта языка литературы. Все приведенные фразы легко допускают опущение союза. В разговорной речи фразы с союзом не только неестественны, но, по нашему мнению, просто невозмож-

ны. Исключение — два последних примера, которые включают устойчивые сочетания (*нет и нет, очень и очень*) и, видимо, вполне допустимы.

Иногда (в противительных конструкциях) после первого из повторяющихся членов ставится частица *-то*:

(24) *Больной-то он больной, но на работу ходить все-таки должен;*

(25) *Ходил-то ходил, да не добился ничего.*

Интересны конструкции с распространением одного из повторяющихся членов (*поговорить, и поговорить серьезно; Мотовилиха — завод, казенный завод*). Г. Н. Акимова [1990: 127] считает, что данная конструкция «не укладывается в известные схемы синтаксических связей», т. е. не может быть отнесена ни к сочинению, ни к подчинению. К. Я. Сигал справедливо полагает: «Однопозиционный лексический повтор с распространением одного из компонентов не может быть ничем иным, как сочинительной конструкцией переходного типа» [Сигал 2004: 260]. Еще примеры:

Эх, ты, молодость, буйная молодость, / Золотая сорви-голова! (С. Есенин); *Свищет ветер, серебряный ветер / В шолоховом шелесте снежного шума* (С. Есенин); *А ты, душа...душа глухая... / Пьяным пьяна... пьяным пьяна...* (А. Блок); — *Кто там? — И голос, ее голос, ответил мне: — Это я* (М. Булгаков).

Во фразах этого типа указывается объект, обращается на него внимание, а потом (с повторением указания на него) — некие его характеристики. Еще несколько примеров:

Душа моя — элизиум теней, / Теней безмолвных, светлых и прекрасных (Ф. Тютчев); *Но ты знаешь так много слов, / Слов любовных и беззаветных* (Н. Гумилев); *...от травки до свежего хлеба и овощей было еще далеко — и как далеко!* (В. Астафьев).

Иногда эти характеристики делятся на части, и каждый раз указывается их носитель:

Я огражу тебя оградой — / Кольцом из рук, кольцом стальным (А. Блок); *Мальчик ли я, Каифа? Знаю, что говорю и где говорю* (М. Булгаков).

Устранение повтора вполне возможно (*Знаю, что и где говорю*), но теряется важная мысль, что одинаково существенно содержание высказывания и место, где оно произносится.

В поэтической речи встречаются необычные употребления, когда повторяется не главное слово, а определения, к нему относящиеся, ср.:

И меня, наконец, уничтожит / Твой разящий, твой взор, твой кинжал! (= твой разящий взор-кинжал) (А. Блок); *Я коротаю жизнь мою, / Мою безумную, глухую* (А. Блок) (Обычное употребление: *Я коротаю жизнь мою, жизнь безумную, глухую*).

Немалые сложности связаны с интерпретацией конструкций с так называемым обратным повтором, напр.: *Боже мой, какое духовное убожество! Карты и сабля, сабля и карты...* (М. Шолохов); *Вокруг меня было темно и тихо, тихо и темно* (В. Войнович) — примеры из [Сигал 2004]. «Выделенные конструкции обладают следующими формальными особенностями: а) бинарной структурой, каждая часть которой — двухкомпонентная сочинительная конструкция с тождественным лексическим составом; б) контактным расположением сочинительных конструкций; в) различным порядком компонентов сочинительных конструкций (отсюда эффект «обратности» повтора); г) бессоюзной связью частей, каждая из которых, в свою очередь, структурирована одиночным соединительным союзом *и*» [Сигал 2004: 263]. Небольшое уточнение: здесь возможны и другие соединительные союзы, ср.:

Лазурь да глина, глина да лазурь, / Чего ж тебе еще? (О. Мандельштам).

Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина [1999: 279] полагают, что обратный повтор сочинительной конструкции изображает чаще всего монотонность или бессмысленность описываемых событий. Нам кажется, что «монотонность или бессмысленность» создаются контекстом (напр.: *Боже мой, какое духовное убожество* в приведенном выше примере из Шолохова). При другом лексическом составе фразы этот смысл теряется. Ср.: *Мужество и бдительность, бдительность и мужество — вот чего требует от нас жизнь*.

Скорее уж «прямой порядок» *Карты и сабля, карты и сабля* указывал бы на «монотонность или бессмысленность описываемых событий». Ср. также пример из «Кражи» В. Астафьева: *Надоело уж читать про буржуев. Всё про буржуев да про господ, про буржуев да про господ*.

По сути, повтор одного слова, или двух функционально равноценны, ср. с приведенным примером два следующих: *Мужество, мужество — вот чего требует от нас жизнь*; *Бдительность, бдительность — вот чего требует от нас жизнь*.

2.5.4.2. Весело-весело было

В предыдущем разделе рассматривались конструкции, где удвоение не связано с существенным изменением смысла. В конструкциях, к рассмотрению которых мы переходим, налицо существенное наращение смысла.

Примеры:

...прежде чем наступит старость и смерть, будет еще тянуться длинная-длинная жизнь (А. Чехов); *Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания* (А. Чехов); *По синему-синему небу плыли облака, словно кучи снега* (А. Толстой); *Льетса в чашку длинный-длинный, / Тонкий, стройный кипятток* (Н. Заболоцкий); *Нежно-нежно, тонко-тонко / Что-то свистнуло в сосне* (М. Цветаева) (= очень нежно, очень тонко); *У Пелагеи часто-часто забилося сердце: куда это он клонит?* (Ф. Абрамов); *Комната, рамы и вдруг эта ветка с зелеными, совсем-совсем крохотными масляными листочками* (А. М. Ремизов).

«Будучи идиоматичными в лексико-семантическом плане, образования типа *большой-большой, еле-еле* и подобные являются носителями регулярного словообразовательного значения, которое в очень обобщенном виде может быть определено как экспрессивно-усилительное» [Крючкова 2004: 64].

Нам кажется, что конструкции этого типа указывают на высокую степень качества. Они близки конструкциям с наречием *очень* и могут быть без существенного изменения смысла заменены конструкциями с наречием *очень*, ср.: *Сильно-сильно ударил = Очень сильно ударил*. И всё же эти два типа конструкций не вполне совпадают и по значению, и по синтаксическому поведению. В частности, в КТС недопустимо отрицание *не*: **не сильно-сильно ударил* — при возможном: *не очень сильно ударил*.

Иногда конструкция имеет смысл 'совсем, абсолютно':

Он белый-белый, этот конь (В. Астафьев); *Всё-всё на месте* (В. Астафьев); *...никто-никто не знал, что делается в избушке* (В. Астафьев).

Н. М. Штейнберг отмечает, что во французском языке удвоение существительных и прилагательных в таких случаях указывает на

достоверность, «заменяет эпитеты “настоящий”, “подлинный”, например, *rose-rose* — по-настоящему, чисто розовый, а не красновато-, лиловато-, оранжевато-розовый цвет» ([Штейнберг 1969: 32]; цит. по: [Крючкова 2004: 75]). В русском языке аналогичные сочетания (*черный-черный, красный-красный, белый-белый*) значат немного другое — не «подлинно черный», «подлинно белый» и т. п., а «насыщенно черный», «белоснежный».

Довольно жестки ограничения на употребление конструкции. В частности, недопустимо повторение прилагательных и наречий сравнительной или превосходной степени, а также прилагательных и наречий с префиксом *не-*. При правильном *Длинная-длинная палка* сомнительно *длиннейшая-длиннейшая, недлинная-недлинная, длинноватая-длинноватая палка* или **невысоко-невысоко (висит)*, при допустимом *совсем невысоко*.

В отличие от конструкций типа *Весело, весело было* конструкции *Весело-весело было*, как правило, включают дефис. Изредка (в художественной литературе) встречаются исключения, когда в КТС со значением высшей степени признака дефиса нет (26) или же употреблен сочинительный союз (27):

(26) *Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любимой* (А. Пушкин); *За нами много, много слез, / Туман, безвестность впереди!* (Ф. Тютчев); *Мелко, мелко, как из сита, / В тарантас дождит туман* (И. Анненский);

(27) *Девушка долго и долго ждала у окна* (В. Брюсов); *Писать надо как жить: свободно и свободно* (Ю. Тынянов); *О, светлая луна! / Я шла и шла к тебе, / А ты всё далеко [= ‘долго шла’]* (Басё); *Там буду скитаться годы и годы [= ‘многие годы’]* (В. Хлебников); *Зимой на заснеженных трассах можно встретить тысячи и тысячи любителей горнолыжного спорта* («Правда», 4 февр. 1985) [= ‘многие тысячи’].

2.5.4.3. Он рос и рос

Это конструкции с иконичностью, «фотографичностью»:

Возникло томное жужжанье; / Оно росло, росло, росло / И в шумный говор перешло (Е. Баратынский); *Мы выходили из гостиной на балкон, садились на теплые доски — и думали, думали* (И. Бунин); *...голос креп, креп и креп* (А. Белый); *Дни проходят, / И годы проходят, / И тысячи, тысячи лет* (Б. Пастернак).

Обычно это бессоюзная конструкция, иногда компоненты соединяются соединительным союзом *и* или *да*, ср.: *Катаются и катаются валы на север, подходят под корму* (Ю. Казаков); *...а поезд стоял и стоял, как приклеенный* (А. Платонов); *Всё бледней становилась она, / Сердце билось больней и больней* (А. Фет); *Воды не видно ни капли, а только лед, лед и лед* (А. Чехов); *Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. / Попробуйте, сразитесь с нами* (А. Блок); *Падают первый снег. / Я б насыпал его на поднос, / Всё бы глядел да глядел* (Т. Кикаку, пер. В. Марковой); *Мне бы жить и жить, сквозь годы мчась* (В. Маяковский); *Ходит и ходит по чердаку бессонный кот* (В. Белов); *Конь слушает внимательно, кожей передергивает, фыркает и несет Никишку дальше, всё вперед и вперед* (Ю. Казаков).

Многие из приведенных конструкций с повторяющимися глаголами содержат смысл ‘долго’, и это отличает их от рассмотренных ранее усилительных конструкций типа *весело, весело* или *терпи, терпи*. Ср. нормальную бессоюзную конструкцию *Терпи, терпи, недолго осталось* и едва ли допустимую фразу с союзом: **Терпи и терпи, недолго осталось*.

Интересны случаи, когда повторяются единицы, выражающие неопределенность:

Он говорил о том, какова будет деятельность «Четвертака»: столько-то и столько-то обедов, такая-то пропускная способность, такой-то процент питательности (Ю. Олеша).

Конструкция с повтором (*столько-то и столько-то обедов*) указывает на множество или наличие нескольких вариантов — в отличие от сочетания *столько-то обедов*, где этого указания нет. Еще один подобный пример:

Владим Петрович / вот тут у вас сказано то-то и то-то / как вы считаете / диссертант ответил на ваши вопросы? [PPP, 166] (= замечаний было несколько).

Есть лексические ограничения на употребление союзных конструкций с тождественными словоформами в этом значении: поэтому некоторые случаи использования конструкции представляются необычными. По значению они разнородны: ср.:

[Стива Облонский]: — *Извини меня, но я не могу и не могу этому верить...* (Л. Толстой) (= никак не могу); — *Ах, не удалось это, голуби... А быть и быть сему...* Так в Голубиной книге напи-

сано... (А. Н. Толстой) (= 'наверняка быть'); *Я тебе скажу, кто виноват во всем: ты и ты, одна ты* (Л. Н. Толстой) (= 'именно, только').

2.5.4.4. Снег да снег кругом

Всё снег да снег, — терпи, и точка (Б. Пастернак); *Такая собачья должность — кричи да кричи, а по душам поговорить не с кем* (И. Грекова); *На обед — каша да каша* ('на обед постоянно бывает каша — и это плохо'); *На закуску — черная икра да черная икра* (тоже, видимо, плохо). При отсутствии повтора отрицательная оценка полностью исчезает, ср. *На обед — каша, на закуску — редька*.

Часто группе с повтором предшествует частица *всё* (примеры см. выше), гораздо реже — частица *только*:

— *У нас только сад, сад, сад, — и больше ничего...* (А. Чехов).

2.5.4.5. Я верил и не верил

Интересны конструкции, где одному из тождественных элементов (как правило, второму) предшествует отрицательная частица *не*. Примеры:

(28) *Раз в два-три месяца она уезжала из С. и говорила мужу, что едет посоветоваться с профессором... — и муж верил и не верил* (А. Чехов);

(29) *В те времена начальство Университетом не занималось, профессора читали и не читали, студенты ходили и не ходили* (А. Герцен).

Смысл фраз не совсем ясен. (28) означает либо «иногда верил, иногда нет», либо «всегда не полностью верил». (29) также допускает минимум два понимания: 'профессора иногда читали, а иногда пропускали занятия' или 'профессора небрежно читали лекции'; 'Студенты иногда ходили на занятия, иногда пропускали их' или 'часть студентов посещала лекции, а часть — нет'.

Конструкция близка по смыслу конструкциям с парными сочинительными союзами *не то... не то; то ли... то ли*. Но при замене теряется та многозначность, которую как раз и хотел, видимо, выразить Герцен. Возможно, Герцен не был озабочен точным смыслом

своего высказывания, для него было важно подчеркнуть основной смысл — безалаберность и небрежность в университетском преподавании начала XIX в.

2.5.4.6. Бывают аварии и аварии

Самое предварительное осмысление: 'Аварии бывают разные'. Но — в каком отношении разные? Попытаемся разобраться.

Кажется, объекты имеют разную оценку: есть положительно оцениваемые и отрицательно оцениваемые, ср.:

Бывают школьники и школьники (= школьники бывают успевающие и неуспевающие, дисциплинированные и хулиганы).

Различия в оценке проявляется даже в тех случаях, когда речь идет о заведомо отрицательных явлениях. Аварии — события всегда нежелательные. И различие между ними заключается, видимо, в допустимости (или неотвратимости) и недопустимости, непростительности.

Некоторые из нежелательных явлений оцениваются скорее положительно или не столь отрицательно, как остальные:

(30) *Бывают разбойники и разбойники. Есть среди них и Робин-Гуды;*

(31) *Бывают коммунисты и коммунисты. Есть среди них и поря- дочные люди.*

Видимо, некоторая оценка содержится и в нейтральных контекстах типа *Бывают собаки и собаки*. Каковы здесь возможные продолжения? Вряд ли указание на породу. Фразы типа *Бывают собаки и собаки: овчарки и болонки, фокстерьеры и водолазы* не совсем естественны. (Интересно, что в близких по значению конструкциях с прилагательным *разный* эти продолжения вполне допустимы: *Собаки бывают разные: овчарки и болонки, фокстерьеры и водолазы*.) Для конструкции *Бывают собаки и собаки* нормальны продолжения типа: *злые и добрые, домашние и бродячие* и т. д.

Лексических ограничений, видимо, нет, во всяком случае мы не беремся их сформулировать. Круг лексем, допустимых в этой конструкции достаточно широк: *Бывают дети и дети, статьи и статьи, экзамены и экзамены, ночи и ночи, девочки и девочки, идеи и идеи, революции и революции, жены и жены, ошибки и ошибки, друзья и друзья, тисьма и тисьма, негодяи и негодяи, умники и умники*.

Некоторые синтаксические особенности.

Конструкции возможны лишь как общие заключения и потому, видимо, требуют множественного числа повторяющихся существительных. Фразы *Бывает авария и авария, Бывает дурак и дурак, Бывает наводнение и наводнение* — выглядят странно. Естественное исключение — отсутствие множественного числа в парадигме: *Бывает отчаяние и отчаяние*. Но и они выглядят несколько странно.

Обязателен сочинительный союз, причем только *и* (конструкции *Бывают аварии да аварии; Бывают аварии, аварии* имеют другое значение).

Вершина группы — глагол *бывать*, причем в форме 3-го лица множественного числа. Фраза с заменой глагола на *быть* — *Были аварии и аварии* (если признать ее допустимой) имеет, видимо, другой смысл: 'было много аварий'. Ср. также странную фразу *Случаются аварии и аварии* (фраза грамматически правильна, но имеет другой смысл: 'аварии случаются часто').

Кажутся допустимыми зависимые: *Бывают несчастные случаи и несчастные случаи*.

2.5.4.7. Ну, медведь и медведь

(32) *Идет, переваливается. Ну, утка и утка;*

(33) *Профессор какой-то завалыщенький. Ну, бомж и бомж;*

(34) *Этот бомж на вид такой солидный, интеллигентный. Ну, профессор и профессор;*

(35) *Она такая артистичная! Ну, Брижит Бардо и Брижит Бардо;*

(36) *Он тощий, с громадным носом. Ну, Бержерак и Бержерак!*

Необходимо именно внешнее сходство. Поэтому несколько странны фразы типа: *?Он такой грубый. Ну, медведь и медведь!; ?Она такая добрая! Ну, ангел и ангел!*

Конструкция непроницаема. Ср. странность *Ну, медведь, и настоящий медведь* (при допустимом *Ну, медведь, настоящий медведь*).

Между тождественными словоформами, как правило, ставится сочинительный союз *и*.

2.5.4.8. (Ну), упал и упал

Сашку Ермолаева обидели. Ну, обидели и обидели — случается (В. Шукшин);

Парнишка и парнишка, как и все прочие парнишки (В. Астафьев).

Смысл конструкции: 'Имеет место нечто (обычно нежелательное), чему субъект ситуации и/или окружающие не придают особого значения'. Обычные употребления: *Дорога плохая. Упал он. (Ну), упал и упал. Встал и дальше пошел* (или: *...Мы ничуть не встревожились*). Описываются события в прошлом. Менее естественно выглядят употребления типа *Дорога плохая. Упадет он. (Ну), упадет и упадет. Встанет и дальше пойдет*.

2.5.5. Повторы вопросительных местоимений

Повторы вопросительных местоимений мы выделяем в особый раздел, поскольку они необычны, не укладываются (или не совсем укладываются) в толкования, предложенные выше для существительных. Здесь можно выделить минимум четыре группы, различающиеся и синтаксическими, и грамматическими свойствами.

2.5.5.1. Куда, куда?

Повторы вопросительных местоимений часто используются при простых переспросах: *Кто, кто? Куда, куда?* Интересно, что при переспросе повторение имени конкретного обсуждаемого предмета затруднительно, предпочтительно именно вопросительное местоимение. Ср. диалоги:

(37) — *Вчера Машу встретила! — ?Машу, Машу?* (При более естественном *Кого, кого?*);

(38) — *Вчера Фолкнера читал. — ?Фолкнера, Фолкнера?* (допустимо *Фолкнера? или Кого-кого?*).

Особо интересный вид переспроса — конструкции с союзом *да*, выражающие настойчивые переспросы вида *Пристал ко мне: куда да куда ты вчера ходил? С кем да с кем ты вчера по саду прогуливался?*

Видимо, эти вопросы неприятны говорящему, ср. обычное: *Допытывался: куда да куда ты вчера ходил?* — при странном: *Интересовался: куда да куда ты вчера ходил?*

Представляется близкой по значению конструкция с союзом *да*, включающая повелительную форму глагола: — *На меня стали бросаться: расскажи да расскажи им секрет самогона* (И. Ильф, Е. Петров). (Здесь — не переспрос, а настойчивое требование дать информацию.)

2.5.5.2. Кто да кто?

(39) *Кто да кто приходил?*;(40) *Что да что нужно, говори!* (В. Даль).

Это не переспрос, а желание знать всех участников ситуации.

Конструкция ощущается как просторечная, однако изредка встречается и в художественной литературе (и не только при передаче народной речи), ср.:

— *А ко мне третьего дня все ваши приходили. — Кто да кто? — Марьяшка приходила, Хаврошка приходила* (Ф. Достоевский); *Князь Андрей, невеселый и озабоченный соображениями о том, что и что ему нужно о делах спросить у предводителя, подъезжал по аллее сада к отраденскому дому Ростовых* (Л. Н. Толстой).

Здесь КТС заменяет множество, а не один предмет.

2.5.5.3. (Ну), кто-кто, а Коля придет

Нередко встречается удвоение вопросительных местоимений в конструкциях с противительными союзами (*а, но*):

Кто-кто, а Петя придет; [Берлиоз] — Ваш рассказ чрезвычайно интересен, профессор, хотя он и совершенно не совпадает с евангельскими рассказами. — Помилуйте, — снисходительно усмехнувшись, отозвался профессор, — уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда (М. Булгаков).

Это синтаксическая фразема, ср. неправильную фразу: **Кто, а Петя придет.*

Ситуации, где употребляются эти конструкции, делятся на два типа:

1) 'Собеседник говорящего считает, что из многих потенциальных участников обсуждаемой ситуации реальных нет или их очень мало; говорящий с этим мнением не согласен или не вполне согласен'; ср.:

(41) — *Думаю, завтра (почти) никто не придет. — Ну, кто-кто, а Коля придет.*(42) — *Думаю, завтра Коля не придет. — Ну, кто-кто, а Коля придет.*

Собеседник полагает, что Коля завтра не придет; говорящий с ним не согласен: он уверен, что Коля придет наверняка.

Поэтому в обычной ситуации вопроса, когда равно возможны разные исходы и нет столкновения разных мнений, конструкция выглядит странно:

(43) — *Кто завтра придет? — Кто-кто, а Коля придет.*

2) 'Потенциальных участников ситуации много; говорящий не считает нужным их указывать. Для него важно, что хотя бы один (или небольшая часть) наверняка или с большой вероятностью действительно будет участником ситуации'.

Здесь есть представление об уверенности в данном участнике ситуации. Отсюда особенности сочетаний глагола с наречиями: *Кто-кто, а Коля наверняка придет* — нормально, между тем как фраза типа: *Кто-кто, а Коля, возможно, придет* вряд ли допустима.

Перечислим синтаксические свойства рассматриваемой конструкции.

1. Повторяются самые разные вопросительные местоимения и в разных морфологических формах, ср.:

(44) *Что-что, а ждать мы умеем;*(45) *Что-что, а Брест мы обороняли долго и мужественно;*(46) *Кто-кто, а Коля наверняка провалится на экзамене;*(47) *Кем-кем, а учителем я всегда устраюсь;*(48) *Куда-куда, а в МГУ я поступать не буду;*(49) *Куда-куда, а в театр мы всегда ходим с удовольствием.*

Не совсем ясно, чем объясняется некоторая шероховатость фразы

(50) *Когда-когда, а в 7 часов он всегда дома.*

2. Возможно повторение местоимений в составе предложных групп (*К кому, к кому, а к нему я не пойду*) — но только в случае первообразных предлогов, ср. неправильные сочетания: **Благодаря кому, благодаря кому...*; **По отношению к кому, по отношению к кому...*

3. Местоименная группа, как правило, начинает предложение (или вторую часть сложного предложения):

(51) *Коля учится хорошо, и уж что-что, а физику он сдаст на отлично;*(52) *Коля учится плохо, но уж что-что, а физику он сдаст на отлично.*

4. Обязателен противительный контекст, вводимый сочинительным союзом *а*.

5. Как правило, повторяющиеся местоимения соединяются дефисом, однако в ряде случаев возможно бессоюзное соединение компонентов:

(53) *Где, где, а в Москве я всегда найду работу;*

(54) *Сколько, сколько, а 20 кг я всегда подниму.*

При повторе предложных групп (типа *к кому, к кому*) дефис вообще недопустим (**к кому-к кому*).

2.5.5.4. Кого-кого он (только) не знает

Эта многоликая конструкция с повторяющимися вопросительными местоимениями берет на себя, кроме перечисленных, еще и другие функции, в частности функцию усиления риторического вопроса. Известны многие способы оформления риторического вопроса, в том числе с использованием вопросительных местоимений в контексте отрицания *не*: *Кто его не знает?* (= Все его знают). *Куда он только не обращался!* *С кем он только не советовался!*

Весьма распространено удвоение местоимения в этих конструкциях (*Кто-кто его не знает?* (= Все его знают); *Куда, куда он только не обращался!*; *С кем, с кем он только не советовался!*).

Легко заметить, что удвоение местоимения не очень существенно меняет смысл — это обычное усиление (эмфаза), ср.:

(55) *...кого-кого он только не знает, каких губернаторов не вспомнит...* (А. Ремизов).

Смысл конструкции приблизительно такой: 'он очень многих знает, очень многих губернаторов вспомнит'. И этот смысл сохраняется (с утратой эмфатического усиления) также и при отсутствии повтора местоимения, ср.: *...кого он только не знает...*

В этих конструкциях нет вопросительной интонации, при ее наличии резко изменяется смысл:

(56) *...кого-кого он не знает?* — обычная (с некоторым усилением) вопросительная конструкция — переспрос.

Конструкция бессоюзная. Между частями возможен дефис (примеры см. выше).

2.6. Иллокутивное употребление как вид синтаксического эллипсиса ⁷⁸

2.6.1. Вводные замечания

В трудах замечательного исследователя В. В. Виноградова встречается, кроме детально и глубоко разработанных вопросов, множество отдельных наблюдений, «сделанных мимоходом», иногда даже отдельных примеров, которые со временем замечаются нами и служат отправной точкой для важных теоретических обобщений. К их числу относится следующий пример:

(1) — *Ветерок в аллее?* — *Да, потому что листья дрожат* [Виноградов 1975а: 267].

Эту особенность данного класса сложных предложений, на которую лингвисты обратили внимание лишь в XX в., обыгрывал еще Н. В. Гоголь в «Мертвых душах»:

(2) *...он [конь], положивши свою морду на шею своего нового приятеля, казалось, что-то нашептывал ему в самое ухо, вероятно, чепуху страшную, потому что приезжий беспрепятственно встряхивал ушами.*

Дрожание листьев не может быть причиной ветра (как раз наоборот!). Точно так гоголевский конь нашептывает чепуху не потому, что приезжий конь встряхивает ушами. В (1) и (2) сложное предложение объединяет не два факта, а нечто иное. Что же именно? М. В. Ляпон и некоторые другие русисты интерпретировали эти конструкции как «несобственно-причинные (причинно-аргументирующие)», имеющие характер обратной обусловленности, «связанные с перераспределением функций между главной и придаточной частью» [Грамматика 1980: 578, 580]. Другими исследователями была принята интерпретация, предлагаемая в работах Е. В. Падучевой [1985] и Л. Н. Иорданской [1988]: подчинительный союз объединяет факт (пропозицию) и речевой акт или иллокутивный показатель речевого акта (утверждение, вопрос, побуждение и т. д.) ⁷⁹.

⁷⁸ Раздел основан на материале статьи [Санников 2005].

⁷⁹ Вслед за Ш. Балли [1955] некоторые исследователи в этом или сходном значении говорят о диктуме (пропозиции) и модусе, или модальности.

Интерпретация Падучевой и Иорданской достаточно убедительна, она на материале сочинительных конструкций принята и в [Санников 1989]. Однако анализ примеров, содержащихся в наших работах и работах других исследователей (в первую очередь — в замечательной статье [Иорданская 1988]), убедили нас в чрезвычайной сложности объекта исследования и целесообразности его дальнейшего рассмотрения.

В работе Л. Н. Иорданской приводится широкий, может быть, даже слишком широкий, круг иллокутивных конструкций (некоторые из них она заимствует из работ Е. В. Падучевой и других исследователей).

- (3) *Ну, раз ты хочешь знать правду, отец уехал навсегда.*
- (4) *А так как ты всё знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?*
- (5) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо* (пример Дж. Остина).
- (6) *Ветерок в аллее, потому что листья дрожат.*
- (7) *Видно, Петю это задело, раз <так как, поскольку, потому что, если> он так много говорит об этом.*
- (8) *Раз <поскольку, если> холодно, надень пальто.*
- (9) *Раз на улице дождь, буду работать дома.*
- (10) *Зачем ты пойдешь в Университет, раз <если> там никого нет?*
- (11) *Раз <если> занавес закрылся, почему публика не расходится?*
- (12) *Где Иван, а то им начальство интересовалось.*

По мнению Л. Н. Иорданской, многие русские подчинительные союзы имеют, кроме значений, выделяемых словарями, параллельные иллокутивные значения. Так, союз *раз* толкуется следующим образом (с. 264):

Раз 1 Y, X = Говорящий считает, что в ситуации Y , которая имеет место, совершенно естественно то, что имеет место ситуация X [Y — пресуппозиция, данное, не может быть ремой].

Раз 2 Y, X = Говорящий считает, что в ситуации Y , которая имеет место, совершенно естественно то, что говорящий делает высказывание « X » [Y — пресуппозиция, данное или квазиданное, не может быть ремой].

Обращает на себя внимание неэкономность этого решения, «раздваивание» значения многих союзов (и, как мы увидим, не только подчинительных!). Достаточно ли это решение оправданно?

Главное наше возражение состоит, однако, даже не в этом.

При рассмотрении приводимых исследователями примеров иллокутивного употребления обращает на себя внимание крайняя их неоднородность (см. выше примеры (3)—(12)).

Л. Н. Иорданская связывает эту неоднородность с различиями в типе речевого акта (побудительные, вопросительные, повествовательные фразы) или с интонационными характеристиками (восклицательные фразы). Эти второстепенные, на наш взгляд, признаки она считает решающими при определении круга иллокутивных конструкций и их классификации. При этом она, очевидно, исходит из предпосылки о несовместимости некоторых типов речевых актов в пределах одного сложного предложения. Этой же точки зрения придерживается, видимо, Е. В. Падучева, отмечающая случаи объединения разных типов речевых актов в пределах одного сложного предложения как необычные. Однако такое объединение вполне обычно — не только в пределах сложноподчиненного, но и в пределах сложносочиненного предложения, ср.: *Я туда не пойду, и ты не ходи <а ты сходи>; Я туда не пойду, а ты пойдешь?*

По нашему мнению, первостепенное значение имеет характер семантической связи между двумя частями сложного предложения, точнее — между двумя пропозициями — пропозицией главного и пропозицией придаточного предложений. И тогда отчетливо проявляются существеннейшие различия между приведенными выше примерами. Основное различие — в наличии/отсутствии смысловой связи между частями сложного предложения (между их пропозициями) и в характере этой связи: в (7)—(12) связь, бесспорно, есть; в (3)—(4) ее, бесспорно, нет (желание знать правду не связано с отъездом отца, эрудированность собеседника — с наименованием столицы Южной Дакоты). В (5)—(6) связь, бесспорно, есть, но она крайне необычна: ветерок в аллее не потому, что листья дрожат, а как раз наоборот; наличие мяса в холодильнике — реальность, не обусловленная аппетитом собеседника (хотя и здесь налицо смысловая связь, пусть далекая от обычной условной, выражаемой союзом *если*).

Причина сложностей и несогласий, видимо, в том, что нет четкого определения иллокутивных употреблений.

На первый взгляд, предлагаемые исследователями определения иллокутивных употреблений достаточно близки. Е. В. Падучева [1985: 46]: «Союз в этих случаях выражает соответствующее отношение между пропозициональным смыслом одного предложения и иллокутивной функцией другого». Л. Н. Иорданская [1988: 239, 243]: «Под иллокутивным употреблением союза мы подразумеваем такое употребле-

ние, когда союз выражает отношение между смыслом придаточного предложения и актом речи, соответствующим главному предложению (напр., во фразе *А так как ты все знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?* придаточное выражает обоснование того, что говорящий задает вопрос, составляющий главное предложение (...); в ситуации 'тебе холодно' естественно сделать высказывание *надень пальто*».

Остается непроясненным один важный вопрос. О чем же все-таки идет речь: 1) об отношении между смыслом одного предложения и иллокутивной функцией другого или же 2) об отношении между смыслом одного предложения, иллокутивной функцией другого + **сам смысл другого предложения?** Это, понятное дело, разные вещи. Ср. фразы (13а), где части неразрывны, тесно связаны по смыслу причинно-следственной зависимостью, и (13б), где смысл главного не связан со смыслом придаточного и может быть заменен другим:

(13а) *Раз холодно, надень пальто;*

(13б) *А так как ты все знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?; В какое море впадает Темза?; Когда Маша и Коля поженятся? —*

и т. д.

Рассмотрим перечень «кандидатов» в иллокутивные употребления, отметим черты сходства и различия между этими «кандидатами». На основании этого попытаемся уточнить понятие иллокутивного употребления и показать, что, с одной стороны, к иллокутивным могут быть отнесены некоторые употребления, не включавшиеся ранее в класс иллокутивных, а с другой — показать, что не все «кандидаты», выдвигаемые другими исследователями, соответствуют этому понятию. При этом возникают два важных вопроса, касающиеся самой природы явления: 1) не имеем ли мы дело в обсуждаемых конструкциях или в части из них с хорошо известным явлением **синтаксического эллипсиса** и 2) как соотносятся эти два разных (хотя и тесно связанных) понятия — иллокутивное употребление и синтаксический эллипсис.

Решение задачи затруднительно без определения границ и внутренней структуры явления.

2.6.2. Объем и границы иллокутивных употреблений

В работах Е. В. Падучевой и Л. Н. Иорданской вопрос исследуется на материале сложноподчиненных предложений с союзами. Меж-

ду тем это более широкое явление. В работе [Санников 1989: 220] отмечалось, что иллокутивные употребления можно было бы видеть и в некоторых сочинительных конструкциях, ср.:

(14) *Вы меня извините, но вы ничего не понимаете в женщинах* (Л. Н. Толстой).

Говорящий извиняется, разумеется, не за то, что его собеседник ничего не понимает в женщинах, а за свое заведомо неприятное для слушателя высказывание. Сходную природу имеют, видимо, и примеры типа (15):

(15) *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* (Л. Н. Толстой).

В (15) противопоставляются не молчание говорящего и дурное поведение слушающего, фраза имеет более сложный смысл: 'Я не утверждала, но могла бы утверждать и утверждаю сейчас: Ты дурно с ней поступал'.

В приведенных сочинительных конструкциях мы имеем дело с явлением, которое в подчинительных конструкциях интерпретируется обычно как иллокутивное употребление. Здесь в первой части сложносочиненного предложения — некоторые оговорки, извинения и т. п., и она без нарушения общего смысла высказывания могла бы быть опущена. Раз так, мы должны приписать иллокутивные значения также и некоторым сочинительным союзам, раздваивая тем самым и значения некоторых (а может, и многих) сочинительных союзов.

Иллокутивное употребление связывается обычно с союзом (подчинительным) и союзу приписывается. Между тем почти все приводимые Л. Н. Иорданской примеры допускают опущение союза или оформление частей сложного предложения как отдельных предложений — без резкого изменения смысла и без существенных изменений в соотношении их частей. Ср. приведенные в 2.6.1 союзные конструкции (3)—(12) с примерами (3а)—(12а):

(3а) *Ты хочешь знать правду — отец уехал навсегда.*

(4а) *Ты всё знаешь: какой город — столица Южной Дакоты?*

(5а) *Захочешь есть, в холодильнике есть мясо.*

(6а) *Ветерок в аллее — листья дрожат.*

(7а) *Видно, Петю это задело — он так много говорит об этом.*

(8а) *Холодно, надень пальто.*

(9а) *На улице дождь, буду работать дома.*

(10а) *Зачем ты пойдешь в Университет? Там никого нет!*

- (11а) *Занавес закрылся, почему публика не расходится?*
 (12а) *Где Иван? Им начальство интересовалось.*

Видимо, иллокутивные употребления возможны не только в сложноподчиненных предложениях (и союзных, и бессоюзных), но и в сложносочиненных предложениях и даже в сочетаниях независимых (синтаксически независимых) предложений.

Для удобства полемики мы сознательно пойдем на повторы: будем приводить преимущественно не собственный материал, а внимательно рассмотрим приведенные выше примеры других исследователей (в основном, это примеры Л. Н. Иорданской). По соображениям, которые будут ясны из дальнейшего изложения, мы рассматриваем их лишь как «кандидатов» в иллокутивное употребление и делим на четыре группы.

2.6.3. Кандидаты в иллокутивные употребления

I тип. Собственно иллокутивные употребления

Еще раз обратимся к примерам:

- (16) *Ну раз ты хочешь знать правду, отец уехал навсегда.*
 (17) *Пока не забыл, Вика передает тебе привет.*
 (18) *Если верить преданиям, прадед наш, человек богатый, только под старость переселился из-под Курска в Суходол (И. Бунин).*
 (19) *Ну раз ты любишь пословицы, не в свои сани не садись!*
 (20) *А так как ты всё знаешь, какой город — столица Южной Дакоты?*
 (21) *Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?*
 (22) *Чтобы не спутать, в котором часу завтра собрание?*
 (23) *Пока ты не забыл, что было в Институте?*
 (24) *Если ты помнишь, в каком году Андрей окончил Университет?*
 (25) *Пока я не забыл, подмети-ка пол.*
 (26) *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал (Л. Н. Толстой).*

В (16)—(26) содержание второй части не связано по смыслу с содержанием первой. Так, в (21) местонахождение словаря никак не связано с бодрствованием собеседников, смысл фразы: ‘поскольку ты еще не спишь и в состоянии дать нужную информацию, скажи...’ Поэтому содержание второй части может быть самым разным, ино-

гда прямо противоположным. Ср. приведенные примеры со следующими:

- (27) *Ну раз ты хочешь знать правду, отец завтра вернется;*
 (28) *Ну раз ты любишь пословицы, семеро одного не ждут и т. д.*

Конструкции ощущаются как неполные, «что-то пропущено», и именно к этому «пропущенному» относится придаточное:

- (16а) *Ну раз ты хочешь знать правду, [сообщаю правду:] отец уехал навсегда.*
 (17а) *Пока не забыл, [скажу:] Вика передает тебе привет.*
 (18а) *Если верить преданиям, [можно утверждать:] прадед наш, человек богатый, только под старость переселился из-под Курска в Суходол.*
 (19а) *Ну раз ты любишь пословицы, [я сообщаю пословицу или: облакаю свое высказывание в форму пословицы:] не в свои сани не садись!*
 (20а) *А так как ты всё знаешь, [стоит обратиться с вопросом именно к тебе:] какой город — столица Южной Дакоты?*
 (21а) *Пока ты не спишь, [спрошу:] куда ты положила словарь?*
 (22а) *Чтобы не спутать, [спрошу:] в котором часу завтра собрание?*
 (23а) *Пока ты не забыл, [скажи:] что было в Институте?*
 (24а) *Если ты помнишь, [скажи:] в каком году Андрей окончил Университет?*
 (25а) *Пока я не забыл, [попрошу:] подмети-ка пол.*
 (26а) *Я тебе не говорила, но [необходимо сказать сейчас:] ты дурно с ней поступал.*

В первой части содержится обоснование типа речевого акта, обоснование того, почему в (16а)—(18а) и (26а) говорящий делает утверждение, в (19а) облакает его в форму пословицы, в (20а)—(24а) обращается с вопросом, а в (25а) — с просьбой.

Конструкции этого типа, обычно бессоюзные, характерны и для разговорной речи. Ср.:

- (29) *Забуду я телефон / дай ручку (пример из PPP 1981).*

Обратим внимание на два существенных обстоятельства: 1) среди приведенных примеров есть высказывания разного типа — утверждения, вопросы, побуждения; 2) пропущенные звенья — это не обязательно модус, иллокутивный показатель речевого акта (*сообщаю, скажи* и т. д.) — ср. примеры (16а), (19а), (20а), (21а).

Приведенные фразы с восстановленными смысловыми звеньями становятся обычными, неиллокутивными конструкциями с прямой речью (ср. также обычную целевую конструкцию

- (30) *Чтобы не спутать, я спросил: «В котором часу завтра собрание?»*).

Парадоксальным образом эти эллиптические конструкции в другом аспекте могут квалифицироваться как избыточные. Ведь здесь придаточное относится к опущенному элементу — который сам избыточен (не грамматически — информационно)! Тем самым, и само придаточное тоже избыточно, можно было его не давать, а просто сообщить, спросить, попросить: *Отец уехал навсегда; Какой город — столица Южной Dakoty?; Куда ты положила словарь?; Подмети-ка пол.*

Это почти внутренний диалог, «мысли вслух» («Спрошу-ка у него, пока он не уснул (пока я не забыл)!»).

Особенно интересны фразы с придаточным типа *Пока я не забыл...* В сущности, это — универсальное обоснование любого высказывания. Придаточное *Пока я не забыл* можно поставить, видимо, перед любым утверждением, вопросом, побуждением, а может и перед другими речевыми актами, ср.: *Пока я не забыл, вчера приходил Петя (куда ты положила словарь?; сходи-ка за хлебом).*

Здесь говорящий сознаёт, что он способен сделать высказывание, но эта способность может быть утрачена, поэтому он обращается к адресату именно сейчас.

В ряде случаев конструкция приобретает дополнительные компоненты значения. Ср.:

- *Зачем ты вчера разбил стекло в классе?*
- *Если хочешь знать (если на то пошло), я вообще вчера в школе не был.*

Здесь придаточное (точнее, конструкция в целом) выражает досаду говорящего, нечто типа: 'Твое высказывание вызывает во мне чувство досады, оно не оправдано, поскольку имеет место ситуация 'Я вообще вчера в школе не был' (ср. [Иорданская 1988]).

II тип. Конструкции «предупредительного поведения»

Примеры:

- (31) *Если вам (ему) нужно позвонить, то телефон в соседней комнате.*

- (32) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо.*
 (33) *Если захочешь поговорить, я дома до 10 часов.*

В отличие от конструкций I типа, где содержание, пропозиции обеих частей не связаны по смыслу, в конструкциях данного типа смысловая связь, несомненно, присутствует: желание позвонить и наличие телефона; желание поесть и содержимое холодильника. Части соединены союзом *если*, но это не обычная условная связь: ведь наличие телефона или мяса в холодильнике — реальность, никак не обусловленная желаниями слушающего. Эти конструкции называются в лингвистической литературе условными конструкциями «предупредительного поведения» или же конструкциями «каузации знания» относительно реально существующего положения дел [Колосова 1980].

Смысл фраз этого типа примерно такой: 'Если ты захочешь есть, то [учти, что...]' . Казалось бы, в конструкциях этого типа есть еще дополнительный смысл: 'к этому нет препятствий' (см. приведенные примеры). Ср. также странность фраз типа

- (32а) **Если ты захочешь есть, холодильник пустой* (лучше: *учти, что...*)

Это, однако, не всегда так. Ср. (34а) и (34б), где противоположные смыслы главной части вполне допустимы:

- (34а) *Если в поле их застанет дождь, там стогов полно стоит.*
 (34б) *Если в поле их застанет дождь, там кругом ни деревца.*

В первой части описывается потенциально возможная ситуация. Смысл второй части во фразах (34а) и (34б): 'естественно спрятаться; этому естественному следствию способствует (или препятствует) Y'.

Ср. также следующие фразы, где трудно видеть компонент смысла 'к этому нет препятствий':

- (35) *Если пойдешь на рынок, у нас там вор на воре* (предостережение, предупреждение).
 (36) *Если ты бежишь в Мексику, все дороги туда перекрыты* (бегство не исключено, но затруднено и требует особых мер предосторожности).
 (37) *Если на меня нападут хулиганы, я недаром мастер спорта по боксу [= '...то это не страшно']*.

В условных конструкциях этого типа в придаточном говорится о настоящем или будущем, о возможном действии или состоянии слушающего (или другого лица). Поэтому здесь недопустимы дру-

гие ситуации, кроме относящихся к настоящему или будущему (ср. странную фразу

- (38) ?*Если вам (ему) нужно было позвонить, телефон был в соседней комнате).*

Исключение — конструкции, описывающие ирреальные ситуации в прошлом, ср.: *Если ты (он) хотел бы вчера позвонить, телефон был в соседней комнате; Если ты (он) действительно хотел позвонить, телефон был в соседней комнате.*

Недопустимы здесь также и другие союзы, кроме *если*, — даже близкий по значению союз *раз*. Ср.:

- (39) **Поскольку (раз) он захочет позвонить, телефон в соседней комнате.*

Отметим еще один структурный признак, отличающий рассматриваемые конструкции от «обычных» условных: придаточное, как правило, препозитивно (ср. странную фразу

- (40) *Телефон в соседней комнате, если вам (ему) нужно позвонить).*

В. С. Храковский [1998] утверждает, что в этих конструкциях субъектом положения дел, называемого в зависимой части, вводимой союзом *если*, является слушающий. С этим вряд ли можно согласиться, ср.:

- (41а) *Если я захочу позвонить, телефон в соседней комнате.*
 (41б) *Если захочешь позвонить, телефон в соседней комнате.*
 (41в) *Если ему нужно будет позвонить, телефон в соседней комнате.*
 (42) *Если придут гости, гастроном пока открыт.*

Конструкции этого типа возможны не только в утверждениях, но и в речевых актах другого типа, чаще всего — в вопросах:

- (43) *Если мне (ему) нужно будет поговорить, ты вечером дома?*
 (44) *Если мне (ему) нужно будет позвонить, телефон в соседней комнате?*
 (45) *Если мне (ему) нужно будет позвонить, где телефон?*

Смысл: 'Возможно X (например, желание позвонить); на тот случай, если X, говорящий спрашивает собеседника об осуществимости (или неосуществимости) события X или о способах его осуществления'.

Вероятно, к этому типу сложных предложений относятся и отдельные сочинительные конструкции, те, которые также воспринимаются как неполные, допускают вставку компонента [*учти, что...*]:

- (46) *Приходи, но меня не будет дома.*

III тип. Конструкции обоснования

Примеры:

- (47) *Ветерок в аллее, потому что (раз) листья дрожат.*
 (48) *Коля вчера уехал, потому что в окнах света нет.*
 (49) *Если в окнах нет света, Коля вчера уехал.*
 (50) *Видно, Петю это задело, раз (так как, поскольку, потому что, если) он так много говорит об этом.*
 (51) *Дело казалось необыкновенной важности, ибо при городничем была даже новая шага (Н. В. Гоголь).*
 (52) — *Беспокойна, насмешлива, двуязычна, вскидчива... — Двуязычна и вскидчива? — Вскидчива; ибо вmale не вцетилась мне прошлый раз в волосы за один разговор... (Ф. М. Достоевский)*

Эти конструкции мы склонны считать эллиптическими, поскольку в них нет эксплицитного указания на обоснование, вывод, и они допускают расширение, ср.: [*Думаю/считаю/вижу*] *ветерок в аллее, потому что листья дрожат.* Этим они принципиально отличаются от соответствующих полных, неэллиптических конструкций с аргументирующим значением, где есть «специализированный коррелят» (термин М. В. Ляпон): *значит, следовательно, выходит, стало быть, знать* (см. [Грамматика 1980: 573]).

Показательно, что многие из приведенных эллиптических конструкций (47)—(52) синонимичны конструкциям с коррелятами. Ср.:

- (49а) *(Если) в окнах нет свету, значит, Коля вчера уехал;*
 (51а) *При городничем была даже новая шага, значит (стало быть), дело казалось необыкновенной важности;*
 (53) *Значит, была башка на плечах, если из нищего, едва умевшего читать мальчишки вышел не Тишка, а Тихон Ильич... (И. Бунин).*

Конструкции со словом *значит* и другими коррелятами не раз привлекали внимание исследователей. Богатый материал приводится в [Грамматика 1980, II: 572—575; 578—583].

Рассматривая пример

- (54) *Если температура воздуха упадет ниже нуля, то, значит, циклон переместился на запад,*

В. С. Храковский отмечает, что здесь следствие предшествует условию, и объясняет это следующим образом: «...слово *значит* является маркером специфического речевого акта, представляющего одно из возможных риторических действий говорящего (...) положение дел, выражаемое в условии, в случае его осуществления служит говорящему основанием для того, чтобы он сделал речевой акт логического вывода (ср. [Разлогова 1988]; [Рахилина 1989]; [Иорданская 1992])».

Вернемся к эллиптическим конструкциям типа (47)—(52). Между пропозициями существует отчетливая причинно-следственная зависимость, но «обратная»: содержание главного предложения является причиной содержания придаточного. Так, в примере (47), наблюдая следствие (*листья дрожат*), можно делать умозаключение о причине, о наличии ветра. Поэтому ни здесь, ни в любом другом примере этого типа недопустимо принципиально иное содержание главного предложения, в частности, постановка в нем отрицания, ср.

- (47а) **Нет ветерка в аллее, потому что листья дрожат.*

Значение этих конструкций можно описать следующим образом:

Раз <так как, поскольку, если, потому что> X, (то) Y =

‘Имеет место непосредственно наблюдаемое X;

известно, что обычно X бывает вызвано Y-ом и следует по времени за Y-ом;

поэтому естественно умозаключение (и высказывание):

Имеет место непосредственно не наблюдаемое Y’.

Показательно, что близкие по значению конструкции с расчленением союза (*потому, что*) допускают только обычное, прямое причинное осмысление. Ср. правильную фразу

- (47б) *Листья дрожат потому, что ветерок в аллее, —*

и недопустимую:

- (47в) **Ветерок в аллее потому, что листья дрожат.*

Вероятно, к этому типу (конструкциям обоснования) можно отнести некоторые метаязыковые конструкции:

- (55) *Пальцы тискают селедку... / Водка капает с усов, / И сосед соседям кротко / Отпускает «подлецов». / (Те дают ему по морде, / Так как лиц у пьяных нет) / И летят в одном аккорде / Люди, рюмки и обед (Саша Черный).*

Придаточное причины указывает здесь не на причину события (начавшейся драки) и не на обоснование ее внешних проявлений (*Те дают ему по морде*), оно содержит обоснование самой **формы** высказывания, указывает на причину того, почему автор употребляет не слово *лицо*, а бранно-просторечный синоним *морда*.

Еще пример этого типа:

- (56) [Жених — невесте, давшей в газете объявление об их помолвке] — *...зачем трубить на весь свет, что ты помолвлена со мной, если только возможно трубить в письменной форме?* (Пэлем Г. Вудхауз. В пер. И. Шевченко).

IV тип. Спорные случаи

Конструкции типа

- (57) *Раз* <поскольку, если> холодно, надень пальто.
 (58) *Раз* <так как, поскольку, если> она не любит грустные рассказы, напиши <напиши> веселый.
 (59) *Раз* <если> занавес закрылся, почему публика не расходится?

(уже неоднократно упоминавшиеся выше) мы, безусловно, не считаем правильным включать в число иллокутивных. Они рассматриваются здесь только потому, что этот тип относят к иллокутивным некоторые авторитетные исследователи. На наш взгляд, в каждой из фраз (57)—(59) необычность заключается лишь в отнесенности частей сложного предложения к разным типам речевого акта (утверждение + обещание; утверждение + пожелание и т. д.). Что же касается смысловой связи между частями, между их пропозициями, то она не только существует, а полностью совпадает со связью в соответствующих обычных сложных предложениях (типа *Раз* <поскольку> было холодно, я надел пальто; *Раз* <поскольку> занавес закрылся, публика разошлась). Л. Н. Иорданская, отводящая главную роль типу речевого акта (побудительные, вопросительные, повествовательные, восклицательные фразы), во фразе *Раз на улице дождь, работай* (*буду работать*) дома видит иллокутивное употребление, а во фразе *Раз* <поскольку, так как> на улице был дождь, я работал до-

ма — неиллокутивное. Это противопоставление утверждений другим типам речевых актов представляется недостаточно оправданным. Мы не видим оснований для того, чтобы в (57а) видеть иллокутивное употребление, в (57б) — неиллокутивное, а фразе (57в) приписывать двойную интерпретацию:

(57а) *Если будет холодно, надень пальто.*

(57б) *Если будет холодно, я надену пальто.*

(57в) *Если будет холодно, ты наденешь пальто.*

Показательна в этой связи возможность свободного объединения вторых частей, относящихся к разным типам речевых актов:

(60а) *Раз (поскольку, если) холодно, надень пальто, и я надену.*

(60б) *Раз (поскольку, если) холодно, надену пальто, и ты надень.*

(60в) *Раз (поскольку, если) холодно, наденем-ка пальто.*

Настораживает также то обстоятельство, что многие утверждения получают двойную интерпретацию — иллокутивную и неиллокутивную. Причина, видимо, в том, что, как мы уже отмечали, нет четкого определения иллокутивных конструкций.

2.6.4. Иллокутивные употребления или синтаксический эллипсис?

Подведем некоторые итоги. В описываемых нами синтаксических конструкциях части сложного предложения непосредственно не связаны между собой, в конструкции **что-то пропущено** (исключение составляет часть конструкций вывода-обоснования, а именно те из них, где есть специальные показатели обоснования — «корреляты» типа *значит, следовательно* и т. д. и где заведомо нельзя говорить об эллипсисе).

Это «что-то пропущенное» может иметь принципиально разную природу. Существенно, однако, что фразы, относящиеся к каждому из четырех рассмотренных типов (кроме, может быть, спорных конструкций IV типа), допускают расширение и тем самым могут интерпретироваться как эллиптические. Ср. ниже фразы (а) и (б):

(61а) *Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?*

(61б) *Пока ты не спишь, [скажи/спрошу:] куда ты положила словарь?*

(62а) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо.*

(62б) *Если ты захочешь есть, [учти, что] в холодильнике есть мясо.*

(63а) *Ветерок в аллее, потому что листья дрожат.*

(63б) *[Думаю/считаю/вижу, что] ветерок в аллее, потому что листья дрожат.*

Разумеется, полные фразы (61б)—(63б) менее естественны, но ведь и другие, бесспорно эллиптические сложные предложения, выглядят естественнее своих «родителей» — полных конструкций. Ср.:

(64а) *Я купил белую рубашку, а он голубую.*

(64б) *Я купил белую рубашку, а он купил голубую рубашку.*

По нашему мнению, мы имеем здесь дело с общим явлением, с которым постоянно сталкиваются лингвисты на материале разных уровней, хотя называют его по-разному: эллипсис, редукция, сокращение, неполнота. Единицы (реально существующие в языке!) редуцируются — иногда до неузнаваемости — на разных языковых уровнях, в том числе на низшем — фонетическом, ср. примеры Г. А. Бариновой: *пчу* (почему), *чек* (человек), *Я мот к те выду* (вм. *Я, может, к тебе выйду* — пример Г. К. Комяковой) [Баринова 1973]. Это явление «путает все карты, портит всю игру». Его описание и представление (особенно формальное) связано с большими трудностями. Не будем же мы в словарные статьи слов *почему, человек, мочь* включать *пчу, чек, мот* как произносительные варианты!

Наиболее детально, на богатом материале русской разговорной речи, с привлечением обширной литературы, вопрос о синтаксическом эллипсисе рассматривается Е. Н. Ширяевым (см. [PPP 1973; PPP 1981]). Впрочем, он и другие авторы PPP считают термин «эллипсис» «скомпрометированным» (см. [PPP 1973: 289]) и предпочитают говорить о «незамещенной синтаксической позиции». Выделяются три основных типа этих конструкций: а) обусловленные контекстом (*Ему он рассказывает одно / а мне совсем другое*); б) предопределенные конституацией (термин Е. А. Земской): «*Два // у билетной кассы* означает 'дайте (продайте) мне два билета'; при обращении к хозяйке семьи, раскладывающей блинчики на тарелки — 'положи мне два блинчика' и т. п.» [PPP 1981: 197]; в) системно обусловленные, такие, которые понятны говорящему (читающему) вне контекста и вне знания ситуации: *Татьяна в лес; медведь за нею*. Это разделение представляется вполне оправданным. Все рассматриваемые нами конструкции относятся к третьему типу: они системно обусловлены и понятны вне контекста и без знания ситуации.

К классу эллиптических относятся, видимо, также и некоторые другие сложные предложения, в частности, некоторые уступительные конструкции, где первая часть связана уступительной связью не со второй частью, а с неким «пропущенным» звеном:

(65) *Хоть высоко окно в Маргаритин приют, / У насмешника лестница есть* (Н. Гумилев).

Ср. (65) с соответствующими «полными» конструкциями:

(65а) *Хоть высоко окно в Маргаритин приют, (но) это не имеет значения — у насмешника лестница есть;*

(65б) *Хоть высоко окно в Маргаритин приют, (но) насмешник к ней заберется: у него лестница есть.*

Что касается второй части, то она содержит обоснование пропущенного звена и с первой частью непосредственно не связана.

В работе [Урысон 2005] приводятся сочинительные конструкции с союзом *но* — довольно распространенные, но до сих пор не попадавшие в поле зрения других исследователей. Это конструкции типа

(66) *День был дождливый, но Коля взял зонт.*

Здесь невозможно видеть свойственное подобным конструкциям с *но* нарушение нормы. Тем самым, первая часть (*День был дождливый*) допускает прямо противоположное продолжение

(67) *День был дождливый, но Коля не взял зонт,*

которое присоединяется тем же союзом *но*! Е. В. Урысон видит выход в выделении особого значения союза *но*, в признании *но 1* и *но 2* конверсивами. Нам такое решение представляется недостаточно оправданным и антиинтуитивным. Кажется, что здесь мы имеем дело с эллипсисом — как и в предложении (65). Не будем же мы выделять еще одно значение союза *хоть* (*хоть*)!

2.6.5. Иллокутивное употребление. Попытка уточнить понятие

Из сказанного следует, что рассмотренные конструкции (кроме, пожалуй, конструкций IV типа *Раз (поскольку, если) холодно, надень пальто*), интерпретируемые многими авторами как иллокутивные, бесспорно, относятся к классу эллиптических конструкций. Значит ли

это, что мы отказываемся от понятия «иллокутивное употребление» и сводим дискуссию до уровня споров о терминологии (которые всегда представлялись мне достаточно бесплодными)? Отнюдь нет. Термин «иллокутивное употребление» и соответствующее понятие вполне оправданы, однако нуждаются в более точном определении.

Дело в том, что, как мы уже видели, рассматриваемые эллиптические конструкции крайне неоднородны по составу. Напомним вкратце о существеннейших различиях между конструкциями, входящими в эти группы.

Во фразах I типа (*Пока не забыл, Вика передает тебе привет; Ну раз ты любишь поговорить, не в свои сани не садись!; Пока ты не спишь, куда ты положила словарь?; Чтобы не спутать, в котором часу завтра собрание?*) события, описанные в главном и придаточном, никак не связаны: забывчивость говорящего не связана с любовью Вики, любовь к поговоркам — с запретом садиться в чужие сани, рассеянность — с местонахождением словаря или временем будущего собрания.

Во фразах II типа (*Если захочешь есть, в холодильнике есть мясо*) содержание главного и придаточного гораздо теснее между собой связаны: чувство голода и наличие продуктов. Но это связь опосредованная, существенно отличающаяся от связи частей «обычной» условной конструкции: мясо в холодильнике — реальность, оно есть, независимо от желаний гостя (ср. с «обычной» условной конструкцией: *Если захочешь есть, пошарь в холодильнике*).

Во фразах III типа (*Ветерок в аллее, потому что листья дрожат; Если в окнах нет света, Коля вчера уехал*) содержание главного и придаточного также тесно связаны, что выражается постановкой причинного или условного союза. Но здесь главное и придаточное как бы меняются местами. Как справедливо отмечают исследователи, дрожание листьев не может быть причиной ветра (как раз наоборот!), но этот факт может быть причиной умозаключения о том, что есть ветер, и делает уместным соответствующее утверждение.

Нам представляется, что иллокутивные конструкции — это частный вид эллиптических конструкций, это те из них, где нет смысловой связи между частями сложного предложения (между их пропозициями). К иллокутивным следует относить такие, где содержание второй части полностью абстрагировано от содержания первой и обуславливает лишь сам тип речевого акта, объясняет, почему (или при каких условиях) вторая часть оформлена как побуждение (а не, например, как вопрос или утверждение), и наоборот. Другими сло-

вами: к иллокутивным мы склонны относить лишь конструкции I типа: *⟨Раз⟩ ты всё знаешь, какой город — столица Южной Dakoty?; Ну, раз хочешь знать правду, отец уехал навсегда.* Глубокие познания собеседника или его правдолюбие обусловили обращение к собеседнику, но не само содержание высказывания.

Это резкое ограничение сферы иллокутивных употреблений может показаться слишком строгим и недостаточно оправданным. Но ведь в противном случае само понятие становится слишком неопределенным, а его границы — слишком размытыми!

К иллокутивным следует относить, по нашему мнению, также и некоторые сочинительные и бессоюзные конструкции, такие как *Я тебе не говорила, но ты дурно с ней поступал* (Л. Н. Толстой); *Ты всё знаешь: какой город — столица Южной Dakoty?*

Тем самым, если строго придерживаться критерия иллокутивности, то, парадоксальным образом, мы вынуждены исключить из числа иллокутивных даже «классические» иллокутивные конструкции II и III типа (*Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо; Ветерок в аллее, потому что листья дрожат*), с которых, собственно, и началось исследование данного явления!

Впрочем, не следует преувеличивать различие подходов: вполне допустимо понимание рассматриваемых конструкций (кроме все-таки конструкций IV типа и конструкций с коррелятами типа *значит*) как иллокутивных. Но необходимо при этом учитывать различия между отдельными группами этих конструкций и резкое отличие конструкций I типа, «собственно иллокутивных», от всех остальных.

2.7. Сочинительные союзы и синтаксические конфликты⁸⁰

2.7.1. Вводные замечания

*Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.*

⁸⁰ Данный раздел представляет собой переработанный вариант главы 11 книги [Богуславский 1996]. Первая версия этой работы была опубликована в [Богуславский 1988].

С точки зрения синтаксической теории эти строки Б. Пастернака содержат грубое нарушение главного свойства русских сочинительных конструкций, которое гласит: элементы предложения, образующие сочинительную конструкцию, должны иметь одинаковые синтаксические функции. В частности, в правильно построенном предложении с союзным соединением *не..., а...* однофункциональными должны быть элементы, идущие за *не* и за *а*. Поэтому предложение (1а) правильно, а (1б) — нет:

(1а) *Падают не хлопья, а небосвод.*

(1б) **Падают не хлопья, а в небе зажглись звезды.*

Почему же пастернаковская фраза, синтаксически весьма близкая к (1б), не производит впечатления столь же грубой языковой ошибки? Благодаря чему это и подобные ему предложения оказываются возможными? В частности, что делает абсолютно правильным предложение (2), в котором компоненты союза *либо... либо... либо...* стоят перед элементами, имеющими три разные синтаксические функции?

(2) *Единственно доброкачественными историческими сочинениями являются те, которые написаны были либо людьми, которые сами вершили эти дела, либо причастны были к руководству ими, либо на долю которых выпало по крайней мере вести другие подобного же рода дела* (М. Монтень, в пер. Ф. Коган-Бернштейн).

Ответ на эти вопросы и составляет содержание настоящего раздела. Речь пойдет о некоторых типах конструкций, которые мы относим к классу неканонических сочинительных. Поэтому сначала следует остановиться на том, что такое каноническое и неканоническое сочинение (разд. 2.7.2). Затем мы обсудим класс союзных средств, которые создают интересующий нас тип конструкций — неоднородные союзы и союзные соединения (разд. 2.7.3), а после этого рассмотрим сами неканонические сочинительные конструкции, формируемые этими союзными средствами (разд. 2.7.4). Будет установлено, что эти конструкции распадаются на два класса, которые мы условно назовем «Опускание без переноса» и «Перенос без опущения». Второму из этих классов, как более сложному и интересно, будет посвящен раздел 2.7.5. Примечательная особенность конструкций типа «Перенос без опущения» состоит в том, что она является узаконенным языком способом преодоления определенного вида синтаксических конфликтов. Источники этих конфликтов обсуж-

даются в разделе 2.7.6, а в разделе 2.7.7 вводятся в рассмотрение некоторые другие способы разрешения подобных конфликтов. В разделе 2.7.8 подводятся итоги проведенного исследования.

2.7.2. Каноническое и неканоническое сочинение

2.7.2.1. Принцип однофункциональности сочиненных членов

Мысль о принципиальном различии между сочинением и подчинением относится к числу тех немногих положений синтаксической науки, по поводу которых среди исследователей имеется достаточная степень единодушия. По мнению В. А. Белошапковой, «противопоставление сочинения и подчинения составляет основу синтаксической системы» [Белошапкова 1977: 23]. В основе этого противопоставления лежит очень простая и наглядная идея: при подчинении элементы неравноправны, а при сочинении равноправны. Правда, представление о равноправии сочиненных членов воплощается у разных авторов в разных терминах: отсутствие детерминации, функциональная синтаксическая равнозначность (или однородность), грамматическая равноценность, тождество (или однотипность) синтаксической функции (или позиции), одинаковая роль в создании синтаксической конструкции, одно и то же синтаксическое место в предложении и др. ([Реформатский 1955: 271—272]; [Пешковский 1956: 57—58]; [Мартине 1963: 482—483]; [Tesnière 1976: 325]; [Белошапкова 1977: 22—25]; [Русский язык 1979: 322—323]; [Грамматика 1980: 166]; [Перетрухин 1979: 16]; [Санников 2008: 111, 117]). Однако, насколько можно судить, этому терминологическому разнообразию не отвечает существенное различие во взглядах на суть дела.

Итак, «абсолютная идея» сочинения состоит в требовании синтаксической однофункциональности сочиненных элементов и вытекающего отсюда тождества их отношения к некоторому внешнему элементу. Однако, как и всякая абсолютная идея, она не может существовать в чистом виде. Хорошо известны некоторые факты, противоречащие этой ясной картине: в конструкциях, которые хотелось бы считать сочинительными, отсутствует настоящее равноправие элементов.

Описания этих фактов, представленные в литературе, при всем их разнообразии, группируются вокруг двух основных точек зрения.

Первая точка зрения состоит в том, что все конструкции, не обнаруживающие однофункциональности, лежат вне сочинения (см.,

например, [Перетрухин 1979]). Такое решение позволяет сохранить абсолютную идею в неприкосновенности, но имеет серьезные недостатки. Прежде всего оно игнорирует интуитивно ощущаемую близость неоднофункциональных конструкций к каноническим сочинительным. Кроме того, оно лишает общности фундаментальное противопоставление сочинения и подчинения. Поскольку те рубрики, под которые подводятся факты, противоречащие сочинительному канону (уточнение, присоединение, пояснение и т. п.), относятся к подчинению не более естественно, чем к сочинению, то придется поставить эти явления в тот же ряд, в котором находятся сочинение и подчинение. Между тем, очевидно, что сочинение и подчинение — явления совсем другого порядка, чем уточнение, присоединение и т. п.

Вторая точка зрения предполагает, что однофункциональность не является обязательным свойством сочинения. В соответствии с этой точкой зрения конструкции с однофункциональными элементами составляют хотя и самый распространенный, но все же частный случай, наряду с которым следует рассматривать сочинительные конструкции других типов, имеющие такой же статус. Этот подход реализован, например, в работах [Санников 1979, 1980, 2008], где различается три вида сочинительных конструкций: функционально-сочинительные (то есть конструкции с однофункциональностью), семантико-сочинительные и коммуникативно-сочинительные.

Существуют и некоторые модификации этих полярных подходов. Например, В. А. Белошапкова стремится сохранить принцип однофункциональности ценой несколько более широкого его понимания: семантическая одноплановость, предполагаемая однофункциональностью компонентов сочинительной конструкции, «может быть направлена и не по тем линиям, по которым синтаксическая традиция различает члены предложения. Сочинительная связь возможна и между такими словоформами, которые являются разными членами предложения... Однофункциональность в таких случаях складывается на основе общей роли компонентов, объединяемых сочинительной связью, в создании вопросительной, отрицательной или обобщающей семантики предложения» [Белошапкова 1977: 23—24].

Нам также хотелось бы исходить из признания приоритета принципа однофункциональности. Известно, однако, что всякий «хороший» лингвистический принцип, пользуясь словами Ю. А. Шрейдера (сказанными по другому поводу), не только справедлив почти всегда, но и всегда почти справедлив. Это означает, что, с одной стороны, для большинства ситуаций он справедлив безусловно, а с дру-

гой стороны, в том незначительном числе случаев, когда он нарушается, нужно уметь увидеть его следы и те обстоятельства, которые помешали ему проявиться более полно.

Ниже мы рассмотрим факты, противоречащие принципу однофункциональности сочиненных членов, и попытаемся проследить источник этого противоречия. Мы предпримем попытку объяснить их не тем, что в этих случаях принцип однофункциональности просто не действует, а тем, что на него наложились другие факторы, искажившие картину.

Конкретнее, нас будет интересовать, в каких направлениях размывается каноническая сочинительная конструкция, под действием каких факторов и какие черты канона при этом сохраняются.

Наиболее интересны три типа отклонений от сочинительного канона:

- вторичная союзная связь;
- нестандартное сочинительное сокращение;
- использование сочинительной связи в функции подчинительной.

Третий из этих типов мы подробно обсуждали в [Богуславский 1996: 28—32]. Второй будет детально описан в последующих подразделах данного раздела. Первый тип мы рассмотрим прямо сейчас.

2.7.2.2. Вторичная союзная связь

Первое направление разрушения сочинительного канона проявляется в отсутствии синтаксической однофункциональности сочиненных членов, которое компенсируется их семантической одноплановостью. Это явление имеет две разновидности, различающиеся тем, существует ли семантическая общность членов изначально или она появляется лишь в ситуации.

Наиболее освоенный языком тип конструкций с сочиненными членами, имеющими изначально семантическую общность, — это конструкции с местоимениями (вопросительными, отрицательными, неопределенными и обобщающими) [Белошапкина 1977: 23]:

(3а) *Никто и никогда об этом не думал.*

(3б) *Кто и на сколько опоздал?*

К ним примыкают конструкции с близким типом значения, но выраженным неместоименными словами; ср. местоименные сочетания *никто и никогда, все и всегда* и неместоименное сочетание *многие и часто*:

(4) *Многие и часто поступают еще хуже.*

Общность значения сочиненных членов может воплощаться в их лексемном тождестве (или тождестве корневой морфемы):

(5а) *Говорю с поэтом и о поэте* (пример В. З. Санникова).

(5б) *Упал на льду не с лошади, а с лошадыю: большая разница для моего наезднического самолюбия* (А. С. Пушкин).

(5в) *Хотя дешифровка линейного письма Б была выполнена в Англии и англичанином, по своему образу мыслей Майкл Вентрис меньше всего походил на «типичного англичанина».*

(5г) *По всей видимости, рукопись была написана англичанином или, по крайней мере, в Англии.*

Имеются, однако, и такие конструкции, в которых семантическая общность сочиненных членов изначально не задана, а появляется лишь в ситуации:

(6а) *Приказчик... очень быстро и в разных направлениях шевелил пальцами* (пример из [Пешковский 1956]).

(6б) *Считаю себя вправе писать вам карандашом, в постели и самое домашнее письмо* (А. Блок).

Итак, конструкции типа (3)—(6) обладают тем общим свойством, что в них сочинены такие слова и группы слов, которые относятся к одному и тому же элементу предложения, но выполняют относительно него разные роли и в силу этого могли бы быть ему соподчинены. При этом семантическая общность сочиненных членов в конструкциях (3)—(5) очевидна уже на уровне их лексического значения (ср. *никто — никогда, многие — часто, Англия — англичанин*), в то время как в конструкциях типа (6) сочиняются такие аспекты ситуации, общность которых заранее не задана. В этих конструкциях проявляется специальное намерение говорящего указать на одноплановость этих аспектов ситуации с некоторой актуальной в данный момент точки зрения. Эту сторону дела ясно описал еще А. М. Пешковский: осознавая «те или иные соподчиненные члены как в чем-либо однородные, мы получаем возможность соединить их союзами, как бы далеко они ни отстояли друг от друга и грамматически и логически» [Пешковский 1956: 442].

Предложение (6а) отличается от соответствующего предложения без сочинения тем, что скорость и направление воспринимаются говорящим как одноплановые характеристики движения.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на конструкции с вопросительными местоимениями типа (3б) [Крейдлин 1983]. В них отличие от соответствующего предложения без сочинения не сводится лишь к указанию на общность сочиненных вопросительных элементов. Сравним предложения (7а) и (7б), которые заметно различаются по смыслу:

(7а) *Кто и куда хочет поехать?*

(7б) *Кто куда хочет поехать?*

В наиболее естественной интерпретации (7а) представляет собой совокупность двух вопросов: *Кто хочет (куда-либо) поехать?* и *Куда он хочет поехать?* Здесь заранее не предполагается, что непременно есть желающие куда-либо поехать. Вопрос направлен прежде всего на выяснение того, имеются ли такие желающие, и если да, то в чем состоят их желания. Вопрос (7б) уместен в ситуации, когда спрашивающий полагает, что некоторое количество желающих имеется. В фокусе внимания находится лишь один вопрос — о местах, или, точнее, о соответствии между этим множеством лиц и местами, в которые они хотят поехать.

Следующее направление, в котором происходит размывание сочинительного канона, связано с конструкциями, содержащими так называемую вторичную союзную связь ([Прияткина 1977]; [Грамматика 1980: 179]):

(8а) *Он поет, и неплохо.*

(8б) *Мальчик гуляет, но мало.*

(8в) *Нам предстояла недолгая, но разлука.*

В этих предложениях союз связывает элементы, которые и без того связаны друг с другом подчинительной связью. Поэтому при устранении союза из предложения оно не лишается связности: *гуляет, но мало vs. гуляет мало*. И наоборот, в подчинительное сочетание можно ввести союз, и это приводит к коммуникативному дроблению. Единое утверждение (*гуляет мало*) разбивается на два утверждения, между которыми устанавливается смысловая связь, соответствующая семантике союза: *гуляет, но гуляет мало*. Такая союзная связь называется вторичной, поскольку она как бы «накладывается» на подчинительную связь, составляющую первичную основу словосочетания (обращаем внимание читателя, что синтаксические структуры, которые мы постулируем для неканонических сочинительных конструкций, обсуждаемых в этом разделе, не являются древесными и в силу этого не могут быть построены с помощью синтаксического анализатора системы ЭТАП).

Конструкции типа (3)—(7) и конструкции типа (8) рассматриваются обычно как принципиально разные ([Прияткина 1977]; [Грамматика 1980]; [Санников 1980а, 1981б]). Между ними, действительно, имеются серьезные различия, на которых мы еще остановимся. Однако нельзя не заметить и того, что конституирующее свойство вторичной союзной связи — наложение сочинения на подчинение — в равной степени приложимо к обоим типам конструкций. Правда, это наложение происходит несколько по-разному. В (3)—(7) члены, соединяемые союзом, соподчинены некоторому третьему⁸¹, а в (8) один из них подчинен другому. Поэтому, кстати говоря, сочиненные ряды типа (3)—(7) могут состоять из трех и более членов, а ряды типа (8) обычно двучленны.

Таким образом, несколько расширяя принятое словоупотребление, мы будем говорить, что имеется два типа конструкций с вторичной союзной связью — конструкции с исконным соподчинением сочиненных членов (условно — тип А) и конструкции с исконным подчинением (условно — тип Б). Обратимся к чертам сходства и различия между конструкциями типа А и типа Б.

Рассмотрим предложение

(9) *В этом году он отдыхал на юге, но дикарем.*

Если произнести его с первым главным фразовым ударением на сочетании *на юге*, то союз будет соединять элементы *на юге* и *дикарем*, и конструкция будет относиться к типу А. Если же главное фразовое ударение будет падать на глагол, то сочиненными элементами окажутся сочетания *отдыхал на юге* и *дикарем*, и конструкция попадет в тип Б.

Конструкции обоих типов противопоставлены соответствующим конструкциям без сочинения по признаку коммуникативной организации. Вторичная связь членит предложение на столько отдельных утверждений, сколько имеется сочиненных членов. С этим связана и неединственность главных фразовых ударений, отмеченная выше. Характерно, что в тех случаях, когда каждый из соподчиненных элементов имеет настолько большой коммуникативный вес, что они

⁸¹ Это соподчинение может быть не только непосредственным, как в (6а) или (6б), но и опосредованным, как в (7а). В этом предложении вершина предложения *хочет* подчиняет слово *кто* непосредственно, а слово *куда* — через один промежуточный шаг: *хочет* подчиняет *поехать*, а *поехать* подчиняет *куда*.

становятся несовместимы в рамках одного утверждения, сочинение оказывается обязательным:

(10a) *Он уехал далеко и надолго.*

(10б) **Он уехал далеко надолго.*

Перейдем теперь к различиям между конструкциями типа А и типа Б.

Самое существенное из них состоит в том, какое семантическое отношение устанавливается между сочиненными членами. Возвращаясь, например, к предложению (6б) (тип А). Говорящий сообщает нам, что в описываемой ситуации он рассматривает элементы 'карандашом', 'в постели' и 'самое домашнее письмо' как одноплановые, подводимые, по выражению А. М. Пешковского, под одну и ту же рубрику («неформальные отношения между автором письма и его адресатом»).

В примере (8а) (тип Б) говорящий вовсе не предлагает нам считать значения 'поет' и 'неплохо' хоть в каком-то смысле семантически одноплановыми. Союз *и* лишь превращает единое утверждение 'он неплохо поет' в два отдельных — 'он поет' и 'он делает это неплохо'. Различие между конструкциями типа А и типа Б хорошо отражается в терминах В. З. Санникова: «семантико-сочинительная конструкция» (тип А) vs. «коммуникативно-сочинительная конструкция» (тип Б).

Как показывает пример (8а), смысловые компоненты, соединяемые союзом в конструкции типа Б, не независимы, а вкладываются один в другой. Этим объясняется еще одно различие между типами А и Б: в конструкциях типа А допустим союз *или* (см. (5г)), а в конструкциях типа Б он невозможен.

(11) **Он поет, или неплохо.*

Дело здесь в том, что союз *или* в принципе способен соединять только такие утверждения, про которые говорящий допускает, что может иметь место только одно из них, и при этом заранее неизвестно, какое именно. Если мы говорим

(12) *Завтра мы сходим в кино или в театр,*

то мы допускаем, что может реализоваться каждая из возможностей порознь (хотя, быть может, не исключаем и того, что реализуются сразу обе). В противном случае, то есть, если бы говорящий не допускал их отдельной реализации, он должен был бы употребить союз *и*:

(13) *Завтра мы сходим в кино и в театр.*

Именно это свойство — независимая отдельная реализуемость обеих альтернатив — и нарушена в (11). Если выполнена вторая альтернатива ('он поет неплохо'), то заведомо выполнена и первая ('он поет').

Теперь, когда мы обсудили сходства и различия между конструкциями типа А и Б, мы можем вернуться к вопросу, поставленному выше, — вопросу о внутренних источниках деканонизации в этих конструкциях. Для того чтобы их обнаружить, следует обратиться к более глубокому — семантическому — уровню представления предложений, на котором их значение выявлено более эксплицитно. От этого уровня мы будем требовать, чтобы на нем, в частности, в явной форме были представлены семантические сферы действия валентных слов (не обязательно с использованием полных семантических представлений самих этих слов).

Рассмотрим предложения (14а,б) с союзом *но*:

(14а) *Он отдыхал на юге, но дикарем* (тип А).

(14б) *Он отдыхал, но мало* (тип Б).

Прежде всего важно подчеркнуть, что в семантической структуре каждого из предложений (14а, б) имеется не одна пропозиция, а две. Это вытекает уже из самой семантики союза *но*, который характеризует соотношение между двумя событиями: *P, но Q* ≈ 'естественно ожидать, что событие *P* сопровождается событием *не-Q*'; в данном случае событие *P* сопровождается событием *Q*' ([Левин 1970: 78], ср. также [Санников 2008: 257]). Семантическая структура предложений с союзом *но* должна в явном виде указывать те события *P* и *Q*, соотношение между которыми описывается этим союзом. Восстановив эти события, мы получим для предложения (14а) структуру (15а), а для (14б) — структуру (15б).

(15а) 'он отдыхал на юге, но он отдыхал дикарем'.

(15б) 'он отдыхал, но он отдыхал мало'.

Дополнительным свидетельством в пользу двухчастности структур (15а, б) служит тот факт, что на каждый из соединяемых союзом элементов в (14а, б) падает главное фразовое ударение; маркирующие отдельные утверждения.

Структуры (15а, б), очевидно, не противоречат канону сочинения. В них союз соединяет однотипные единицы — целые пропозиции. На пути от этих структур к предложениям (14а, б) должно находить-

ся преобразование, по своим задачам аналогичное преобразованию сочинительного сокращения, но не совпадающее с ним по условиям применения. И то, и другое преобразование сокращает тождественные составляющие в сочиненных пропозициях. Но если сочинительное сокращение требует, чтобы сочиненные члены, возникшие в результате сокращения, имели одинаковые синтаксические и коммуникативные функции в исходных пропозициях, то для преобразования, порождающего конструкции с вторичными союзными связями, это условие не выполняется. В случае (14а) сочиненные члены *на юге* и *дикарем* выполняют разные синтаксические функции, хотя семантически они одноплановы. В случае (14б) отличие от сочинительного сокращения еще значительнее: в первой пропозиции структуры (15б) вообще отсутствует составляющая, семантически соответствующая элементу 'мало', а, кроме того, сокращаемая составляющая *отдыхал* выполняет в сочиненных пропозициях существенно разные коммуникативные роли (рема в первой пропозиции и тема во второй). Впрочем, давать полное формальное описание этого преобразования не входит в нашу задачу. Для нас важнее отметить, что именно в тот момент, когда осуществляется это преобразование, и происходит разрушение сочинительного канона.

Итак, конструкции с вторичной союзной связью — это конструкции, семантические структуры которых еще обладают свойствами канонического сочинения, а поверхностные структуры их уже утрачивают.

Однако канон обладает определенной устойчивостью, и для выхода за его пределы необходимы стимулы достаточной силы. В конструкциях типа А и Б эти стимулы, по-видимому, различны.

В основе конструкций типа А лежит стремление говорящего найти общее в различном, подвести разнородные явления под единую рубрику, если это отвечает его коммуникативным потребностям в данной ситуации. Этот фактор действует тем легче, чем легче найти общность в сопоставляемых элементах, чем более «на поверхности» лежит это общее, чем меньше оно зависит от контекста (ср. цепочку (3)—(4)—(5)—(6)).

Конструкции типа Б, как мы уже отмечали, не навязывают нам взгляда на соединяемые союзом элементы как на одноплановые. Для этих элементов общим является лишь то, что они выполняют одну и ту же коммуникативную роль — роль ремы — в соответствующих пропозициях семантической структуры. Здесь за деканонизацию отвечает фактор, требующий максимально компактного выражения двух коммуникативно самостоятельных пропозиций.

Подведем итог тому, о чем говорилось в разделах 2.7.2.1 и 2.7.2.2.

Семантическая и синтаксическая однофункциональность элементов составляет ядро понятия сочинения. Конструкции, обладающие этим признаком, образуют сочинительный канон. Конструкции, в которых этот признак отсутствует или проявляется не в полном объеме, не обязательно лежат вне понятия сочинения. Они могут иметь промежуточную природу, возникая в результате действия разнонаправленных тенденций. Другими словами, существуют определенные деканонизирующие факторы, которые, взаимодействуя с каноном, приводят к его искажению. В этой перспективе мы и рассмотрим конструкции, с которых мы начали данный раздел.

2.7.3. Союзные соединения и неодноместные союзы

С точки зрения типологии отклонений от канонического сочинения особый интерес представляют предложения, содержащие — по терминологии [Грамматика 1980] — неодноместные союзы (то есть союзы, занимающие в предложении более чем одно место) и союзные соединения. В дальнейшем и те и другие мы будем называть просто «союзные соединения». Сюда относятся, во-первых, союзы, образованные воспроизведением одного и того же или функционально близких компонентов (*и... и..., или... или..., то... то... а то..., либо... либо... или..., или... или... а может быть... и др.*), а во-вторых, союзы и союзные соединения, составленные из разнородных элементов. В их состав наряду с союзами могут входить также частицы и наречия (*как... так и..., не столько... сколько..., насколько... настолько..., не... а..., не только... но и..., если не... то... и др.*).

Союзные соединения указанного типа обладают одной чертой, делающей их актуальными для целей настоящей работы и одновременно отличающей их от одноместных союзов: они маркируют первый элемент сочиненного ряда. В самом деле, если предложение начинается так:

(16) *Я испеку тирог или...*, —

то единственное, что можно сказать о его продолжении, это то, что после союза должен идти элемент, имеющий ту же синтаксическую функцию, что и одно из слов, стоящих левее *или*. Какое именно из этих слов — *я*, *испеку* или *тирог* — открывает сочиненный ряд, пока сказать невозможно. Предложение (16) допускает (при соответст-

вующей интонации) любое из продолжений (17а)—(17в) (сочиненные члены заключены в скобки):

(17а) Я испеку [пирог] или [печенье].

(17б) Я [испеку пирог] или [куплю пирожных].

(17в) [Я] испеку пирог или [Маша].

Таким образом, одиночное *или*, как и любой другой одноместный союз, однозначно определяет положение лишь второго члена: тот должен следовать (с точностью до вставных элементов) непосредственно за союзом. Что же касается первого сочиненного члена, то его положение относительно союза никак не конкретизировано.

Другое дело — союзные соединения. Если мы заменим в (16) одноместный союз *или* ближайшим к нему неодноместным союзом (*или... или...*), то нам придется поставить первый компонент союза перед элементом, открывающим сочиненный ряд, и неопределенность, которая была в (16), сразу исчезнет. Возможное продолжение предложения будет предопределено практически однозначно:

(18а) Я испеку или пирог, или печенье.

(18б) Я или испеку пирог, или куплю пирожных.

(18в) Или я испеку пирог, или Маша.

Если первый и второй компоненты союза окажутся перед элементами, имеющими разные синтаксические функции, предложение станет аномальным:

(19а) *Я испеку или пирог, или куплю пирожных.

(19б) *Я или испеку пирог, или Маша.

То же самое можно наблюдать и тогда, когда первым компонентом союзного соединения служит не союз, а частица или сочетание частиц:

(20а) Он плавает не только в бассейне, но и в пруду.

(20б) Он не только плавает в бассейне, но и играет в городки.

(20в) *Он плавает не только в бассейне, но и играет в городки.

Помимо предложений с союзными соединениями (типа (18) и (20)) нас будет интересовать еще один класс предложений. Это предложения с союзом *а*, в которых соединяемые союзом компоненты содержат слова или сочетания, определенным образом семантически связанные между собой (в примерах (21) они подчеркнуты):

(21а) Профессор слушал нас вначале рассеянно, а потом внимательно.

(21б) Родительница его, из фамилии Колязиных, в девицах Agathe, а в генеральшах Агафокля Кузьминична Кирсанова, принадлежала к числу матушек-командириш (И. С. Тургенев).

Некоторые из подобных пар, такие как *с одной стороны — с другой стороны*, *в одном случае — в другом случае*, *на первый взгляд — на самом деле* и др., упоминаются в академической грамматике [Грамматика 1980: 170] в качестве «специальных конкретизаторов при союзе».

Следующий шаг в изучении предложений типа (21) был сделан в статье [Крейдлин, Падучева 1974]. Авторы показывают, что предложения с союзом *а* (в сопоставительном значении) должны содержать две пары ассоциативных связей — между темами и между ремами соединяемых компонентов. Авторы перечисляют все типы связей, возможных между соединяемыми компонентами. Например, в (21а) ассоциативная связь между элементами *рассеянно* и *внимательно* основана на антонимии, а связь между элементами *вначале* и *потом* — на так называемой тезаурусной, или, как мы будем говорить, тематической соотнесенности. Под тематической соотнесенностью понимается семантическая связь между такими словами или сочетаниями, которые входят в один и тот же семантический класс. Например, члены пар *вначале — потом*, *утром — вечером* (после обеда) входят в класс ‘временная локализация’, члены пар *дома — в лесу*, *в Москве — за границей* — в класс ‘пространственная локализация’, а члены пары *в девицах — в генеральшах* — в класс ‘социальный статус’. Итак, элементы, выделенные в предложениях (21), обладают свойством тематической соотнесенности.

Предложения типа (21) представляют для нас интерес по следующей причине. Несмотря на то что в них выступает одноместный союз, они обнаруживают большое сходство с предложениями, содержащими союзные соединения. Сравним предложения (20) и (22).

(22а) Он плавает зимой в бассейне, а летом в пруду.

(22б) Зимой он плавает в бассейне, а летом играет в городки.

(22в) ??Он плавает зимой в бассейне, а летом играет в городки.

Положение первого из тематически соотнесенных элементов, подобно первому компоненту союзного соединения, однозначно задает левую границу сочиненной группы. Изменение этого положения лишает предложение правильности (об отклонениях от этого правила см. ниже).

Сходство предложений с союзными соединениями (типа (20)) и предложений с союзом *а* и тематически соединенными элементами

(типа (22)) идет дальше, чем это непосредственно видно из приведенных примеров. Поэтому для удобства дальнейшего изложения мы условно объединим их под шапкой «предложения с союзными соединениями» и будем рассматривать совместно.

То обстоятельство, что в предложениях с союзными соединениями маркируется первый член сочиненного ряда, накладывает дополнительное ограничение на сочинительную конструкцию в целом. Она становится более жесткой, в ней остается меньше степеней свободы. Ведь чем больше ограничений, тем больше мыслимых способов их нарушить. Иными словами, появляется новая точка, в которой можно ожидать отклонения от канонической синтаксической конструкции. Рассмотрим открывающиеся здесь новые возможности.

2.7.4. Неканонические сочинительные конструкции с союзными соединениями

Каноническая сочинительная конструкция с двухместным союзным соединением имеет вид:

(23) $\delta_1 X \delta_2 Y$,

где δ_1 и δ_2 — компоненты союзного соединения, стоящие непосредственно перед словами или словосочетаниями X и Y , имеющими одинаковые синтаксические функции. В случае предложений с союзом и тематически соотнесенными элементами под δ_1 и δ_2 мы будем понимать сами тематически соотнесенные элементы.

Возможны два типа отклонений от структуры (23), различающиеся положением первого компонента союзного соединения δ_1 относительно X . При первом типе отклонения δ_1 сдвигается относительно X влево, так что между δ_1 и X оказывается посторонний элемент P ($\delta_1 P X \delta_2 Y$). В примерах, приводимых ниже, элемент P подчеркнут. При втором типе δ_1 сдвигается относительно X вправо ($X \delta_1 \delta_2 Y$).

Первая возможность иллюстрируется примерами (24), а вторая — примерами (25).

Сдвиг первого компонента союзного соединения влево:

(24а) *Актуальное членение активно взаимодействует с другими аспектами структуры предложения, что заставляет либо $[\delta_1]$ признать гораздо большее число $[X]$ «дефектных» АЧ-парадигм, либо $[\delta_2]$ гораздо большую степень $[Y]$ абс-*

трактности того объекта, который является инвариантом АЧ-парадигмы.

- (24б) *Соотносительной видовой парой глагола считаются не только $[\delta_1]$ формы, образованные суффиксацией $[X]$, акцентуацией, меной тематического гласного и другими общепризнанными способами видообразования, но и $[\delta_2]$ префиксацией $[Y]$.*
- (24в) *Последнее обстоятельство играет большую роль не только $[\delta_1]$ с точки зрения механизации $[X]$, но и $[\delta_2]$ оздоровления $[Y]$ условий и полной безопасности труда.*
- (24г) *Киевлянину не только $[\delta_1]$ удалось забить $[X]$ гол, но и $[\delta_2]$ вызвать $[Y]$ нервозность у своего опекуна.*
- (24д) *Ежели бы он не только $[\delta_1]$ потребовал закуски $[X]$ и хересу, но $[\delta_2]$ ванну $[Y]$ из шалфея с духами, она бы не удивилась, не обвиняла бы его и была бы твердо уверена, что это так нужно и должно (Л. Н. Толстой).*
- (24е) *Деление по значению основано не $[\delta_1]$ на наблюдении над $[X]$ языком, а $[\delta_2]$ над $[Y]$ чем-то, не имеющим к языку непосредственного отношения (А. А. Потемня).*
- (24ж) *Память о них нетленна как $[\delta_1]$ в сердцах советских людей $[X]$, так и $[\delta_2]$ французских боевых товарищей $[Y]$.*

Сдвиг первого компонента союзного соединения вправо:

- (25а) *Все это сотворено $[X]$ не $[\delta_1]$ природой, а $[\delta_2]$ представляет собой $[Y]$ позднее и преходящее создание человеческой воли (Г. Гессе, в пер. Д. Каравкиной и Вс. Розанова).*
- (25б) *Межзвездный газ в диске распределен $[X]$ не $[\delta_1]$ равномерно, а $[\delta_2]$ сосредоточен $[Y]$ преимущественно в ветвях спиралей.*
- (25в) *В этой семантической концепции подобные лексические параметры отсутствуют $[X]$ не $[\delta_1]$ по недосмотру, а $[\delta_2]$ исключены $[Y]$ вполне сознательно.*
- (25г) *[Песню начинал голосистый дуэт, и сотни голосов подхватывали ее дружным хором...] нели $[X]$ ее то $[\delta_1]$ как торжественный и устрашающий гимн, то как песню печали, тоскуя о погибших, то $[\delta_2]$ снова звучала $[Y]$ в ней вера в победу.*
- (25д) *Понемногу, трудным путем вырабатывается $[X]$ в человеке или $[\delta_1]$ покорность судьбе — и тогда организм медленно*

и постепенно вступает во все свои отправления, — или [δ₂] горе сломит [Y] человека, и он не встанет больше, смотря по горю, и по человеку тоже (И. А. Гончаров).

Конструкции типа (24) и (25) мы будем в дальнейшем называть рассогласованными.

Прежде чем переходить к обсуждению рассогласованных конструкций, необходимо остановиться на одном существенном вопросе, решение которого должно предшествовать описанию материала. Это вопрос о корректности самого материала. Читатель, несомненно, уже обратил внимание на то, что, по крайней мере, часть приведенных примеров (а все они взяты из письменных источников) заслуживает редакторской правки. Недаром единственные известные нам обсуждения подобных примеров [Ицкович 1982: 158—160]; [Санников 2008: 128—129] ориентированы именно на проблему нормы. В. А. Ицкович констатирует, что нарушение правила однофункциональности элементов, соединенных двойными и повторяющимися союзами, «создает противоречие между формой и смыслом высказывания, ...ведет к искажению синтаксической перспективы предложения, что затрудняет правильное восприятие высказывания» [Ицкович 1982: 158]. Поэтому, несмотря на то что такие предложения и не противоречат языковой норме, по мнению В. А. Ицковича, их следует считать дефектными и неприемлемыми в письменной форме литературного языка [Ицкович 1982: 155]. К этому же выводу присоединяется и В. З. Санников.

Близкая ситуация отмечается и в английском языке. Так, в одном авторитетном нормативном пособии сообщается, что предложение, содержащее коррелятивные пары типа *both... and* 'как, так и', *either... or* 'либо..., либо', *neither... nor* 'ни... ни', *not only but (also)* 'не только, ...но и', должно быть построено таким образом, чтобы часть предложения, вводимая первым элементом пары, была параллельна по своей структуре части предложения, вводимой вторым элементом.

Однако, говорится далее, нередко можно видеть даже в сочинениях хороших авторов, что элементы этих пар размещены так, что соединяемые ими части предложения оказываются не вполне параллельными, например: *I end neither with a death nor a marriage* (W. Somerset Maugham). *People who either hadn't been asked to pay or who were simply not troubling themselves* (V. S. Pritchett). В первом из этих предложений предлог *with* по смыслу относится к обеим частям и поэтому должен быть повторен после *nor*. Во втором предложении

who предшествует *either* и, строго говоря, не требует повторения после *or*. Однако это не слишком грубые ошибки.

Более серьезным промахом является постановка первой части коррелятивного союза правее, чем следует, так что слова, по смыслу относящиеся лишь к первой части предложения, распространяются и на вторую часть, приводя к грамматической неразберихе, например: *The other Exocet was either destroyed or blew up* (BBC News). Подобных построений рекомендуется тщательно избегать.

Вывод В. А. Ицковича, процитированный выше, как и рекомендации нормативного английского пособия касаются кодифицированного литературного языка в его письменной форме. Между тем главным источником рассогласованных конструкций является разговорная речь, синтаксис которой также подлежит научному изучению. Но даже и для кодифицированного литературного языка приговор, вынесенный В. А. Ицковичем, представляется нам чересчур суровым. Хотя во многих случаях рассогласованные конструкции, восходящие к разговорной речи, выдают небрежность стиля, имеется немало и таких примеров, когда такие конструкции, особенно относящиеся к типу (25), выступают в стилистически бесспорных и даже художественных текстах. Ср., например, материал из [Санников 2008]: *Въехав в середину аула, Хаджи-Мурат поехал [X] не [δ₁] по улице, ведущей к площади, а [δ₂] повернул [Y] вправо, в узенький проулочек* (Л. Н. Толстой); *...проснувшись ночью, я почувствовал, что у меня зябнет [X] не [δ₁] одна стина, а [δ₂] весь я озяб [Y]* (И. А. Гончаров); *Жил [X] он не [δ₁] в ауле, а [δ₂] приходил [Y] из-под горы* (Л. Н. Толстой); *...по сторонам виднелись [X] то [δ₁] стога сена, то [δ₂] копейки льна, то [δ₃] светлело [Y] неубранное поле ржи* (Ю. Казаков); *У нас нет [X] ни [δ₁] машин, ни [δ₂] рабочего скота хорошего, ни [δ₃] управления настоящего, ни [δ₄] считать мы не умеем [Y]* (Л. Н. Толстой).

Таким образом, как бы ни решался вопрос о кодификации, подобные конструкции реально существуют, ими активно пользуются говорящие и пишущие, их оставляют в неприкосновенности редакторы. При этом они занимают в синтаксической системе языка весьма своеобразное положение. С одной стороны, в них наблюдается явное отклонение от стандартного синтаксиса, приводящее в ряде случаев к стилистическим неудачам. С другой стороны, это отклонение не настолько велико, чтобы вывести конструкции за рамки грамматической правильности. Молчаливое признание такой двойственности можно найти и в [Грамматика 1960], где примеры (25г, д) приводятся мелким шрифтом, но без сомнений в их приемлемости.

Двойственный, промежуточный характер рассогласованных конструкций интересен и сам по себе, но не в нем заключается их основная теоретическая ценность. Она определяется самой природой присутствующего в них синтаксического дефекта.

Перейдем теперь непосредственно к обсуждению синтаксической природы рассогласованных конструкций. Естественно исходить из предположения о том, что они возникают в результате некоторого возмущающего преобразования над структурой, в которой рассогласования нет. Важный вопрос состоит в том, что представляет собой структура, исходная для такого преобразования.

Мы видим два возможных ответа на этот вопрос, которые будут изложены в двух следующих разделах.

2.7.4.1. Смещение

Первый ответ на вопрос, поставленный выше, таков: исходной структурой для рассогласованных конструкций типа (24) и (25) служит структура (23). В этом случае соответствующее преобразование сдвигает первый компонент союзного соединения в ту или другую сторону относительно канонического положения при *X*. По существу, именно такой синтаксической трактовки рассогласованных конструкций придерживается В. А. Ицкович в цитированной работе.

Обратимся сначала к предложениям (24), в которых элемент δ_1 сдвинут относительно *X* влево. В результате такого сдвига он оказывается в позиции перед словом, которому слово *X* синтаксически подчинено — прямо или косвенно. Это позволяет предположить, что перед нами так называемая ситуация смещения, хорошо известная по другим примерам (см. [Падучева 1974]; [Богуславский А. 1978]; [Апресян 1980]; [Богуславский 1985]). Суть ее состоит в том, что некоторая лексическая единица *L*, которая «по смыслу» имеет основания быть синтаксически связанной с некоторым словом *W*, вместо этого оказывается связанной с другим словом — *G*. При этом во всех известных нам случаях слово *W* синтаксически подчиняется, быть может, не непосредственно, *G*. Например:

(26а) *Ключ лежал не [L] на [G] своем [W] месте* ('ключ лежал на не-своем месте').

(26б) *Он случайно [L] решал [G] ту [W] же задачу, что и вы* ('задача, которую он решал, случайно была той же, что и задача, которую решали вы') (пример из [Апресян 1980]).

(26в) *Если [L] бы с ним поговорить..., я уверен [G], что он резко изменился [W] бы* (М. Булгаков) ('я уверен, что если бы с ним поговорить, он бы резко изменился').

Итак, некоторые частицы, наречия, союзы при определенных условиях обладают способностью передвигаться вверх по синтаксической структуре, не вызывая (или почти не вызывая) при этом ощутимых семантических изменений. Это же явление в применении к первому компоненту союзного соединения можно видеть и в предложениях типа (24).

Необходимо отметить, что разные единицы допускают смещение в разной степени. Так, способность к смещению у отрицания довольно сильно ограничена. Нередко такое смещение либо вовсе невозможно, либо приводит к стилистической неудаче. Ср. для примера французское сочетание *ne pas... mais...*, в котором отрицательный элемент смещается с обязательностью (см. (27а)), в то время как в русском *не... а...* смещение вряд ли возможно (см. (27б)—(27в)):

(27а) *Le réalisme ne consiste pas à copier les apparences sensibles mais à prolonger l'acte créateur de l'homme* (R. Garaudy).

(27б) *Реализм состоит не в том, чтобы копировать образы, воспринимаемые чувствами, а в том, чтобы продлить творческий акт человека.*

(27в) ^{??}*Реализм не состоит в том, чтобы копировать образы..., а в том, чтобы продлить творческий акт человека.*

С другой стороны, союзные соединения с тематически соотнесенными членами смещают первый элемент с большой готовностью:

(28а) *Я прочитаю сначала текст, а потом комментарий.*

(28б) *Я сначала прочитаю текст, а потом комментарий.*

Другая, в известном смысле противоположная картина наблюдается в предложениях (25), в которых элемент δ_1 сдвинут относительно *X* вправо. Рассмотрим для определенности предложение (25а), но аналогичные рассуждения можно провести и для всех остальных предложений.

(25а) *Все это сотворено [X] не [δ_1] природой, а [δ_2] представляет собой [Y] позднее и преходящее создание человеческой воли* (Г. Гессе, в пер. Д. Каравкиной и Вс. Розанова).

Первая часть этого предложения предсказывает, что после союза *а* будет идти именная группа в творительном падеже (например, такая: *...не природой, а человеческой волей*). Однако на деле союз *а*

вводит не именную группу, а глагольную. Самым простым способом восстановить в (25а) согласование синтаксических функций без изменения лексического состава предложения было бы перемещение частицы *не* к глагольной словоформе:

(29) *Все это не сотворено природой, а представляет собой позднее и переходящее создание человеческой воли.*

Если считать, что предложение (25а) синтаксически производно от (29), то преобразование (29) ⇒ (25а), осуществляющее перенос частицы *не* от глагола к его дополнению, окажется новой разновидностью смещения: смещаемый элемент движется не вверх по синтаксической структуре, а вниз.

Представляется, однако, что такое описание, обладая достоинством симметричности относительно описания, предложенного для примеров группы (24) (тоже смещение, но в другую сторону), все же неадекватно отражает положение вещей.

В частности, это описание локализует специфику предложения (25а) в его первой части — именно там можно говорить о смещении. Между тем интуитивно более правдоподобно, что первая часть предложения не содержит никаких особенностей, в то время как во второй части действительно происходит нечто необычное.

О том, что в первой части нет смещения, свидетельствуют, например, неудачные попытки поставить первый компонент союзного соединения «на свое место», т. е. в такую позицию, в которой исчезает рассогласование синтаксических функций. Например:

(30а) *Молодой драматург А. Буравский написал пьесу «Говори...» не только по мотивам очерков «Районные будни», но и вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора, использовав его дневники и записные книжки («Досуг в Москве») ⇒ Молодой драматург А. Буравский не только написал пьесу «Говори...» по мотивам очерков «Районные будни», но и вплел в ее сюжетную ткань страницы биографии их автора...*

(30б) *В этой семантической концепции подобные лексические параметры отсутствуют не по недосмотру, а исключены вполне сознательно ⇒ ??...параметры не отсутствуют по недосмотру, а исключены вполне сознательно.*

(30в) *Я искренне удивляюсь той привередливости, тому фигурированию со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо пес их знает, чего им надо (М. Зощенко) ⇒ ?*

Как легко видеть, в первых двух примерах повышение синтаксической позиции первого компонента союзного соединения не приводит к более прозрачному построению и не облегчает «правильное восприятие высказывания», как это должно было бы произойти в соответствии с цитировавшейся точкой зрения В. А. Ицковича, а, наоборот, затрудняет его.

В последнем примере эта операция и вовсе невозможна. Дело в том, что сочетание **либо которые с жиру бесятся* неправильно синтаксически. В этой неправильности проявляется более общая закономерность, которая, насколько нам известно, раньше не была отмечена: в литературном языке относительные предложения, вводимые словом *который*, не могут связываться союзным соединением.

Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить грамматичное предложение с одноместным союзом (31а) и неграмматичные предложения с союзными соединениями (31б)—(31г).

(31а) *Это люди, которые уже бывали в Москве или которых мы знаем заочно.*

(31б) **Это люди, или которые бывали в Москве, или которых мы знаем заочно.*

(31в) **Это люди, и которые бывали в Москве, и которых мы знаем заочно.*

(31г) **Это люди, не только которые бывали в Москве, но и которых мы знаем заочно.*

Указанный запрет может ослабляться, если придаточное не начинается со слова *который*; ср., например, предложение (2) в начале раздела. Запрет, естественно, не распространяется на случаи, когда придаточные имеют местоименные корреляты в главном предложении — тогда союз соединяет не придаточные, а соответствующие элементы главного предложения:

(32) *Это или те люди, которые бывали в Москве, или те, которых мы знаем заочно.*

Запрет не действует также тогда, когда соединяемые придаточные подверглись сочинительному сокращению — тогда союз соединяет не придаточные, а соответствующие глагольные группы внутри придаточного:

(33а) *Это люди, которые или бывали в Москве, или знакомы нам заочно.*

(33б) *Это люди, которые не только бывали в Москве, но и знакомы с ее историей.*

Для того чтобы понять, что именно происходит в предложении (25а), мы его несколько преобразуем: заменим выражение *представляет собой создание чего-то* практически синонимичным выражением *сотворено чем-то*. (При таком преобразовании не находят себе места определения к существительному *создание* — *позднее и преходящее*. Мы их просто опустим.)

(34а) *Все это сотворено не природой, а сотворено человеческой волей.*

Предложение (34а) стилистически существенно хуже, с одной стороны, предложения (25а), а с другой стороны, предложения

(34б) *Все это сотворено не природой, а человеческой волей.*

В (34а) имеется ничем не оправданное повторение одного и того же слова — *сотворено* — в обеих частях предложения. Такие слова обычно подлежат «выносу за скобку», или, иначе, — сочинительному сокращению. Одна из особенностей сочинительного сокращения состоит в том, что оно стремится пройти в максимально полном объеме. Это значит, что должно быть «вынесено за скобку» максимальное число повторяющихся элементов (см. [Падучева 1974: 161, 181, 191]). Предложения, в которых эта тенденция не соблюдена, часто бывают стилистически дефектны. Ср. помимо пары (34а)—(34б) также пары:

(35а) *Увеличились поставки нефти в развивающиеся страны, и увеличились поставки газа в развивающиеся страны.*

(35б) *Увеличились поставки нефти и газа в развивающиеся страны.*

(36а) *Дай мне ручку или дай мне карандаш.*

(36б) *Дай мне ручку или карандаш.*

Впрочем, возможны ситуации, когда повтор в сочинительной конструкции, возникающий в результате недосокращения, оказывается приемлемым и даже желательным. С помощью повтора говорящий может решать определенные коммуникативные и стилистические задачи, такие, например, как подчеркивание коммуникативно важных значений, обеспечение смысловой и ритмической параллельности конструкции и тому подобное.

(37а) *Прошло полчаса, прошел час* (И. С. Тургенев).

(37б) *Я так был весел и горд весь этот день, я так живо сохранял на моем лице ощущение Зинаидиных поцелуев, я с таким содроганием восторга вспоминал каждое ее слово, я так лелеял свое неожиданное счастье, что мне становилось страшно* (И. С. Тургенев).

(37в) *Но если бы удалось укрепить эту основу, если бы удалось довести до конца осознание ее, если бы удалось столкнуться в ее формулировке, здание осталось бы на своем месте и потребовало бы, может быть, только частичного ремонта.*

Одним из важных стимулов для повтора является синтаксическая громоздкость предложения. Чем дальше друг от друга отстоят сочиненные члены, тем в большей степени говорящий вправе прибегнуть к повтору, как бы помогая слушающему не потерять нить синтаксической связности, например:

(38а) *Все это сотворено не природой, которая может не торопиться, создавая, ибо она творит веками и на тысячелетия, а сотворено человеческой волей, создающей хрупкое и преходящее.*

(38б) *Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибки, по старой или новой системе, классифицировали слова, а важно то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории, вдумывались в слова, в их смысл и связи* (Л. Щерба).

(38в) *Наташа настояла на том, чтобы... говорить не так, как говорили обыкновенно в доме Ростовых, то есть отслушать на дому три службы, а чтобы говорить так, как говорила Аграфена Ивановна, то есть всю неделю, не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени* (Л. Н. Толстой).

Заметим, что в усложненных конструкциях повтор возможен не только при сочинении, но и вообще всегда, когда синтаксически связанные элементы оказываются разведенными достаточно далеко друг от друга, например:

(39) *Он слышал их... и от своего домашнего учителя, старого Елизера — не следует путать его (как это порой случалось путать Иосифу и даже самому этому старику, к его удовольствию), не следует путать его с Елизером, старшим рабом урского странника...* (Т. Манн, в пер. С. Апта).

Сказанного, думается, достаточно, чтобы убедиться в принципиальном сходстве между предложениями типа (25а) и (38а). Существо явления, которое интересует нас в (25а), очевидным образом, не менялось при переходе (25а)—(34а)—(38а): предложение (25а) дало (34а) посредством квазисинонимической замены, а различие между (34а) и (38а) сводится к тому, что неполное сокращение сочинительной конструкции, стилистически неудачное в случае (34а), в (38а) оказывается оправданным — благодаря тому, что между сочиненными сочетаниями, имеющими тождественную синтаксическую функцию, располагается большое число других слов.

Между предложениями (25а) и (38а—в) имеется и различие. В предложениях (38а—в) сокращению помешала причина стилистического характера, причем этот запрет не слишком категоричен. Если сокращение все же провести дальше, предложение останется синтаксически правильным:

- (40) [= (38б)] *Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибки, по старой или новой системе, классифицировали слова, а то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории...*

Предложение (25а) несократимо по сугубо синтаксической причине: сокращение с необходимостью требует тождества лексического состава сокращаемых элементов.

Все эти рассуждения приводят нас к следующему выводу. Если для примеров группы (24) синтаксическое описание, предполагающее смещение первого компонента союзного соединения, представляется приемлемым, то для примеров группы (25) оно удовлетворительно в гораздо меньшей степени. По своей синтаксической природе они сближаются с предложениями, в которых не полностью прошло сочинительное сокращение. Именно на этом пути и следует искать структуру, исходную для рассогласованных конструкций обоих видов.

2.7.4.2. Асимметричное сокращение

Обратимся прежде всего к каноническому сочинительному сокращению, с тем чтобы на его фоне отчетливее представить рассогласованные конструкции.

Как известно, для того чтобы сочиненную конструкцию можно было сократить, должны выполняться, в частности, следующие условия (подробнее см. [Падучева 1974: 161—192]):

(а) сочиненные компоненты должны содержать лексически или референционно тождественные составляющие;

(б) эти составляющие должны быть синтаксически однотипны и грамматически тождественны (под грамматическим тождеством здесь понимается совпадение значений семантически наполненных грамматических категорий);

(в) сочиненные компоненты должны допускать членение на синтаксически однотипные компоненты, следующие в одинаковом порядке, то есть первая, вторая и т. д. составляющая первого сочиненного компонента должна быть однотипна соответственно первой, второй и т. д. составляющей второго компонента.

Всем этим условиям удовлетворяет, например, структура

- (41) [*Я испеку*] [*тирог*] или [*я испеку*] [*печенье*].

Здесь в сочиненных предложениях имеется лексически, синтаксически и грамматически тождественная составляющая [*я испеку*]. Оба предложения делятся на две составляющие (заключенные в скобки), причем как первые, так и вторые составляющие в этих предложениях однотипны.

При выполнении указанных условий одна из тождественных составляющих опускается. При этом опущении должно соблюдаться свойство сочинительной проективности. Оно состоит в том, что слово, связанное по смыслу с обоими сочиненными членами, находится либо слева, либо справа от сочиненной группы, но не внутри ее. Именно в силу этого условия неправильно предложение **Это омрачило мою жизнь и моей дочери*. В случае (41) опущение повторяющейся составляющей с сохранением сочинительной проективности дает

- (17а) *Я испеку тирог или печенье.*

В случае неодноместного союза сокращение происходит несколько иначе. Обратимся еще раз к предложению

- (18а) *Я испеку или тирог, или печенье.*

Если (17а) получено из (41), то (18а) естественно получать из

- (42) *Или [я испеку] [тирог], или [я испеку] [печенье].*

Как мы уже говорили, первый компонент союзного соединения является левой границей сочиненных элементов. Это значит, что левее этого компонента не может оказаться элементов, семантически связанных лишь с одним из сочиненных членов. Предложения, в ко-

торых это требование не выполнено, обычно отклоняются от нормы, например:

(43) ?*На метроном нужно не смотреть, а слушать* (М. Цветаева).

Сочетание *на метроном*, оказавшееся здесь левее сочиненных членов *смотреть* и *слушать*, необходимо воспринимается как относящееся к ним обоим, в то время как по своей форме оно может относиться лишь к первому из них. Это несоответствие между позицией управляемого сочетания и управляющей способностью глагола можно снять двумя способами — возвращением управляемого сочетания внутрь сочинительной цепочки (см. (44а)) или выравниванием управляющих свойств сочиненных глаголов (см. (44б)).

(44а) *Нужно не смотреть на метроном, а слушать (его)*.

(44б) *На метроном нужно не смотреть, а молиться*.

Из сказанного следует, что при преобразовании (42) \Rightarrow (18а) необходимо не только устранить второе вхождение повторяющейся составляющей *я испеку*, но одновременно и перенести первое вхождение этой составляющей левее первого *или*.

В схематическом виде этот процесс можно изобразить как переход от исходной структуры (45) к результирующей структуре (46):

(45) $\delta_1 [P][X] \delta_2 [P][Y]$.

(46) $[P] \delta_1 [X] \delta_2 [Y]$.

Этот переход складывается из двух преобразований:

А. Второе вхождение составляющей *P* опускается.

Б. Первое вхождение этой составляющей переносится влево и ставится перед δ_1 .

Другой вариант сокращения с сохранением сочинительной проективности возникает при исходной структуре вида

(47) $\delta_1 [X][P] \delta_2 [Y][P]$

и состоит лишь из одного преобразования — опущения первого вхождения составляющей *P*. В результате этого преобразования возникает структура

(48) $\delta_1 [X] \delta_2 [Y][P]$.

Вот пример такого преобразования:

(49) *Не только [Маша] [испечет пирог], но и [Даша] [испечет пирог] \Rightarrow Не только Маша, но и Даша испечет пирог.*

Причина того, что сокращение структуры (47) (в отличие от (45)) содержит лишь одно преобразование, совершенно ясна: правая граница сочиненных членов (в отличие от левой границы) ничем не маркируется, и поэтому нет необходимости синтаксически оформлять тот факт, что остающееся вхождение *P* относится уже не только к *Y*, но и к *X*. В дальнейшем нас будет интересовать лишь двухчастное преобразование (45) \Rightarrow (46).

Итак, каноническая сокращенная конструкция с неодноместным союзным соединением возникает из структуры, в которой он связывает целые пропозиции, в результате одновременного выполнения двух преобразований — А и Б, — затрагивающих обе соединяемые пропозиции.

Отдельно следует рассмотреть сокращение таких конструкций, в которых в качестве союзного соединения выступает союз *a* в сочетании с парой тематически соотнесенных членов типа *днем — ночью, дома — на работе* и т. п. (см. выше примеры (21)—(22)). Такие члены имеют двойственную природу, сказывающуюся и на характере сокращения.

С одной стороны, оба члена такой пары сохраняют значение (в определенной степени) синтаксические свойства, присущие им в тех предложениях, в которых они выступают не в паре, а порознь. Благодаря этому они имеют более свободное положение в предложении, чем неодноместные союзы. Например, обстоятельства места и времени типа *днем* (<ночью>), *дома* (<на работе>) обычно располагаются в начале и в конце предложения: *Днем* (<на работе>) *он спит*. *Он спит* *днем* (<на работе>). В соответствии с этим допустимы сочиненные предложения

(50а) *Днем он спит, а ночью работает*.

(50б) *Он спит днем, а работает ночью*.

(50в) *На работе он спит, а дома работает*.

(50г) *Он спит на работе, а работает дома*.

С другой стороны, вхождение в состав союзного соединения придает тематически соотнесенным членам ряд новых свойств, сближающих их с неодноместными союзами (см. выше примеры (22)). В частности, они приобретают способность находиться в позициях, исконно им не свойственных. Так, например, в предложении (51а) порядок слов явно не нейтральный и требует интонационной компенсации, в то время как предложение (51б) вполне стандартно.

(51а) ?*Он пьет дома кофе*.

(51б) *Он пьет дома кофе, а на работе чай*.

Соотношение предложений в этой паре осложняется следующим. Если во втором из сочиненных предложений не опущены повторяющиеся слова, то постановка слов типа *дома* (*на работе*) в то место, в котором они допустимы в (51б), окажется невозможной, несмотря на то, что тематически соотнесенные пары налицо:

(52) *Он пьет дома кофе, а он пьет на работе чай.

Как указывают Г. Е. Крейдлин и Е. В. Падучева [Крейдлин, Падучева 1974], чтобы сделать предложение (52) с неопущенным подлежащим правильными, необходимо изменить порядок слов:

(53) Дома он пьет кофе, а на работе он пьет чай.

Двойственный характер членов тематически соотнесенных пар приводит к тому, что при сокращении сочинительных конструкций возможны два пути, эксплуатирующие разные ипостаси этих членов.

Во-первых, можно проводить сочинительное сокращение так, как сокращаются предложения с одноместными союзами или бессоюзные, т. е. просто устраняя повторяющиеся составляющие. В этом процессе элементы тематически соотнесенных пар участвуют на правах соответствующих членов предложения (в наших примерах — обстоятельство). Такой путь приводит к предложениям типа (50).

Во-вторых, можно проводить сокращение по образцу предложений с союзными соединениями, т. е. по схеме (45) \Rightarrow (46). Тогда члены тематически соотнесенных пар будут играть роль компонентов союзного соединения. Пусть, например, исходная структура имеет вид

(54) Дома [δ_1] он пьет [P] кофе, а на работе [δ_2] он пьет [P] чай.

Обратим внимание на то, что в обоих простых предложениях слова *дома* и *на работе* занимают нормальную для подобных обстоятельств — начальную — позицию. В ходе применения к (54) преобразования (45) \Rightarrow (46) второе вхождение составляющей *он пьет* опускается, а первое переносится влево и ставится перед *дома*. Тем самым мы получили предложение (51б) и одновременно объяснили, каким образом слово *дома* оказалось в необычной для себя позиции. Теперь совершенно ясно и то, почему предложения (51а) и (52а) неправильны в отличие от (51б). Положение слова *дома* между *пьет* и *кофе* может возникнуть только в результате преобразования (45) \Rightarrow (46). Если этого преобразования не было, то такой порядок слов не получает оправдания.

Таким образом, объяснение необычной позиции тематически соотнесенных элементов автоматически вытекает из предложенного описания структуры предложений с союзными соединениями, что является серьезным дополнительным доводом в пользу этого описания.

Перейдем теперь к возможным неканоническим сокращениям конструкций с союзными соединениями.

Как мы помним, каноническое преобразование (45) \Rightarrow (46) складывается из двух элементов — опущения (А) и переноса (Б). Представим себе, что осуществляется лишь одна из этих процедур. Про полученную конструкцию будем говорить, что она сокращена асимметрично. Если проведено опущение и не проведен перенос (т. е. А без Б), структура примет вид

(55) $\delta_1 P X \delta_2 Y$.

Если же, наоборот, осуществлен перенос и не осуществлено опущение (т. е. Б без А), структура примет вид

(56) $P \delta_1 X \delta_2 P Y$.

В случае (42) результат этих двух видов асимметричного сокращения выглядит следующим образом:

(57а) ?? Или я испеку тирог, или печенье.

(57б) *Я испеку или тирог, или я испеку печенье.

Предложения (57а, б), очевидно, нельзя признать правильными, однако, как мы убедимся, имея более развернутую структуру, предложения аналогичного строения вполне могут оказаться приемлемыми.

Прежде чем переходить к рассмотрению таких предложений, необходимо провести важное различие между асимметричным и неполным сокращением. Асимметричное сокращение состоит в том, что вместо двух разных преобразований — опущения и переноса — проводится только одно. Отсюда ясно, что оно возможно только в предложениях с союзным соединением, так как при одиночном союзе или бессоюзии осуществляется только опущение. Неполное сокращение характеризуется тем, что некоторое преобразование (неважно, опущение или перенос) распространяется не на все те элементы предложения, к которым оно могло бы примениться, а лишь на некоторые из них, например:

(58) Ребенок все видит и все слышит.

Здесь в исходных сочиненных пропозициях — ‘ребенок все видит’ и ‘ребенок все слышит’ — есть два общих элемента (‘ребенок’ и ‘все’), но опущению подвергся только один из них.

Из сказанного следует, что свойства асимметричности и неполноты не зависят друг от друга и что, в частности, можно ожидать существования как полного, так и неполного асимметричного сокращения.

Рассмотрение асимметрично сокращенных предложений начнем с первого типа — «Опущение без переноса». По существу, структуру вида (55) имеют предложения (24), т. е. такие, которые выше описывались через смещение влево первого компонента союзного соединения. Отличие нашей новой трактовки от первоначальной состоит в следующем. В предложении (24а), например, раньше мы считали исходной структуру

- (59) ...заставляет признать либо гораздо большее число «дефектных» АЧ-парадигм, либо гораздо большую степень абстрактности...

и посредством переноса *либо* через *признать* получали из нее

- (24а) ...заставляет либо признать гораздо большее число «дефектных» АЧ-парадигм, либо гораздо большую степень абстрактности...

Теперь же мы считаем исходной структуру

- (60) ...заставляет либо признать гораздо большее число «дефектных» АЧ-парадигм, либо признать гораздо большую степень абстрактности...

и получаем из нее структуру (24а) посредством опущения второго вхождения слова *признать*, а также посредством непереноса первого вхождения *признать* налево через *либо*. Итак, вместо переноса *либо* через *признать* — отсутствие переноса *признать* через *либо*.

Каноническое (симметричное) сокращение в предложениях с союзными соединениями предполагает, что переносу через δ_1 подвергаются все повторяющиеся элементы. «Чистое» асимметричное сокращение требует, чтобы ни один из повторяющихся элементов не был перенесен через δ_1 . Между этими крайними ситуациями располагаются случаи неполного сокращения, когда одни повторяющиеся элементы перенесены, а другие нет. Чем более полно был осуществлен перенос, тем ближе предложение к каноническому образцу.

В предложении (24в), например, общим для обоих сочиненных членов является сочетание *последнее обстоятельство играет большую роль с точки зрения*, часть которого подверглась переносу. И только тот факт, что сочетание *с точки зрения* осталось правее *не только*, придает сокращению в этом предложении асимметричность и отделяет его от канонического. То же самое можно сказать и о других предложениях группы (24б)—(24ж).

Обратимся теперь ко второму типу асимметрично сокращенных конструкций. Они построены с помощью «Переноса без опущения», то есть имеют вид (56). Этот тип конструкций иллюстрируют предложения (38). Первые части этих конструкций содержат элементы (*сотворено, важно, чтобы говеть*), перенесенные через первый компонент союзного соединения. Тем самым они семантически распространяются и на ту часть предложения, которая следует за вторым компонентом. Между тем после него они повторяются еще раз.

2.7.5. Асимметричная конструкция типа «Перенос без опущения»

2.7.5.1. Разновидности этой конструкции

Повторим для удобства читателя некоторые из уже обсуждавшихся предложений и структур, на которые мы будем опираться ниже.

- (38а) *Все это сотворено не природой, которая может не торопиться, создавая, ибо она творит веками и на тысячелетия, а сотворено человеческой волей, создающей хрупкое и преходящее.*
- (25а) *Все это сотворено [X] не [δ_1] природой, а [δ_2] представляет собой [Y] позднее и преходящее создание человеческой воли (Г. Гессе, в пер. Д. Каравкиной и Вс. Розанова).*
- (34а) *Все это сотворено не природой, а сотворено человеческой волей.*
- (45) $\delta_1 [P][X] \delta_2 [P][Y]$.
- (46) $[P] \delta_1 [X] \delta_2 [Y]$.

От предложений типа (38) можно сделать следующий шаг в сторону удаления от канонической конструкции. Как отмечалось в разделе 2.7.4.1, они находятся в ближайшем родстве с предложениями группы (25). Напомним, что предложение (34а), имеющее точно та-

кое же строение, что и (38а), отличается от (25а) простой квазисинонимической заменой. Это отличие сказывается в том, что опущение во второй части конструкции, превращающее ее в каноническую, в (34а) возможно и даже желательно, а в (25а) невозможно — просто в силу того, что для опущения необходимо наличие лексически и синтаксически тождественных элементов.

Таким образом, предложения типа (38) и типа (25) объединяет следующее свойство. Первая часть этих предложений построена так, как бывают построены конструкции с каноническим сокращением, описываемым преобразованием (45) \Rightarrow (46). Это порождает определенные синтаксические ожидания во второй части предложения. Они обусловлены тем, что элемент P , находящийся перед первым компонентом союзного соединения, должен синтаксически одинаково соотноситься с элементами X и Y . Поэтому, например, начало предложения (25а) предсказывает, что после союза a должно следовать имя в творительном падеже. Вторая часть этих предложений не оправдывает ожиданий, заложенных в первой. Элемент P , стоящий перед первым компонентом союзного соединения, не может одинаково относиться к тем элементам, которые следуют за первым и вторым компонентами.

Выше было предложено считать, что предложения (38) построены с помощью асимметричного сокращения: в них осуществлен перенос первого из повторяющихся элементов, но не опущен второй. Строго говоря, мы не вправе автоматически переносить это описание на предложения типа (25), поскольку в них нет повторяющихся элементов, а значит и нет формальных оснований для сокращения, пусть даже асимметричного. Тем не менее, несмотря на эти различия, в основе предложений обоих типов можно видеть общий механизм. Первая часть предложения строится «по сценарию» сочинительного сокращения: некоторый элемент переносится налево от первого компонента союзного соединения в предположении, что он окажется общим для обеих частей предложения. Между тем во второй части этот сценарий наталкивается на те или иные препятствия (на которых мы остановимся ниже). В силу этого он не доводится (как в (38)) или даже не может быть доведен (как в (25)) до конца.

Очевидно, что такой механизм возможен лишь тогда, когда первая и вторая части предложения содержат тождественные или очень близкие смысловые компоненты. Именно это дает основания «запланировать» сочинительное сокращение. Величина этого семантического сходства в значительной степени определяет приемлемость

всей конструкции. Чем ближе по смыслу соответствующие элементы, тем конструкция более допустима. Чем они дальше, тем труднее слушающему, по выражению А. М. Пешковского, «подвести их под общую рубрику», тем более рискованным и авторским становится все построение. Отсюда — возможные различия в оценке приемлемости тех или иных предложений разными носителями языка.

Рассмотрим подробнее, какие типы предложений здесь возможны. При этом, естественно, наибольший интерес представляют предложения, в которых сокращение не только не доведено, но и не может быть доведено до конца. Это бывает лишь тогда, когда требования (а)—(в) (см. разд. 2.7.4.2), нормально предъявляемые к структуре, подвергающейся сокращению, в данном предложении выполнены не полностью.

Ослабление этих требований может касаться двух аспектов — семантического и синтаксического.

Расшатывание структуры (45) в семантическом аспекте состоит в том, что опускаемый элемент P в составе второй части конструкции перестает быть лексически тождественным переносимому влево элементу P в первой части (ср. требование (а)). Синтаксический аспект расшатывания заключается в нарушении синтаксического параллелизма между первой и второй частями сокращаемой конструкции, в частности, в несовпадении синтаксической функции двух вхождений P (ср. требования (б) и (в)).

Предложения, в которых представлено лишь семантическое расшатывание структуры (45), имеют вид

$$(61) P \delta_1 X \delta_2 P' Y,$$

где P и P' — лексически не совпадающие, но сходные по смыслу и синтаксической функции составляющие, а X и Y — элементы, выполняющие относительно P и P' одинаковые или близкие синтаксические функции.

(62а) *Не только [δ_1] административные реформы [X] первого консула всегда приводили [P] (и продолжают приводить) в восторг буржуазных идеологов во Франции и вне Франции, но [δ_2] их восхищает [P'] также и создание [Y] условий, обеспечивающих спокойное наживание денег в торговле, в промышленности... (Е. Тарле).*

(62б) *Не [δ_1] новое [X] хочу я им сказать [P], а [δ_2] повторить [P'] известные всем вам мысли [Y] о том, что такое книга (А. И. Герцен).*

(62в) Известно, что функциональный анализ предложения направлен [P] не только [δ_1] на [X] поиски членов предложения, но [δ_2] представляет собой [P'] процедуру приписывания [Y] предложению его синтаксической структуры.

(62г) Эти речи воспламенили [P] не только [δ_1] Пирра [X], но и [δ_2] эпиrotам [Y] внушили [P'] нетерпеливое желание выступить в поход (Плутарх, в пер. С. Ошерова).

В этих примерах семантически близки глагольные выражения *P* и *P'*: *приводить в восторг* — *восхищать*, *сказать* — *повторить*, *быть направленным (на что-то)* — *представлять собой процедуру (чего-то)*, *воспламенить* — *внушить нетерпеливое желание*. Слова и сочетания, помеченные символами *X* и *Y*, выполняют относительно этих выражений одинаковые или близкие синтаксические функции: функцию подлежащего в (62а) и функции дополнения того или иного типа в (62б)—(62г).

Несмотря на то что выражения *P* и *P'* не тождественны, можно утверждать, что выражение *P'* почти опустимо в следующем смысле: если его опустить, то в силу своей синтаксической однотипности элементы *X* и *Y* вступят в сочинительную связь, синтаксическая правильность предложения только возрастет (так как сочинительная конструкция станет канонической), а его значение изменится лишь в той мере, в какой *P* и *P'* различаются по смыслу. Ср., например, (52а) и

(63) Не только [δ_1] административные реформы [X] первого консула всегда приводили [P] в восторг буржуазных идеологов, но [δ_2] также и создание [Y] условий...

При таком преобразовании, естественно, может потребоваться изменение предложно-падежной формы элемента *Y*; ср. (62г), где *Y* выполняет функцию косвенного дополнения и стоит в дательном падеже, и

(64) Эти речи воспламенили [P] не только [δ_1] Пирра [X], но и [δ_1] эпиrotов [Y],

где *Y* превратился в прямое дополнение и получил форму винительного падежа.

Имеются, однако, и такие предложения — и здесь мы переходим к синтаксическому аспекту расшатывания структуры (45), — в которых нельзя выделить пары *P—P'* и *X—Y*, обеспечивающие допустимость подобного преобразования. Иначе говоря, в этих предложени-

ях первая и вторая части конструкции синтаксически не параллельны. Такие предложения имеют вид

(65) *P* δ_1 *X* δ_2 *Q*,

где семантическая близость характеризует сочетания *P + X* и *Q* в целом. Приведем несколько примеров.

(66а) Слова в языке живут [P] не [δ_1] изолированно [X], а [δ_2] вступают [Q] в определенные отношения между собой, уточняющие их функции и значение.

(66б) Хлопья снега становились мельче, суше и падали [P] на землю не [δ_1] прямо [X] и медленно, а [δ_2] стали [Q] кружиться в воздухе тревожно, суетливо и еще более густо (М. Горький).

(66в) Ниже мы рассмотрим [P] понятие семантических валентностей слова сначала [δ_1] безотносительно [X] к форме их описания в виде моделей управления, а затем [δ_2] займемся [Q] самой этой формой.

(66г) Большинство сочинений Агриппы Неттесгеймского представляет собой [P] либо [δ_1] блестяще развитые парадоксы [X], либо [δ_2] обильно ими пронизано [Q].

В этих примерах, так же как и в примерах (62), легко обнаружить «общую рубрику», под которую подводится содержание первой и второй части конструкции. Как мы уже говорили, чем труднее установить такую общность, тем дальше предложение отклоняется от нормы. Таковы, например, строки

(67) Что поле во ржи и пшенице / Не только зовет к молотбе, /
Но некогда эту страницу / Твой предок вписал о тебе
(Б. Пастернак).

В примерах, приводимых до сих пор, в качестве вынесенного влево элемента *P* выступало какое-нибудь предикатное слово. Это не обязательно. В этой роли могут выступать и актанты. В этом случае также возможны конструкции, в которых нет формальных препятствий для симметричного сокращения. Например, в предложении

(68) Иван не только знает наизусть все стихи своей любимой поэтессы, но он еще и превосходно читает их вслух

можно сократить слово *он* во второй части конструкции, корреферентное со словом *Иван* из первой части.

Наряду с конструкциями типа (68) существуют и такие, в которых симметричное сокращение невозможно. При этом может сохраняться лексическое тождество вынесенного элемента *P* с некоторым элементом из второй части конструкции. Исчезает лишь тождество их синтаксических функций. Ср. элементы *он* — *его* в (69):

(69) *Он не только утратит свое искусство, свой талант и не создаст ничего жизнеспособного, но даже его прежние произведения, созданные еще не под знаком этой вины и некогда добротные, перестанут быть добротными и превратятся в прах в глазах человечества* (Т. Манн, в пер. С. Апта).

В следующих примерах отсутствует и лексическое тождество:

(70а) *Произошла интерференция соединяющих морфов, они не соприкоснулись, а один «наехал» на другой* (ср. каноническую конструкцию: *не соприкоснулись, а «наехали» один на другой*).

(70б) [*А в иных домиках с закрытыми наглухо ставнями стояла такая тишина, что еще страшнее материнского плача,*] — *дом или вовсе опустел, или, может быть, одна старуха мать, проводив всю семью, опустив черные руки, неподвижно сидела в горнице, не в силах уже и плакать, с железною мукою в сердце* (А. Фадеев).

При переносе актанта в асимметричных конструкциях скорее всего существенна его синтаксическая роль. Подлежащие, по-видимому, допускают перенос с большей легкостью, чем дополнения. В этом легко убедиться, сравнив предложения (68)—(70) с (43) и

(71) [*Советский Союз внес весомые предложения.*] ^{??} *От них не удастся ни отмахнуться, ни затуманить их смысл путем поспешных полемических высказываний* («Правда», 27.12.82).

2.7.5.2. Конструкция «Перенос без опущения» как способ разрешения синтаксического конфликта

Формально говоря, синтаксическое описание асимметричных конструкций можно было бы ограничить теми сведениями, которые были сообщены выше. Мы охарактеризовали класс союзных средств, формирующих данные конструкции, указали вид исходной

структуры, лежащей в их основе, и то асимметричное преобразование, которое строит из нее эти конструкции. Было отмечено, в частности, и семантическое условие, необходимое для того, чтобы это преобразование могло быть применено, — подводимость содержания первой и второй части исходной структуры под единую рубрику. Тем самым сочинительные конструкции с союзными соединениями укладываются в следующую картину.

Имеется основная, каноническая, продуктивная модель, построенная с помощью симметричного сокращения и сохраняющая свойство синтаксической однофункциональности сочиненных членов. Наряду с ней имеются и другие, неканонические, периферийные, непродуктивные модели, образующиеся с помощью двух типов асимметричного сокращения. Эти асимметричные типы характеризуются тем, что в них применяется лишь одно из двух преобразований, составляющих в совокупности симметричное сокращение, — перенос влево или опущение. Такое сокращение, естественно, приводит к рассогласованию синтаксических функций элементов, вводимых союзным соединением.

Это описание, формально вполне правомерное и достаточное, представляется все же искажающим действительное соотношение симметричных и асимметричных конструкций. Во всяком случае это можно утверждать про асимметричные конструкции типа «Перенос без опущения», на которых мы в дальнейшем и сосредоточимся. Возможно, что сказанное (с соответствующими изменениями) будет справедливо и для конструкций типа «Опущение без переноса».

В самом деле, это описание по существу означает, что мы постулируем разные самостоятельные модели построения сочинительных конструкций. Между тем кажется более адекватным не считать модель «Перенос без опущения» синтаксически самостоятельной (хоть и непродуктивной) моделью. Скорее, она представляет собой не дошедшую до конца попытку реализации основной, симметричной модели.

Для обоснования этого утверждения следует обратиться к более общей перспективе синтаксического описания. Если оставить в стороне черты, различающие существующие синтаксические модели, то можно утверждать, что во всех них синтаксическая структура предложения предстает как результат последовательного применения к некоторой исходной структуре ряда преобразований, ответственных за появление конкретных синтаксических конструкций данного языка. С каждым преобразованием связаны определенные условия, без выполнения которых оно не может применяться. Приведем один

простой пример — обычную определительную конструкцию, образованную существительным и определяющим его причастием.

Исходной для этой конструкции является структура, в которой определением к существительному служит предикация, формируемая личным глаголом.

(72а) 'мальчик, (такой, что) этот мальчик подарил певиче лилию'
⇒ *мальчик, подаривший певиче лилию.*

(72б) 'лилия, (такая, что) мальчик подарил певиче эту лилию' ⇒
лилия, подаренная певиче мальчиком.

Как известно, для того чтобы глагол мог принять форму причастия, необходимо, в частности, чтобы определяемое существительное заполняло у него валентность субъекта (в случае причастия действительного залога, как в (72а)) или прямого объекта (в случае причастия страдательного залога, как в (72б)), а сам он стоял в изъяснительном наклонении. Если это условие в исходной предикации выполнено, то она может подвергнуться преобразованию, превращающему ее в причастный оборот. Если же указанное условие не выполняется или (что то же самое) выполняется не в полном объеме, то преобразование с самого начала блокируется. В этом случае структура должна реализоваться каким-то другим способом, например с помощью относительного придаточного:

(72в) 'певича, (такая, что) мальчик подарил этой певиче лилию'
⇒ *певича, которой мальчик подарил лилию.*

Таков обычный механизм осуществления всех синтаксических, да и не только синтаксических, преобразований: невыполнение хотя бы одного из требований, накладываемых на преобразование, делает это преобразование безусловно неприменимым.

Вернемся к асимметричным сочинительным конструкциям типа (25), иллюстрирующим «Перенос без опущения». Представляется, что здесь картина принципиально другая. Условия, необходимые для сочинительного сокращения, явно не выполнены: сочиненные члены не содержат тождественных составляющих. А тем не менее часть работы по сокращению — перенос влево через первый компонент союзного соединения — была осуществлена. Правдоподобным выглядит предположение о том, что преобразование начало проводиться в жизнь ДО ТОГО, КАК БЫЛИ ПРОВЕРЕНЫ ВСЕ НАКЛАДЫВАЕМЫЕ НА НЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ. Проследим этот процесс на одном наглядном примере.

(73) [*Овальный пруд обступили кольцом старые ветлы, такие густые и поникшие, что сквозь их зелень не мог пробиться лунный свет, — он играл далеко на середине пруда,*] где в скользящей стеклянной зыби плавала не то утка, не то грачонок еле держался на распластанных крыльях — *нахлебался воды* (А. Н. Толстой).

Очевидно, что первая часть конструкции (*плавала не то утка*) построена в предположении о том, что после второго компонента союза будет указан объект, в некотором отношении равноправный с уткой. А именно про него также можно было бы сказать, что он плавает по воде (например, *не то утка, не то чайка*). Это было бы построение в соответствии с основной, симметричной моделью. Однако дойдя до второго *не то*, говорящий как бы спохватывается: он обнаруживает, что утверждать про грачонок, что он плавает, как это вытекает из постановки глагола *плавала* левее первого *не то*, было бы неправильно. О нем нужно сказать иначе, чем об утке. Возникает конфликт между уже выбранной синтаксической конструкцией и смыслом, подлежащим выражению, конфликт, который в данном случае разрешается за счет искажения наполовину готовой конструкции.

Нормальное продолжение начатой конструкции требует опущения глагольной группы при слове *грачонок*, поскольку на грачонок уже распространяется действие глагола *плавать*. Однако это противоречит намерению говорящего сказать про грачонок нечто иное — то, чего он не учитывал в тот момент, когда строил первую часть конструкции. Это намерение оказалось для говорящего важнее, чем требования синтаксической нормы, и он отказался от симметричного построения. Таким образом, на синтаксическом строении предложения непосредственно сказалось то обстоятельство, что, принимая решение о выборе данной конструкции, говорящий имел лишь общее, довольно приблизительное представление о том, что он собирается сказать. Это представление конкретизируется по ходу продвижения от начала предложения к его концу, и говорящий все время должен считаться с тем, что часть предложения уже произнесена.

Подчеркнем, что предложенная интерпретация не претендует на отражение реального процесса порождения предложения (73). Утверждается лишь, что это предложение построено (возможно, намеренно) так, как если бы говорящий действительно додумывал предложение на наших глазах.

Хорошо известно: в реальной речевой практике человек часто начинает говорить, не зная еще точно, во всех деталях, что именно он собирается сказать. Пока он произносит начало предложения, он одновременно додумывает то, что должно быть сказано дальше. Имеется даже целый комплекс языковых средств, — вспомним хотя бы ситуацию экзамена, — которые помогают говорящему «потянуть» время, необходимое для поиска даже не формы выражения, а самого содержания.

Признавая в теории существование этого и подобных явлений, на практике синтаксисты от них отвлекаются. Современная синтаксическая наука, за редкими исключениями, по существу продолжает разделять тезис Хомского об относительной автономности языковой компетенции (competence) и процесса использования языка (performance), выдвинутый им в [Chomsky 1965]. Позднее обнаружилось, что эта автономность, если и существует, то в гораздо более слабой степени, чем это предполагал Хомский. Было осознано, что язык насквозь пронизан прагматикой. Однако при очень существенных успехах, которые были достигнуты прагматикой во многих областях, приходится констатировать, что собственно синтаксической проблематики прагматизация лингвистики коснулась относительно слабо.

Анализируя синтаксическую структуру предложения, исследователи почти полностью абстрагируются от реальной ситуации общения, в которой эта структура строится говорящим. Сейчас нас интересует в первую очередь тот аспект ситуации общения, который связан с разворачиванием речи во времени. Принято исходить из того, что этот аспект не оказывает влияния на синтаксическое строение предложения. И это в очень значительной степени справедливо.

Действительно, если мы изучаем уже готовое правильное предложение с точки зрения того, что оно значит и как оно синтаксически построено, мы вправе абстрагироваться от того факта, что произнесение предложения говорящим занимает некоторое время, которое он может использовать для формирования и уточнения своего замысла. Это позволяет нам иметь дело с уже полностью готовым смысловым заданием и ориентировать весь процесс построения синтаксической структуры лишь в одном направлении — «снизу вверх» («от глубины к поверхности»), отвлекаясь от разворачивания речи во времени. Такая абстракция оправдана в той мере, в какой указанное обстоятельство не накладывает отпечатка на готовый результат. В большинстве случаев это, действительно, так.

Однако, как и все лингвистические дихотомии, противопоставление языковой компетенции и употребления языка не следует абсолютизировать. Имеются области, и асимметричные конструкции составляют одну из них, когда описание синтаксического строения предложения — классическая задача языковой компетенции — предполагает обращение к процессу реального производства текста говорящим, а именно — к фактору линейного развертывания предложения. Другой фрагмент синтаксиса, для описания которого также целесообразно обратиться к процессу линейного разворачивания предложения, обсуждается в разделе 2.2 настоящей работы.

Синтаксическая структура предложения создается не только в ходе движения «снизу вверх», но и в ходе движения «слева направо» (от начала предложения к его концу).

Говоря о конкретизации первоначального замысла в процессе построения предложения с сочинением, не следует думать, что она затрагивает только вторую часть конструкции. Рассмотрим пример (74), в котором речь идет об общении человека и машины.

(74) *Не человек должен выучить машинные языки, а машина должна овладеть хотя бы основами такого универсального средства общения, каким является естественный язык.*

Представляется, что это предложение замыслено как содержащее сочиненную группу *не человек, а машина*. В первоначальном смысловом задании, послужившем основанием для этой сочиненной группы, с человеком и машиной связывается одно и то же свойство. Если бы это задание осталось неизменным, то получилось бы что-то вроде (75):

(75) *Не человек должен выучить язык партнера по общению, а машина.*

Между тем при реализации этого задания уже в первом сочиненном члене происходит естественная конкретизация: для человека язык партнера по общению — это в данном случае машинный язык. Конфликт возникает при переходе ко второму сочиненному члену, когда выясняется, что свойство ‘должен выучить машинные языки’, появившееся в результате конкретизации свойства ‘должен выучить язык партнера по общению’, не распространяется на машину. Другими словами, сохранить симметрично сокращенную конструкцию после конкретизации, прошедшей в ее первой части, невозможно, поскольку при этом сильно исказилось бы значение:

(76) *Не человек должен выучить машинные языки, а машина.*

Итак, двигаясь от начала предложения к его концу и одновременно конкретизируя его содержание, говорящий может сталкиваться с затруднениями: то, что уже произнесено, иногда оказывается в том или ином конфликте с тем, что он планирует сказать. Эти затруднения могут иметь три исхода.

Первый из них состоит в том, что говорящий находит такое продолжение начатого предложения, которое полностью согласуется со всеми языковыми нормами. Широкие возможности для этого предоставляет перифрастическая система языка. Одну из таких возможностей — трансляцию, т. е. перевод слова из одной категории в другую — обнаружил и подробно исследовал еще Л. Теньер в своих «Элементах структурного синтаксиса»: «Человек, хорошо владеющий каким-либо языком, всегда сумеет завершить начатое им предложение и никогда не окажется в тупике только из-за того, что нужное ему слово относится к такой категории, синтаксические возможности которой не согласуются с возможностями уже произнесенных слов. Дело здесь в том, что как бы ни начал говорящий свое предложение, он всегда найдет способ его завершить, прибегнув в нужный момент к трансляции. Если слово, которое просится ему на язык, синтаксически не соединимо с тем, что уже было сказано, с помощью трансляции всегда можно так изменить его категорию, чтобы это несоответствие исчезло» [Tesprière 1976: ch. 153, 3—4].

Для слушающего такие предложения могут быть неотличимы от тех, которые построены по заранее готовому плану. При изучении таких предложений мы имеем полное право абстрагироваться от этого аспекта их происхождения, поскольку он никак не отразился на их строении. Именно на основе таких предложений и составляется обычно синтаксическое описание.

При втором исходе говорящий не находит способа снять возникший конфликт, оставаясь в рамках нормальных синтаксических средств. Тогда он либо бросает неполучившееся предложение и начинает новое (это характерно преимущественно для письменного языка, где можно что-то зачеркнуть), либо завершает его как полужитие, жертвуя языковыми нормами. Последний случай в изобилии встречается в разговорной речи с ее спонтанным и одновременно окончательным характером. Такие построения известны под названием «хезитация-самоперебив» [PPP 1983: 67]:

(77а) *Одно стихотворение я им на... посвятила.*

(77б) *И там была такая солистка / причем... две солистки у них (примеры из [PPP 1983]).*

(77в) *А у него не было никакого отношения к лингвистике он не имел (пример из [Левин 1976: 154]).*

В этих примерах намерения говорящего изменились в процессе самого говорения — тогда, когда часть высказывания уже произнесена и не может быть взята обратно. В результате этого самоперебива структура деформируется таким образом, что становится абсолютно несовместимой с синтаксической нормой. Такие структуры не могут и не должны систематически каталогизироваться в синтаксическом описании.

Третий исход, иллюстрируемый асимметричными сочинительными конструкциями, компромиссен и совмещает в себе предыдущие два.

С одной стороны, предложение завершается благополучно. Оно не выходит за рамки языковой системы.

С другой стороны, структура подверглась деформации, которая оставила на ней шов. Явственно ощущается отклонение от стандартных синтаксических моделей, некий синтаксический пируэт. Эта двойственная природа ставит асимметричные конструкции в совершенно особое положение.

Отклонение от стандартной структуры, наблюдаемое в асимметричной конструкции, не произвольно — в том смысле, в котором произвольны синтаксические разрывы в примерах (77). Предложения с асимметричной конструкцией образуют достаточно компактную и однородную группу, чтобы можно было утверждать, что в них применен один и тот же прием, который тем самым является достоянием всех говорящих на русском языке. По-видимому, каждому языку свойственна определенная совокупность способов оперативного выхода из синтаксически трудных ситуаций. Асимметричная конструкция представляет собой грамматикализованный, узаконенный системой языка путь разрешения некоторых конфликтов, возникающих при сочинении.

Грамматикализация приводит к тому, что асимметричная конструкция появляется не только тогда, когда конфликт возник неожиданно для говорящего и он реально менял свои намерения по ходу произнесения предложения. Такие ситуации, по нашему мнению, действительно лежат в основе конструкции, мотивируют ее возникновение в языке, но никоим образом не исчерпывают всех случаев ее употребления. Получив права гражданства в качестве аварийного приема, конструкция расширяет сферу своей применимости.

Первое направление экспансии асимметричной конструкции связано с тем, что она позволяет говорящему, не строя симметрично сокращенной конструкции, частично воспользоваться ее плодами. А именно: асимметричная конструкция дает возможность в какой-то степени сохранить семантическую связь между элементом, вынесенным за пределы сферы действия союзного соединения, и вторым сочиненным членом. Например, в предложении (73), с одной стороны, грачонок непосредственно характеризуется сочетанием *еле держался на распластанных крыльях*. С другой стороны, наличие глагола *плавать* слева от первого *не то* заставляет нас видеть где-то на заднем плане сообщения значение 'грачонок плавает'.

Второе направление обусловлено тем, что в силу своей нестандартности конструкция приобретает некоторую экспрессивность и придает речи эффект спонтанности и разворачивания на наших глазах. Примеры использования конструкции в художественных текстах мы уже приводили — см. иллюстрации в разд. 2.7.4, а также (66в), (70б) и (73).

Как стилистический прием, имитирующий передумывание на ходу, анаколуф, т. е. искажение синтаксической конструкции, известен очень давно. Вот что пишет С. И. Соболевский об анаколуфах у латинских авторов: «По большей части это бывает тогда, когда предложение прерывается вводными или придаточными предложениями, так что автор в конце фразы **как бы забывает** (выделено мной. — И. Б.), какую конструкцию он избрал в начале ее... *Homines maritimi Syracusis quum ejus cruciatu atque supplicio pascere oculos animumque vellent, potestas aspiciendi nemini facta est* (Cicero) 'Приморские жители в Сиракузах, хотя желали насытить зрение и душу мучительной казнью его (атамана разбойников), никому не дана была возможность взглянуть на него'. — Здесь именительный падеж *homines maritimi* не имеет в продолжении фразы сказуемого. Автор имел в виду сказать: *homines maritimi aspiciere non potuerunt*, но потом изменил начатую конструкцию» [Соболевский 1938: 394].

Следующая ступень грамматикализации конструкции проявляется в том, что возникают и относительно стертые, стилистически нейтральные употребления; ср. например, (25б), (25в), (62в), (66а), (66в), (70а).

И все же, это следует подчеркнуть, грамматикализация не дошла до конца. Конструкция не стала полностью автоматической. Пользоваться ею надо умеючи. Отсюда — определенная поляризация предложений с асимметричной конструкцией и их стилистическая дифференциация.

На одном полюсе разговорная речь — естественный источник асимметричных построений. Предложения, сохраняющие живую связь с разговорной речью, в письменном языке нередко производят впечатление небрежности стиля и нуждаются в редакторской правке. Такие примеры обсуждаются в уже упоминавшейся работе В. А. Ицковича:

(78а) *Метод позволяет не только увеличить урожай грибов, но и значительно облегчает их сбор.*

(78б) *Космические лучи несут информацию не только об источниках, которые их излучают, но и могут рассказать о том, что встретилось им в пути.*

(78в) *Методы освоения должны быть не столько новыми, сколько учитывать и народный опыт, и исторически сложившиеся взаимосвязи.*

На другом полюсе — художественный текст, в котором стилистически сомнительное построение превращается в изысканный анаколуф. В промежуточной между этими полюсами области располагаются предложения нейтрального стиля.

Эффект доводки предложения на ходу, иногда присутствующий в предложениях с асимметричным сокращением, интересным образом связан с основным семантическим свойством таких предложений — близостью значения вынесенного элемента со значением второго сочиненного члена. При всем различии этих свойств они, по видимому, не являются независимыми. Можно думать, что они находятся в динамическом равновесии: ослабление одного компенсируется усилением другого. Чем ближе значения, тем меньше ощущается эффект додумывания на ходу. В предельном случае, когда налицо полное совпадение значений, особенно если оно поддерживается лексическим тождеством (см., например, (38)), этого эффекта нет вовсе.

С другой стороны, если соответствующие значения достаточно далеки друг от друга (что, как мы знаем, обычно приводит к аномальности предложения, ср. (67)), то естественное и отчетливо выраженное изменение первоначального проекта предложения может его спасти. Например, такое начало предложения *Вам следует либо обратиться к врачу, либо...* заставляет ожидать в качестве продолжения, скорее всего, инфинитив (*.. либо лечиться самостоятельно*), или, во всяком случае, выражение, в другой форме сообщающее, что следует делать слушающему (*...либо, может быть, стоит поехать*

отдохнуть). Возможно, однако, и такое продолжение, в котором об этом речь не идет:

(79) *Вам следует либо обратиться к врачу, либо я даже не знаю, что вам посоветовать.*

Здесь намерения говорящего резко изменились. Он не дает еще одной рекомендации слушающему, как собирался, а сообщает о своем внутреннем состоянии. Тем не менее предложение допустимо, так как такая смена мотивирована: начиная предложение, говорящий считал, что может дать несколько рекомендаций, а затем понял, что только одну. Поэтому предложение (79) лучше, чем, например, (67), где такой мотивации нет. Ср. также пример (30в), аналогичный (79).

2.7.6. Источники конфликта

Итак, выше был предложен следующий взгляд на природу асимметричных конструкций типа «Перенос без опущения». Ядро этого класса конструкций составляют конструкции с ярким прагматическим компонентом. В них отпечатался процесс конкретизации и модификации смыслового задания по мере продвижения от начала предложения к концу. Имея первоначально лишь приблизительный проект того, что будет сказано в данном предложении, говорящий начал строить сокращенную сочинительную конструкцию. Он поместил некоторый элемент предложения вне сферы действия союзного соединения (чаще всего это соответствует позиции слева от первого компонента союзного соединения, но это не обязательно, ср. (62а, б), (74) выше) в предположении, что этот элемент относится к обоим сочиненным членам. Однако в дальнейшем по мере конкретизации своего замысла говорящий обнаружил, что это предположение вступает в тот или иной конфликт с тем, что он собирается сказать дальше, и поэтому требует пересмотра. Легализованный русским языком способ такого пересмотра состоит в том, что при втором сочиненном члене можно еще раз выразить с необходимыми уточнениями то же значение, что и значение, уже относящееся к обоим сочиненным членам (или значение, близкое к нему).

Какого рода конфликты могут здесь возникать? Мы выделим — с некоторой долей условности — несколько источников конфликта. Следует иметь в виду, что в реальных примерах часто можно усмотреть одновременное проявление нескольких источников.

2.7.6.1. Семантический источник конфликта

Сюда относятся ситуации, когда сохранение симметрично сокращенной конструкции не позволяет выразить тот смысл, который возник в ходе конкретизации смыслового задания.

Этот новый смысл может в разной степени не укладываться в симметричную конструкцию. Выше, в разд. 2.7.4.2, мы говорили о том, как в асимметричной конструкции могут нарушаться требования, предъявляемые к структуре, подвергаемой симметричному сокращению. В частности, были выделены два типа предложений: предложения структуры (61), в которых симметричное сокращение «почти возможно», и предложения структуры (65), в которых оно немислимо. Это различие определяется тем, в какую синтаксическую форму отливается новый смысл, а это, в свою очередь, связано с тем, насколько круто повернулась мысль автора. Так, в примерах (62) говорящий скорее варьирует одну и ту же мысль, лишь слегка ее модифицируя. В примерах (66) изменение смысла носит более кардинальный характер, в результате чего синтаксическое строение второй части конструкции оказывается непараллельным строению первой. Чем больше приращение смысла, тем легче конструкция выходит за пределы правильности. Поэтому чаще всего предложения с большим смысловым приращением можно встретить в художественных текстах. Из уже приводившихся примеров можно отметить предложения (25г), (25д), (67), (70б).

2.7.6.2. Синтаксический источник конфликта

Отметим два типа предложений с конфликтом такого рода. Первый тип образуют предложения, в которых симметрично сокращенная конструкция, будь она реализована, не давала бы синтаксической возможности употребить в предложении нужное слово, возникшее в ходе конкретизации смыслового задания. Пояснить сказанное удобнее всего, сравнивая предложения с разными источниками конфликта. Рассмотрим предложения (80а) и (80б).

(80а) *Эти факты свидетельствуют не только о существенных упущениях в работе со стороны указанных должностных лиц, но и способствуют обогащению спекулянтов («Известия», 12.08.87).*

(80б) *В докладе были вскрыты недостатки в работе не только командиров и штабов, но и серьезные упущения в деятельности партийных организаций.*

В (80а) в первой части конструкции вне сферы действия первого компонента союзного соединения находится значение 'эти факты свидетельствуют (о чем-то)'. В результате додумывания смыслового задания говорящий решает говорить во второй части конструкции о другом: не о том, о чем эти факты свидетельствуют, а о том, к чему они могут привести. Этот семантический конфликт и мотивирует отказ от симметричной конструкции.

Иначе обстоит дело в предложении (80б). Скорее всего, отказ от симметричной конструкции вызван здесь не семантическими причинами. Вряд ли говорящий руководствовался тем, что значение 'недостатки в работе' не подходит для второй части конструкции и требует замены на 'упущения в деятельности': различие между этими значениями слишком мизерно. Скорее, говорящий столкнулся с тем, что симметричная конструкция не позволяет отразить тот факт, что упущения в деятельности (или недостатки в работе — все равно) партийных организаций были серьезными, в отличие от, возможно, более мелких упущений командиров и штабов. Итак, если бы смысл 'недостатки в работе / упущения в деятельности' не был повторен во второй части конструкции, то не было бы синтаксической возможности выразить значение 'серьезный', относящееся, по мысли говорящего, лишь к упущениям партийных организаций.

Такое же рассуждение можно провести и для примера (25а) — *Все это сотворено не природой, а представляет собой позднее и преходящее создание человеческой воли* — уже разбиравшееся в другой связи выше: симметричное построение *сотворено не природой, а человеческой волей* не дает возможности выразить значение, вносимое прилагательными *поздний* и *преходящий*.

Другой тип предложений с синтаксическим источником конфликта возникает тогда, когда симметричное построение влечет нарушение какого-либо синтаксического запрета. Например:

(78в) *Методы освоения должны быть не столько новыми, сколько учитывать и народный опыт, и исторически сложившиеся взаимосвязи.*

Первая часть предложения предполагает, что после слова *сколько* будет следовать адъектив, синтаксически однородный с прилагательным *новыми*. От глагола *учитывать* нужный адъектив образовать можно (*учитывающий*), но беда в том, что в русском языке действительные причастия плохо сочетаются со связкой *быть*; ср. *учитывать опыт* — **быть учитывающим опыт, любить мороже-*

ное — **быть любящим мороженое, стоять у окна* — **быть стоящим у окна*. Автор предложения (78б) столкнулся с конфликтом двух синтаксических требований: симметричная конструкция требует адъектива в творительном падеже, а наличие связки слева от *не столько* не допускает в этой позиции причастия. Не найдя возможности разрешить конфликт бескровно, автор выбрал меньшее зло — воспользовался асимметричной конструкцией как легализованным аварийным средством.

2.7.6.3. Сочетаемый источник конфликта

К этому классу относятся ситуации, когда сохранение симметричной конструкции вступает в противоречие с каким-либо сочетаемым запретом. Рассмотрим пример:

(81) *Судья обязан решать дело исходя не из симпатий или антипатий, а на основании закона.*

Чем вызвана асимметричная конструкция в данном случае? Или, иначе, чем не устроила говорящего симметричная конструкция (82)?

(82) *Судья обязан решать дело исходя не из симпатий или антипатий, а из закона.*

Очевидно, ни семантических, ни синтаксических возражений (82) вызывать не должно. Сомнительность этого предложения связана с имплицитно присутствующим в нем сочетанием *исходя из закона*. Видимо, стремление избежать этой сочетаемостной неловкости и мотивирует переход к асимметричной конструкции, где использован предлог *на основании*, по смыслу весьма близкий к *исходя из*, но лучше сочетающийся со словом *закон*.

Еще одним примером может служить предложение (25в), уже приводившееся выше. Сравним асимметричное (25в) и симметричное (83).

(25в) *В этой семантической концепции подобные лексические параметры отсутствуют не по недосмотру, а исключены вполне сознательно.*

(83) **В этой семантической концепции подобные лексические параметры отсутствуют не по недосмотру, а вполне сознательно.*

В (83) нарушена семантическая сочетаемость наречия *сознательно*. Оно сочетается лишь с такими глаголами, которые обозначают

действия мыслящего субъекта. Поэтому нельзя сказать **Лексические параметры отсутствуют сознательно*, но можно — *Я отсутствовал на собрании сознательно*. Этим и объясняется тот факт, что во вторую часть предложения (25в) введен глагол *исключать*, в котором к идее отсутствия добавлена идея целенаправленной каузации.

2.7.6.4. Коммуникативный источник конфликта

К этому классу мы относим предложения, в которых отступление от симметричной конструкции вызвано стремлением примирить сочинительное сокращение, предполагающее однократное выражение повторяющегося смысла, и потребность в повторе, дублировании. Выше, в разделе 2.7.4.1, уже говорилось о двух стимулах для повтора.

С одной стороны, это потребность в подчеркивании, выделении коммуникативно важных компонентов значения. Например:

(84) *И вдруг из Парижа грянуло известие, которого не ждала не только далекая южная провинция, но не ждала и сама столица: пришла поразительная весть об аресте в день 9 термидора Максимилиана Робеспьера, Сен Жюста, Кутона и их приверженцев* (Е. Тарле).

С другой стороны, в распространенном предложении сочиненные члены могут оказаться разделенными большим числом других слов. В этом случае бывает уместно повторить (напомнить) общий элемент, чтобы облегчить слушающему установление синтаксической связи. Ср. примеры (38), приводившиеся выше:

(38а) *Все это сотворено не природой, которая может не торопиться, создавая, ибо она творит веками и на тысячелетия, а сотворено человеческой волей, создающей хрупкое и преходящее.*

(38б) *Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибки, по старой или новой системе, классифицировали слова, а важно то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории, вдумывались в слова, в их смысл и связи* (Л. Щерба).

(38в) *Наташа настояла на том, чтобы... говеть не так, как говели обыкновенно в доме Ростовых, то есть отслушать на дому три службы, а чтобы говеть так, как говела Аграфена Ивановна, то есть всю неделю, не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени* (Л. Н. Толстой).

2.7.7. Другие способы разрешения конфликта

Построение асимметричной конструкции — не единственное из возможных синтаксических решений в ситуации, когда симметрично сокращенная конструкция по каким-то причинам затруднена.

Априори можно мыслить две стратегии поведения в подобной ситуации.

Первая из них состоит в том, что говорящий может в большей или меньшей степени пожертвовать целостностью симметричной конструкции ради интересов передаваемого содержания. Асимметричная конструкция — это реализация одной из возможностей на этом пути. Вторая возможность предполагает еще один шаг в сторону распада симметричной конструкции: союзное соединение разрушается, и образуются два отдельных предложения, связанные бессоюзно. Например:

(85а) *Его заявление кажется нам не только эгоистичным и оторванным от жизни, оно еще кажется дурацким самообманом, свидетельством тупости и ничтожества* (Т. Манн, в пер. Н. Ман).

(85б) *Но Кочубей богат и горд / Не долгогривыми конями, / Не златом, данью крымских орд, / Не родовыми хуторами, / Прекрасной дочерью своей / Гордится старый Кочубей* (Пушкин).

Такая возможность имеется, естественно, не при любых союзных соединениях. Она отсутствует, когда союзное соединение построено из одних союзов (*и... и...*, *или... или...*, *ни... ни...*, *то... то...* и др.). В этом случае первый компонент союзного соединения не способен употребляться без второго.

Вторая, противоположная стратегия поведения говорящего заключается в том, что он сохраняет симметрично сокращенную конструкцию и мирится с теми издержками, которые при этом возникают. Рассмотрим предложение

(86) *А дождь все усиливался, и уже не капли, а струи потекли по оконному стеклу.*

В более полном виде, исходном для операции сочинительного сокращения, значение (86) содержит две пропозиции — *потекли не капли и потекли струи*. В них слова *капли* и *струи* выполняют тождественные роли по отношению к глаголу *потекли*, что и обеспечивает возможность сочинительного сокращения. Обратимся теперь к предложению

(87) *А дождь все усиливался, и уже не капли, а стремительные струи со свистом впились в землю* (Б. Окуджава).

Это предложение, очевидно, построено точно так же, как и предыдущее, за одним исключением: слова *капли* и *струи* одинаково относятся к глаголу лишь синтаксически. Если бы это предложение было параллельно (86) и семантически, то свойство 'со свистом вливаться в землю' в равной степени относилось бы и к струям, и к каплям. Между тем очевидно, что к каплям говорящий это свойство не относит, оно характеризует только струи. При этом, конечно, нельзя сказать, что каплям приписывается какое-то совершенно другое свойство, не имеющее к этому свойству никакого отношения. Разумеется, имеется в виду очень близкое свойство (что-то вроде 'падать на землю'), но только лишенное той интенсивности падения, которая свойственна струям.

Можно предположить, что при построении предложения (79) вновь вступили в игру прагматические факторы.

Первоначально, приступая к построению предложения, говорящий исходил из такого смыслового задания, в котором для обоих существительных речь идет об одном и том же свойстве — типа 'падать на землю'. Это и дало ему основания для того, чтобы построить симметрично сокращенную конструкцию *не капли, а струи*. С другой стороны, параллельно с этим, по мере продвижения к концу предложения шел процесс уточнения и конкретизации первоначального смыслового задания. У говорящего появилось намерение приписать струям более точную характеристику ('струи впились в землю'). Возникает конфликт между этим намерением и тем обстоятельством, что эта характеристика будет автоматически перенесена и на капли, а это, очевидно, не входит в цели говорящего.

Этот конфликт автор разрешает в пользу внесения уточнения в первоначальный замысел, как бы забывая, что он уже связан некоторыми обязательствами перед первым сочиненным членом.

Здесь стоит сделать ту же оговорку, которую мы уже делали выше в аналогичной ситуации. Сказанное не претендует на отражение реального хода мысли Б. Окуджавы. Мы делаем более слабое утверждение. Ничего не говоря о реальном процессе порождения предложения (87), мы утверждаем лишь, что оно (возможно, сознательно) построено так, как если бы его автор действительно «забыл» о каплях.

Следует подчеркнуть, что, подбирая словесное воплощение для глагольной группы, автор ориентируется именно на ближайший к

ней сочиненный член, игнорируя более далекий. Это подтверждается тем, что изменение порядка слов немедленно делает предложение неправильным (или, во всяком случае, не позволяет осмыслить его в прежнем значении):

(88) **Со свистом впились в землю уже не капли, а стремительные струи.*

Хорошей аналогией может служить явление синтаксического согласования сказуемого с ближайшим из однородных подлежащих:

(89а) *Надломился (*надломилась) дуб, а не сосна.*

(89б) *Надломилась (*надломился) не сосна, а дуб.*

Интересно обратить внимание на то, что при том же первоначальном смысловом задании и том же запоздалом уточнении, касающемся струй, было бы возможно и асимметричное построение — в случае, если бы значение 'падать' было выражено уже в начале предложения:

(90) *С неба падали уже не капли, а стремительные струи со свистом рассекали воздух и впились в землю.*

Различие между двумя стратегиями, запечатленными в предложениях (87) и (90), наглядно отражается квазипсихологическими ярлыками «забывание» и «спохватывание». В (87) говорящий, построив симметричную конструкцию, «забывает» о первом сочиненном члене. В (90) он поторопился отнести значение 'падать' к обоим сочиненным членам, а затем, как бы спохватившись, уточняет сказанное.

2.7.8. Заключение

Подведем итоги. В данном разделе вынесен на обсуждение класс синтаксических конструкций — так называемые асимметричные конструкции, — интересные в нескольких отношениях.

Они близко родственны сочинительным конструкциям, хотя и не сохраняют их важнейшее свойство. Они занимают промежуточное положение между стандартным синтаксисом и языковой неправильностью.

Предложено синтаксическое описание, эксплицирующее их сходства и отличия от стандартных — симметричных — сочинительных конструкций. Из двух преобразований, необходимых для построения

симметричных конструкций, в асимметричных используется только одно. Отсюда возникает два подкласса асимметричных конструкций — конструкции типа «Опускание без переноса» и типа «Перенос без опущения».

Подкласс «Перенос без опущения» ярко окрашен прагматически. Ядро этого подкласса составляют «неполучившиеся» симметричные конструкции. Говорящий начал реализовывать конструкцию как симметричную, но, столкнувшись с препятствиями, не довел свой замысел до конца. Конструкции типа «Перенос без опущения» — легализованный языком способ преодоления синтаксических конфликтов.

В заключение нам хотелось бы привести слова из нобелевской речи И. Бродского, неожиданно перекликающиеся с нашей темой: «Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее...»

Глава 3

ТРЕХУРОВНЕВАЯ ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

3.1. Вводные замечания

Сведения об управлении, формализованные в виде моделей управления предикатных слов, составляют важную часть лексикографической информации, которая приписывается словам в автоматических словарях системы ЭТАП. Задача данной главы — исследование глагольного управления как системного явления с рефлексивами на трех языковых уровнях — семантическом, синтаксическом и лексико-морфологическом. Управляющие свойства глаголов (число семантических актантов, отношения между семантическими и синтаксическими актантами, ранги (порядок) актантов и т. п.) определяются, среди прочего, а) их аналитическими толкованиями, б) принадлежностью к определенным классам и подклассам фундаментальной классификации предикатов.

Понимание семантических корней управления позволяет прогнозировать многие конкретные свойства управляющих слов и формировать правильные лексикографические ожидания при обработке очередного массива лексического материала. С другой стороны, выявление системных соответствий между семантическими классами предикатов и их управляющими свойствами позволяет увидеть и понять важную сторону языковой компетенции говорящих и создает предпосылки для ее моделирования.

3.2. Некоторые этапы в эволюции лингвистической теории управления

Управлением мы будем называть такой тип оформления синтаксической связи между предикатной лексемой Р и ее семантиче-

ским актантом А, при котором А непосредственно синтаксически зависит от Р¹.

Для целей данной работы удобно выделить следующие этапы в развитии теории управления²: а) традиционный лексико-синтаксический, б) системный лексико-синтаксический, в) первый семантический, г) второй семантический.

3.2.1. Традиционный взгляд на управление

С традиционной лексико-синтаксической точки зрения «управлением называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного или субстантивированного прилагательного (без предлога или с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова», которое «для раскрытия и распространения своего смысла как бы требует определенной зависимой от него формы косвенного падежа имени или местоимения с личным или предметным значением» [Грамматика 1960: 22].

К этому часто добавляется, что управление может быть сильным (обычно с обязательным зависимым в форме ВИН со значением прямого объекта) и слабым (обычно с факультативным зависимым в форме косвенного падежа или предложно-именной группы, ср. *читать карандашом*). По другому признаку управление делится на одинарное (*читать книгу*) и двойное (*дать книгу мальчику*).

В различных вариациях эти представления об управлении повторяются в лингвистических энциклопедиях, грамматиках различных языков, учебниках и огромном количестве специальных исследований.

Нетрудно было бы показать их несоответствие традиционной лексикографической практике толковых словарей. Как известно, сло-

¹ В этом определении учтена поправка, предложенная Л. Л. Йомдиным: управление и согласование — не «типы синтаксической связи», как они определяются традиционно, а «типы оформления синтаксической связи» [Йомдин 1990].

² Ниже для определенности и простоты речь пойдет преимущественно о глагольном управлении и — более эпизодически — об управлении существительных. На материале других классов валентных слов — прилагательных, наречий, предлогов и особенно частиц — возникают особые проблемы, не всегда связанные с собственно управлением, как оно было определено выше, и выходящие далеко за пределы данной работы; см. о них [Богуславский, 1985, 1996, 2008] и [Апресян В. 1999, 2006].

вари включают в число управляемых элементов не только падежные формы субстантивов и предложно-именные группы с субстантивами, но еще инфинитивы и, по крайней мере, подчинительные предложения, вводимые союзами. Кроме того, традиционное определение никак не проясняет способов установления числа и состава управляемых форм и поэтому для лексикографических целей непригодно. Оно, наконец, «штучно» — предполагает атомарное описание каждого слова по отдельности.

В конце 60-х годов начался пересмотр традиционной теории управления — сначала на лексико-синтаксических основаниях, а затем на более глубоких семантических.

3.2.2. Системный лексико-синтаксический подход к управлению

Самое важное для этого подхода — попытка найти системные основания для установления управляющих свойств глагольных лексем. Эта попытка была предпринята в [Апресян 1967] и лексикографически воплощена в [Апресян, Палл 1982]. «Системные основания» заключались в том, что глаголы рассматривались не поодиночке, а в составе больших классов и все более мелких подклассов некоторой нестрогой иерархии. В один класс или подкласс попадали лексем, способные употребляться в одних и тех же синтаксических конструкциях и подвергаться одним и тем же синтаксическим трансформациям. При этом классы упорядочивались таким образом, чтобы соседними были классы с максимально близкими синтаксическими свойствами³. Обычно они оказывались близкими и семантически. Воспроизведем с некоторыми дополнениями одно рассуждение из [Апресян, 1967: 26—27].

Класс глаголов, способных управлять дательным падежом, весьма велик и семантически неоднороден, ср. *аплодировать хору, верить другу, видеться кому-л.* (*Мне здесь видится злой умысел*), *вредить здоровью, доводиться (дядей), доставаться наследнику* (об имуществе), *завидовать сестре, звонить шефу, идти новобранной* (о платье), *каяться жене, кивать знакомым, мешать пассажирам, мстить всему миру, надоедать отцу, нравиться детям, повино-*

³ Независимо от автора раздела, но существенно позже похожие идеи развивались в книгах [Levin 1993] и [Goldberg 1995].

ваться приказу, поддаваться кому-л. (в игре), пододать (кому-л.), подражать своему кумиру, позировать (художнику), полагаться (Ребенку полагается отдельное место), представлять чьим-л. глазам, принадлежать государству, приходится (Ему пришлось подчиниться — с омонимией из-за того, что оба глагола управляют формой ДАТ), сдаваться кому-л., следовать советам, служить государю, слышаться кому-л., сниться детям, требоваться кому-л., угождать всем, учиться музыке и т. п.

Еще более велик и еще менее семантически однороден класс глаголов, способных управлять предложно-падежной формой в ком-чем-л., ср. барахтаться в воде, биться в висках, вариться в скороварке, венчаться в церкви Вознесения, виниться во всем, воплощаться в бронзе, зажечь в тисках, заключаться в чем-л., звучать в голосе, измеряться в децибелах, изображать в книге, клясться в дружбе, колебаться в оценке, копаться в бумагах, метаться в бреду, мешать в работе, молотить в кофемолке, насчитываться в городе, нуждаться в деньгах, обвинять в измене, объясняться в любви, оживать в памяти, отказывать в поддержке, отличиться в бою, отражаться в воде, отставать в развитии, отчаяться в успехе, ошибаться в подсчетах, перепачкаться в краске, победить в поединке, подражать в походке, помещаться в автобусе, понимать в музыке, попадаться в краже, превосходить в развитии, проявляться в бою, путаться в показаниях, (удобно) разместиться в вагоне, рыться в старых вещах, сказаться в стихотворении, слышаться в песнях ямщика, содействовать в этом начинании, сомневаться в чьих-л. словах, состоять в профсоюзе, состязаться в остроумии, теряться в толпе, тонуть в проруби, упомянуть в своей речи, уступать в споре, участвовать в концерте и многие др.

Однако класс глаголов, способных к двойному управлению и формой ДАТ, и предложно-именной группой вида в ком — чем-л., значительно меньше по составу, а его семантическое разнообразие существенно сокращается. Здесь представлено всего пять семантических классов: а) речевые акты, виниться кому-л. во всем, исповедаться кому-л. в своих сомнениях, каяться кому-л. в прегрешениях, клясться кому-л. в верности, объясняться кому-л. в любви, отказывать кому-л. в поддержке, открываться жене во всем, отчитываться кому-л. в своих действиях, признаваться друзьям в легкомыслии, присягать наследнику в верности; б) помощь / противодействие, ср. мешать (помогать) кому-л. в работе, способствовать (препятствовать) ему в попытке завершить образование, содейст-

вовать (противодействовать) армии в ее усилиях по поддержанию порядка; в) имитация, ср. подражать своему кумиру даже в походке, следовать примеру старшего брата во всем; г) неуверенная интерпретация факта, ср. Мне видится в этом злой умысел, Мне слышится что-то грустное в его удалой песне; д) «антипреимущество», ср. проигрывать кому-л. в скорости, уступать зарубежным аналогам в качестве, уступить кому-л. в споре.

Если же учесть только те глаголы, которые могут управлять обеими этими формами и при этом допускают преобразование дательного падежа в предложно-именную группу перед ТВОР, то получится семантически достаточно однородная группа речевых актов со значением признания, т. е. рассказа кому-то о таких своих действиях, желаниях, мыслях, чувствах и т. п., которые раньше субъект не разглашал, считая их постыдными или чересчур личными: виниться кому-л. (перед кем-л.) во всем, исповедаться кому-л. (перед кем-л.) в своих сомнениях, каяться кому-л. (перед кем-л.) в прегрешениях, открываться кому-л. (перед кем-л.) во всем, признаваться всем (перед всеми) в легкомыслии⁴.

В указанной работе была, таким образом, реализована стратегия рассмотрения управляющих свойств глаголов «сверху вниз» — от больших лексико-синтаксических классов глаголов ко все более мелким, выделяемым по признаку общности их управляющих и трансформационных свойств. В качестве ожидаемого, но временами все-таки приятно неожиданного приза исследователь получал и семантически оправданную классификацию глаголов, что позволило поставить изучение управления на более твердые системные основания.

3.2.3. Первый семантический этап в развитии теории управления

Почти одновременно формировался принципиально новый, семантический подход к исследованию управления, представленный такими работами, как [Жолковский, Мельчук 1965, 1967]; [Fillmore

⁴ Может показаться, что тем же набором свойств обладает и глагол отчитываться (перед кем-л. в чем-л.), не обозначающий акта признания. Однако форма ДАТ при нем вряд ли возможна: в 34 000 000 корпусе на 14 примеров употребления отчитываться перед кем-л. пришелся всего один пример на отчитываться кому-л., да и то в переводном тексте. Кроме того, типичным для этого глагола является управление предложно-именной группой за что-л., невозможной для признаний.

1966, 1968a, 1968b, 1971]; [Апресян, Жолковский, Мельчук 1968]; [Мельчук 1974]; [Апресян 1974]; [Мельчук, Жолковский 1984]. В нашей стране он был связан прежде всего с разработкой модели «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука и становлением Московской семантической школы.

Главные особенности теории управления на этом «первом семантическом» этапе ее развития, отличающие ее и от традиционной, и от «системной лексико-синтаксической» теории, сводятся к следующим двум принципам: а) основой для установления управляющих свойств любого предикатного слова должно быть его аналитическое толкование на специальном семантическом языке; аналитическое толкование имеет вид сентенциальной формы с переменными по обязательным участникам ситуации, которая обозначается этим словом; б) управление должно изучаться не на одном — синтаксическом — уровне, а сразу на трех: семантическом, синтаксическом и лексико-морфологическом.

В рамках такого подхода тремя важнейшими вопросами теории управления являются: а) принципы установления числа и состава семантических актантов глагольной лексемы; б) описание соответствия между семантическими и синтаксическими актантами лексемы; в) описание соответствия между семантическими актантами и способами их лексико-морфологического выражения⁵.

Для фиксации всех трех типов информации был предложен теоретический конструкт, названный «моделью управления лексемы» (далее МУ). Он стал одновременно и техническим средством их представления в толково-комбинаторном словаре; см. [Мельчук, Жолковский 1984]. Воспользуемся примером из этого словаря — словарной статьей *описывать 1б* (авторы — Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук).

Лексема *описывать 1б* представлена в таких текстах, как *В своей новой статье автор описывает этот процесс алгоритмически (в виде алгоритма)*; *Механика описывает движение дифференциальными уравнениями (посредством дифференциальных уравнений)*.

⁵ Все эти вопросы рассматриваются в монографии [Иорданская, Мельчук 2007], особенно в первой главе, носящей название «Актанты в семантике и синтаксисе» (с. 39—210, автор — И. А. Мельчук). Между этой книгой и моим исследованием есть немало теоретических перекличек и пересечений, иногда на похожем фактическом материале. Оговорить их все не представлялось возможным, и мне придется довольствоваться общей констатацией того, что многими идеями этого исследования я обязан автору модели «Смысл ↔ Текст».

Упростим первый пример и введем переменные для обозначения семантически обязательных участников ситуации «научного описания»: *В статье [W] автор [X] описывает процесс [Y] алгоритмически [Z]*. Участники W и Z обязательны: дать научное описание объекта вне текста W невозможно, а само описание не может быть ничем иным, как образом Z объекта Y, отдельным от самого этого объекта.

Аналитическое толкование глагола *описывать 1б*:

X описывает Y в W Z-ом = 'X каузирует посредством текста W достаточно подробный научный образ Y-а в виде абстрактной конструкции Z или уподобляя Y явлению Z' (оставим без комментариев некоторые особенности толкований 70-х гг.).

МУ глагола *описывать 1б* (с некоторыми упрощениями):

1 = X	2 = Y [образ чего каузируется]	3 = W [в каком тексте каузируется]	4 = Z [в виде чего каузируется]
1. S _{им}	1. S _{вин} 2. C _{conj} ПРЕДЛ	1. в S _{пр}	1. S _{твор} 2. в виде (в форме, в терминах, ...) S _{род} 3. Adv 4. как S _{вин}

Эта МУ сопровождается подробным описанием условий ее реализации. Говорится, например, что первый актант может быть представлен именем человека или науки, причем в последнем случае не может быть реализован третий актант (не говорят **Современная биология в своих исследованиях описывает эволюцию как процесс мутаций*); что первый актант не может быть представлен названием жанра научного сочинения (не говорят **Статья (заметка) описывает то-то и то-то*); что C_{conj} = как, какой, что, где, куда, когда и т. п.

Первая семантическая версия теории управления раздвинула границы прежних представлений в нескольких отношениях.

Во-первых, был найден достаточно надежный способ установления актантной структуры предиката, т. е. набора его семантических актантов (или, что почти то же самое, его семантических валентностей) по его аналитическому толкованию.

Во-вторых, для основного класса предикатов (глаголов и отглагольных имен) была найдена форма представления соответствия между семантическими и синтаксическими актантами, с одной стороны (это соответствие задается в первой строке МУ), и между семантическими актантами и внешними способами их выражения, с другой (это соответствие задается во второй строке МУ).

В-третьих, была преодолена догма, что число управляемых элементов данного предиката не может превышать двух (ср. понятие «двойного управления»). В рассмотрение были введены многоактантные предикаты⁶.

В-четвертых, был серьезно расширен круг управляемых форм. Управляемыми, т. е. предсказываемыми главным словом или его грамматической формой, стали считаться любые слова и группы слов, которые синтаксически зависят от данного предиката и которым в его толковании соответствуют переменные по обязательным участникам описываемой им ситуации. В их число вошли не только инфинитивы и предложения, вводимые союзами, союзными словами и бессоюзно, но и наречия. Это перекликается со старой мыслью Л. В. Щербы, что управляемыми должны считаться любые слова, наличия которых «повелительно требует» главное слово, например наречия *там, тут, дома* и т. п. при глаголе *находиться*. Отдельного упоминания заслуживает то обстоятельство, что в число управляемых форм был включен и именительный падеж подлежащего.

В-пятых, в рассмотрение были введены такие аспекты управления, на которые раньше не обращали никакого внимания. К ним относятся прежде всего ограничения, накладываемые на возможность / невозможность / необходимость совместной реализации тех или иных управляемых форм (другие термины — «совместимость» / «несовместимость» / «неотделимость» валентностей предиката). На материале нашего примера достаточно упомянуть факт «блокирования» третьей валентности глагола *описывать* 1б при условии, что его первая валентность насыщается не именем человека, а названием науки.

В-шестых, описание управляющих свойств предиката стало сопровождаться подробной характеристикой его лексико-семантической сочетаемости по каждой из валентностей и по каждому способу выражения данной валентности; см. комментарий по поводу возможных классов $S_{им}$ в роли X-а или расшифровку символа S_{conj} .

Однако и в семантической теории управления сохранилась некоторая «штучность» описания, свойственная традиционному подходу.

⁶ Сначала считалось, что число управляемых позиций (т. е. число семантических актантов, или, что почти то же самое, число семантических валентностей предиката) не может превышать четырех, включая и позицию подлежащего; позднее (см. [Апресян 1974, 1980]) были найдены пятиактантные глаголы типа *арендовать* (кто, что, у кого, за какую сумму, на какой срок) и шестиактантные глаголы типа *командировать* (кто, кого, куда, откуда, с какой целью, на какой срок).

3.2.4. Второй семантический этап в развитии теории управления

На «втором семантическом» этапе развития теории управления была сформулирована ее уточненная версия (первая публикация — [Апресян 2006б]). Эта версия явилась непосредственным результатом дальнейшей работы над русской частью словаря [Апресян, Палл 1982], с одной стороны, см. [Апресян 1996]⁷, и над недавно законченным словарем [НОСС 2004], с другой. В нее вошли все идеи, изложенные в пункте 3.2.3; ее единственное отличие от первой семантической версии теории управления состоит в том, что она была дополнена идеей системного разворачивания «сверху вниз» классов и подклассов глаголов по их МУ.

Здесь нужна оговорка. Очевидно, что было бы бессмысленно воспроизводить старую идею системного разворачивания классов и подклассов на основании общности их чисто синтаксических (управляющих и трансформационных) свойств. Синтез второго и третьего этапов в развитии теории управления требовал более глубоких оснований. Такие основания были найдены в фундаментальной семантической классификации предикатов (далее — ФКП), которая стала особенно активно разрабатываться лишь с недавнего времени⁸. Если раньше синтаксические свойства глаголов служили

⁷ В рамках этой работы был составлен словарь глагольного управления объемом около 15 000 лексем, содержащий около 1000 классов глаголов с общими управляющими свойствами.

⁸ Так мы называем классификацию Маслова — Вендлера, см. [Маслов 1948], [Vendler 1967]. Попытки фрагментарной семантической классификации глаголов имели место и раньше; см., например, [Карцевский 2004 (первая публ. — 1927)]; [Кошмидер 1962 (первая публ. — 1934)]; [Грубор, 1962 (первая публ. — 1953)]; сборник [Вопросы 1962] и ряд других работ. В последней четверти века началось лавинообразное нарастание исследований по этой проблематике. Из числа наиболее известных работ упомянем следующие: [Булыгина 1980, 1982]; [Гловинская 1982, 2001]; [Guiraud-Weber 1984]; [Падучева 1996, 2004]; [Зализняк, Шмелев 2000]. Ниже мы опираемся на версию фундаментальной классификации, изложенную в [Апресян 2003, 2004а, 2006а, 2009]. Мы предлагаем называть классификацию Маслова — Вендлера фундаментальной (без каких-либо оценочных оттенков), потому что она носит всепроникающий характер: принадлежность лексемы к какому-то семантическому классу или подклассу ФКП определяет не только ее аспектуальные свойства, как считалось вплоть до самого последнего времени, но и другие ее свойства — морфологические, словообразовательные,

основанием для формирования семантических классов, то теперь семантические классы стали основой для предсказания управляющих свойств глаголов.

Последующее изложение будет посвящено обновленной версии теории управления. Мы сосредоточимся на двух главных вопросах: а) принципах установления числа, состава и ранга семантических актантов (аргументов) данной глагольной лексемы (раздел 3.3); б) описании соответствия семантических и синтаксических актантов (раздел 3.4). В заключительном разделе (3.5) будет кратко представлен один побочный результат проведенного исследования — новая номенклатура семантических ролей.

Для полноты картины следовало бы включить в книгу систематическое описание соответствия семантических актантов и внешних способов их выражения. Однако основной материал на эту тему уже был опубликован в [Апресян 1996], и в дальнейшем мы обращаемся к ней лишь в наиболее интересных случаях.

Все перечисленные темы обсуждаются с лексикографической точки зрения, потому что нас в конечном счете интересует, какая информация об управлении и в какой форме должна помещаться в толковые и специальные синтаксические словари, включая автоматические словари для систем переработки текстов на естественных языках. Основной материал — глагольное управление, однако в ряде случаев мы делаем экскурсы в область других типов предикатов, прежде всего, отглагольных существительных.

3.3. Принципы установления семантических актантов глагольной лексемы

3.3.1. ФКП и ее рефлексии в грамматической и лексической системах языка

Кратко перечислим самые «верхние» классы той версии ФКП, которая развивается в упомянутых выше работах автора раздела:

- 1) действия: *атаковать, думать* (о чем-л.), *идти, писать, рубить*;
- 2) деятельности: *воевать, воспитывать, преподавать, торговать*;
- 3) занятия: *гулять, играть, отдыхать, читать* [без дополнения];

коммуникативно-просодические, сочетаемостные и т. п. К числу таких свойств относится и глагольное управление.

- 4) интерпретации: *везти* [безл.], *выручать, грешить, злоупотреблять, извращать, искажать, ошибаться, подводить* (*Вы очень нас подвели*);
- 5) поведения: *баловаться, кривляться, паясничать, скандалить, хулиганить, шалить*;
- 6) воздействия: *Река вымыла глубокое русло, Солнце прогревает воздух до 20 градусов, Дожди размывают железнодорожное полотно, Это меня убедило, Лекарство успокоило больного*;
- 7) процессы: *выздоровливать, извергаться, кипеть, расти, сокращаться*;
- 8) положения в пространстве: *висеть, лежать, сидеть, стоять, опираться*;
- 9) локализации: *быть 2, валяться, лежать 2* [\approx *валяться*], *находиться*;
- 10) состояния: *знать, зудеть, нуждаться, радоваться, хотеть, чувствовать*;
- 11) отношения: *включать* (*содержать*), *отличаться*, (*быть*) *похожим, равняться, состоять* (из чего-л.);
- 12) свойства: *витья* [о волосах], *заикаться, хромать*;
- 13) проявления: *блестеть, звенеть, вонять, горчить, жечься*;
- 14) способности: *владеть* (*шапкой*), *говорить* (*по-фински*), *ездить* (*верхом*), *ходить* (*Ребенок уже ходит*);
- 15) параметры: *весить, вмещать, длиться, достигать, насчитывать, пахнуть, стоить*;
- 16) существования: *бывать, быть, водиться* (*А змеи у вас водятся?*), *возникать, жить* [\approx *обитать*], *расти* (*А секвойи там растут?*), *существовать*;
- 17) события: *встречать* [случайное], *выходить* (*Вышло что-то несусветное*), *находить* (*кошелек на дороге*), *получаться* (*Получилась неприятность*), *происходить, сделаться* (*книжн.* или *устар.* *Из-за этого с ней сделалась настоящая истерика*), *случаться, страсть* (*С ним случилась* (*стрясась*) *беда*).

Каждый из названных классов задается определением, сводящим его интенционал к определенному семантическому примитиву, конфигурации примитивов (такой конфигурацией является, например, смысл 'цель', входящий в ряд приводимых ниже определений) или к семантическому кварку (коротко говоря, семантический кварк — это настолько мелкий смысл, что он не вербализуется в данном языке ни одной лексемой «первого плана», т. е. оказывается проще семантического примитива; более подробно см. [Апресян 1995: 478—482] и

[Апресян 2004а: 19 и сл.]). Сверх этого в определениях используются нестрогое, но самоочевидное понятие «раунда наблюдения» и ряд общепринятых лингвистических понятий (толкование, ассерция, модальная рамка, ступень (шаг) семантической редукции).

Действием мы называем глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив ‘делать’, причем время существования ситуации, называемой этим глаголом, укладывается в один раунд наблюдения. Все такие глаголы называются акциональными.

Деятельность — это глагол, обозначающий совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько или много раундов наблюдения.

Занятие — это глагол со значением действия, целью которого является само это действие (ср. *играть*).

Интерпретационным называется глагол, с помощью которого говорящий подводит конкретное действие, положение дел, событие или состояние Р под какой-то тип действий, положений дел, событий или состояний R с точки зрения их отношения к логической (*ошибаться*), этической (*надругаться*), юридической (*злоупотреблять властью*), религиозной (*грешить*), утилитарной (*сплоховать*) или житейской (*Ему везет*) норме; ассерция у них совпадает с модальной рамкой. По большей части, но не обязательно (ср., например, глагол *везти* в значении удачи), интерпретации ближе всего к действиям.

Поведением называется акциональный глагол, обозначающий последовательность однородных физических действий, не имеющих конструктивной цели, которую говорящий рассматривает как единое целое с точки зрения того, как Агенс проявляет себя в обществе других людей, по отношению к другим людям или в текущей ситуации вообще, и которой он дает оценку как отклонению от социальной нормы, обычно отрицательную.

Воздействие — это глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается примитив ‘быть причиной Р’. Здесь Р — какое-то действие (*Шорох в кустах заставил его остановиться* [Р = *остановиться*]), процесс (*Солнце прогревает воздух* [Р = *прогреваться*]), пространственное положение (*Ветер повалил дерево* [Р = *лежать*]), состояние (*Встреча с Рихтером пробудила у него интерес к музыке*

[Р = *интерес*]), свойство (*Ожог обезобразил его лицо* [Р = *безобразный*]) или существование (*В этом месте река намыла песчаную отмель* [Р ≈ *появление отмели*]).

Процесс — это глагол, обозначающий самопроизвольное изменение объекта, т. е. изменение, протекающее без вмешательства чьей-либо воли. В вершине ассертивной части толкования такого глагола на какой-то ступени семантической редукции обнаруживаются компоненты ‘начинает (перестает, продолжает) находиться где-л.’ (*перемещается, дует, летится, падает, сылется, течет*), ‘начинает (перестает, продолжает) быть каким-л.’ (*бледнеет, болеет, выздоравливает, выветривается, вянет, деформируется, заболевает, краснеет, поправляется, растет, сокращается, стареет*), ‘начинает (перестает, продолжает) существовать’ (*загорается, гаснет, горит*) и, может быть, еще некоторые подобные.

Положение (в пространстве) — это глагол, у которого на определенном шаге семантической редукции в вершине ассерции обнаруживается конфигурация ‘быть расположенным как-то’; см. примеры выше.

Локализация — это глагол, у которого на последнем шаге семантической редукции в вершине толкования обнаруживается семантический примитив ‘находиться’, причем между объектом и местом его нахождения нет органической связи (*ногти на столе* — локализация, а *ногти на ногах* — нет).

Состояние — это семантический кварк (стативность).

Отношение — это глагол, у которого на последнем шаге семантической редукции в вершине толкования обнаруживаются конфигурации примитивов ‘быть частью’ или ‘иметь свойство’. Предикаты типа *равняться, содержать* (*Смола хвойных деревьев содержит скипидар*) и *состоять из* толкуются через понятие части. *А равняется В* = ‘Все части А являются частями В, и наоборот’, *А содержит В* = ‘В является частью А’, *А состоит из В* = ‘Каждый В является частью А, и не существует таких С, отличных от В, которые являются частью А’. *Отличаться* в конечном счете сводится к идее свойства (*А отличается от В* = ‘У объекта А есть свойства, которых нет у объекта В, или наоборот’), а *быть похожим* включает в свое толкование этот смысл, хотя и не сводится к нему.

Свойство — это семантический примитив.

Проявлением называется свойство, актуально воспринимаемое одним из пяти органов чувств (например, *блестеть* для зрения, *звенеть* для слуха, *вонять* для обоняния, *горчить* для вкуса, *жечься* [о крапиве] для осязания).

Способность — это глагол, у которого на некотором шаге семантической редукции в вершине толкования обнаруживается смысл 'уметь'.

Параметр — это глагол, обозначающий шкалу, на которой объект или ситуация получает количественную или качественную оценку.

Существование — это глагол, у которого на последнем шаге семантической редукции в вершине толкования обнаруживается семантический примитив 'существовать'.

Событие — это глагол, обозначающий начало существования такой ситуации, все свойства которой присущи ей в первый же момент ее существования.

Внутри каждого из фундаментальных классов возможны дальнейшие подразделения на все более мелкие подклассы, которые в работах [Падучева 1996, 2004] называются тематическими. Так, внутри класса действий выделяются конструктивные действия, деструктивные действия, взаимодействия людей и т. п. С другой точки зрения, действия дальше подразделяются на физические (*махать*), физиологические (*мочиться*), волевые (*решил (ехать)*), эмоциональные (*утешать*), ментальные (*Все время думал о вас*), социальные (*жениться*) и т. п. Аналогичным образом класс состояний подразделяется на физические (*видеть, слышать*), физиологические (*болеть [о пальце], зудеть*), волевые (*хотеть*), эмоциональные (*надеяться*), ментальные (*помнить*), социальные (*замужем*), экономические (*нуждаться*) и т. п.

Названные классы могут пересекаться и по горизонтали, и по вертикали, так что одна и та же лексема может входить более чем в один класс. Например, глагол *дышать* в большинстве употреблений обозначает процесс, но в некоторых специальных условиях, скажем, в ситуации врачебного осмотра, может обозначать и действие; ср. *Дышите. Не дышите*. Ср. также старый пример из [Fillmore 1968] — фразу типа *Джон упал*, где *упал* обозначает действие «агента» (так у Ч. Филмора), если Джон упал намеренно, и событие с «объектом», если он упал случайно⁹.

⁹ Здесь и ниже речь идет только о лексических значениях. Хорошо известно, что те же семантические оппозиции могут выражаться и другими языковыми средствами, в частности аспектуальными. Так, словосочетания *держаться прямо, держаться с достоинством, ходить вразвалку* и т. п. могут обозначать либо актуальную ситуацию, либо свойство (манеру держаться, походку и т. п.). При этом лексические значения глаголов не меняются, а возможность различных интерпретаций возникает за счет различий

Существования близки к событиям семантически (см. определения) и формально: и те, и другие характеризуются инверсией подлежащего и сказуемого в нейтральном контексте, прямым порядком подлежащего и сказуемого под отрицанием и высокой вероятностью локативных и временных детерминантов, дополнений или обстоятельство; ср. *В Москве появился серийный убийца, В Москве серийных убийц давно не было, В небе над Атлантикой произошла загадочная авиакатастрофа*.

Границы между классами могут размываться и по другим направлениям. Например, к процессам близко подходят состояния, причем разные состояния — в разной степени. Классические состояния — ментальные, ср. *знать* и *считать*. За ними (первый шаг в сторону процессов) идут волевые состояния (*желать, хотеть, жаждать*), затем физические (*видеть, слышать*) и эмоциональные (*гордиться, радоваться, стыдиться, смущаться, удивляться*). О правильности такого порядка свидетельствует отсутствие — наличие форм СОВ, отсутствие или семантическая специфика форм ПОВЕЛ, неспособность — способность разных состояний употребляться в актуально-длительном значении НЕСОВ и пр. В целом допустимость всех указанных форм в их прототипических значениях нарастает от знаний и мнений к желаниям, а от них — к эмоциям.

Несколько примеров. Известно, что *знать, считать* и *думать* не имеют чистовидовых коррелятов. Для *видеть* и *слышать* положение меняется: *увидеть* и *услышать* часто считаются формами СОВ этих глаголов; см., например, [СУШ], [МАС], [СОШ], [СШ], а из специальных исследований — [Гловинская 1982, 2001]. Что касается эмоциональных состояний, то для многих из них формы СОВ оказываются абсолютно безупречными; ср., например, *обижаться* — *обидеться* и *удивляться* — *удивиться*.

Еще одна группа предикатов, тесно соприкасающихся друг с другом, — поведения, занятия, проявления и интерпретации. У поведенческих, т. е. глаголов типа *баловаться, безобразничать, бесчинствовать, буянить, дебоширить, дурачиться, капризничать, кривлять*

между актуально-длительным значением и узувальным значением или значением свойства граммы НЕСОВ. Ср. аналогичные различия на материале глаголов со значением проявления, которые в высказываниях со статусом общих истин (с именной группой в родовом статусе), не меняя своего лексического значения, тоже начинают обозначать свойства: *Все лекарства горчат, Крапива жжется, Солома колетя*.

ся, озорничать, паясничать, привередничать, ребячиться, скандалить, скоморошничать, фиглярствовать, хулиганить, шалить и т. п., есть Агенс, хотя у них нет конструктивной цели. Последнее сближает поведения с занятиями, с одной стороны, и с проявлениями, с другой. С проявлениями они связаны еще и тем, что в них обычно сказывается какое-то свойство первого актанта. Впрочем, и от занятий, и от проявлений поведения отличаются тем, что в них почти всегда входит оценка.

Отметим, наконец, что дифференциация по разным признакам, например по признаку большей/меньшей акциональности, возможна даже внутри одного класса. Так, путативный глагол *думать* (что Р) более акционален, чем его синоним *считать*, и способен употребляться в актуально-длительном значении; ср. — *Чем ты там занят? — Лежу и думаю, что надо бы сходить к врачу, при невозможности *Лежу и считаю, что надо бы сходить к врачу.* Это объясняется тем, что основное значение *думать* (о чем-л.) — акциональное, и это свойство основного значения «прорастает» в производном значении. Эмоциональные состояния *конфузиться*, *смуцаться* и *удивляться* ближе к процессам, чем *гордиться* и *стыдиться*, потому что обычно они актуальны, скоротечны, легко наблюдаемы, между тем как *гордиться* и *стыдиться* могут обозначать ненаблюдаемые, но постоянные состояния человека; ср. *Он гордится своей родословной, Он стыдился своих деревенских родственников.*

Из сказанного следует, что классификация не является (да и не может быть) строго иерархической, т. е. таксономической. В связи с этим, возможно, правильнее было бы говорить не о классах, а об определенных наборах семантических признаков лексем, но в данной работе мы будем держаться традиционного словоупотребления.

ФКП играет в теоретической семантике и системной лексикографии исключительную роль. В сущности, нет таких уголков предикатной лексики, организация которых была бы независима от нее. Принадлежность предиката, в первую очередь глагола, к тому или иному классу ФКП сказывается на всех его свойствах — чисто грамматических, словообразовательных, синтаксических, сочетаемых и лексико-семантических, например на структуре регулярной полисемии предиката. Все эти свойства так или иначе обсуждаются в упомянутых выше работах автора данного раздела и в ряде других работ по ФКП, но для удобства читателя мы коротко напомним некоторые из них, отчасти на уже введенном в оборот материале, отчасти с привлечением некоторых новых фактов.

Ярче всего ФКП проявляет себя на примере самой глубокой семантической оппозиции, а именно оппозиции 'действия' (акциональные глаголы) vs. 'состояния' (стативные глаголы)¹⁰. Ниже мы рассмотрим различные явления из области грамматики, словообразования и лексики, относительно которых 'действия' и 'состояния' ведут себя по-разному. Впрочем, эпизодически мы будем привлекать и некоторые другие классы, в частности процессы и свойства, а также речевые акты и побуждения.

Вид. У действий есть чистовидовые пары (ср. *вводить* — *вести* (кого-л. в комнату), *делать* — *сделать* (зарядку), *одеваться* — *одеться*, *строить* — *построить*), а у прототипических (ментальных) состояний их нет. Так, в паре *считать* — *счесть* глагол *счесть*, трактуемый в некоторых толковых словарях русского языка как видовой коррелят *считать*, на самом деле отличается от *считать* двумя смысловыми компонентами — начинательностью и указанием на твердость мнения. Ср. *Прокурор счел, что собранных улик достаточно*, — где *счел* сближается с *решил*. При этом оба компонента очевидным образом входят в лексическое, а не в аспектуальное значение глагола. В синонимичной паре *думать* — *подумать* второй глагол тоже имеет начинательное значение, но дополнительно указывает на некоторые ментальные колебания субъекта. Ср. *Прокурор подумал, что собранных улик достаточно*, — где усиливается компонент 'предположительность', входящий в путативное значение *думать* и в форме НЕСОВ (о 'предположительности' в значении *думать* см. [Дмитровская 1988], [Анна Зализняк 1991]). Тем самым в парах *считать* — *счесть* и *думать* — *подумать* контраст между НЕСОВ и СОВ гораздо больше, чем это допустимо для чистовидовых пар. Он особенно ясно виден при сравнении пар *считать* — *думать* и *счесть* — *подумать*. Семантические различия между синонимами в первой паре относительно легко нейтрализуются, например в модальных контекстах: *Я считаю (думаю), что надо (пора, пришло время) принимать окончательное решение.* Между тем глаголы *счесть* — *подумать* всегда сохраняют отмеченную выше оппозицию 'твердость мнения' — 'предположительность'.

Различия между акциональными и стативными предикатами прослеживаются не только в наборе видовых форм, более полном для

¹⁰ Подчеркнем, что именно на материале акциональных предикатов сложилась, в сущности, вся грамматика глагола, которая потом была экстраполирована на все другие семантические классы глаголов, не всегда с должным вниманием к их грамматическим особенностям.

первых, чем для вторых, но и в наборе значений той или иной граммемы вида. Так, почти все прототипические действия (наиболее заметные исключения — моментальные и интерпретационные глаголы), имеют актуально-длительное значение в форме НЕСОВ, а прототипические (ментальные) состояния их не имеют. Ср. неправильность **Когда я вошел, он как раз знал (помнил, понимал) теорему Паппа*, **Смотри, его адвокат считает (полагает, находит) необходимым обжаловать решение суда*.

То же относится к потенциальному и профетическому значениям формы НЕСОВ (*Он играет на скрипке* = 'умеет играть', *Завтра он играет в Большом зале Консерватории*), потенциальному значению формы СОВ (*Он пробежит стометровку за 10 секунд* = 'сумеет пробежать') и ряду других: они возможны для прототипических действий, но не для прототипических состояний.

Залог (СТРАД). Русский страдательный залог, в отличие от залога ряда других языков, обнаруживает поразительную чувствительность к свойству акциональности глагола. В русском языке формы СТРАД, особенно синтетические, более или менее свободно образуются только от прототипических действий, но не от состояний и процессов. Этот контраст особенно наглядно проявляется на материале разных значений одного и того же глагола, одно из которых акционально, а другое неакционально. Ср. *покрывать расходы* и *покрывать поля*, *принимать больных* и *принимать острую форму*, *приобретать собственность* и *приобретать здоровый вид*, *развивать идею* и *развивать скорость* и т. п.

Во фразе *Все расходы по командировке покрываются принимающей стороной* описывается действие принимающей стороны, которая выполняет роль Агенса при глаголе в форме СТРАД. Во фразе *Поля покрываются снегом* описывается некий природный процесс, и слово *снег* при глаголе *покрываться* выполняет роль Пациенса, а не Агенса, как нужно было бы для пассивной интерпретации. Значит, глагол *покрываться* — не форма СТРАД глагола *покрывать*, а особая медиальная лексема. Показательно, что она допускает форму СОВ *Поля покрылись снегом*, невозможную для прототипических форм СТРАД возвратных глаголов. Ср. неправильность **Расходы покрылись принимающей стороной*.

Можно сказать *Больные принимаются специалистами по средам*, потому что *принимать* в данном случае обозначает действие, но не **Иногда спорами принимается острая форма*, потому что здесь речь идет не о действии, а о начале состояния. Ср. также: *Часть го-*

сударственной собственности приобретается иностранными фирмами [действие], но не **Здоровый вид приобретается им в деревне* [неконтролируемый процесс]; *Эта идея развивается им в ряде последних работ* [действие], но не **Этой машиной развивается скорость в 200 км/час* [свойство].

Наклонение (ПОВЕЛ). В интересующем нас аспекте поведение форм ПОВЕЛ похоже на поведение форм СОВ.

Прежде всего эта форма, как и подавляющее большинство других глагольных форм, характерна для акциональных глаголов. Стативам она не свойственна. Известно, например, что она отсутствует у физических стативов *видеть* и *слышать*: нельзя сказать **Видь парус на горизонте*, **Слышь стук в дверь*. В работе [Булыгина 1982] этот запрет был объяснен тем, что глаголы *видеть* и *слышать* обозначают состояния, а не действия.

Впрочем, в ряде случаев от глагола со значением состояния формально возможны формы ПОВЕЛ. В связи с этим в [Апресян 1980] было обращено внимание на то, что такие формы никогда не выражают прототипического для них значения побуждения (следовало бы добавить, что речь идет о формах неотрицательного императива). Так, формы *Знай (пойми) (что она тебя любит)* имеют значение разделяемого знания (понимания): 'Я (говорящий) знаю, что она тебя любит; я считаю, что ты тоже должен это знать (понимать) и руководствоваться этим знанием (пониманием) в своих действиях'. Форма *Считай (что я этого не говорил)* значит 'Можешь считать (что я этого не говорил)', иногда с оттенком безразличия говорящего по поводу того, что именно адресат считает; ср. *Считай, что тебе повезло* = 'Можешь считать, что тебе повезло; мне безразлично, что именно ты считаешь'. В синтаксической фразе *Думай, что хочешь* к значениям псевдоразрешения и безразличия говорящего по поводу мнений адресата добавляется отрицательная оценка каких-то его действий или самой его личности, вызванная скорее всего разногласиями говорящего с адресатом.

Словообразование. Известно, что акциональность глагола со значением действия может возрастать у его приставочных производных. Таков, например, глагол *охать* — *охаивать (кого — что-л.)*, образованный от основы глагола *хаять*. Хотя последний глагол, безусловно, акциональный, степень акциональности его приставочного производного существенно больше. Поэтому, например, фраза *Эта пьеса охаивалась критиками всех направлений* воспринимается как

грамматически правильная, а фраза ²³ *Эта пьеса хаялась критиками всех направлений* по меньшей мере сомнительна.

Весьма показательны в этом отношении транзитивные моторно-некратные глаголы перемещения *везти, вести, гнать, катить* и их приставочные производные типа *ввезти, ввести, вывезти, вывести, выгнать, выкатить, завезти, завести, загнать, перевезти, перевести, перегнать, перекатить* и т. п. Последние с гораздо большей свободой образуют синтетические и аналитические формы СТРАД, чем исходные бесприставочные глаголы. Ср. *В 70-е годы картофеля в Россию ввозился даже с Кубы, До революции зерно из России вывозилось во все страны Европы* при затрудненности ²⁴ *Картофель везет с Кубы*; ср. такие же отношения в парах *ввести — вести, вывезти — везти, вывести — вести, выгнать — гнать, выкатить — катить, завезти — везти, завести — вести, загнать — гнать, перевезти — везти, перевести — вести, перегнать — гнать, перекатить — катить* и т. д.

Многозначность. Выше, в связи с категорией залога, мы уже рассматривали случаи, когда разные лексемы одного и того же глагола имеют разные залоговые свойства в зависимости от того, принадлежат ли они к классу акциональных предикатов или к классам процессов, состояний и свойств. Такие примеры заслуживают более подробного обсуждения как имеющие принципиальный теоретический интерес: факты расхождения грамматических парадигм у разных лексем одного и того же глагола лишней раз свидетельствуют о том, что единственной лингвистической реальностью в области лексики является не слово, а лексема (т. е. слово, взятое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении свойств).

Вернемся к аспектуальному материалу и рассмотрим пример расхождения аспектуальных свойств у разных лексем одного и того же глагола, относящихся к разным классам ФКП. Как известно, моментальные глаголы в форме НЕСОВ обозначают действие, достигшее результата. Поэтому в форме НАСТ НЕСОВ для них невозможно актуально-длительное значение. В этой форме они либо обозначают многократные или узуальные действия, либо употребляются в результативном Praesens historicum, т. е. в нарративе, неважно, бытовом или книжном. Таков, например, глагол *заходить* в главном для него чисто акциональном значении пешего перемещения; ср. *Мы медленно бредем к нашему дому, заходим под арку и при свете фонаря читаем рукописную афишу* (В. Аксенов). Если, однако, у *захо-*

дить значение акциональности по той или иной причине ослабляется, и действие, обозначаемое глаголом, сближается с процессом, немедленно возникает возможность употребления такой лексемы в актуально-длительном значении. Это происходит, в частности, в тех значениях глагола *заходить*, в которых он описывает перемещение транспортного средства, включая летательные аппараты: *Судно заходит в бухту (в гавань, за рифы); Самолет заходит на посадку; — Заходит на второй круг атаки, — доложил пилот* (В. Аксенов). Любопытно, что указанная способность сохраняется и тогда, когда позицию подлежащего замещает (метонимически) имя человека: — *Что там у вас? — Заходим в гавань; Захожу на посадку* (в ситуации, когда пилот самолета описывает свои действия).

Ясно, что указанное свойство должно особенно ярко проявляться у тех значений глагола *заходить*, в которых он обозначает чистый процесс: *Солнце уже заходит, Луна заходит за тучу*. Процессы — почти единственный класс предикатов, в форме НЕСОВ всегда допускающих употребление в актуально-длительном или дуративном значении (два других класса — поведения и проявления).

Синтаксис. Главный интерес представляют, конечно, управляющие свойства глаголов, которые будут подробно рассмотрены ниже. Здесь, исключительно для полноты предлагаемой сводки, приводится только один пример.

Рассмотрим два смысла, каждый из которых формирует семантический класс с хорошо мотивированными управляющими свойствами, — 'говорить' и 'побуждать'.

Смысл 'говорить' лежит в основе всех речевых актов, причем для большинства из них характерна форма ДАТ в роли Адресата и различные типы придаточных предложений в значении Содержания высказывания¹¹. В данном контексте для нас существенно, что в число управляемых предложений входит косвенный вопрос: *Спроси у отца, как тебе поступить (куда пойти работать, где лучше защищать диссертацию)*.

Смысл 'побуждать' лежит в основе значений компактного класса глаголов (подробнее описываемых в разделе 3.3.2.2.3), для которых характерна форма ВИН в роли Пациенса и форма ИНФ в значении

¹¹ Агенса, Адресата, Пациенса, Содержания, Цель и т. п. — названия ролей семантических актантов; полный список выявленных в нашем исследовании и используемых при описании управления семантических ролей, вместе с пояснениями или определениями, см. в разделе 3.5.

Содержания побуждения: *Ее все подбивали тащить мужа в суд* (Ф. М. Достоевский). При этом, хотя многие, если не все, глаголы этого класса включают в свое значение смысл 'говорить' (*угovarивать, подговаривать, уламывать, агитировать* и даже *подбивать, подзуживать, подначивать, подстрекать*), он настолько глубоко запряган, что, в сущности, никак себя не проявляет: все эти глаголы управляют формой ВИН, а не ДАТ, и ни один из них не управляет косвенным вопросом.

Посмотрим теперь на глаголы *приказывать* (кому-л. сделать что-л.) и *советовать* (кому-л. сделать что-л.). И тот, и другой обозначают речевые акты, о чем свидетельствует форма ДАТ в роли Адресата. В обоих представлена и идея побуждения, о чем свидетельствует форма ИНФ. Однако в толковании *приказывать* вершинным смыслом является 'побуждать', и поэтому он не управляет косвенным вопросом. Между тем в толковании *советовать* вершинным смыслом является 'говорить', и поэтому для него такое управление в принципе возможно: *Посоветуй, как мне быть* (*куда пойти работать, где лучше защищать диссертацию*).

Из других синтаксических явлений, на материале которых можно продемонстрировать чувствительность синтаксиса к ФКП, упомянем инфинитивные конструкции с глаголом *начинать*. Если *начинать* подчиняет инфинитив акционального глагола, то вся конструкция имеет значение начала какого-то действия, деятельности, занятия, поведения и т. п.; ср. *Ты как хочешь, а я начинаю завтракать* [действие]; *Мы начинаем торговать* [деятельность]; *Знакомится с девушкой и тут же начинает флиртовать* [занятие]; *Дети начинают шалить* [поведение].

С прототипическими (ментальными) стативами *начинать* сочетается неохотно; невозможно **Я начинаю знать, что мой доклад перенесен на вторник* и плохо или сомнительно *??Я начинаю считать, что он не так прост, как кажется*. Правда, можно сказать *Я начинаю думать, что он не так прост, как кажется*, но здесь словосочетание *начинаю думать* безусловно фразеологизовано и обозначает не начало состояния, а просто состояние. Пожалуй, единственное заметное различие между синонимичными высказываниями *Я начинаю думать, что он не так прост, как кажется* и *Я думаю, что он не так прост, как кажется* состоит в том, что в первом случае говорящий выражает свое мнение в слегка смягченной форме.

Сочетаемость. Здесь наибольший интерес представляет та область лексико-семантической сочетаемости, которая описывается с

помощью аппарата лексических функций (ЛФ) модели «Смысл ↔ Текст», особенно функций семейства OPERi — Laborij — FUNCi. Раньше глаголы этого семейства рассматривались как «семантически пустые», а выбор определенного глагола в качестве значения данной функции от данного аргумента — как семантически немотивированный. В серии работ [Апресян 2003, 2004а, 2004б, 2004в, 2006а, 2009] была предпринята ревизия обоих тезисов. Там было показано, что глаголы этого семейства имеют собственные лексические значения и что поэтому их выбор на роль значения данной функции от данного аргумента семантически мотивирован, хотя и не стопроцентно. Мы позволим себе больше не задерживаться на этой теме, отослав читателя к названным работам.

Итак, принадлежность единиц самой разной природы к тем или иным классам ФКП определяет существенные свойства их языкового поведения. Естественно ожидать, что ФКП проявит себя и на материале глагольного управления.

3.3.2. ФКП и глагольное управление

3.3.2.1. Общая характеристика

Принадлежность к любому из названных классов и подклассов позволяет формировать определенные ожидания относительно числа, состава и ранга семантических актантов глагола. Более того, в случае небольших по объему классов по семантическому классу глагола можно с достаточной долей уверенности предсказывать и более специальные управляющие свойства, в частности способы внешнего (в том числе морфологического) оформления актантов; см. пример, приведенный в разделе 3.3.2.2.4, а также способы внешнего выражения второго актанга интерпретационных глаголов в [Апресян 2006а, 2009].

Посмотрим с указанных точек зрения на некоторые другие классы. У действий, деятельностей, занятий и поведений есть обязательная семантическая валентность Агенса, заполняемая именем человека или другого подобного ему существа или артефакта (например, работа), способного к целенаправленной деятельности. Действия и деятельности могут иметь актант со значением Цели, причем для действий это обычно непосредственная цель (ср. *вести лошадей на водопой*), а для деятельностей — конечная (ср. *воевать за передел мира*). Первый актант у процессов — Пациенс, у воздействий — Причина, у локализаций — Объект, у состояний — Экспериментер, а у

свойств — Обладатель. У процессов и состояний часто есть актанта со значением Причины, например *трястись от холода, радоваться приезду родителей*. Локализации, параметры и свойства сами по себе не имеют ни Причин, ни Целей.

В классе действий сосредоточены самые многоактантные предикаты; ср. *выбирать* (кто, кого/что, из чего, по какому признаку, для чего, ср. *Выбирать не из чего, Выбери осину повыше, Выбери место для палатки*); *писать* 4 (кто, кого/что, на чём, чем, чем, ср. *писать батальную сцену на огромном холсте, писать колонковой кистью, писать масляными красками*); *везти* (кто, кого/что, куда, откуда, на чём, чем, для чего, ср. *везти лошадей на грузовиках (поездом), везти детей из школы в город на экскурсию*); *командировать* (кто, кого, куда, откуда, с какой целью, на какой срок, ср. *командировать трех сотрудников на пять дней из Москвы в Пермь для участия в региональной конференции*). У других классов предикатов число актантов, как правило, не превышает трех.

Поведения (*баловаться, капризничать, проказничать, хулиганить, шалить*), свойства (*заикаться, картавить, шепелявить, горбиться, сутулиться, хромать*) и проявления (*вонять, горчить, жечься, колотья*) — это принципиально одноактантные глаголы.

Параметры — обычно двухактантные глаголы, с именем объекта на первом месте и значением параметра на втором, ср. *Мешок весит пять пудов, Зал вмещает до тысячи человек, Лекция длится полтора часа, Город насчитывает сто тысяч жителей*¹². В немногих случаях параметрические глаголы могут быть трехактантными. Таков, например, глагол *отстоять*: *Местечко [A1] отстояло от вокзала [A2] на четыре версты [A3]* (Куприн, МАС). Ср. также трехместные параметрические существительные *расстояние* (от чего, до чего, какое) и *давление* (чего, на что, какое, например *давление газа [A1] на стенки [A2] сосуда в сто атмосфер [A3]*). Параметрический

¹² Под параметры маскируются некоторые глаголы со связочным значением; ср. *Глубина реки в некоторых местах достигает (доходит до) десяти метров, Длина самой большой улицы Мехико равняется 50 километрам, Численность города составляет более полумиллиона человек*. На это обстоятельство внимание автора обратила (устно) И. Б. Левонтина на материале глагола *равняться*. Обманчивое впечатление сходства таких связей с параметрами возникает из-за того, что их первым актанта может быть только параметрическое существительное. Это — не единственная группа идиоматичных связей в русском языке; ср. глаголы *доводиться* и *приходиться* в сочетаниях типа *Он доводится (приходится) мне дядей*.

компонент может входить и в значение многоактантных предикатов; таково, например, существительное *налог*: $A1 = \text{кто платит}$, $A2 = \text{сколько (налог в тысячу рублей в год)}$, $A3 = \text{на что (на землю, на дом)}$, $A4 = \text{кто получает (государственный)}$.

Интерпретации — принципиально двухактантные глаголы, причем их второй актанта обозначает конкретное действие или событие Р, являющееся предметом интерпретации, и часто выражается деепричастием; ср. *Вы [A1] ошибаетесь, думая [A2 = Р], что он вас боится*. Кроме двух базовых актантов, образующих собственно интерпретацию, у них могут быть и другие актанта, входящего в состав самого интерпретатива; ср. *Вы (A1) клеветеете [R] на него [A2], говоря [A3 = Р], что он бросил семью*.

Деятельности обычно не более чем трехактантные предикаты, ср. *бороться* (*воевать, конкурировать*) (кто, с кем, за что), *договариваться* (кто, с кем, о чем), *торговать* (кто, с кем, чем). В русском языке в классе деятельностей выделяется компактная группа двухактантных предикатов со значением управления, второй актанта которых выражается формой ТВОР: *заведовать* (клубом), *заниматься* (хозяйством (политикой, спортом)), *командовать* (армией), *править* (Петр Первый больше четверти века правил Россией), *распоряжаться* (имуществом), *руководить* (институтом), *управлять* (имением).

Глаголы со значением положения в пространстве (*валиться, висеть, лежать, опираться, сидеть, стоять*) имеют по три базовых актанта — локализуемого Объекта, опоры (*висеть на перекладине (на стене), лежать на полу, опираться на перила, сидеть (стоять) на стуле, упираться (шестом) в стенку иллюза*) и Рабочей части объекта, на которую он опирается (*висеть на руках, лежать на боку, опираться локтем на спинку стула, сидеть на корточках, стоять на одной ноге, упираться лбом (в стекло)*)¹³. Возможно, что у четырех основных глаголов этого класса — *висеть, лежать, сидеть* и

¹³ Все эти актанта наследуются, в преобразованном виде и с добавлением четвертого, агентивного актанта, каузативными глаголами действия *валить, вешать, класть, опирать, опрокинуть, прислонять, сажать, ставить* и т. п.; ср. *повалить (опрокинуть) кого-л. на спину, повалить (опрокинуть) что-л. на пол*. Отметим еще образованные от основных глаголов положения в пространстве пердуративы типа *провисеть, пролежать, просидеть* и *простоять*. Они обозначают действия и тоже имеют четырехактантные МУ: в добавление к трем базовым актантами положений в пространстве у них появляется актанта со значением Времени; ср. *провисеть пять минут на одной руке, пролежать трое суток на спине, просидеть три часа на корточках, простоять час на одной ноге*.

стоять — есть четвертый актанта со значением местоположения; ср. *висеть под потолком, лежать (сидеть, стоять) у костра*.

Близкие к ним МУ имеют еще две группы глаголов: а) глаголы со значением «обращенности» строений в определенную сторону пространства, ср. *Дом выходит (смотрит) окнами в сад, Дом стоит (расположен) окнами на восток*; б) глаголы со значением выдвинутости каких-то предметов или их частей в открытое пространство из той среды или объекта, внутри которого они находятся, ср. *высунуться головой из окна, Затопленная лодка торчит носом из реки, Гвозди торчат остриями наружу*.

Особый подкласс внутри глаголов пространственного положения образуют глагол *тянуться* и производный от него глагол *протянуться* (о пространственных объектах типа дорог). Оба включают параметрический компонент и насчитывают до четырех актантов: Объект (*что протянулось (тянется)*), Направление (*куда протянулось (тянется)*), Маршрут (*по чему / через что / между чего / вдоль чего...*) *протянулось (тянется)*), и Расстояние (*на сколько протянулось (тянется)*). Ср. *По полю (между холмов) тянется (протянулась) линия электропередач, Дорога протянулась с севера на юг через весь континент, Трасса протянулась (тянется) вдоль реки на сотни километров*.

Подклассы каждого последующего уровня внутри данного класса ФКП позволяют делать все более точные предсказания о числе, рангах и семантических ролях актантов.

Ниже мы рассмотрим с этой точки зрения, без каких-либо претензий на полноту, несколько подклассов основного класса — предикатов со значением действий. Мы сосредоточимся преимущественно на многоактантных предикатах, с числом актантов от четырех и более, — не только потому, что они сами по себе более интересны и менее изучены, чем предикаты с меньшим числом актантов, но и для того, чтобы ввести в обращение материал, полностью игнорируемый традиционной теорией управления.

Весь материал будет разбит на две большие группы: а) многоактантные глаголы и б) многоактантные существительные.

Перечисляемые ниже классы предикатов и отдельные предикаты характеризуются со следующих точек зрения: 1) общее значение предикатов данного класса; 2) число актантов у входящих в него предикатов; 3) ранги актантов; 4) их семантические роли; 5) внешние (предложно-именные и иные) формы их выражения; 6) словообразовательная структура предикатов, точнее, — вклад префикса в их

значение и, следовательно, в МУ; 7) возможность мены диатезы в пределах одной лексемы¹⁴; 8) семантические связи между разными классами лексем, включая отношения синонимии и конверсии; 9) семантически мотивированные корреляции между корнем лексемы и приставкой; 10) семантически мотивированные корреляции между предикатом и внешней формой выражения актанта.

Первые четыре типа информации обязательны, а последние шесть — факультативны; при этом мены диатез подробно рассматриваются в разделе 3.4.2.

Возьмем в качестве примера класс ‘передача денежных или иных средств какому-л. лицу для его цели’, т. е. глаголы типа *ассигновать (институту миллион рублей на закупку оборудования), выделять (военному ведомству крупные суммы на приобретение жилья для офицеров), выкормить (сыну деньги на поездку в санаторий), жалеть (ребенку 10 рублей на мороженое), (по)жертвовать (городу миллионы долларов на строительство олимпийских объектов), направить (в городской бюджет большую сумму на строительство детской больницы), отвести (институту часть строящегося здания под лаборатории), отпустить (университету огромные средства на закупку современной вычислительной техники)* и т. п.¹⁵ Схематически все перечисленные выше типы информации можно представить следующим образом (на примере глагола *ассигновать*, значение которого вполне соответствует указанному выше значению всего класса):

¹⁴ Напомним, что диатезой, в соответствии с классическим определением из [Мельчук, Холодович 1970], называется соответствие семантических и синтаксических актантов лексемы; так, диатеза глагола *видеть* выглядит следующим образом: Экспериенсер ⇔ подлежащее, Объект ⇔ дополнение.

¹⁵ Нельзя не обратить внимание на почти полное единство способов внешнего оформления каждого из четырех актантов у всех глаголов этого класса; ср. в особенности выражение четвертого актанта предложно-именной группой *на* + ВИН.

Перейдем к более систематическому обзору классов.

3.3.2.2. Многоактантные глаголы

Основных типов ситуаций (семантических классов, семантических полей), обслуживаемых многоактантными предикатами, четыре: перемещения, действия с объектами, взаимодействия двух людей и контакт.

3.3.2.2.1. *Перемещение*¹⁶. Лексика перемещения, особенно неавтономного, по числу многоактантных глаголов оказывается вне конкуренции. Отметим прежде всего ее семантическое богатство. В ней выделяются по крайней мере следующие хорошо представленные классы:

1) автономное перемещение: *идти* (*ходить, бежать, бегать*) *из школы на занятия кружка*;

2) неавтономное перемещение: *ехать* (*ездить*) *из Петербурга в Москву на поезде*;

3) каузация перемещения объекта: *вести* (*водить*) *ребенка из детского сада домой*;

4) каузация перемещения объекта без перемещения Агенса: *свалить щепенку из машины на землю*;

5) каузация перемещения от Агенса (изгнание): *изгнать кого-л. из страны за правозащитную деятельность*;

6) каузация перемещения к Агенсу (вызов): *вызвать к себе завлабов для обсуждения плана работ (на совещание)*;

¹⁶ Напомним, что мы различаем перемещения в собственном смысле (locomotion) и движения. Перемещение — это последовательное нахождение объекта в разных точках никак не ограниченного пространства в разные моменты времени. Прототипическое движение — это изменение в ограниченном и обычно небольшом пространстве положения таких объектов, у которых есть стационарное место крепления к другому объекту. Хороший пример этого класса предикатов — двухактантные глаголы со значением квантованного (прерывистого) движения, причем Агенса у них обозначает живое существо, а Пациенса — его часть, конечность и т. п., обычно в форме творительного падежа: *бить* (*хвостом*), *блуждать* (*глазами*), *болтать* (*ногами*), *вертеть* (*головой*), *взмахивать* (*гривой*), *вилять* (*хвостом*), *вихлять* (*бедрями*), *вращать* (*глазами*), *встряхивать* (*гривой*), *двигать* (*ушами*), *дергать* (*щечкой*), *качать* (*головами*), *крутить* (*головой*), *махать* (*крыльями*), *мотать* (*головой*), *покачивать* (*бедрями*), *размахивать* (*кулаками*), *трепетать* (*крыльями*), *трясти* (*головой*), *шевелить* (*пальцами*), *шмыгать* (*носом*).

7) попытка каузации перемещения к Агенсу: *зывать кого-л. в Завидово поохотиться*.

С другой стороны, в русском языке богатство лексики перемещения объясняется и его формальными особенностями, конкретно — широко развитым префиксальным глагольным словообразованием: именно со словами этого поля глагольные префиксы *в-/во-*, *вз-/вс-*, *воз-/вос-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-/изо-*, *на-*, *о-/об-/обо-*, *от-/ото-*, *пере-*, *по-*, *под-/подо-*, *при-*, *про-*, *раз-/разо-/рас-*, *с-/со-*, *у-* наиболее активны и дают наибольшее число семантически прозрачных производных.

Ниже названные классы глаголов рассматриваются более подробно.

Включение глаголов автономного перемещения *идти, бежать, лететь, плыть* и их приставочных производных — базовых для всей русской «переместительной» лексики — в число четырехактантных предикатов может показаться сомнительным. На первый взгляд, у них есть всего три бесспорных актанта, наследуемых от глагола *перемещаться*: *кто/что перемещается* (Агенса/Пациенса) *откуда* (Начальная точка) и *куда* (Конечная точка). Следует, однако, учитывать то обстоятельство, что глагол *перемещаться* безразличен к природе места или пространства, в которых происходит перемещение. Между тем названные выше базовые глаголы перемещения содержат в своем значении ясное указание на поверхность или пространство перемещения: *идти (бежать) по полю (по дороге)*, *лететь по небу*, *плыть по реке* и т. п. В нормальных обстоятельствах *идут (бегут)* по относительно твердой поверхности, *летят* в воздушной среде, а *плывут* — в водной, и это должно быть указано в толкованиях соответствующих глаголов. Весьма вероятно поэтому, что у перечисленных базовых глаголов следует усматривать четвертый актант — Поверхность или Пространство перемещения¹⁷. Впрочем, это всего

¹⁷ Возрастание числа актантов у глаголов, обозначающих виды Р, по сравнению с числом актантов у глагола с родовым значением 'Р', объясняется тривиальной семантической закономерностью: видовая специфика может создаваться, среди прочего, и за счет того, что в ситуации Р появляется новый участник. Ср. аналогичную картину в классах глаголов со значением 'создание' и 'деление', о которых см. ниже. Впрочем, у глаголов с более общим значением тоже могут возникать актанты, которых нет у их гипонимов, но в основе этого механизма лежит прагматическая закономерность: глаголы с более общим значением употребляются в более широком круге ситуаций. Таков, например, глагол *бить*, который в основном лексическом значении может употребляться в ситуации наказания и за счет этого приоб-

лишь гипотеза, нуждающаяся в более глубоком исследовании, и в дальнейшем изложении мы воздержимся от включения этого актанта в структуру других глаголов перемещения.

Глаголы **неавтономного** перемещения типа *ехать, ездить, лететь, летать, плыть, плавать* и их многочисленные приставочные производные, а также глаголы *подниматься, прибывать, спускаться* и некоторые другие имеют следующие четыре актанта: Агенса, Конечная точка, Начальная точка, Инструмент (транспортное средство): *ехать на лошадях (на собаках, на машине, на поезде), лететь на вертолете, плыть на океанском лайнере, подниматься (спускаться) на лифте на пятый этаж, прибыть на самолете* и т. п.

Столько же актантов у класса **каузативных** глаголов перемещения, но состав актантов, естественно, несколько иной: Агенса, Пациенса, Конечная точка и Начальная точка. Таковы *вести (кто, кого, куда, откуда), гнать, катить, нести, поднимать, тащить, тянуть* и их многочисленные префиксальные производные (ср., например, *подтянуть резервы из глубокого тыла к передовой*).

При этом у всех корневых глаголов и большинства префиксальных производных порядок актантов совпадает с указанным выше каноническим порядком, а у глаголов с приставками *вы-, из-/изо-, с-/со-* и частично *от-/ото-* Конечная и Начальная точки меняются местами.

У **каузативных** глаголов **неавтономного** перемещения (*везти, вывезти, завезти, перевезти, подвезти* и т. п., а также *отправить, переправить, поднять*), в силу только что сказанного, число актантов возрастает до пяти: Агенса, Пациенса, Конечная точка, Начальная точка, Инструмент; ср. *вывозить пострадавших из зоны бедствия в Москву на самолетах МЧС*¹⁸, *отправлять раненых в*

ретает по сравнению со своими гипонимами валентность Мотивировки: *бить кого за что*; см. раздел 3.3.4.1.

¹⁸ Примеры употребления многоактантных предикатов, у которых реализованы все семантические валентности (по большей части, именно такие примеры мы используем в разделах о многоактантных предикатах), часто производят впечатление некоторой (а иногда и весьма значительной) искусственности. Действительно, в реальной речевой практике редко встречаются фразы типа *Я езжу из Балашихи в Москву на работу на автобусе*: непонятно, ответом на какую информационную потребность может быть высказывание, в котором столько потенциальных рем. Однако у наших примеров совсем другая цель. Они иллюстрируют не реальное речепотребление, а исключительно принципиальную актантную структуру данного предиката. Конечно, можно было бы пользоваться гораздо более естественными при-

*тыл на санитарных поездах, переправить людей на другой берег на плотках, поднять вещи с пятого этажа на шестой на лифте*¹⁹.

У глаголов *нести, тащить* и их префиксальных производных (*внести, втащить, вынести, отнести, перенести, перетащить* и ряда других) есть пятый актант, который семантически ближе всего к Инструменту. В этой роли выступает часть тела человека или животного; ср. *нести (тащить) раненого на плечах (на спине)*.

Упомянем, наконец, отдельно стоящий каузативный глагол перемещения *доставлять*, у которого к четырем базовым актантам тоже добавляются два новых — Инструмента и Цели: *доставлять раненых на самолете в Москву для дальнейшего лечения*²⁰.

К числу каузативных глаголов перемещения можно условно отнести еще глаголы типа *засылать, пересылать, подсылать, посылать, присылать* и исходный для них устаревающий глагол *слать*, а также *командировать, направлять, отправлять, отпускать*, с той поправкой, что все они, в отличие от прототипических каузативов перемещения, предполагают только перемещение Пациенса, но не Агенса. Точнее, они обозначают каузацию перемещения Пациенса **от Агенса**.

Все они сохраняют четыре базовых актанта прототипических каузативных глаголов перемещения (*кто, кого / что, куда, откуда*), к которым у них добавляется пятый актант со значением Цели²¹. Чаще всего он выражается предложно-именными группами вида *для*

мерами типа *ездить на работу из Балашихи, (каждый день) ездить на работу в Москву, ездить на работу на автобусе*, но текст в этом случае должен был бы вырасти минимум вдвое.

¹⁹ Пятый актант глаголов неавтономного перемещения, нетранзитивных и транзитивных, выражается еще одним способом, — формой ТВОР, ср. *ездить на работу автобусом, вывозить людей из зоны бедствия самолетами МЧС*. Эта форма выражения актанта имеет ряд интереснейших особенностей, которые комментируются в разделе 3.4.5.

²⁰ Квазиантонимом ко всем рассмотренным глаголам каузации перемещения Пациенса является глагол *оставлять* ≈ 'делать так, чтобы кто-то не уходил (не уезжал)'. У него тоже есть актант Цель, возможно, наследуемый от декаузатива *оставаться*; ср. *оставлять кого-л. на обед (обедать)*. С учетом того, что у *оставлять* есть еще актант Место (*оставлять портфель дома (детей с бабушкой)*), общее число актантов этого глагола достигает четырех.

²¹ В данном случае речь почти всегда идет не о цели Пациенса (ср. класс *ассигновать*), а о цели Агенса. Исключение — глагол *командировать*, который в разных употреблениях может указывать на любую из них.

чего, за кем-чем, на что, а также инфинитивом или предложением с союзом *чтобы*. Ср. *отослать жену на дачу сидеть с детьми; переслать отчет в Президиум для принятия окончательного решения; Его подослали шпионить за вами; посылать кого-л. за врачом (за газетами); посылать кого-л. на производственную практику (стажироваться); За профессором прислали машину; Ее прислали присматривать за ребенком (чтобы она присматривала за ребенком)*. Ср. также *направлять (отправлять) кого-л. на лечение (лечиться), отправить машину за иностранными гостями, отпустить кого-л. на охоту (поохотиться)*.

У глагола *командировать* к указанным пяти актантам прибавляется еще один — Срок; ср. *командировать кого-л. в Воронеж для чтения лекций (прочитать курс лекций), командировать кого-л. в Институт Макса Планка на целый месяц*.

Во всех перечисленных случаях речь идет о разного рода конструктивных действиях, у которых есть цель.

Конструктивному действию посылания в определенном отношении соответствует репрессивное действие **изгнания**: глагол *изгнать* тоже обозначает каузацию перемещения от Агенса. Однако у него место Цели занимает актант со значением Мотивировки; ср. *изгнать кого-л. из страны за правозащитную деятельность*²².

Противоположное значение каузации перемещения Пациенса к Агенсу, или значение **вызова**, представлено глаголами типа *вызывать* и *затребовать*. У них к четырем базовым актантам (Агенс, Пациенс, Начальная точка, Конечная точка) добавляются два новых актанта — Цель и Способ; ср. *вызвать к себе завлабов для обсуждения плана работ (на совещание), вызвать кого-л. из Петербурга в Москву по телефону, затребовать кого-л. в Белый Дом телеграммой*.

Отметим интересное общее свойство всех глаголов, обозначающих каузацию перемещения Пациенса без одновременного перемещения Агенса, неважно, идет ли речь о перемещении от Агенса или к нему, т. е. глаголов типа *высылать, засылать, отсылать, посылать, командировать, направлять, отправлять, изгонять, вызывать, затребовать* и других подобных: они не допускают употреб-

²² Похожую актантную структуру имеют близкие по смыслу к *изгнать* глаголы типа *исключить (кого-л. из университета за неуспеваемость), отлучить (кого-л. от церкви за проповедь экуменизма), отрешить (кого-л. от должности за превышение полномочий), уволить (кого-л. из института по сокращению штатов)*.

ления в актуально-длительном значении НЕСОВ. Это, следовательно, моментальные глаголы, притом точечные, т. е. не имеющие подготовительных фаз (в отличие, например, от *стрелять*). Обозначаемое ими действие существует целиком в первый же момент своего выполнения. Указанное свойство тоже отличает все такие глаголы от прототипических каузативов перемещения.

По-видимому, похожую актантную структуру, но без свойства моментальности, имеют и глаголы со значением **попытки** каузации перемещения к Агенсу (тип *завлекать, зазывать, звать, подманывать, приглашать, приманивать* и т. п.). У них к четырем базовым актантам добавляется актант Цель; ср. *завлечь кого-л. куда-л. с целью ограбления, звать (приглашать) кого-л. в Вологду на конференцию, зазывать кого-л. в Завидово поохотиться*. Есть основания думать, что некоторые из них, например, *завлекать*, предполагают еще и Способ выполнения действия, ср. *завлекать кого-л. куда-л., суля золотые горы*.

До сих пор мы рассматривали (за редкими исключениями) актантную структуру глагола перемещения в целом, без учета того вклада, который вносят в нее разные элементы его морфологической структуры. Для полноты картины полезно подчеркнуть тот достаточно очевидный факт, что новый смысл, добавляющий к общей актантной структуре корня свой собственный актант, может содержать в своем значении **приставка**. Таковы, например, приставки *от-, пере-, под- и про-*.

Приставка *пере-* вводит представление о преодолеваемой преграде: *перевезти через реку, перенести через ручей, переправить через границу* и т. п. С учетом этого обстоятельства число актантов у некоторых глаголов перемещения, в частности у *перевозить*, достигает семи.

Приставка *про-*, аналогично приставке *пере-*, вводит представление о преодолеваемой преграде и тем самым тоже порождает у глагола новый актант, но отличается от *пере-* тем, что глагол в целом обычно обозначает труднопреодолимую по разным причинам преграду; кроме того, класс производящих глаголов в этом случае более широк. Ср. *провезти кого-л. через границу, провести кого-л. через перевал, пронести нелегальщину через таможеню, не пропускать кого-л. в институт, Меня пропустили через запасной вход*²³.

²³ Проблема «наследования» актантов, которой мы здесь коротко коснулись, далеко не так проста, как можно заключить по приведенным примерам. В частности, мы ни в коем случае не утверждаем, что лобное слово, в

Приставки *от-* и *под-* вводят представление о расстоянии, на которое объект, обычно живое существо, удалился от другого объекта (*от-*) или приблизился к цели своего перемещения (*под-*). В результате число актантов производного глагола, какова бы ни была актантная структура исходного глагола, возрастает на единицу, так что даже простейшие непереходные глаголы автономного перемещения становятся как минимум четырехактантными. Ср. *отойти от реки к лесу на километр*, *отбежать (отлететь) в сторону шагов на десять*, *отползти от пня на пять метров*, *отступить на шаг от края пропасти*, *отступить на шаг в сторону*; *подходить к реке*, *подойти со стороны леса*, *подойти на расстояние выстрела*; *подкрадываться (подбираться) сзади*, *подкрадываться (подбираться) к жертве на расстояние двух шагов*. Ср. также *подбежать (подплыть) на три метра*, *подползти на расстояние вытянутой руки* и т. п.

3.3.2.2.2. Действия с объектами. Здесь можно выделить следующие крупные семантические подклассы:

- 1) действия, создающие свой собственный объект: *строить дом из готовых деталей*;
- 2) деление объекта на части: *распилить бревно на пять частей*;
- 3) отделение одного объекта от другого: *отбить доску от забора ударом топора*;
- 4) извлечение объекта из другого объекта или места: *выжать сок из лимона*;
- 5) удаление одного объекта с / из другого: *смахнуть пыль со стола тряпкой*;
- 6) выделение объекта в множестве: *выделять эту девочку среди ее сверстниц*;
- 7) выбор, подбор: *выбирать платье для выпускного вечера*.

Один из самых больших подклассов этого класса — глаголы со значением таких конструктивных физических действий, которые создают свой собственный объект.

толкование значения которого входит какой-то предикат, наследует все его актанты. Например, существительные со значением транспортных средств (*поезд*, *самолет*, *теплоход*) не наследуют актантов со значением Конечной и Начальной точек, хотя в их толкование так или иначе входят смыслы 'ехать', 'лететь', 'плыть', у которых эти актанты есть, и хотя возможны номинации *поезд Москва — Варшава*, *самолет Монреаль — Париж* и т. п. Дальнейшее нарастание предметности, как в слове *лайнер*, порождает запрет и на псевдоактантные сочетания типа *поезд Москва — Варшава*.

Наиболее общие по значению глаголы этого класса — *делить* и *строить* — трехактантные: *Она (Агенс) делает салат (Результат) из огурцов и помидоров (Пациенс)*, *Дети строят шалаши из тростника*. Однако глаголы с более специальными значениями типа *бурить (скважину)*, *валять (валенки)*, *ваять (скульптурную группу)*, *вязать (шарф)*, *гнать (спирт)*, *долбить (лунку)*, *ковать (меч)*, *копать (яму)*, *кроить (юбку)*, *лить (колокола)*, *метать (стога)*, *набирать (текст)*, *прясть (нить)*, *резать (фигурки)*, *рубить (избу)*, *сбивать (сливки)*, *ткать (гобелены)*, *чеканить (монеты)*, *шить (блузку)*, а также их многочисленные производные на *вы-* и *про-* типа *выковать (меч)*, *выкопать (яму)*, *выкроить (платье)*, *выпилить (смешную фигурку)*, *вырезать (ложку)*, *высечь (надпись на камне)*, *вытесать (доску)*, *выткать (узор)*, *пробурить (скважину)*, *продолбить (отверстие)*, *прокопать (траншею)*, *пропилить (отверстие)*, *прорезать (дыру)*, *прорыть (ход сообщения)*, *просверлить (дырочку)* и т. п. имеют четвертый актант — Инструмент.

Для наших дальнейших целей существенно обратить внимание на то, что Результат («внутренний объект») занимает в их актантной структуре второе место (имеет второй ранг), а Пациенс («внешний объект»), в данном случае — материал — третье место (третий ранг). Ср. *бурить скважину в земле турбобуром*, *ваять скульптуру из мрамора резцом*, *выбить узор на камне долотом*, *выбрить бритвой кружок на голове*, *высечь фигурку на доске*, *выпилить раму из фанеры лобзиком*, *вырезать ложки из березы ножом*, *долбить лунку во льду ломиком*, *пробить отверстие в стене ломом*, *прожечь отверстие в сейфе газовой горелкой*, *просверлить дырочку в стене дрелью*, *рубить избу из сосновых бревен одними топорами*, *чеканить монеты из серебра на станке*, *шить рубашку из фланели на швейной машинке*.

Интересный подкласс внутри этого класса образуют глаголы со значением способа приготовления пищи, а именно *варить*, *жарить*, *печь* и *тушить*. У всех перечисленных глаголов есть, по крайней мере, те же четыре актанта — Агенса, Результата (*ленивые вареники*, *котлеты*, *блины*, *рагу*), Пациенса (*из домашнего творога*, *из куриного фарша*, *из гречневой муки*, *из овощей*) и Инструмента (*в новой кастрюле*, *на тефлоновой сковороде*, *в духовке*, *в утятнице*). При этом три из них имеют еще один актант — Пациенс2 / Средство (тот основной материал, который расходуется в ходе выполнения действия); ср. *варить суп на мясном бульоне (на молоке)*, *жарить картофель на постном масле*, *тушить кролика в собственном соку*.

Особую группу образуют глаголы со значением каузации или ликвидации текста со следующим набором актантов: Агенса, Результата, Носителя информации, Инструмент/ Средство, ср. *написать несколько строк карандашом в своем дневнике, написать письмо красными чернилами, начертить орнамент на листе ватмана; вымарать черной тушью несколько строчек в своем дневнике, зачеркивать старый адрес в записной книжке красным карандашом.*

У некоторых глаголов этого класса, в частности, у *рисовать* и «живописного» *писать*, прямое дополнение выполняет одновременно семантическую роль Результата и (внешнего) Объекта, т. е. предмета изображения; ср. *писать старый замок, рисовать льва*. Ср., в отличие от этого, глагол *зарисовывать*, у которого прямое дополнение обозначает только Объект, но не Результат: зарисовка всегда требует наличия натуры, т. е. предмета изображения. Кроме того, у глагола *писать* Инструмент (кисти) и Средство (краски) — всегда разные актанты.

Заслуживает упоминания небольшая группа глаголов, обозначающих художественное изображение, — со следующими четырьмя актантами: Агенса, Объект/Результат, Носителя информации, Содержание. Ср. *выставить (изобразить, представить) кого-л. в своих мемуарах (в своем романе) злодеем.*

Следующий класс — глаголы со значением деления. Их семантическая связь с глаголами создания состоит в том, что деление тоже приводит к появлению нового предмета. Не случайно у них точно такой же состав актантов. Корень различий между двумя классами глаголов — в рангах актантов. У глаголов деления Пациенс — физический объект, подвергающийся воздействию, — стоит на втором месте (имеет второй ранг), а Результат — части, которые получают-ся в ходе выполнения действия, — на третьем (имеет третий ранг); ср. *(высыпать все грибы на стол и) поделить их на три части.*

Прототипический для этого класса глагол *делить* сам по себе предполагает всего трех участников — Агенса, Пациенса и Результата. Напомним, что точно такую же актантную структуру имеют и наиболее общие по значению глаголы создания — *делать* и *строить*.

Однако семантически более специальные глаголы этого класса, в полном соответствии с картиной, нарисованной на материале глаголов создания, обозначают действия, которые требуют еще одного участника. Этим участником, как и у глаголов создания, является Инструмент. Таковы корневые глаголы *дробить (молотом), колоть (мощным колуном), пилить (циркулярной пилой), резать (охотничьим*

ножом), рубить (туристическим топориком), сечь (саблей) и, может быть, еще некоторые. От всех этих глаголов возможны приставочные производные с приставками *пере-* или *раз(о)-/рас-*, ср. *перепилить брусок ножовкой на две части, перерубить планку надвое одним ударом топора, распилить доску циркулярной пилой на несколько частей, разрезать лист бумаги ножницами на мелкие кусочки, разрубить топором (распилить ножовкой) брусок на две части, рассечь рыбину на две части секачом.*

Аналогичным образом идея отделения (*кто, кого/что, от чего*) в чистом виде реализуется трехместным предикатом *отделить*, но с другим базовым набором актантов — Агенса, Пациенса и Пациенса₂; ср. *отделить белок от желтка*. Однако ряд более специальных действий, в основе которых лежит эта идея, тоже требуют для своего осуществления Инструмента; ср. *отделить свой участок от леса высоким забором, отрезать большую ветку от ствола секатором* и т. п.

В полном соответствии с естественными ожиданиями этот класс формируется почти тем же набором корневых глаголов, что и предыдущий (*бить, делить, колоть, пилить, резать, рубить, сечь*), с той разницей, что смысл 'отделение' в обязательном порядке требует наличия приставки *от-* в их составе. Ср. *отбить доску от забора небольшой кувалдой, отколоть несколько чурок от полена топором, отпилить полметра от бруса циркулярной пилой* и т. п. Ср. также переносные значения типа *отрезать несколько танков от колонны фланговым ударом, оторвать самолет от земли плавным движением штурвала.*

Данная группа связана также с группой глаголов, обозначающих ликвидацию контакта между двумя предметами (они рассматриваются в разделе 3.2.2.2.4). Многие глаголы этих двух групп могут быть с равным успехом отнесены к любой из них.

Со значением отделения тесно связано значение *извлечения*, а это последнее — со значениями *удаления* и *очистки*. Значение удаления, в свою очередь, связано со значением перемещения и является, таким образом, точкой перехода, своеобразным семантическим мостиком между двумя классами глаголов, на первый взгляд как будто не связанных друг с другом.

Глаголы со значением извлечения обычно включают в свой состав приставку *вы-* (наиболее заметные исключения — *извлекать, качать* и *черпать*); глаголы со значением удаления включают в свой состав приставки *вы-* и — существенно реже — *с-*. Глаголы обеих групп имеют одну и ту же актантную структуру: Агенса, Пациенса,

Пациенс2 & Место, Инструмент / Средство; ср. *выдернуть гвоздь из доски гвоздодером, выжать сок из лимона в соковыжималке, выкачать воду из колодца насосом, выкопать картофель лопатой, выкорчевать пень из земли топором, вычерпать (черпать) воду из кадки ведром (извлечение); выбить пыль из ковра палкой, вымести сор из избы метлой, вытереть пыль со стола мокрой тряпкой, вытянуть гной из раны пластырем, смахнуть пыль со стола тряпкой, спилить (срезать) сучки со ствола ножовкой (удаление).*

Не совсем ясна в этом отношении природа глагола *выкурить*, который одинаково приемлем и в значении извлечения (ср. *выкурить пчел из улья, Я его нашел под лавкой в кухне и насилу выкурил оттуда головешкой!* (М. Ю. Лермонтов)), и в значении удаления (ср. — *Я вас всех выкурю табаком, как тараканов!* (Мамин-Сибиряк, МАС)).

Для некоторых глаголов обеих групп возможна мена диатезы типа *выбить пыль из ковра — выбить ковер, выжать сок из лимона — выжать лимон, вытереть пыль с письменного стола — вытереть письменный стол, вычерпать воду из котла — вычерпать котел.*

Небольшая группа глаголов со значением очистки имеет похожий состав актантов, но с другой диатезой: Агенс, Пациенс, Пациенс2, Средство/Инструмент. Ср. *отчистить котелок от копоти наждачной бумагой, топориком очистить от колючих зарослей место для стоянки, очистить дно озера драгами, очистить воду от примесей, очистить стол от лишних бумаг.* Они, следовательно, находятся в отношении конверсии к глаголам со значением удаления; ср. *удалить примеси из воды — очистить воду от примесей.* Значение очистки тоже допускает, хотя и менее свободно, мена диатезы вида *отчистить брюки от пятен — отчистить пятна (на брюках).*

В связи с последней группой интересно взглянуть на глаголы *лечить, излечить* и *исцелить*, действие которых может метафорически мыслиться как своего рода очистка организма от болезни. Поэтому все они имеют похожую актантную структуру (*кто лечит* (Агенс), *кого лечит* (Пациенс), *от чего лечит* (Пациенс2), *чем лечит* (обычно Средство)) и допускают такую же мена диатезы: *лечить кого-л. от туберкулеза — лечить туберкулез.*

До сих пор речь шла о различных классах глаголов, обозначающих конструктивные физические действия. Упомянем в заключение этого раздела две небольшие группы многоактантных глаголов со значением таких действий, в которых преобладает ментальная составляющая. Это глаголы **выделения** объекта в множестве и **выбора** объектов из множества.

К первой группе относятся, например, глаголы *выделять* и *устар. отличать*, со следующим набором актантов: Агенс, Объект, Множество, Признак. Ср. *выделять кого-л. среди сверстников, выделять кого-л. по уму; Тот только истинный художник в наше время, кто умеет отличить в ней [действительности] самобытное, коренное от прищипого или наносного* (Ап. Григорьев, МАС).

Ко второй группе относятся глаголы *выбрать, набрать, отобрать, подобрать* и, может быть, еще некоторые с почти такой же актантной структурой, за исключением того, что у них есть пятый актант — Цель: *выбирать платье для выпускного вечера, отбирать собак для конкурса, набирать (подбирать) людей для работы над важным государственным заказом.*

3.3.2.2.3. *Взаимодействие двух людей.* В этом семантическом поле выделяются следующие классы глаголов:

- 1) обмен ценностями между двумя людьми: *покупать что у кого за сколько;*
- 2) обмен ценности на действие: *ответить кому-л. пять минут на выступление;*
- 3) обмен действиями между двумя людьми, в частности, реакция на действие другого человека: *ответить кому-л. согласием на его просьбу;*
- 4) компенсация: *наградить (наказывать) кого, чем, за что;*
- 5) кооперативное или антагонистическое взаимодействие двух людей: *помогать (мешать) кому-л. в работе полезными (неуместными) советами;*
- 6) побуждение или принуждение к действию: *страстной проповедью вдохновить кого-л. на подвиг, выстрелом заставить кого-л. остановиться;*
- 7) агрессивные физические действия: *пинать кого-л. ногами;*
- 8) игра: *выиграть у кого-л. в карты пятьсот рублей.*

В первом классе главный семантический подкласс — **обмен ценностями**. Он обслуживается прежде всего глаголами со значением купли-продажи и вообще товарно-денежных отношений между двумя участниками. Этот подкласс был основательно изучен в предшествующей литературе; можно даже допустить, с риском самого легкого преувеличения, что современная ролевая семантика начиналась с анализа многоактантных конверсивов *покупать* и *продавать*; см., например, (Fillmore 1966). Поэтому ниже мы рассмотрим актантную структуру двух названных базовых глаголов очень бегло, а сосредоточимся на некоторых менее изученных аспектах лексики купли-продажи.

Актантная структура глагола *покупать*: Агенс (*кто покупает*), Пациенс (*что покупает*), Контрагент (*у кого/где покупает*) и Пациенс2 (*за сколько или на сколько покупает, а также недорого, дешево, по дешевке, за бесценок, (почти) даром*); ср. *купить в фирменном магазине за тысячу долларов самый современный компьютер (на миллион долларов самые современные компьютеры)*.

Актантная структура глагола *продавать*: Агенс (*кто продает*), Пациенс (*что продает*), Контрагент (*кому продает*) и Пациенс2 (*за сколько или на сколько продает, а также дорого, недорого, дешево, по дешевке, за бесценок, (почти) даром*); ср. *Дед продал всю свою антикварную мебель за две тысячи какому-то любителю старины, В прошлом году Саудовская Аравия продала нефти на пять миллиардов долларов*.

Заметим в скобках, что для обоих глаголов типичны обстоятельства со значением способа оплаты типа *покупать (продавать) что-л. в кредит (в долг, в рассрочку, по безналичному расчету)*, семантически родственные четвертому актанту, но, естественно, не вытесняющие его.

У синонимов *покупать* и его префиксальных аналогов обнаруживается актантная структура доминанты, т. е. самого этого глагола, впрочем, с любопытными нюансами, которые ниже отмечаются по большей части неявно — преимущественно на уровне примеров: *брать (приобрести) что, у кого/где, за сколько (на сколько)*; *выкупить что, у кого, за сколько*; *закупить что, у кого/где, на сколько*; *накупить чего, у кого/где, на сколько*; *прикупить что, у кого/где, за сколько / на сколько*; *раскупить (разобрать, расхватать) все земельные участки за два дня по десять тысяч долларов за участок*; *скупить что, у кого/где, за сколько*. При этом у *раскупить, разобрать* и *расхватать*, с приставкой *раз(о)-/рас-* в распределительном значении, Пациенс2 (цена) выражается только распределительной группой (см. пример выше), а Контрагент настолько плохо выразим, что возникает мысль о его принципиальном отсутствии: значение приставки оказывается сильнее значения корня.

В группе глаголов с общим значением 'продавать' наблюдается почти такая же картина: большинство синонимов *продавать* и его приставочных аналогов, по понятной причине более редких, чем у *купить*, относительно точно воспроизводят его актантную структуру: *отдать кому-л. шубу за пять тысяч крон; Я отдал ему лошадь чистых кровей почти даром; перепродать машину скупицику за полцены; распродать по дешевке свое имущество кому попало; уступить своей знакомой почти новое пальто за три тысячи рублей*.

Отметим следующие мотивированные семантикой количества корреляции между значениями глаголов обеих групп в форме СОВ и способами выражения их актантов. При глаголе в СОВ возрастает вероятность того, что Пациенс будет иметь форму РОД, а второй Пациенс (цена) будет выражен предложно-именной группой *на сколько*; ср. *кутил (закутил, накутил, прикутил, продал) товаров на десять миллионов*. В целом эти корреляции более характерны для группы 'купить', чем 'продать'.

До сих пор мы рассматривали актантные структуры глаголов *покупать* и *продавать*, а также актантные структуры синонимов и аналогов каждого из них. Посмотрим теперь на актантные структуры их (неточных) конверсивов.

Отношения конверсии весьма характерны для этого семантического класса, как и для многих других классов предикатов, отражающих прагматически значимые для данного общества ситуации со многими участниками. Позволю себе процитировать в этой связи одно соображение из работы [Апресян 2009: 36]: «Для таких ситуаций язык развивает гнезда конверсивов, каждый из которых позволяет поднять ранг любого участника ситуации до первого ранга, т. е. ранга подлежащего. Ср. гнездо неточных конверсивов *купить, продать, стоить* и *уйти*, каждый из которых последовательно поднимает до первого ранга роль покупателя, продавца, товара и цены: *Я купил у него дачу за пять тысяч долларов, Он продал мне дачу за пять тысяч долларов, Дача стоила мне пять тысяч долларов, На дачу у меня ушло пять тысяч долларов* (очевидно, что два последних глагола — *стоить* и особенно *уйти* — могут использоваться не только в ситуации купли-продажи, но {...} и в ситуации аренды, строительства и т. п.)». Добавим к сказанному глаголы *израсходовать* и *потратить* — конверсивы трехместных предикатов *стоить* и *уйти*, которые поднимают до первого ранг покупателя (арендатора, строителя): *Я израсходовал (потратил) на дачу пять тысяч долларов*. Ср. также глагол *причитаться* — конверсив прилагательного *должен* (*Я вам должен еще тысячу рублей — Вам с меня причитается еще тысяча рублей*), поднимающий до первого ранг актанта со значением суммы долга.

Вернемся, однако, к четырехместным глаголам.

К упомянутому гнезду следует отнести еще глаголы типа *заплатить, дать, отдать* и т. п., с одной стороны, и глаголы типа *взять, слупить, содрать* и т. п., с другой. Первые являются неточными

конверсивами *купить* — у них по сравнению с *купить* цена и товар меняются местами: *купить у кого-л. принтер за тысячу долларов — заплатить (отдать) кому-л. тысячу долларов за принтер*. Вторые являются неточными конверсивами *продать* — у них тоже цена и товар меняются местами: *продать кому-л. принтер за тысячу долларов — взять (слупить, содрать) с кого-л. тысячу долларов за принтер*.

Любопытно стилистическое различие между рядом *заплатить, дать, отдать* и рядом *взять, слупить, содрать*: разг.-сниж. *слупить* и *содрать* явным образом выражают отрицательную оценку действия говорящим, между тем как в первом ряду все три синонимы стилистически нейтральны и безоценочны. Это — свидетельство неравноправия ситуаций купли и продажи и, быть может, свидетельство того, что язык трактует первую из них как более центральную, более важную²⁴.

²⁴ Приведем еще несколько фактов в пользу этого тезиса. 1) Мы говорим *купля — продажа*, а не **продажа — купля* (ср. известную концепцию иконичности порядка слов — world order); 2) у *покупать* больше (неточных) конверсивов, у которых вообще нет актанта-продавца: ср. *стоять (Небольшой домик с участком стоил мне пятьдесят тысяч), уйти (На небольшой домик с участком у меня ушло пятьдесят тысяч), а также заплатить, отдать, потратить, израсходовать, угрохать, потратиться* и т. п. (*Потратил (израсходовал, угрохал) на небольшой домик с участком все свои сбережения*); 3) у *покупать* больше производных; в частности, помимо таких общих для *покупать* и *продавать* актантных производных, как *покупатель, продавец, товар* и *цена* от *покупать* возможно производное *покупка* = S2 (*покупать*), между тем как у *продавать* аналогичного актантного производного нет. Совершенно несопоставимы отглагольные префиксальные производные *покупать* и *продавать* — у первого глагола их в пять раз больше: *выкупать, докупать, закупать, накупить, перекупать, подкупить (сахару для варенья), прикупить, раскупить, скупить, укупить (совр. укупить нержавеющие трубы в Липецке, Где можно укупить двусторонний скотч?)* VS. *перепродать, распродавать*. Разумеется, обилие префиксальных производных у *купить* объясняется и формально более простой структурой его основы, но сам этот факт тоже, по-видимому, лингвистически значим. У *продавать* по сравнению с *покупать* есть лишь одно бесспорное преимущество — у него больше синонимов; ср. *продавать, сбывать, загонять, отдавать (за бесценку), уступать (Она согласилась уступить свое пальто за тысячу крон)* VS. *покупать, брать, приобретать (Возьми на углу два пакета молока и финское масло, Приобрел недорого поддержанный компьютер)*. Однако ничтожный перевес *продавать* по сравнению с *покупать* в этом пункте никак не компенсирует его «проигрыш» в других отношениях.

Два глагола в классе «купля — продажа» заслуживают отдельно упоминания. Это глаголы (*по*)*менять* и *отдать*.

Глагол *поменять* (*поменять доллары на рубли (рубли на доллары) в ближайшем обменном пункте*) интересен тем, что он «равноудален» от *покупать* и *продавать*. У него тот же состав актантов, что и у этих базовых глаголов, но порядок третьего и четвертого актантов меняется на прямо противоположный: Агенс, Пациенс, Пациенс2, Контрагент. Идея обмена в чистом виде делает неразрывными Пациенса и Пациенса2, вытесняя Контрагента на четвертое место.

Глагол *отдать* интересен тем, что сочетает в своей семантической структуре две лексемы (условно — *отдать 1* и *отдать 2*), одна из которых синонимична *продавать*, а другая конверсна к *покупать*, причем обе эти лексемы конверсны по отношению друг к другу. Ср. *Он не может отдать [= продать] товар так дешево, как отдают другие* (Короленко, МАС) VS. *За каждый из них [семь бразильских изумрудов и четыре уральских] Багдассар отдал по бриллианту [≈ купил]* (Б. Акунин); ср. также *отдать 1 кому-л. принтер за тысячу долларов [= продать]* и *отдать 2 кому-л. тысячу долларов за принтер [≈ купить]*. Состав актантов у обеих лексем один и тот же: Агенс, Пациенс, Контрагент, Пациенс2. Различие между ними состоит в том, что у *отдать 1* «товар» имеет второй ранг, а «цена» — третий, а у *отдать 2* соответствующие актанты меняются рангами.

Близкая к купле — продаже идея представлена группой глаголов типа *брать (зачислять, оформлять, принимать) кого-л. в институт (на завод) лаборантом (наладчиком)* со значением *найма* (наниматель, как известно, покупает труд работника, а работник его продает). По поводу актантной структуры этих глаголов можно твердо сказать только то, что у них есть актанты со значением Агенса, Пациенса и Функции, в данном случае — той работы (лаборанта, наладчика), в которой заинтересован наниматель. Однако в целом трудно отличить МУ таких глаголов от их прагматического фрейма. В частности, остается неясным, входит ли указание на зарплату (*на какую зарплату берет (оформляет)*) в лексическое значение таких глаголов. С другой стороны, неясен актантный статус предложно-именных групп вида *в институт, в отдел, на завод, на ферму* и т. п., хотя они образуют очень естественный контекст перечисленных глаголов.

Идея *обмена ценности на действие* представлена глаголами передачи денежных или иных средств для реализации чьих-то целей. Это глаголы типа *ассигновать (институту миллион рублей на закупку оборудования), выделять (военному ведомству крупные суммы*

на приобретение жилья для офицеров), выкормить (сыну деньги на путевку (на поездку) в санаторий), жалеть (ребенку 10 рублей на мороженое), рассмотренные выше (см. 3.3.2.1), и мы не будем к ним возвращаться. Стоит, однако, обратить внимание на то, что если глаголы предшествующей группы (брать, принимать и т. п.) сообщают нечто о целях Агенса, то в данной группе, как мы уже отмечали выше, речь идет о целях Получателя.

Идея обмена действиями представлена главным образом такими глаголами, которые обозначают реакцию одного человека на действия, поступки или свойства другого. Самый яркий представитель этого семантического класса — глагол *отвечать* в своем главном значении речевого акта. Он имеет следующую актантную структуру: Агенса (кто отвечает), Содержание (что отвечает, ср. Ректор ответил, что решение пересматриваться не будет), Адресат (кому отвечает) и Стимул (на что отвечает, ср. Ты не ответил на мой вопрос). Очевидно, что последний актант необходим, потому что ответ является реакцией на речевой акт другого человека, а именно на его вопрос. Точно такую же актантную структуру имеет глагол *возражать*, с той разницей, что Содержание при *возражать* в подавляющем большинстве случаев (на пятьсот примеров из нашего 34-миллионного корпуса не больше пяти исключений) выражается прямой речью. Ср. *Вы напрасно мне [Адресат] возражаете; Докладчик мягко возразил на реплику [Стимул] председателя; {— Но тебе придется примириться с этим} [Содержание] — возразил Воланд (М. Булгаков); Я ненавидящим шепотом возразил, {что нежности телячьи эти нам не ко двору} [Содержание] (М. Агеев).*

Другой вид реакций одного человека на действия, поступки или свойства другого представлен глаголами со значением **компенсации** (в очень широком или даже скорее условном смысле). Это глаголы типа *здать, показать, отомстить, оплатить (кому, за что, как/чем); наказать, отблагодарить, покарать, проучить (кого, за что, как/чем); и расплатиться, расквитаться, рассчитаться (с кем, за что, как)*. Их актантная структура такова: Агенса, Пациенса (кому / кого / с кем), Мотивировка (за что) и Содержание (как/чем / ДБЕПР ...).

Несколько примеров: *Кто такой Воскобойников, чтобы заводить так далеко свое вмешательство? Вот он их проучит! А эта Надя! (<...> Вот он ей покажет!* (Б. Пастернак); *Люди научились мстить за обиды более безопасным способом* (Ф. Искандер); *Шведы отомстили новгородцам сожжением Ладуги в 1313 году* (С. М. Соловьев); *За такой грабеж, за такое оскорбление мавры назавтра*

же оплатили бы жестокой резней (А. де Сент-Экзюпери, пер. Н. Галь); *Его шеф отомстил (оплатил) ему за этот полемический выпад, не допустив его работу к защите; Я один за всех рассчитаюсь* (Ф. Незнанский); — *За Игната я расквитался, — сказал Макар* (В. Шукшин); *Она жестоко рассчиталась (расквиталась) с ним, распустив слух, что он присваивает работы учеников; Страус сам с ним рассчитался — вырвал здоровый клоч из штанов, так что квиты* (А. Некрасов); *На следующий день он расквитался с доносчиком — публично дал ему пощечину; Неправильная парковка наказывается штрафом от 500 рублей и выше; Народ — подвижник и герой — / Оружье зла оружием встретил. / За грех войны карал войной, / За смерть — печатью смерти метил* (Твардовский, МАС).

Все перечисленные глаголы в той или иной степени интерпретационные. Поэтому валентность Содержания (наказания, мести) может выражаться при них самостоятельным предложением и деепричастным оборотом. Ср., в дополнение к уже приведенным примерам, *Он рассказывал потом, что отец его наказал — запер в ванной на целый вечер, а в ванной было темно и ползали тараканы* (Ю. Трифонов); *Царь ее покарал — заточил в монастырь до конца дней; Отец его наказал, заперев в чулане; Царь ее покарал, заточив в монастырь.*

Идея кооперативного или антагонистического взаимодействия представлена прежде всего группой глаголов со значением помощи и противодействия типа *мешать, помогать, препятствовать, способствовать, противодействовать, содействовать* и т. п. (кто, кому, в каком его действии, каким своим действием). Все они имеют одну и ту же актантную структуру: Агенса, Контрагент, Ситуация (*помогать кому-л. в работе (во всех передрагах)*), Содержание (*помогать советами, деньгами, словом и делом*).

Весьма многочисленные в русском языке глаголы со значением **побуждения** к действию (включая провоцирование) можно представить следующими синонимическими рядами: а) *побуждать, склонять*; б) *подталкивать, толкать*; в) *убеждать, уговаривать, улаживать, агитировать*; г) *подбивать, подговаривать, подзуживать, подначивать, подстрекать, провоцировать*; д) *вдохновлять, воодушевлять (кого-л. на подвиг)*. Глаголы **принуждения** к действию представлены синонимическим рядом *заставлять, вынуждать, и принуждать*²⁵.

²⁵ Пять из этих шести синонимических рядов в той или иной мере рассмотрены в словарной статье **ЗАСТАВЛЯТЬ 1**, написанной автором для

Отметим следующее интересное различие между глаголами с общим значением побуждения к действию (первые пять рядов) и глаголами со значением принуждения (последний ряд синонимов). В форме НЕСОВ глаголы побуждения к действию во всех видо-временных значениях, кроме настоящего исторического, имеют значение попытки, которая может закончиться и провалом: *склонял, но не склонил; уговаривал, но не уговорил; подбивал, но (так и) не подбил*; и т. д. Лишь в форме СОВ и в настоящем историческом они обозначают действие, которое привело или в обязательном порядке приведет к успеху. Между тем глаголы со значением принуждения в обеих видовых формах и во всех видо-временных значениях НЕСОВ, за исключением актуально-длительного, не очень для них характерного, обозначают успешное действие. Ср. *Дрессировщик несколько раз заставлял (принуждал) тигра встать на задние лапы*.

Несмотря на отмеченное семантическое различие, все перечисленные группы имеют одну и ту же актантную структуру: Агенс (*кто побуждает / принуждает*), Пациенс (*кого побуждает / принуждает*), Содержание (*побуждает к чему / на что / что сделать*) и Способа (*побуждает чем / делая что*). Несколько примеров: *страстной проповедью вдохновить кого-л. на подвиг, выстрелом заставить (вынудить, принудить) кого-л. остановиться, язвительными замечаниями спровоцировать кого-л. на грубость, убеждать кого-л. всеми мыслимыми и немыслимыми аргументами отказаться от этого предложения* и т. п.

Во множестве глаголов со значением **агрессивных физических действий** выделяется прежде всего класс глаголов насильственного воздействия на объект, квантом которого является удар. Это глаголы типа *бить, жახнуть, колотить, лупить, молотить, огреть, пинать, полосовать, стегать, толкнуть, трахнуть, треснуть, тузить, ударить, хлестать, шарахнуть* и т. п. Для них можно прогнозировать МУ с валентностями Агенса, Пациенса, непосредственно страдающей части Пациенса (Пациенс! = *по чему, во что, под что*, ср. *Он бил меня под дых и улыбался* (Л. Филатов)) и Инструмента; ср. *бить (полосовать, стегать, хлестать) лошадь по крупу кнутом, колотить (лупить, молотить, тузить) кого-л. кулаками по спине, огреть (треснуть) кого-л. палкой по спине, пнуть собаку носком сапо-*

(НОСС 2004). Из числа синонимов *заставлять* в данном тексте исключен уходящий глагол *понуждать*, в ряде употреблений сближающийся с *побуждать*.

га в бок, ударить кого-л. кулаком в лицо, шарахнуть кого-л. палкой по голове. Ср. разговорные и разговорно-сниженные глаголы типа *влететь (врезать, дать, заехать, засветить) кому-л. по морде*, с принципиально другой МУ (см. об этом ниже, в разделе 3.3.4).

Второй, гораздо более компактный класс четырехактантных глаголов со значением агрессивного действия — это глаголы со значением **обстрела** со следующим набором актантов: Агенс, Пациенс, Инструмент и Средство; *бомбардировать город с воздуха фугасными снарядами, бомбардировать город с моря из тяжелых орудий, выстрелить в волка из охотничьего ружья крупной дробью, обстрелять колонну танков из тяжелых орудий снарядами кумулятивного действия, стрелять по демонстрантам резиновыми пулями, стрелять из табельного пистолета*.

Рассмотрим, наконец, группу глаголов со значением **игры** в той ипостаси последней, которая в обязательном порядке предполагает состязание (род взаимодействия) ровно двух участников и, следовательно, либо выигрыш, либо проигрыш одного из них. Только такие глаголы могут быть четырех- (или более) актантными. Речь, следовательно, идет о глаголах со значением 'выиграть' и 'проиграть'.

Если отвлечься от таких слов и лексико-функциональных словосочетаний, как *победить, взять верх, одержать победу* или *разг. продуть, уступить, потерпеть поражение*, то группу 'игра' будут репрезентировать ровно два антонима — *выиграть* и *проиграть*. При этом каждый из них будет представлен в антонимичных парах двумя своими лексемами.

Первая пара выглядит следующим образом: *выиграть у кого-л. матч в теннис со счетом 6:0, 6:0 — проиграть кому-л. матч в теннис со счетом 6:0, 6:0*. Актантная структура: Агенс, Ситуация (*что выиграл (проиграл)*), Контрагент (*у кого выиграл (кому проиграл)*), Сфера (*во что выиграл (проиграл)*), Результат (*с каким счетом выиграл (проиграл)*). Дополнительные примеры: *выиграть (проиграть) встречу (гейм, отборочный матч, партию, первый период, сет, схватку, тайм, ...)*; *выигрывать (проигрывать) в волейбол (в карты, в теннис, в регби, в футбол, в шахматы, ...)*; *выиграть (проиграть) со счетом 3:1 (с крупным счетом, с разгромным) счетом, всухую, ...)*²⁶.

²⁶ Ср. похожие лексемы глаголов *выиграть* и *проиграть* в случаях типа *выиграть (проиграть) пари, выиграть (проиграть) процесс (тяжбу, дело), выиграть (проиграть) бой (битву на море, сражение)*.

Вторая пара выглядит следующим образом: *выиграть у кого-л. пятьсот рублей в карты — проиграть кому-л. пятьсот рублей в карты*. Актантная структура: Агенс, Пациенс (*сколько выиграл <проиграл>*), Контрагент (*у кого выиграл <кому проиграл>*), Сфера (*во что выиграл <проиграл>*). Дополнительные примеры: *выиграть <проиграть> кольцо <великолепный пистолет, коня, ...>*, *выиграть <проиграть> в рулетку <в шахматы> (крупную сумму)*, *выиграть <проиграть> на спор <на пари>*, *выиграть <проиграть> на скачках*.

3.3.2.2.4. *Каузация, ликвидация или недопущение контакта между двумя объектами*. Последний хорошо представленный класс многоактантных предикатов со значением конструктивного физического действия — глаголы, в основе которых лежит идея каузации или ликвидации контакта между двумя объектами.

Здесь самый большой подкласс образуют глаголы **прикрепления** одного предмета к другому с использованием специального инструмента, такие как *прибить, привинтить, приклепать, приколотить, припаять, пристегать, пристрочить, притачать, пришить* и т. п. Они имеют по пять актантов и благодаря общности словообразовательной структуры (ср. префикс *при-*) в точности совпадающие МУ: Агенс (*кто*), Пациенс (*что*), Пациенс2 & Место (*к чему / на что*)²⁷, Инструмент (*чем — молотком, отверткой* и т. п.) и Средство (*чем — гвоздями, шурупами* и т. п.). Ср. *прибить вывеску к двери молотком, прибить <приколотить> доску к воротам трехдюймовыми гвоздями, привинтить розетку к стене крестовой отверткой <электродрелью>, привинтить металлочерепицу к стропилам винтами-саморезами, приметать заплату к рукаву старой бабушкиной иглой, приметать заплату к рукаву белыми нитками, припаять ручку к кастрюле электропаяльником, припаять ручку к кастрюле свинцом, пришить рукав к рубашке новой иглой, пришить рукав к рубашке черными нитками*. Ср. похожий класс четырехвалентных глаголов: *привязать, приклеить, приковать, приколоть, прикрутить, прилепить, примотать, пристегнуть, прицепить, пришиллить*: у

²⁷ Сдвоенная роль Пациенс & Место приписывается такому участнику ситуации, который является местом, изменяющим в ходе действия или процесса свое состояние или свойства. У глагола *привить (ветку к яблоне)* есть актант с такой ролью [яблоня в результате прививки изменяет свои свойства], а у глаголов *пригнуть (ветку к земле), придвинуть (стул к шкафу), прижать (руку к груди), прикинуть (к земле), прислонить (приставить) (лестницу к дереву)* так же оформленный актант выполняет семантическую роль Конечной точки [земля, шкаф и т. п. не меняют ни состояния, ни свойств].

них есть актант, выполняющий семантическую роль Средства, но нет актанта со значением Инструмента. К этим двум классам мы вернемся ниже, в связи с проблемой установления ранга актантов.

Идея физического контакта лежит в основе значений **удерживания, хватания, касания** и некоторых других, со следующими четырьмя актантами: Агенс, Пациенс, Агенс! (часть тела Агенса), Пациенс! (часть тела Пациенса); ср. *держать <обнимать, поддерживать> кого-л. рукой за талию, задеть кого-л. кончиком пальца за нос, схватить кого-л. рукой за воротник*.

В следующую семантически близкую группу входит небольшое число глаголов со значением **готовности** Агенса к контакту с другим человеком в определенное время и в определенном месте. Семантические роли: Агенс, Объект, Место, Момент; ср. *встречать кого-л. в аэропорту в семнадцать ноль-ноль, ждать кого-л. у себя дома ровно в полночь, принимать кого-л. в клинике с часу дня*.

С глаголами каузации контакта семантически связан гораздо более компактный класс антонимичных глаголов **ликвидации** контакта, у которых актант со значением Средства синтаксически невыразим: *отбить доску от стены сарая топором, отвинтил казенную кружку от бачка (В. Белов), отвинтить что-л. отверткой, отрезать воротник от рубахи, отрезать что-л. портновскими ножницами*.

Ср. также глаголы **недопущения** контакта типа *заслонять (ребенка от собаки собственным телом), защищать (спичку от ветра ладонью), отводить от себя (шпагу противника своей шпагой), отклонять (от себя ветви руками)* и немногие другие. У глаголов с приставкой *за-* главное дополнение (в форме ВИН) обозначает потенциальную жертву, а дополнение в форме *от кого-, чего-л.* — потенциального агрессора. У глаголов с приставкой *от-* происходит мена декораций: главное дополнение (в форме ВИН) обозначает потенциального агрессора (или его оружие), а дополнение в форме *от кого-, чего-л.* — потенциальную жертву.

3.3.2.3. Многоактантные существительные

Глаголы — наиболее благодарный материал для исследования управления — они никак не маскируют свою актантную структуру. Сложнее обстоит дело с другими разрядами слов, из которых наиболее близки к глаголам предикатные существительные.

Актантная структура некоторых из них вполне прозрачна, потому что она воспроизводит актантную структуру производящего глаго-

ла — с более или менее стандартными поправками, диктуемыми особенностями управления существительных; таково, например, существительное *ассигнования*: А1 = Агенс (*чьи / кого / от кого*), А2 = Пациенс (*на какую сумму / в каком размере*), А3 = Получатель (*кому*), А4 = Цель (*на что*).

Актантная структура других существительных менее тривиальна. Посмотрим, например, на слово *гонорар*. Очевидно, что оно является четырехактантным предикатом; ср. *мой гонорар*, *гонорар в 1000 рублей*, *гонорар от издательства*, *гонорар за словарь (за визит)*. Труднее определить, который из двух актантов, представляющих людей, имеет первый ранг, т. е. является Агенсом.

Автор словаря скорее *получает* гонорар, который по условиям договора и вопреки его желанию может быть уменьшен в результате вычетов или иных штрафных санкций. В этой ситуации на более активную роль Агенса может претендовать скорее тот, кто платит гонорар, например издательство.

С другой стороны, врач скорее *берет* гонорар за осмотр пациента, консультацию или иные услуги, и сумму гонорара устанавливает он и только он. В этой ситуации на активную роль Агенса претендует скорее тот, кто получает гонорар, а не тот, кто его платит.

Между тем в словарях *гонорар* описывается как одна лексема, т. е. *авторский гонорар* и *гонорар врача* не различаются. Разумных аргументов против такого описания у нас нет, если не считать того обстоятельства, что оно создает лингвистическую трудность. Не видно никаких решающих аргументов и в пользу выбора одного из двух целенаправленно действующих участников ситуации в качестве главного актанта *гонорара*. Вопрос об актантной структуре этого слова остается, таким образом, открытым.

Похожая трудность возникает с актантной структурой слова *чек*. У него тоже четыре семантических актанта, из которых, впрочем, выразимы синтаксическими зависимыми только три. При этом внешне все они выражаются абсолютно одинаково — предложно-именной группой на + ВИН: *чек на миллион долларов*, *чек на предъявителя*, *чек на Мост-банк*. О том, что у этого существительного есть и четвертый семантический актант, свидетельствует его толкование: *чек* ≈ 'документ, заверенный подписью какого-то человека и дающий другому человеку право на получение суммы А2 в финансовом учреждении А4'. Мы намеренно не использовали переменных А1 и А3 для обозначения двух «человеческих» участников этой ситуации, потому что неясно, который из них является первым актан-

том, а который — третьим: тот, кто *выписывает* чек, или тот, кто его *обналичивает*.

Как показывают эти примеры, у существительных, как и у глаголов, наиболее интересен класс многоактантных предикатов, обозначающих различные **товарно-денежные** отношения между людьми²⁸. К их числу мы относим слова типа *аванс*, *аренда*, *ассигнования*, *вклад (в сберегательной кассе)*, *гонорар*, *долг*, *заём*, *зарплата*, *инвестиции*, *кредит*, *налог*, *пенсия*, *пожертвования*, *пособие*, *поставки*, *предоплата*, *премия*, *приз*, *скидка*, *ссуда*, *стипендия*, *субсидии*, *счёт (в банке)*, *такса*, *тариф*, *чек* и ряд других.

Рассмотрим подробнее некоторые из названных существительных, обращая особое внимание на относительно нетривиальные случаи.

Начнем со слова *поставки*, актантная структура которого вполне укладывается в классическую четырехактантную схему глагола *продавать*: А1 = Агенс (*кто поставляет*, ср. *поставки завода*), А2 = Пациенс (*что поставляет*, ср. *поставки оборудования*), А3 = Контрагент (*кому поставляет*, ср. *поставки Министерству обороны*), А4 = Пациенс2 (*на какую сумму поставляет*, ср. *поставки (оборудования) на общую сумму сто тысяч долларов*).

Другое существительное того же поля — *предоплата* — воспроизводит актантную структуру глагола *покупать*: А1 = Агенс (*кто платит*, обычно опускается, но допустимо *Ваша предоплата составит двадцать тысяч рублей*), А2 = Пациенс/Цель (*за что платит*, ср. *предоплата за материалы*, *предоплата строительства гаража*), А3 = Контрагент (*кому платит*, ср. *предоплата субподрядчику*), А4 = Пациенс2 (*какую сумму выплачивает*, ср. *предоплата в / в сумме двадцать тысяч рублей*). На слове *предоплата* возникает небольшой, но существенный нюанс — его второй актант может с равным успехом выполнять либо роль Пациенса (*предоплата за материалы*), либо роль Цели (*предоплата строительства гаража*).

У слов *аванс*, *ассигнования*, *пожертвования*, *субсидии* тоже по четыре совпадающих актанта (см. выше пример с глаголом *ассигновать*), но место второго Пациенса у них твердо занимает Цель: А1 = Агенс (*кто дает*), А2 = Пациенс (*сколько дает*), А3 = Получатель (*кому да-*

²⁸ Из других областей человеческой деятельности, в лексике которых встречаются многоактантные существительные, отметим науку; ср. слова *диссертация* (*чья, на какую тему, в какой области (по ядерной физике), на какую степень (докторская, кандидатская)*); *степень* (*чья, за что (за исследование магнитного поля Земли), в какой области (по молекулярной биологии), какая (доктора, кандидата, магистра)*).

ет), А4 = Цель (на что дает, ср. аванс за словарь). Примеры: аванс издательства, ассигнования министерства, пожертвования благотворителей, субсидии правительства (А1); аванс (ассигнования, пожертвования, субсидии) (в) сто тысяч долларов (А2); аванс коллективу авторов, ассигнования Министерству образования, пожертвования (субсидии) Дому инвалидов (А3); аванс на покупку материалов, ассигнования (субсидии) на разработку новых месторождений нефти, пожертвования на строительство школы для детей-инвалидов (А4).

Слова пенсия, пособие, премия и относительно недавно возникшее слово бонус отличаются от существительных только что рассмотренной группы лишь тем, что место Цели у них занимает семантически близкая роль Мотивировки: А1 = Агенса (кто выплачивает, ср. государственная пенсия, пособие от работодателя, премия из директорского фонда), А2 = Пациенса (сколько выплачивает), А3 = Получателя (кому выплачивает), А4 = Мотивировка (за что выплачивает: пенсия за выслугу лет, пособие по безработице, премия за первое место на конкурсе научных работ).

Следующую компактную семантическую группу образуют многоактантные существительные долг, заем, кредит и ссуда. При этом первые два слова воспроизводят, в основном, актантную схему покупать, а вторые два — актантную схему продавать. Однако между ними есть и различия.

Существительные долг и заем, соотносимые с четырехактантными глаголами одалживать (в разговорном значении ‘брать в долг’) и занимать соответственно, отличаются от глагола покупать тем, что у них нет второго Пациенса, но есть актант Срок, в течение которого взятые на себя одним из участников денежные обязательства должны быть выполнены. Этот актант есть, разумеется, и у глаголов; ср. одолжил (занял) тысячу рублей до получки.

Долг: А1 = Агенса (кто взял в долг, ср. мой долг), А2 = Пациенса (какую сумму, ср. долги на общую сумму сто тысяч долларов), А3 = Контрагента (кто дал в долг, ср. Долги моим многочисленным кредиторами еще не выплачены), А4 = Срока (когда возвращает взятое; этот актант при самом слове долг плохо выразим).

Заем: А1 = Агенса (кто взял займы, ср. внешние займы России), А2 = Пациенса (на какую сумму), А3 = Контрагента (кто дал займы, ср. заем (средств) у населения), А4 = Срока (на какое время взял), ср. заем (в пять миллиардов долларов) на десять лет.

Существительные кредит и ссуда отличаются от глагола продавать тем, что у них тоже нет второго Пациенса. Однако к исходной

актантной схеме продажи у них добавляется не один, а целых три актанта — Цель, Условия и Срок.

Кредит: А1 = Агенса (кто открыл кредит, ср. кредит банка / в банке), А2 = Пациенса (на какую сумму, ср. кредит в (на сумму) 100 000 рублей), А3 = Контрагента (чей, кто взял кредит, ср. Срок последней выплаты по моему кредиту наступает через месяц), А4 = Цель (на что, для чего, ср. кредит на покупку автомобиля (квартиры)), А5 = Срока (на какое время взял, ср. кредит на пять лет), А6 = Условия (на каких условиях, ср. кредит под 3 % годовых).

Ссуда: А1 = Агенса (кто дал ссуду, ср. ссуда банка), А2 = Пациенса (какая сумма, ср. ссуда в размере пятидесяти тысяч), А3 = Контрагента (кому дал ссуду, ср. ссуды частным лицам (не должны превосходить ста тысяч рублей)), А4 = Цель (на что, для чего, ср. взял ссуду на строительство дачи), А5 = Срока (на какое время взял, ср. ссуда на пять лет), А6 = Условия (на каких условиях, ср. ссуда (на пять лет) при условии, что ежегодно выплачивается одна пятая часть).

Несколько особняком стоит существительное скидка, семантически связанное не только с рассмотренными выше именами различных товарно-денежных отношений, но и со словами типа льгота, привилегия. Последние описывают ситуацию, разыгрывающуюся между двумя участниками, один из которых (А1 = Агенса) дает другому (А3 = Получателю) исключительное право пользоваться каким-то преимуществом (А2 = Содержание льготы или привилегии) по сравнению с другими членами общества, если у Получателя для этого есть основания (А4 = Условия). От слов льгота и привилегия существительное скидка отличается тем, что является элементом товарно-денежных отношений. В результате у нее оказывается на один актант (товар) больше. Вот пять ее актантов:

Скидка: А1 = Агенса (кто дает, ср. скидка в магазинах «Перекрёсток»), А2 = Содержание (какая, ср. пятипроцентная скидка), А3 = Получателя (для кого, ср. скидка для пенсионеров (для постоянных покупателей)), А4 = Условия (ср. скидка при уплате наличными), А5 = Объекта (на что, ср. скидка на продукты первой необходимости).

Кроме товарно-денежных отношений, важную роль во взаимодействиях людей играют обмены ценности на действие, регулируемые (гласными или негласными) соглашениями. Эта сфера человеческой деятельности тоже обслуживается большим числом многоактантных предикатов, включая отглагольные существительные. Например, в ситуации проверки знаний принимают участие преподава-

тель и учащийся, причем в «обмен» на действие *ответа* учащийся получает от преподавателя определенную ценность в виде *метки* или *оценки*.

Некоторые существительные этого класса образуют в нем компактные семантические подклассы. Таковы, например, **штрафы** и **награды**. В обеих ситуациях участвуют два человека, один из которых совершает действие А4, а другой отбирает у него за это ценность или, наоборот, передает ему за это ценность в зависимости от того, как он (или социум в целом) оценивает это действие.

Штраф: А1 = Пациенс (*кто платит*, ср. *мой штраф (вырос до тысячи рублей)*), А2 = Агенс (*кто берет*, актант плохо выразим), А3 = Пациенс2 (*какую сумму платит А1*, ср. *штраф в размере месячной зарплаты*), А4 = Мотивировка (*за что платит*, ср. *штраф за неправильную парковку автомобиля*).

Вычет: А1 = Агенс (*кто вычитает*, ср. *вычет бухгалтерией*), А2 = Пациенс (*какую сумму вычитает*, ср. *вычет ста рублей*), Пациенс2 (*из чего вычитает*, ср. *вычет из зарплаты*), А4 = Мотивировка (*за что вычитает*, ср. *вычет за прогул*).

Неустойка: А1 = Пациенс (*кто платит*), А2 = Агенс (*кто берет*), А3 = Пациенс2 (*какую сумму платит А1*, ср. *неустойка в размере десяти процентов от стоимости выполненных работ*), А4 = Мотивировка (*за что платит*, ср. *неустойка за превышение сроков строительства объекта*). Первые два актанта слова *неустойка* плохо выразимы.

Пеня: А1 = Пациенс (*кто платит*), А2 = Агенс (*кто берет*), А3 = Пациенс2 (*какую сумму платит А1*, ср. *пеня в размере одного процента от общей суммы квартплаты*), А4 = Мотивировка (*за что платит*, ср. *Пеня за несвоевременную уплату налогов начинается при любой просрочке платежа*). У слова *пеня* первые два актанта тоже плохо выразимы²⁹.

Награда: А1 = Пациенс (*чья награда, награда кому*, ср. *награда победителям*), А2 = Агенс (*кто награждает*, ср. *высокая правительственная награда*), А3 = Пациенс2 (*чем награждает*), А4 = Мотивировка (*за что награждает*, ср. *награда за бескорыстие (за ге-*

²⁹ Трудный вопрос об упорядочении актантов (кто является первым актантом *штрафа* (*неустойки, пени*) — тот, кто платит, или тот, кто берет?) — здесь пока не рассматривается; некоторые соображения по этому поводу, но на другом материале, высказываются в разделе 3.3.5. См. также замечания об актантной структуре слов *гонорар* и *чек* в начале этого раздела.

роизм)). У слова *награда* третий актант принципиально невыразим, поскольку, каков бы он ни был, он сам как раз и является наградой.

Далее следует класс существительных, обозначающих **обмен действиями**. В него входят существительные *возражение, ответ, отклик, реплика* и ряд других, сохраняющие принципиальную актантную структуру глагола *ответать* (см. выше раздел 3.3.2.2.3). Ср. *возражение на критическое замечание оппонента, ответ (отклик) на это заявление, реплика на последнее замечание председателя*.

Последняя интересная группа многоактантных существительных обозначает выполнение **условия в обмен на отказ от действия**. Она представлена двумя словами — *ультиматум* и *шантаж*, которые, с другой точки зрения, уже описывались автором.

Ультиматум: А1 = Агенс (*кто требует*, ср. *ультиматум японского адмирала Уриу*), А2 = Адресат (*от кого требует*, ср. *ультиматум командующему русским флотом*), А3 = Условие (*чего требует*, ср. *предъявил ультиматум — покинуть порт в течение 24 часов*), А4 = Содержание (*чем угрожает*, актант плохо выразим), А5 = Срок (*время, в течение которого должно быть выполнено условие*, ср. *24-часовой ультиматум*).

Шантаж: А1 = Агенс (*кто требует*, ср. *его шантаж (никого не испугал)*), А2 = Адресат (*от кого требует*, ср. *шантаж проворовавшегося министра*), А3 = Условие (*чего требует*, актант плохо выразим), А4 = Содержание (*чем угрожает*, актант плохо выразим).

3.3.2.4. Замечание о семантических ролях

Как ясно из предшествующего текста, в связи с семантической классификацией предикатов была пересмотрена номенклатура семантических ролей актантов. Новая, более полная номенклатура семантических ролей, рассматриваемая в разделе 3.5, содержит около 60 единиц. Там же даются определения, пояснения и примеры. Однако тех комментариев, которые давались по ходу дела выше, как кажется, достаточно для того, чтобы обсудить один теоретический вопрос. Речь идет о принципиальном различии между семантическими ролями актантов и актантными производными предикатных слов.

Воспользуемся удобным и хорошо послужившим лингвистике примером — глаголом *покупать*, у которого, как было показано выше, есть четыре актанта со следующими семантическими ролями: Агенса (*кто покупает*), Пациенса (*что покупает*), Контрагента (*у кого покупает*) и Пациенса2 (*за сколько покупает*). Те же самые роли

есть и у глагола *арендовать*, у которого, правда, есть еще один актанта — Срок. Похожий набор актанта есть также у глаголов типа *занимать* (*кто, что, у кого, на сколько* — Агенс, Пациенс, Контрагент, Срок), *отнимать* (*кто, что, у кого* — Агенс, Пациенс, Контрагент) и многих других, см. выше раздел 3.3.2.2.3.

Как показывает этот пример, каждая семантическая роль представляет собой результат обобщения формы участия определенного объекта в классе в чем-то похожих друг на друга ситуаций. Класс ситуаций представлен семантически близкими предикатами, которые, однако, не обязательно находятся в отношениях синонимии или конверсии друг с другом.

С другой стороны, от большинства перечисленных глаголов возможны актанта лексико-функциональные производные типа S_i по всем или, по крайней мере, по некоторым валентностям. Такие производные от разных предикатов не совпадают — они представляют лишь данный предикат или его конверсив или синоним, но не класс семантически близких предикатов. В частности, $S_1(\text{покупать}) = \text{покупатель}$, $S_2(\text{покупать}) = \text{товар}$, $S_3(\text{покупать}) = \text{продавец}$ и $S_4(\text{покупать}) = \text{стоимость, цена}$; $S_1(\text{продавать}) = \text{продавец}$, $S_2(\text{продавать}) = \text{товар}$, $S_3(\text{продавать}) = \text{покупатель}$, и $S_4(\text{продавать}) = \text{стоимость, цена}$ ³⁰; $S_1(\text{арендовать}) = \text{арендатор}$, $S_2(\text{арендовать}) = \text{лизгольд}$ ³¹, $S_3(\text{арендовать}) = \text{арендодатель}$, $S_4(\text{арендовать}) = \text{арендная плата, аренда}$; $S_1(\text{занимать}) = \text{должник}$, $S_2(\text{занимать}) = \text{долг}$, $S_3(\text{занимать}) = \text{кредитор}$; $S_1(\text{одаживать}) = \text{кредитор}$, $S_2(\text{одаживать}) = \text{долг}$, $S_3(\text{одаживать}) = \text{должник}$.

Семантические роли — элементы семантического метаязыка, актанта производные — слова естественного языка. Первые нужны для построения определений лингвистических понятий, например, понятия диатезы; их нельзя использовать в каких-либо языковых правилах. Вторые нужны для описания семантических отношений между конкретными словами и формулировки правил перифразирования; ср. *Я занял у него деньги — Я его должник — Он мой кредитор*.

В частном случае семантические роли и актанта производные могут внешне совпадать. Так, первый актанта глагола *вызывать* в

³⁰ Ср. трактовку слов *покупатель* и *продавец* как семантических ролей в Падучева 2004: 66.

³¹ Перевод из «Англо-русского банковского энциклопедического словаря» Б. Г. Федорова; очевидно, что на нынешнем этапе этот термин еще не освоен русским языком, но в данном случае существенно, что в нем возникла нужда.

чисто каузативном значении (*Неурожай вызвал резкое повышение цен на фрукты*) выполняет семантическую роль Причины, а второй актанта — семантическую роль Следствия. С другой стороны, существительное *причина* является актанта производным типа S_1 от *вызывать*, а существительное *следствие* — актанта производным типа S_2 от *вызывать*. Однако это внешнее сходство никак не отменяет того более глубокого факта, что в первом случае ‘причина’ и ‘следствие’ — смыслы, а во втором *причина* и *следствие* — слова.

В связи с семантическими ролями необходимо сделать еще одно замечание. Существуют обширные классы глаголов, синтаксическим актанта которых, в сущности, не соответствует никакой семантической роли. Таковы, например, вторые актанта полувспомогательных глаголов типа OPER и первые актанта глаголов типа FUNC. Действительно, существительным *влияние, контроль* и *обстрел* в словосочетаниях типа *оказывать влияние* и *испытывать влияние, осуществлять контроль* и *находиться под контролем, производить обстрел* и *подвергаться обстрелу* и т. п. нельзя приписать никакой сколь-нибудь содержательной семантической роли, если не считать такой роль ‘ситуация’.

Можно сформулировать и ряд более общих тенденций, частным случаем которых окажется только что сформулированное правило: семантическая роль данного синтаксического актанта глагола тем неопределеннее, чем более метафорично значение данного глагола и чем менее экстериоризованную ситуацию он обозначает.

3.3.3. Аналитические толкования лексем

Помимо принадлежности к какому-то классу и подклассу ФКП, которая предопределяет управляющие свойства больших групп глаголов, управляющие свойства конкретной глагольной лексемы зависят от ее лексического значения, или, говоря более формально, — от ее полного аналитического толкования (см. выше раздел 3.2.3). Последнее является одним из главных инструментов установления МУ любого предикатного слова³².

³² Аналитические толкования строятся на основе следующих принципов: (i) метаязык, на котором выполняются толкования, должен быть одним и тем же для лексических и грамматических единиц языка; при этом в качестве метаязыка используется подязык данного естественного языка, со-

В МУ включаются те потенциальные синтаксические зависимые данного предикатного слова, которым соответствуют переменные в его аналитическом толковании и которые представлены любым типом зависимого, включая согласованное определение³³. Каждая переменная соответствует аргументу предиката. Это позволяет установить состав аргументов каждого предиката.

Ядром толкования любой предикатной лексемы является выполненное на упрощенном и стандартизованном естественном языке исчерпывающее описание ситуации (физической или ментальной), которая ею обозначается. Описать ситуацию исчерпывающим образом значит назвать всех ее участников и указать существенные для данной ситуации характеристики (действия, положения, состояния, свойства и т. п.) каждого участника и отношения между ними.

Обычно такое ядро образует ассерцию толкования. Помимо этого во многие толкования оказывается необходимым включать пресуппозиции, модальную рамку (ментальную оценку ситуации говорящим или адресатом), рамку наблюдения (положение наблюдателя относительно реальных участников ситуации), мотивировку (указа-

ставленный из относительно простых лексем, синтаксических конструкций и морфологических форм в их основных значениях; (ii) в идеале толкования должны быть полными и избыточными; (iii) они должны в явном виде содержать все смысловые компоненты, на основе которых данная лексема участвует в правилах семантического взаимодействия с другими единицами языка в тексте; (iv) они должны отражать тем или иным способом все семантические связи данной лексемы с другими единицами словаря, включая другие лексемы того же слова (чаще всего, но необязательно, в виде буквально совпадающих компонентов толкования); (v) они должны предсказывать модель управления данного предиката и представляемого им класса предикатов с точностью до способов оформления семантических актантов.

³³ На первый взгляд, это порождает теоретическую трудность: «управление» оказывается одновременно и «согласованием». Это, однако, предусмотрено тем определением управления, которое было дано в самом начале третьей части монографии. В частности, согласованным определением может быть оформлено и актантное зависимое предикатного слова. Тогда возможно преобразование вида *американское влияние = влияние Америки; экономический кризис = кризис экономики*. Если же форму согласованного определения имеет неактантное (невалентное) зависимое, такое преобразование невозможно. Ср. *правильная формулировка = правильность формулировки ≠ формулировка правильности; глупая защита = глупость защиты ≠ защита глупости*. Объясняется это тем, что неактантное зависимое само является предикатом, по отношению к которому его синтаксический хозяин выступает в роли его семантического актанта.

ние причинной связи между ассерцией и одной из пресуппозиций) и, может быть, некоторые другие элементы.

Приведем несколько относительно простых аналитических толкований и покажем, какие управляющие свойства глаголов они преопределяют.

Бить 1. 'Человек А1 ударяет живое существо А2 или его часть А3 много раз подряд частью своего тела или инструментом А4 с целью причинить ему боль или наказать его болью за его действие или свойство А5'. На основании этого толкования получается следующая МУ глагола *бить 1* (мы приводим ее не в табличной, а в линейной записи; для простоты интерпретация актантов в терминах семантических ролей опускается; полужирным шрифтом выделяется иллюстрируемый семантический актант):

А1, ИМ: *Дуров никогда не бил своих животных.*

А2, ВИН: *бить конокрада.*

А3.1, по ДАТ: *бить по спине.*

А3.2, в ВИН: *бить в солнечное сплетение.*

А3.3, под ВИН: *бить под лопатку.*

А4, ТВОР: *бить ногами (ремнем).*

А5, за ВИН: *бить за малейшую провинность.*

Выкопать 1. 'Копая землю А3 или подобную ей субстанцию с помощью инструмента или части тела А4, существо А1 делает так, что в А3 получается углубление А2'. МУ *выкопать 1*, на этот раз без тривиального актанта А1:

А2, ВИН: *выкопать яму (колодец, траншею, ход, норку).*

А3, в ПР: *выкопать в земле (в песке).*

А4, ТВОР: *выкопать заступом (лапой, саперной лопаткой, экскаватором).*

Определить 2. 'Восприняв объект А2 или думая об этом объекте, человек А1 решил, что А2 относится к классу объектов А3, потому что у А2 есть характерное для этого класса свойство А4'. МУ *определить 2*:

А2, ВИН: *определить мужчину как иностранца.*

А3, как ВИН: *определить мужчину как иностранца.*

А4, по ДАТ: *по выговору определить этого мужчину как иностранца.*

Прибить 1. 'Человек А1 прикрепил предмет А2 к предмету или поверхности А3, ударяя молотком А4 по гвоздю или гвоздям А5 до тех пор, пока А5 не пробил А2 насквозь и не вошел в А3 настолько, что А2 держится на А3' [в функции гвоздей и молотка могут использоваться и другие подобные им предметы]. МУ *прибить 1*:

A2, ВИН: *прибить табличку*.

A3.1, к ДАТ: *прибить к стене дома*.

A3.2, на ВИН: *прибить на дверь табличку* [A3 обычно вертикально ориентирован].

A4, ТВОР: *прибить молотком*.

A5, ТВОР: *прибить гвоздями*.

3.3.4. Совмещение ФКП и аналитических толкований (типов и портретов)

Описание семантической актантной структуры данного глагола сверху (со стороны классов и подклассов ФКП) и описание снизу (со стороны аналитических толкований) взаимно дополняют друг друга. Описание сверху позволяет установить ожидаемые число, состав и ранги типовых семантических актантов большого класса глаголов и, следовательно, представить их управляющие свойства системно и единообразно. Описание снизу позволяет уточнить, как принципиальная актантная структура, свойственная целому классу глаголов, реализуется на конкретном материале данной глагольной лексемы. Проиллюстрируем сказанное на материале нескольких описанных выше групп глаголов.

3.3.4.1. Глаголы со значением агрессивных физических действий

В разделе 3.3.2.2.3 был описан ряд синонимичных глаголов со значением агрессивных физических действий типа *бить*, *колотить*, *лупить*, *молотить*, *полосовать*, *тузить* и предложена общая модель управления для этого класса, включающая до четырех актантов. Доминанта этого ряда, т. е. глагол *бить*, ввиду большей общности своего значения и, следовательно, применимости в прагматически более широком круге ситуаций, имеет две заслуживающие внимания особенности. Поскольку, как следует из его толкования, этот глагол может использоваться в ситуации наказания, у него закономерно появляется валентность мотивировки (*за что бьет*); ср. *бить рабов за лень*; *Бью сам себя за просьбы и все-таки прошу* (Ю. Даниэль). Кроме того, поскольку в действии *бить* легко различимы отдельные, иногда даже прицельные удары, возможна точечная область поражения, обозначаемая предложно-именными группами вида *во что* (*в*

пах) и *под что* (*под лопатку*). Ср. идею непрямого удара или «смазанной» области поражения в случае *бить по чему-л.*

Глагол *молотить* (ср.: *молотил его по спине палкой*), один из относительно близких синонимов *бить*, отличается от него тем, что обозначает не отдельные удары и даже не серию, а целый каскад ударов, очень быстро наносимых, интенсивных, ожесточенных и более или менее беспорядочных, т. е. непрямоцельных. Поэтому становится невозможной точечная область поражения, т. е. (лингвистически) — предложно-именные группы *во что* и *под что*. С другой стороны, *молотить* в такой мере сосредоточивает внимание на самом факте агрессии, что ее мотивы отходят на второй план. Поэтому группы вида *за что* если и допустимы при *молотить* (в НКРЯ не встретилось ни одного такого примера), то исключительно в роли сирконстантов, а не семантических актантов.

Глаголы *полосовать*, *стегать* и *хлестать*, обозначающие каскад наносимых гибким инструментом ударов, тоже не могут управлять предложно-именными группами вида *во что* и *под что* со значением точечной области поражения, хотя у них отсутствие такой способности объясняется другими причинами, а именно скользящим характером удара. Мотивировка допустима, но далеко не обязательна.

Аналогичные модели управления обнаруживаются еще у четырех тематически близких к *бить* групп глаголов:

1) Глаголов квантованного агрессивного воздействия на объект, у которых в норме нет валентности мотивировки: *жахнуть* (*огреть*, *стукнуть*, *трахнуть*, *треснуть*, *ударить*) (*кого-л. по спине кулаком* (*поленом*)), *пнуть* (*кого-л. в живот ногой*), *толкнуть* (*кого-л. в грудь руками*), *щелкнуть* (*кого-л. по носу пальцем* (*картой*)).

2) Глаголов со значением агрессии со стороны живых существ типа *жалить* (*кого-л. в шею*), *клевать* (*кого-л. в руку*), *кусать* (*кого-л. в ногу*), которым приписать валентность мотивировки было бы еще меньше оснований.

3) Глаголов со значением физического наказания, у которых есть валентность мотивировки, но нет валентности непосредственно страдающей части, потому что у них в фокусе весь Пациенс, ср. *драть* (*пороть*, *сечь*) (*кого-л. за малейшую провинность*).

4) Глаголов агрессивного воздействия на объект с помощью какого-то инструмента или части тела, у которых, наоборот, в фокусе внимания непосредственно страдающая часть и которые поэтому присоединяют Пациенс в форме ДАТ, ср. *дать* (*врезать*, *заехать*) *кому-л. по морде* (*в морду*). В этом случае мы склонны ус-

матривать явление смещения семантического актанта, см. раздел 3.4.4 ниже.

3.3.4.2. Глаголы со значением побуждения

Глагол *подговаривать* в значении ‘Человек А1 убеждает человека А2 сделать А3, хотя А1 знает, что А3 плохо; говорящий оценивает отрицательно действие человека А1 или его самого’ имеет, как было показано выше, четыре семантических актанта, причем третий актанта выражается предложно-именной группой *на* + ВИН или формой ИНФ. Ср. *Он подговаривал меня убеждать, Кто-то подговорил ребят на эту шалость*. Точно такую же модель управления в литературном языке имеет еще только глагол *подбивать*, ср. *подбивать кого-л. на драку, подбивать кого-л. сбежать с уроков*. Для очень похожего глагола *подначивать* подобные употребления находятся на грани литературной нормы (в [НКРЯ] встретилось всего два таких примера, причем оба у одного автора (В. Рецептера); ср. [Армисты] подначивают признанных юмористов на шутки, Стали говорить о женщинах, подначивая Узлова поделиться опытом. Более обычным для *подначивать* способом реализации третьей валентности является прямая речь, ср. — *Давай, давай, — подначивали его собутыльники*.

Другой близкий к *подговаривать* глагол *подталкивать*, вопреки естественным ожиданиям, не реализует третью валентность ни формой ИНФ, ни группой *на* ВИН; при нем эта валентность выражается только группой *к* ДАТ, ср. *подталкивать кого-л. к ссоре*. Столь же идиоматично ближайший к *подталкивать* глагол *толкать* реализует ту же валентность группами *к* ДАТ и *на* ВИН, но не инфинитивом; ср. *толкать кого-л. к ссоре, толкать кого-л. на преступление*.

3.3.4.3. Путативные глаголы

Подавляющее большинство путативных глаголов (со смыслом ‘считать’ в качестве вершинного компонента толкования) управляют квалификативной конструкцией вида *считать* (полагать, признавать, находить) *кого-л./что-л. каким-л.*; ср. *считать условия плохими (хорошими), полагать (признавать) примирение с оппозицией невозможным, находить ее исключительно красивой* и т. п. Однако глагол *думать*, являющийся близким синонимом *считать* (ср. *Я склонен думать (считать), что дело в другом*), в такой конструкции не

употребляется. Единственная возможная для него квалификативная конструкция имеет вид *хорошо (плохо) думать о ком-л.*, только с этими двумя оценочными наречиями и только о человеке в качестве предмета мысли. Нельзя, например, **прекрасно думать о ком-л.* или **хорошо думать об этой диссертации*.

Любопытно, что английский эквивалент глагола *думать* легко употребляется в стандартной для всех путативных глаголов квалификативной конструкции; ср. *I thought her charming* (букв. *Я думал ее очаровательной*), *I think it possible* (букв. *Я думаю это возможным*). Между тем немецкий глагол *denken* устроен в точности так же, как русский *думать*; ср. *von jemandem gut (schlecht) denken*.

3.3.5. ФКП и некоторые трудные вопросы управления

Как ясно из сказанного выше, число и состав семантических актантов предиката определяются двумя главными семантическими факторами: а) его аналитическим толкованием и б) его принадлежностью к какому-то классу и подклассу ФКП.

Очевидно, что два названных фактора связаны друг с другом: аналитическое толкование каждой глагольной лексемы должно определять ее принадлежность к определенному классу и подклассу ФКП. Это значит, что на основе толкований, вообще говоря, можно было бы описать все существенные управляющие свойства лексем. Однако глаголов в развитом языке тысячи, и многие из них имеют десятки значений, так что число объектов, с которыми приходится иметь дело лексикографу, может составлять десятки тысяч. Даже обладая практически безошибочной интуицией, руководствуясь самой безупречной семантической теорией и располагая сколь угодно большим корпусом текстов, он не может последовательно описать такой огромный массив фактов в алфавитном порядке из-за неизбежных aberrаций лексикографического сознания.

В таких условиях безусловные преимущества приобретает перебор материала «сверху вниз», о котором мы говорили выше, — от крупных классов глаголов к более мелким подклассам, пока мы не доберемся до конкретных лексем. Во-первых, тогда получается более единообразное и последовательное описание всего материала. Во-вторых, создается основа для формирования правильных лексикографических ожиданий на каждом шаге пути «сверху вниз», и понимание отдельной лексемы дается гораздо меньшей ценой.

Итак, по крайней мере в методических целях, анализ семантических факторов, влияющих на глагольное управление, удобнее начинать с наиболее общих семантических классов, которые определяют систематические (повторяющиеся) управляющие свойства больших классов лексем.

Однако методическими выгодами дело не ограничивается. Опора только на аналитические толкования, как автор попытался показать в [Апресян 2006б], не позволяет решить некоторые важные теоретические вопросы. В сложных случаях возникает необходимость выйти за пределы традиционного инструментария модели «Смысл ↔ Текст» и использовать более общие соображения, связанные с устройством семантической системы языка в целом, в особенности с семантическими классами и подклассами ФКП.

Один из трудных вопросов системного описания управления является вопрос об упорядочении актантов, или, что в данном случае то же самое, об определении ранга каждого актанта, с которым мы отчасти уже имели дело; см. раздел 3.3.2.3. Рассмотрим его более подробно на уже знакомом нам примере МУ лексемы *прибивать / прибить*, представленной в таких фразах, как *прибивать половицу небольшой кувалдой, прибивать вагонку к потолку дюймовыми гвоздями, прибить табличку на ворота, Олег прибивает щит свой к воротам Царьграда* (известная картина Ф. Бруни).

Напомним аналитическое толкование этой лексемы.

A1 прибил A2 к A3 с помощью A4 ‘Человек A1 прикрепил предмет A2 к предмету или поверхности A3, ударяя молотком A4 по гвоздю или гвоздям A5 до тех пор, пока A5 не пробил A2 насквозь и не вошел в A3 настолько, что A2 держится на A3’ [в функции гвоздей и молотка могут использоваться и другие подобные им предметы].

В соответствии с этим толкованием нетривиальная часть МУ этой лексемы в линейной записи и за вычетом первого (тривиально выражаемого) актанта будет выглядеть следующим образом:

A2, ВИН: *прибить дощечку (планку, каблук, подметку).*

A3.1, к ДАТ: *прибить к стене (к полу, к доске объявлений, к двери).*

A3.2, на ВИН: *прибить на дверь (металлическую пластинку с комером квартиры)* [A3 обычно вертикально ориентирован: **Прибить табличку на стол* звучит существенно хуже, чем *прибить табличку на дверь*].

A4, ТВОР: *прибивать топориком (сапожным молотком).*

A5, ТВОР: *прибить оцинкованными гвоздями.*

Глагол *прибить* относится к подклассу глаголов со значением физических действий, состоящих в прикреплении одного предмета к другому с помощью определенных Инструментов и Средств. В тот же подкласс входят еще глаголы *привинтить, приклепать, приколлотить, приметать, припаять, пристегать (подкладку), пристрочить, притачать (голеннице), пришить 1.1, спец. пришить 1.2 (гвоздями доску)* и т. п. При всех этих глаголах и Инструменты, и Средства выражаются формой ТВОР. Возникает вопрос, как эти два актанта следует упорядочить, т. е. которому из них следует присвоить более высокий семантический и синтаксический ранг (применительно к рассматриваемому случаю — четвертый). Оставаясь в пределах одного глагола, этот вопрос решить нельзя.

Самое общее правило на этот счет состоит в том, что в системе языка ранг актанта A_i , имеющего семантическую роль R, определяется, при прочих равных условиях, числом предикатов, у которых он есть: чем больше число таких предикатов, тем выше ранг A_i .

Системное исследование нескольких классов предикатов русского языка с актантами «Инструмент» и «Средство» в сравнимых условиях показывает, что первый из них имеет безусловные преимущества перед вторым.

Глагол *прибивать / прибить*, как было сказано выше, входит в класс пятиместных предикатов с приставкой *при-*, обозначающих действия, для выполнения которых нужны Инструменты и Средства: *прибить, привинтить, приклепать, приколлотить, приметать, припаять, пристегать (подкладку), пристрочить, притачать (голеннице), пришить*. По объему с этим классом сравним семантически близкий класс четырехместных предикатов с приставкой *при-*, у которых есть актант со значением Средства, но нет актанта со значением Инструмента: *привязать, приклеить, приковать (себя наручниками к перилам), приколоть, прилепить, прикрутить, примотать, пристегнуть, прицепить, пришить*. Сравнимого класса глаголов с приставкой *при-*, у которых был бы актант Инструмент без актанта Средства, мы не знаем. Таким образом, в пределах этого класса Средства как будто получает преимущество перед Инструментом.

Картина радикально меняется, как только мы выходим за пределы класса глаголов с приставкой *при-*: класс четырехместных предикатов с актантом Инструмент оказывается в четыре-пять раз больше сравнимого по объему класса предикатов с актантом Средства.

Возьмем, например, корневые глаголы, обозначающие конструктивные физические действия, для выполнения которых необходимы

инструменты с острым краем или концом. Вот неполный список глаголов этого класса: *брить, бурить, долбить, колоть, копать, косить, пилить, резать, рубить, рыть, сверлить, скоблить, стричь, строгать, тесать, точить*. К ним по разным признакам близки еще два глагола — *бить* и *колотить*.

От большинства этих глаголов с помощью приставок *в-, вы-, за-, от-* (*ото-*), *про-, с-* (*со-*) и, может быть, еще некоторых образуется от одного до шести производных четырехместных предикатов со следующей актантной структурой: Агенс, Пациенс, Пациенс & Место, Инструмент. Ср. *вбить* (*что, во что, чем*), *выбить* (*что, из чего, чем*), *забить* (*что, во что, чем*), *отбить* (*что, от чего, чем*), *пробить* (*что, в чем, чем*), *сбить* (*что, с чего, чем*); *выбрить* (*что, на чем, чем*), *пробрить* (*что, в чем, чем*), *сбрить* (*что, с чего, чем*); *вкопать* (*что, во что, чем*), *выкопать* (*что, из чего, чем*), *закопать* (*что, во что, чем*), *откопать* (*что, из чего, чем*), *прокопать* (*что, в чем, чем*); *выпилить* (*что, из чего, чем*), *отпилить* (*что, от чего, чем*), *пропилить* (*что, в чем, чем*), *спилить* (*что, с чего, чем*); *вырезать* (*что, во что, чем*), *вырезать* (*что, из чего, чем*), *вырезать* (*что, на чем, чем*), *отрезать* (*что, от чего, чем*), *прорезать* (*что, в чем, чем*), *срезать* (*что, с чего, чем*); *вырубить* (*что, из чего, чем*), *вырубить* (*что, на чем, чем*), *отрубить* (*что, от чего, чем*), *прорубить* (*что, в чем, чем*), *срубить* (*что, с чего, чем*); *врыть* (*что, во что, чем*), *вырыть* (*что, из чего, чем*), *зарыть* (*что, во что, чем*), *отрыть* (*что, из чего, чем*), *прорыть* (*что, в чем, чем*); *высверлить* (*что, в чем, чем*), *просверлить* (*что, в чем, чем*), *рассверлить* (*что, в чем, чем*); *выскоблить* (*что, на чем, чем*), *отскоблить* (*что, от чего, чем*), *проскоблить* (*что, в чем, чем*), *соскоблить* (*что, с чего, чем*); и т. п.

Нельзя не обратить внимание и на то, что актант со значением Инструмента при некоторых наращениях в семантике глагола полностью сохраняет свой семантический и синтаксический статус, между тем как актант со значением Средства становится синтаксически невыразимым; см. анализ пар вида *привинтить что* [Пациенс] к чему [Пациенс2 & Место] чем [Инструмент, например, отвертка] чем [Средство, например, шурупы] — *отвинтить что* [Пациенс] от чего [Пациенс2 & Место] чем [Инструмент] [Средство невыразимо] в разделе 3.4.7.

Эти факты убедительно свидетельствуют в пользу того, что в системе русского языка Инструмент действительно имеет более высокий ранг, чем Средство.

3.4. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов³⁴

Ниже, преимущественно на материале глаголов как прототипа предикатов, обсуждаются: 1) прямое соответствие актантов (для глаголов, в отличие от многих существительных, а также любых прилагательных, наречий, предлогов и частиц, это прототипический случай); 2) словарная диатеза и мена диатезы; 3) расщепление семантического актанта; 4) смещение семантического актанта; 5) слияние семантических актантов; 6) абсолютное употребление в качестве частного случая синтаксической факультативности семантического актанта; 7) синтаксическая невыразимость семантического актанта; 8) появление нового семантического актанта.

3.4.1. Прямое соответствие актантов

В прототипическом случае семантические и синтаксические актанты глагольных лексем находятся в отношении взаимно-однозначного соответствия: каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому — один семантический. Так, в частности, устроены все классы глагольных лексем и отдельные лексемы, проанализированные выше. Достаточно напомнить класс пятиактантных глаголов *привинчивать, привинчивать, приклепывать, пришивать* и т. п., обозначающих прикрепление одного предмета к другому с помощью специального средства (гвоздей, винтов, заклепок, ниток и т. д.) и при помощи специального инструмента (молотка, дрели, клепала, иглы и т. д.).

3.4.2. Словарная диатеза и мена диатезы

Как уже было сказано выше, мы опираемся на определение диатезы, данное И. А. Мельчуком и А. А. Холодовичем; см. раздел 3.3.2.1.

³⁴ Косвенное отношение к указанной теме имеет вопрос о свойствах и взаимоотношениях синтаксических актантов, в котором можно выделить следующие более частные вопросы: а) факультативность — обязательность актантов; б) вытеснимость актантов; в) неотделимость актантов; г) нереализуемость семантического актанта синтаксическим зависимым. Они обсуждались в [Апресян 1974, 1996] и здесь мы не будем ими заниматься.

Напомним приведенный там пример — диатезу глагола *видеть*: Экспериментер ↔ подлежащее, Объект ↔ дополнение. Это — прямая, или словарная, диатеза.

Ряд глаголов допускает мену диатезы («диатетический сдвиг», по Е. В. Падучевой), т. е. изменение этого словарного соответствия в пределах одной и той же лексемы; тривиальным примером мены диатезы является трансформация актива в пассив, когда Агенс (подлежащее) прямой диатезы превращается в косвенное дополнение формы СТРАД, а Пациенс (дополнение) — в подлежащее той же формы³⁵.

Для мены диатезы, следовательно, существенно, чтобы один и тот же семантический актанта (т. е. актанта, выполняющий одну и ту же семантическую роль) у двух разных употреблений одной и той же лексемы выполнял разные синтаксические функции. Если этого не происходит, то нет и мены диатезы. Так, глаголы *бросать* и *кидать* в своем основном значении управляют формой ВИН со значением Пациенса и предложно-именными группами или наречиями со значением Направления или Конечной точки (*куда*); ср. *бросать* (*кидать*) *мешки в яму* (*на землю, под навес, через забор*). Те же лексемы, но с некоторым системным семантическим наращением («бросать с размаху с целью попасть»), управляют еще формой ТВОР, при которой третье дополнение выражается только предложно-именной группой в ВИН, ср. *бросать* (*кидать*) *камешками в окно*. Однако семантические роли соответствующих актанта остаются теми же (т. е. Пациенсом и Конечной точкой соответственно) и, следовательно, мены диатезы не происходит.

Мена диатезы совместима с небольшой модификацией словарного толкования лексемы и может сопровождаться возникновением стилистической специфики.

Выше мы уже рассматривали различные случаи мены диатезы. Теперь попытаемся их систематизировать. Это явление характерно:

³⁵ Явление, близкое к мене диатезы, представлено в случаях лексической и словообразовательной конверсии. Лексическая конверсия: *вмещать* (*Бочка вмещает пятьдесят ведер*) — *входить в* (*В бочку входит пятьдесят ведер*) или *наполнять 1* (*Он наполняет бочку дождевой водой*) — *наливать* (*Он наливает в бочку дождевую воду*) — *наполнять 2* (*Дождевая вода наполняет бочку*) — *наполняться* (*Бочка наполняется дождевой водой*). Словообразовательная конверсия: *учитель* — *ученик, врач* — *пациент, причина* — *следствие*.

1) для ряда глаголов со значением покрытия поверхности или заполнения объема каким-то предметом или субстанцией: (*по*)*брызгать воду на цветы* — *побрызгать цветы водой, заливать горючее в бак* — *заливать бак горючим, накачать кислород в камеру* — *накачать камеру кислородом, намазывать масло на хлеб* — *намазывать хлеб маслом*;

2) для ряда глаголов со значением извлечения: *выжать сок из лимона* — *выжать лимон, вычерпать воду из котла* — *вычерпать котел*;

3) для ряда глаголов со значением (физического или метафорического) удаления: *выбить пыль из ковра* — *выбить ковер, вытереть пыль с письменного стола* — *вытереть письменный стол, править* (*исправлять*) *ошибки в тексте* — *править* (*исправлять*) *текст*;

4) для ряда глаголов со значением (физической или метафорической) очистки: *отчистить котелок от копоти* — *отчистить копоть* (*с котелка*), *лечить кого-л. от туберкулеза* — *лечить туберкулез*;

5) для ряда глаголов неагрессивного контакта: *гладить кого-л. по голове* — *гладить кому-л. голову, трепать кого-л. за волосы* — *трепать волосы кому-л., трогать кого-л. за руку* — *трогать руку кому-л., трясти кого-л. за плечо* — *трясти плечо кому-л., целовать кого-л. в руку* — *целовать руку кому-л.*³⁶;

6) для ряда фактивных связей: *выбирать* (*назначать*) *кого-л. председателем* — *выбирать* (*назначать*) *председателя*;

7) для единичных глаголов со значением просьбы или вопроса: *просить чего-л. (помощи, совета) у кого-л.* — *просить кого-л. о чем-л., спрашивать что-л. (адрес, телефон) у кого-л.* — *спрашивать кого-л. о чем-л. (о том, где он живет)*;

8) для глагола *прощать*: *Прости меня за это жестокое сравнение* — *Прости мне это жестокое сравнение*;

³⁶ В прямой (словарной) диатезе глаголы «неагрессивного контакта» имеют четыре актанта: Агенс (*кто гладит*), Пациенс (*кого*), Пациенс! — непосредственно затрагиваемая действием часть Пациенса (*по чему гладит* — *по волосам, по животу*) и Инструмент или Рабочая часть (*чем гладит* — *веером, рукой, тыльной стороной ладони*). Возникает вопрос, не утрачивает ли Пациенс при мене диатезы, в результате которой он приобретает форму ДАТ, свой статус семантического актанта? Ведь в конструкции *гладить кому-л. волосы* бывший Пациенс явным образом играет роль бенефицианта. Мы склонны думать, что такое превращение действительно имеет место: происходит смещение актанта (посессора) от его семантического хозяина (части тела) к глаголу. См. ниже раздел 3.4.4.

9) для глаголов *дарить* и *жаловать* в устаревшем или книжном значении передачи: *дарить кого-л. улыбкой* — *дарить кому-л. улыбку*, *жаловать кого-л. шубой* — *жаловать кому-л. шубу*³⁷.

Как было сказано выше, мена диатезы может сопровождаться системным сдвигом в значении лексемы. Наиболее крупный лексикографический тип глаголов, допускающих такие сдвиги, — глаголы покрытия поверхности или заполнения объема каким-то предметом или субстанцией. Сдвиг в их значении при мена диатезы формулируется так: *брызгать воду [X] на цветы [Y]*, *накачивать воздух [X] в камеру [Y]* ≈ ‘помещать предмет или субстанцию X на поверхность или внутрь предмета Y’ — *брызгать цветы [Y] водой [X]*, *накачивать камеру [Y] воздухом [X]* ‘покрывать всю поверхность или заполнять весь объем предмета Y предметом или субстанцией X’³⁸.

Следует подчеркнуть, что в русском языке область действия этого правила сокращается. Диатеза вида *закладывать кирпич в дымоходы*, *заливать горючее в бак*, *засыпать пшеницу в ясли* и т. п. для глаголов со значением заполняемого объема с приставкой *за-*, по-видимому, устаревает; в этой диатезе современной норме в большей мере соответствуют бесприставочные глаголы или глаголы с приставкой *на-*, ср. *класть кирпич в дымоходы*, *наливать горючее в бак*, *сыпать или насыпать пшеницу в ясли*.

Семантические различия между двумя употреблением глагола с внешне похожей перестановкой актантов могут достигать такой степени, что они конституируют две различные лексемы этого глагола. По-видимому, так обстоит дело в случае *копать яму в земле* — *копать землю*: форма COB, по крайней мере, несобственная, для первой фразы — *выкопать яму в земле*, а такая же форма для второй фразы — *вскопать землю*. Такие случаи, в силу данного выше определения, под мена диатезы не подпадают.

³⁷ Любопытно, что устроенный внешне похожим образом глагол *обеспечить* такой мена диатезы не допускает: *обеспечить кого-л. благоустроенным жильем* значит, что жилье было человеку предоставлено, а *обеспечить кому-л. беспрепятственный доступ в архивы* значит, что были устранены все препятствия к посещению архивов. Сомнительны словосочетания типа *обеспечить кому-л. благоустроенное жилье* (в нужном смысле) и совершенно невозможны словосочетания типа **обеспечить кого-л. беспрепятственным доступом в архивы*.

³⁸ Этот семантический сдвиг, известный под названием «холистическая интерпретация», многократно описан в литературе; см., например, [Апресян 1967], [Levin 1993], [Goldberg 1995], с обширной библиографией в двух последних работах.

3.4.3. Расщепление актантов

Под расщеплением актанта понимается реализация одного семантического актанта А данного глагола двумя такими синтаксическими актантами, материал для которых черпается из лексического состава А.

Классическим случаем расщепления актантов является трансформация вида *Я [A1 = Экспериментер] считал, {что работа завершена}* [A2 = Содержание (мнения)] — *Я [A1 = Экспериментер] считал работу [A2' = Тема (мнения)] завершённой [A2''] = Содержание (мнения)]*. Кроме *считать*, она характерна и для некоторых других путативных глаголов, таких как *находить*, *полагать*, *признавать* и т. п. Ср. *Премьер находил (признавал), что требования экологов чрезмерны* — *Премьер находил (признавал) требования экологов чрезмерными*, *Президент полагал, что примирение с оппозицией необходимо (невозможно)* — *Президент полагал примирение с оппозицией необходимым (невозможным)*. Очевидно, что форма ТВОР в таких случаях представляет актант путативного глагола: без нее содержание мнения остается не выраженным, и предложение теряет правильность. Ср., в отличие от этого, конструкции с чисто копредикативными зависимыми типа *Я знал эту женщину молодой*, где форма ТВОР представляет не содержание моего знания, а время (грамматически — сирконстант), к которому относится мое знание этой женщины; см. о них [Кржижкова 1967], [Mel'čuk, Pertsov 1987]. Такие конструкции, как легко убедиться, не утрачивают правильности при опущении третьего члена.

Немедленно возникает вопрос, почему эту трансформацию предлагается описывать именно как расщепление актантов, а, например, не как их слияние. Кажется, нет никаких формальных препятствий к тому, чтобы трактовать путативные глаголы как прототипически трехактантные предикаты. В пользу такой трактовки говорят как будто и путативы типа *рассматривать что как что* (*Я рассматриваю это как акт саботажа*), *смотреть на что как на что* (*Он смотрел на их выходы как на невинные детские шалости*), *видеть (усматривать) что в чем* (*Прокурор республики не видит (не усматривает) в действиях ОМОНа состава преступления*), для которых двучленная конструкция невозможна.

В пользу принципиальной двухактантности прототипических путативов типа *считать*, *полагать* и т. п. говорит то обстоятельство, что на двучленную конструкцию не накладывается почти никаких семантических ограничений. Содержанием нашего мнения может

быть чье-то действие (*Я считал, что она ему отказала*), деятельность (*Я считаю, что она очень хорошо воспитывает своего сына*), занятие (*Я считал, что он просто играет*), поведение (*Я считал, что ребенок капризничает*), состояние (*Я считал, что он злится (зол) на вас*), свойство (*Я считал, что он злой человек*) и далее по всей классификации предикатов, см. выше. Между тем на класс предикатов, которые могут занимать последнюю позицию в трехчленной конструкции, равно как и на саму конструкцию, накладываются весьма жесткие семантические ограничения.

Во-первых, из полутора десятков семантических классов «верхнего» уровня последнюю позицию в трехчленной конструкции вполне свободно занимают только имена свойств; ср. *Я считал его злым человеком* [свойство], но не **Я считал его злым на вас* [состояние]. Состояния — ближайший к свойствам класс предикатов — возможны в этой позиции только при условии, что в данном высказывании они обозначают более или менее постоянные, а не актуально наблюдаемые состояния. Допустимы фразы типа *Руководитель считал работу законченной*, *Врачи считали его практически здоровым (очень больным)* и т. п., но не фразы типа **Я считал ее грустной (веселой) в тот вечер*. Даже в случае относительно постоянного состояния противопоставлены какие-либо его актуализации или конкретизации; ср. невозможность **Врачи считали его практически слепым на правый глаз (глухим на левое ухо)*, **Я считаю его больным хроническим тонзиллитом*.

Абсолютно невозможны в позиции ТВОР и все акциональные предикаты — действия, деятельности, занятия, поведения и т. п.

Во-вторых, при путативных связках возможны лишь прилагательные или существительные в роли имен свойств (см. выше). Фразы типа **Она считала своего сына совсем не заикающимся* (ср. *Она считала, что ее сын совсем не заикается*) абсолютно невозможны.

В-третьих, в двучленной конструкции время мнения и время свойства могут совпадать или не совпадать; ср. *Я считаю, что она очень красива* (одновременность мнения и свойства), *Я считаю, что в детстве она была красивой* (время свойства предшествует времени мнения) и *Я считаю, что она будет красивой* (время свойства следует за временем мнения). Между тем в трехчленной конструкции время мнения и время свойства всегда совпадают. Нельзя сказать ни **Я считаю ее в прошлом красивой*, ни **Я считаю ее в будущем красивой*.

Очевидно, что исходной, основной, прототипической для предикатов *считать, находить, полагать, признавать* следует признать

двучленную конструкцию. Это нисколько не мешает тому, что для другого класса синонимичных путативных предикатов — *рассматривать кого / что как кого / что, смотреть на кого / что как на кого / что, усматривать что в чем, видеть в ком / чем кого / что*, разг. *держат кого за кого (Ты что, за дураков нас держишь?)* и т. п. основной будет признана трехчленная конструкция, потому что для них она является единственно возможной.

3.4.4. Смещение актантов

Пусть *n*-актантный глагол *V* имеет семантический актант *X*, у которого есть семантическая валентность на *Y*, ср. *крепко сжимать [V] руки [X] бандита [Y]*. Ситуация смещения актантов имеет место в случае, когда семантический актант *Y* отрывается от своего исконного семантического хозяина *X* и переподчиняется глаголу *V* в качестве его синтаксического зависимого; ср. *крепко сжимать бандиту руки*³⁹. Тогда *V* предстает на синтаксическом уровне как (*n* + 1)-актантный глагол.

В русском языке смещение актантов характерно для трех типов конструкций — посессивных, экзистенциальных и близких к ним конструкций с ЛФ-глаголами семейства OPER-LABOR-FUNC.

1) Посессивные конструкции в широком смысле слова. В них посессор отрывается от своего исконного семантического хозяина и переподчиняется глаголу, обычно в форме ДАТ, как в только что приведенном примере, реже — в форме у РОД и еще реже — в форме к ДАТ; ср. *Он крепко сжимал (стиснул) руки бандита — Он крепко сжимал (стиснул) бандиту руки, Его сердце билось неровно — Сердце у него билось неровно, Я вбежал в его кабинет — Я вбежал к нему в кабинет*. Им посвящена обширная литература; см., например, [Wierzbicka 1979], [Studies 1983], [Апресян 1983б], [Категория притяжательности 1983], [Лазурский 1988], [Iordanskaja, Mel'čuk 1995], [Кибрик 2000, 2003], [Кибрик и др. 2005].

В дальнейшем мы будем рассматривать только первый вариант посессивной конструкции — со смещенным посессором в форме ДАТ в роли Бенефицианта. Эта конструкция характерна для глаголов,

³⁹ Формально эту ситуацию можно описывать как промежуточную между расщеплением и смещением актанта. Как расщепление актанта она рассматривается в [Апресян 1974: 153 и сл.] и в [Кибрик 2000].

обозначающих физическое действие в пользу или (чаще) во вред кому-л., распространяющееся на часть тела, одежду, украшение, предмет собственности, часть тела или образование на ней, внутренний орган или внутреннее состояние посессора. Ср. *вскрыть кому-л. опухоль, вымыть кому-л. голову, гладить кому-л. волосы, забинтовать кому-л. руку, испортить кому-л. настроение, натереть себе руку, обработать кому-л. раны, освежить кому-л. память, отбить кому-л. почки, перебить грабителю руку, перебить себе аппетит, побрить кому-л. усы, пожать кому-л. руку, порвать кому-л. рубаху, порезать себе палец, почистить кому-л. пиджак, проломить кому-л. череп, прострелить кому-л. шляпу (ногу), разбить кому-л. физиономию, разодрать кому-л. платье, расквасить кому-л. нос, рассечь себе ладонь, расцарапать кому-л. лицо, расчесать кому-л. волосы, связать кому-л. руки, сдавить (сжать, стиснуть) кому-л. пальцы, сломать кому-л. компьютер, смотреть кому-л. в глаза, трясти кому-л. руку, царапать кому-л. лицо, целовать кому-л. руки, чесать кому-л. пятки.*

Для некоторых из перечисленных глаголов смещение посессора является обязательным; ср. неправильность **побрить усы (бороду) клиента, *постричь ногти ребенка*. Однако для большинства глаголов возможна и конструкция без смещения актанта, в которой посессор занимает свое исконное место, а именно место семантического и синтаксического актанта при названии части тела, органа, предмета одежды или собственности, внутреннего состояния и т. д.: *обработать его раны, прострелить его шляпу, сломать его компьютер, смотреть в ее глаза.*

В ряде случаев, таких как *Я освежу вам память — Я освежу вашу память, Сын снова сломал ему компьютер — Сын снова сломал его компьютер, Он целовал ей руки — Он целовал ее руки* выбор конструкции (со смещением или без него) никак или почти никак не затрагивает общего смысла словосочетания. В других случаях при таком смещении («подъеме посессора» по терминологии Л. Хаймана и Д. Перльмуттера, «экстрапозиции посессора», по терминологии А. Е. Кибрика) происходит системный семантический сдвиг, связанный с категорией аффицированности, т. е. непосредственной вовлеченности посессора в действие. См. анализ примеров *Он прострелил мне шляпу* [В момент выстрела шляпа была на мне или у меня в руке, т. е. я был непосредственно вовлечен в действие] и *Он прострелил мою шляпу* [Шляпа могла быть где угодно, в том числе у меня дома, между тем как я сам находился на работе, т. е. не был непосредственно вовлечен в действие] в [Апресян 1974: 259—260]. Ср.

также *Я вбежал к Ивану в кабинет* (Иван был в своем кабинете) — *Я вбежал в кабинет Ивана* (Иван мог быть где угодно).

2) Экзистенциальные конструкции. Здесь интересен класс, формируемый семантически одноактантными глаголами типа *быть, выйти, повториться, получиться, приключиться, произойти, случиться, стрястись* в случае, когда их первый актант представлен именами таких событий, как *авария, беда, (нехорошая) история, катастрофа, неприятность, несчастный случай, несчастье* и т. п.

У всех этих существительных есть собственный семантический актант — пациент (человек, машина и т. п.), попадающий в данную ситуацию. Часто, хотя и не всегда, он присоединяется к своему хозяину в форме *с + ТВОР*, ср. *История (неприятность) с топ-моделью привлекла всеобщее внимание, Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной* (А. де Сент-Экзюпери, пер. Н. Галь). Он тоже может отрываться от своего исконного хозяина и переподчиняться экзистенциальному глаголу: *С ним беда, С топ-моделью вышла (случилась) неприятная история, С билетом получилась неприятность, Из-за такой невинной смены фамилии с ним чуть не произошла (не приключилась, не стряслась) беда.*

Более того, именно смещение актанта является для таких слов предпочтительным, а иногда и принудительным, т. е. единственно возможным способом реализации их семантической валентности. Иллюстрацией последнего случая являются экзистенциальные глаголы *делаться, сбываться, стать, статься, твориться*, у которых валентность события может реализоваться только принципиально безвалентными местоимениями *то, это, что* и производными последнего: *Вы не представляете, что с ней случилось; Что с ним стало?; С ней творится что-то неладное; И с вами то же случится, что случилось со мной* (Некрасов, СУШ)

В предложениях типа *С топ-моделью вышла неприятная история* группа *с + ТВОР* считается зависящей от глагола, а не от своего исконного хозяина по той причине, что в русском языке синтаксически невозможна препозиция актанта, выраженного предложно-именной группой, по отношению к его субстантивному хозяину; ср. неправильность сочетаний типа **с топ-моделью история*. К тому же тогда синтаксическая структура предложения была бы непроективной.

3) Конструкции с ЛФ-глаголами семейства OPER-FUNC (об этих глаголах см. [Мельчук 1974]), включая и многочисленные суперпозиции типа INCOPER, FINOPER, CAUSOPER, LIQUOPER и т. д. Как известно, глаголы этого семейства на

своей первой (для FUNC-ов), второй (для OPER-ов) или третьей (для LABOR-ов) валентности присоединяют к себе ключевое слово — отглагольное существительное со значением действия, процесса, состояния, свойства и т. п.; ср. OPER1(давление) = *оказывать (давление на стенки сосуда)*. Актанты этого существительного (в нашем примере — предложно-именная группа *на стенки сосуда*) в определенных условиях могут переподчиняться лексико-функциональному глаголу. В частности, это происходит в ситуации, когда актанта оказывается в препозиции к своему исконному хозяину. Ср. *Газ оказывает очень большое давление на стенки сосуда* — *На стенки сосуда газ оказывает очень большое давление*. В первом предложении *на стенки сосуда* — семантический и синтаксический актанта давления; во втором предложении *на стенки сосуда*, продолжая оставаться семантическим актанта давления, синтаксически переподчиняется глаголу *оказывать*. Как уже было сказано выше, в русском языке невозможна препозиция актанта, выраженного предложно-именной группой, по отношению к своему субстантивному хозяину; ср. неправомерность фраз типа **на стенки сосуда давление*. Решение считать препозитивную предложно-именную группу *на стенки сосуда* зависимой от существительного было бы неудачно и по второй указанной выше причине — тогда синтаксическая структура предложения была бы непроективной. Наконец, оно становится совершенно невозможным ввиду того факта, что в некоторых типах предложений, в частности, в предложениях с релятивизацией типа *Давление, которое газ оказывает на стенки сосуда, достигает ста атмосфер*, семантический актанта существительного оказывается за пределами предложения, в котором употреблено оно само.

Между смещением актанта в посессивных конструкциях, с одной стороны, и в экзистенциальных и лексико-функциональных конструкциях, с другой, есть различие. В посессивных конструкциях посессор утрачивает свою исконную форму РОД и подчиняется глаголу в какой-то новой форме (ДАТ, у + РОД, к + ДАТ). Между тем в экзистенциальных и ЛФ-конструкциях форма актанта полностью сохраняется, меняется только его синтаксический хозяин.

3.4.5. Выражение двух семантических ролей одним актанта

В разделе 3.3.2.2.2, рассматривая примеры типа *выкачать воду из колодца* (= А3), *прибить табличку к двери* (= А3), мы уже использо-

вали запись вида Пациенс & Место для характеристики семантической роли актанта А3. Действительно, колодец в результате выкачивания воды из него меняет свое состояние и, по определению, является Пациенсом. С другой стороны, он выступает в роли Места, откуда выкачивается вода. Точно так же дверь в результате прибывания к ней таблички оказывается и Пациенсом, поскольку ее состояние изменилось, и Местом, на котором теперь находится табличка. Налицо, таким образом, спаренная роль, т. е. выражение двух разных семантических ролей одним и тем же актанта.

Обсудим еще один пример такого рода — основные лексемы глаголов *ругать* и *бранить*, представление о которых дают примеры типа *ругать кого-л. за отказ помочь, бранить сына за лень*⁴⁰. Они могут быть истолкованы следующим образом: *А1 ругает 1 (бранит 1) А2 за А3 = 'осуждая действия или свойства А3 человека А2, человек А1 выражает ему свое недовольство им самим или его А3 в такой форме, которая показывает, что А1 раздражен или возмущен человеком А2 или его действиями/ свойствами А3'*. Выделенные полужирным шрифтом семантические компоненты толкования показывают, что *ругать 1* и *бранить 1* соединяют в своем значении ментальный акт осуждения человека А2 с речевым актом выражения своего недовольства ему. А2 выступает, таким образом, и в роли Объекта осуждения, и в роли Адресата речевого акта выражения недовольства, т. е. выражает спаренную роль Объект&Адресат.

У глаголов *ругать* и *бранить* есть и четырехактантные лексемы, у которых Объект осуждения и Адресат речевого акта выражаются раздельно; ср. *Он ругал 2 (бранил 2) мне (А3 = Адресат) эту пьесу (А2 = Объект) за вялость сюжета, недостоверность характеров, бедность языка (А4 = Мотивировка)*. Те же самые лексемы представлены и во фразах типа *Вот и вчера он [Агенс] ругал 2 (бранил 2) мне [Адресат] своего брата [Объект осуждения] за отказ [Мотивировка] помочь ему в этой работе*.

В пользу того, что у глаголов *ругать* и *бранить* трехактантные и четырехактантные МУ разнесены по разным лексемам, можно привести два ряда аргументов. Во-первых, это различие в наборе видовых форм. *Ругать 1* имеет (не совсем точную) форму СОВ *отругать*, а *бранить 1* — (тоже не совсем точную) форму СОВ *выбранить*. Ни та, ни другая невозможны для лексем *ругать 2* и *бра-*

⁴⁰ Ниже предлагается корректировка описания, данного в работе [Апресян, Гловинская 2004].

нить 2, которые относятся к разряду Imperfectiva tantum. Во-вторых, это различие в наборах синонимов. У *ругать 1* и *бранить 1* есть разговорные синонимы *грызть*, *крыть*, *пилить* в переносном значении 'ругать', ср. *Теца грызла его за то, что чересчур много ест; То вы капитана хвалите через край, то кроете во всю* (Щербаковский, МАС); *Приехавший первым гость мыкается, не зная что ему предпринять, а его законная мегера пилит его за то, что они приехали раньше всех* (М. Булгаков). У *ругать 2* и *бранить 2* аналогичного синонимического ряда нет.

Интересно, что антонимичный ряд *хвалить*, *восхвалять*, *превозносить*, *расхваливать* устроен, по-видимому, иначе. Во фразах типа *Он похвалил меня* (в глаза) и *Он похвалил меня моим родителям* (за глазо) представлена, скорее всего, одна и та же лексема. Во всяком случае, различий, которые были отмечены на материале «хулителной» группы, здесь не наблюдается.

Спаренное выражение двух разных семантических ролей в одном актанте следует отличать от явления альтернативности семантических ролей одного актанта. Таков, например, первый актант уже упоминавшегося глагола *дышать*. В случае, когда *дышать* обозначает процесс (прототипическое употребление), его первый актант выполняет роль Пациенса. В случае, когда он обозначает контролируемое действие (периферийное употребление, например, в ситуации врачебного осмотра), его первый актант выступает в роли Агенса. Для этого случая мы использовали выше запись вида Агенс/Пациенс. Рассмотрим еще один пример такого рода.

Глагол *писать 1* (в основном значении) — четырехактантная лексема: А1 = Агенс (*кто пишет*), А2 = Результат (*что пишет*, ср. *написал строчку символов*), А3 = Носитель информации (*в чем / на чем пишет*, ср. *написал в тетради (на доске)*) и А4 = Инструмент/Средство (*чем пишет*, ср. *написал ручкой* [Инструмент] VS. *написал мелом* [Средство]). Следовательно, у *писать 1* четвертый актант альтернативно выполняет либо роль Инструмента, либо роль Средства. В отличие от этого, *писать 4* (в «живописном» значении) — пятиактантная лексема, которая в обязательном порядке требует и Инструмента (кисти), и Средства (краски).

Отметим, наконец, возможность комбинации спаренного и альтернативного выражения ролей одним и тем же семантическим актантом. Пример такой комбинации дают глаголы неавтономного перемещения обеих рассмотренных в разделе 3.3.2.2.1 групп — негравитивные (*ехать*, *ездить*, *выехать*, *приехать*, *лететь*, *летать*,

вылететь, *прилететь* и т. п.) и транзитивные (*везти*, *возить*, *вывезти*, *перевезти*, *привезти* и т. п.). Все они имеют актант со значением транспортного средства, с помощью которого осуществляется перемещение, причем у всех глаголов неавтономного перемещения этот актант стандартно и единообразно выражается предложно-именной группой *на + ПР*, которая выполняет семантическую роль Инструмента. Другой, менее стандартный и семантически гораздо более связанный способ выражения того же актанта, — форма ТВОР. Ее семантическая роль не может быть определена столь однозначно.

В работе [Апресян 2009: 159] была дана сводка различий между формами *на + ПР* и ТВОР в контексте глаголов неавтономного перемещения, которая воспроизводится ниже в дополненном и уточненном виде.

а) Группа *на + ПР* обозначает любое транспортное средство: *ехать (ездить) на поезде (на трамвае, на форде, на велосипеде, на лошади)*, *лететь (летать) на самолете (на вертолете, на «Мираже», на «Фантоме»)*, *плыть (плавать) на пароходе (на паруснике, на шлюпке)*. Между тем в форме ТВОР возможны преимущественно названия общественного транспорта, обычно на механической тяге; можно *ехать (ездить) (на работу) автобусом (трамваем, троллейбусом)*, *лететь (летать) самолетом до Парижа (а дальше на поезде)*, *плыть (плавать) пароходом до Нью-Йорка*, но не **ехать (ездить) (на работу) фордом (мотоциклом, лошадыми)*, **лететь (летать) дельтапланом*, **плыть (плавать) яхтой (шлюпкой)* и т. п.

б) Группа *на + ПР* может иметь и конкретно-референтный (по Е. В. Падучевой), и родовой статус, а форма ТВОР тяготеет к родовому статусу. Поэтому *на + ПР* совместима с любыми значениями НЕСОВ, включая актуально-длительное, а ТВОР с актуально-длительным значением несовместима. Можно, например, сказать *Следующий отрезок пути он ехал (ездил) на автобусе (автобусом)*, *Когда я позвонил ему на мобильник, он все еще ехал на автобусе*, но не *?? Когда я позвонил ему на мобильник, он все еще ехал автобусом*. С формой ТВОР глагол тяготеет к употреблению в узуальных и кратных значениях.

в) С этим связано и то, что группа *на + ПР* может обозначать и род, и вид транспортного средства. В частности, можно *ехать (ездить) на «ЗИЛе»*, *лететь (летать) на турбовинтовом (реактивном) самолете*, *плыть (плавать) на трансатлантическом лайнере* и т. п. Между тем форма ТВОР обозначает, как правило, род транс-

портного средства, но не его вид; по меньшей мере необычно [?]*ехать* (*ездить*) «ЗИЛом», ^{??}*лететь* (*летать*) *турбовинтовым* (*реактивным*) *самолетом*, ^{??}*плыть* (*плавать*) *трансатлантическим лайнером*. Как показывают эти примеры, при названии транспортного средства нежелательны и конкретизирующие определения.

Кажущееся исключение — номинации типа *Красная стрела*, *Голубой экспресс*: безусловно, можно сказать *Он ездит в Питер Красной стрелой*. На самом деле такие примеры исключением не является. Чтобы убедиться в этом, достаточно вместо моторно-кратного глагола *ездить*, употребленного в узуальном значении, использовать моторно-некратные или приставочные глаголы, которые дают осязаемое падение степени правильности фразы: ^{??}*Он ехал* ([?]*приехал*) *в Питер Красной стрелой*. Иными словами, *Красная стрела* в указанном контексте обозначает не конкретный состав, на котором человек прибыл в Питер, а род транспортного средства.

г) Форма *на + ПР* с равным успехом используется и при глаголах, обозначающих действия, и при глаголах, обозначающих занятия; ср. *ехать на автобусе* (*на речном трамвае*) [действие], *кататься на автобусе* (*на речном трамвае*) [занятие]. Форма ТВОР возможна только при глаголах, обозначающих действия. В частности, нельзя **кататься автобусом* (*речным трамваем*).

д) Форма ТВОР возможна преимущественно в контексте прототипических глаголов неавтономного перемещения, т. е. глаголов *ехать*, *ездить*, *лететь*, *летать*, *плыть*, *плавать*, *везти*, *возить*, и некоторых их префиксальных производных, преимущественно с приставками *вы-*, *до-*, *пере-*, *при-*, *про-* и *у-*. Форма *на + ПР* не знает таких ограничений. Можно сказать *переправить пострадавших на другой берег на пароме*, *поднять диван на шестой этаж на грузовом лифте*. Сомнительно, однако, [?]*переправить пострадавших на другой берег паромом* и невозможно **поднять диван на шестой этаж грузовым лифтом*. С другой стороны, можно сказать *въехал* (*заехал*) *на машине в кювет*, *наехал на машине на столб*, *объездил на машине всю Францию* и т. п. Ни один из этих префиксальных глаголов не может быть употреблен с названием транспортного средства в форме ТВОР; ср., например, неправильность **Он объездил машиной всю Францию* и даже **Он объездил автобусом всю Францию*.

Во всех этих различиях прослеживается одна общая идея: чем конкретнее ситуация, тем меньше оснований для употребления формы ТВОР; чем она обобщенней, тем естественней выглядит эта форма.

Указанное различие характерно для оппозиции Инструмент VS. Способ. Не случайно форма ТВОР синонимична некоторым выражениям, обозначающим именно различные способы перемещения; ср.: *ехать поездом* \approx *ехать по железной дороге*, *переправлять пострадавших в Москву самолетами* (\approx *по воздуху*), *переправлять пострадавших в безопасное место гужевым транспортом*.

Естественно поэтому предположить, что в форме ТВОР рассматриваемый актант глаголов перемещения выполняет двоякую роль Инструмента и Способа одновременно, между тем как в форме *на + ПР* он выполняет только роль Инструмента. Следовательно, в данном случае имеет место следующая комбинация семантических ролей, выполняемых одним и тем же семантическим актантом глагола: Инструмент [для случая *на + ПР*] / Инструмент & Способ [для случая ТВОР].

3.4.6. Абсолютивная конструкция

Ниже рассматривается одна ее разновидность, формируемая принципиально переходными глаголами типа *гладить*, *греть*, *держать*, *клеить*, *колоть*, *косить*, *пилить*, *писать*, *резать*, *рубить*, *стричь* и другими в значении 'функционировать нормально в соответствии со своим назначением' (об инструментах и средствах; к ним близок еще глагол *брать* в сравнимом значении, ср. *Напильник не берет*).

В отрицательных предложениях типа *Утюг совсем не гладит*, *Дрова не горят*, *Печка не греет*, *Гвозди (нитки) не держат*, *Клей не клеит*, *Коса не косит*, *Пила не пилит*, *Ручка не пишет*, *Нож не режет* реализация валентности Пациенса становится затруднительной или прагматически неуместной.

Более того, в отличие от предложений с теми же глаголами в их главном акциональном значении, здесь отрицание обычно порождает системный семантический сдвиг. Само действие не отрицается, а сообщается только, что соответствующий артефакт во время функционирования плохо справляется с работой, для которой он предназначен: *Нож не режет* значит, что *Нож плохо режет*. Происходит это за счет изменения сферы действия отрицания: оно воздействует не на вершинный смысл 'функционирует', а на вложенный смысл 'нормально' («внутренняя сфера действия» по И. М. Богуславскому): 'функционирует не нормально' и, значит, в силу естественной аксиомы действительности, плохо.

Тем самым эта разновидность абсолютивной конструкции сближается с лексемами, фраземами и конструкциями типа *класс, вкус, Голова варит, Карта идет, Мне сегодня работается*, в которые на правах слабого смысла входит положительная оценка (по умолчанию предполагается, что *класс высокий, вкус тонкий, Голова варит хорошо, Карта идет хорошая* и т. п.).

3.4.7. Синтаксическая невыразимость семантического актанта

В [Апресян 1974] были рассмотрены глаголы со значением аннулирования результата действия типа *опорожнить бочку, разбить руку, развернуть попку, развязать кому-л. руки, развячить осла, разгрузить машину, раздеть ребенка, расстегнуть пальто, спустить камеру* и т. п. У всех таких глаголов, помимо валентностей Агенса и первого Пациенса, есть еще валентность второго Пациенса (наполнителя, покрытия, груза и т. п.) или Средства. Об этом свидетельствуют антонимичные им глаголы со значением «прямого действия»: *наполнить бочку водой, забинтовать руку марлей, завернуть попку в бумагу, связать кому-л. руки веревкой, навячить осла мешками, нагрузить машину кирпичом, одеть ребенка в новый костюм, застегнуть пальто на все пуговицы, накачать камеру воздухом*. Действительно, когда мы *разворачиваем попку*, мы освобождаем ее от упаковки; когда *развязываем кому-л. руки* — снимаем с них веревку; когда *спускаем камеру* — выпускаем из нее воздух; и т. п. Однако этот семантически обязательный актант синтаксическим зависимым при указанных глаголах не выражается.

Похожий механизм блокирует выражение обязательного семантического актанта в другой серии глаголов со значением аннулирования результата действия. Выше мы рассмотрели большой класс пятиактантных глаголов типа *прибивать, привинчивать, пришивать* и т. п., со следующим набором актантов: Агенса, Пациенса (что *прибивает (привинчивает, пришивает)*), Пациенса2 & Место (к чему *прибивает (привинчивает, пришивает)*), Инструмента (чем *прибивает (привинчивает, пришивает)*), например, *молотком, отверткой, иглой*) и Средства (чем *прибивает (привинчивает, пришивает)*), например, *гвоздями, витаминисаморезами, белыми нитками*). У соответствующих антонимов со значением отделения типа *отбивать, отвинчивать* и т. п. (там, где они есть) Инструмент полностью сохраняет свой статус (ср. *отвинчи-*

вать табличку от двери отверткой), а Средство оказывается невыразимым, хотя отвинтить что-л., не вывинчивая шурупов, невозможно.

Любопытно устроена актантная структура глаголов, обозначающих различные арифметические операции, прежде всего *складывать, вычитать, умножать* и *делить*⁴¹. Их первые три актанта абсолютно очевидны — это Агенса, Пациенса и Пациенса2; ср. *складывать что с чем, вычитать что из чего, умножать что на что, делить что на что*. Поскольку, однако, все четыре глагола обозначают операции, которые Агенса проводит с целью узнать их результат, необходимо постулировать четвертый актант — Результат. Дополнительным аргументом в пользу такого решения является и тот факт, что четвертый актант, в отличие от первых трех, у всех глаголов представлен весьма идиоматичным актантным производным; ср. *складывать* — *сумма*, *вычитать* — *разность*, *умножать* — *произведение*, *делить* — *частное*⁴². Удивительным образом этот актант никогда не выражается при самом глаголе.

У существительных типа *аренда (на пять лет), виза (на месяц), командировка (кредит) (на год), отпуск (отсрочка) (на два месяца), перерыв (на десять минут)* есть семантически обязательная валентность Срока, на который планируется существование соответствующих ситуаций. В самом деле, ни одну из них нельзя описать исчерпывающим образом, не указав времени, на которое она рассчитана.

Посмотрим теперь на существительное (*денежный*) долг. Семантически оно устроено аналогично словам *аренда, виза, командировка* и т. п., потому что занимают деньги у кого-то и одалживают деньги кому-то, как правило, на определенное время, под обязательство должника вернуть их по истечении этого времени. Однако при слове

⁴¹ К ним примыкают выражения *возводить в степень* и *извлекать корень*, имеющие аналогичную актантную структуру, но мы ограничимся обсуждением только простых глагольных предикатов этого класса.

⁴² Формально у всех четырех глаголов есть производные вида S2 и S3, но гораздо менее идиоматичные и употребительные, т.е. имеющие в языке совсем другой статус, чем производные вида S4. В случае сложения оба производных выражаются одним и тем же словом *слагаемое (первое слагаемое, второе слагаемое)*, в случае умножения — одним и тем же словом (*со*)*множитель*. Что касается вычитания и деления, то S2 и S3 от них выражаются разными словами: *уменьшаемое* и *вычитаемое* для *вычитать*, *делимое* и *делитель* для *делить*. Однако эти слова тоже менее идиоматичны и менее укоренены в языке, чем супплетивные производные *сумма* (от *складывать*), *разность* (от *вычитать*), *произведение* (от *умножать*) и *частное* (от *делить*).

долг эта семантически обязательная валентность синтаксически невыразима: нельзя сказать *долг до получения, *долг на год.

У небольшого класса слов со значением звукового сигнала (*гудок, звонок, отбой, отправление*) есть Адресат, для которого они предназначены, однако синтаксическим зависимым он при них не выражается; ср., в отличие от этого, семантически близкие существительные *знак и сигнал*, которые управляют формой ДАТ в значении Адресата.

У существительного *ссылка* выражается валентность Конечной точки (*ссылка в Воронеж*), но невыразима валентность Начальной точки, хотя у семантически близкого слова *высылка* хорошо реализуются обе эти валентности.

Аналогичным образом не выражаются синтаксическим зависимым: валентность отметки при слове *экзамен* (нельзя сказать *экзамен на четыре), валентность цели (содержания требования) при словах *забастовка* и *ультиматум* (нельзя сказать *забастовка за повышение зарплаты, *ультиматум прекратит ядерные разработки), валентность объекта, которым обладатель свойства готов или не готов поделиться с другим человеком, у антонимичных прилагательных *скупой* и *щедрый*⁴³.

Все перечисленные актанты (или, с немного другой точки зрения, валентности) могут быть названы латентными в том смысле, что они проявляются в языке косвенным образом. Одно из типичных проявлений (на него обратил внимание И. А. Мельчук, см. [Иорданская, Мельчук 2007]) имеет место в сочетаниях с ЛФ-глаголами и другими близкими к ним; ср. *сдать экзамен на тройку; До возвращения долга остается пять дней; Ультиматум требует прекращения ядерных разработок; выписать чек; явиться по первому звонку* и т. п.

Другое важное проявление латентной валентности, уже упомянутое выше, — наличие актантного производного по ней (ср. производные типа *сумма, разность, произведение, частное* от глаголов *складывать, вычитать, умножать* и *делить* соответственно).

3.4.8. Появление нового семантического актанта

Речь пойдет о непереходных глаголах перемещения с префиксом *до-* типа *добежать, добрести, доехать, дойти, долететь, доплыть,*

⁴³ Любопытно, что в переносных значениях этих прилагательных соответствующая валентность реализуется; ср. *скупой (щедрый) на похвалы*.

доползти, доскакать, дошагать и т. п. в их основном значении; ср. *Раненый дошел (добрел, дополз) до воронки и скатился вниз, Участники соревнований добежали до столба (доплывали до бортика) и, коснувшись его рукой, поворачивали назад.* В форме СОВ ПРОШ такие глаголы имеют (огрубленно) следующую схему толкования (на примере глагола *добежать* — *добежать*):

A1 добежал до A2 ≈ 'A1 бежал по направлению к A2 и в какой-то момент был на расстоянии A3 от A2 [пресуппозиции]; в более поздний момент A1 находился в / на A2 или рядом с A2' [ассерция].

В утвердительном предложении такие глаголы не имеют семантической валентности 'расстояние до объекта A2', потому что указание на расстояние до A2, на котором находился Агенс в какой-то начальной, срединной или конечной фазе своего перемещения, входит лишь в пресуппозицию толкования, а не в его ассерцию.

Под отрицанием ассерция ощутимо меняется. В предложениях типа *Он не добежал (не дошел, не доскакал) до дерева* глагол легко присоединяет зависимую группу типа *пять шагов (пяти шагов)* (ср. *Он не добежал до дерева всего пять шагов*), обозначающую расстояние до объекта, которое он по той или иной причине не преодолел. Из них следует, что в отрицательных предложениях прототипическое словарное толкование *до-*глаголов претерпевает следующий системный сдвиг (на том же примере):

A1 не добежал A3 до A2 ≈ 'A1 бежал по направлению к A2 и в какой-то момент был на расстоянии A3 от A2 [пресуппозиции]; на расстоянии A3 от A2 A1 остановился или изменил направление перемещения' [ассерция].

Иными словами, отрицание открывает в толковании таких глаголов новую семантическую валентность расстояния до объекта, которое X не преодолел.

3.4.9. Актанты и сирконстанты

Заклучим этот раздел несколькими замечаниями о различиях между актантами и сирконстантами. Точнее, мы попытаемся показать, что граница между теми и другими проходит совсем не там, где ее обычно проводят.

Обычно считается, что актанты — это дополнения, обозначающие более или менее предметные сущности, а сирконстанты — это обстоятельства, т. е. такие члены предложения, которые указывают

на то, где, когда, по какой причине, с какой целью, каким способом и т. п. что-то делается, происходит, располагается в пространстве или существует. Иными словами, сирконстанты отличаются от актантов кругом значений (локативных, временных, причинно-следственных, целевых, способа действия и других подобных), которые они выражают.

В рамках изложенной выше концепции проблема предстает в другом свете. Слова, группы слов и целые высказывания с любыми перечисленными выше «сирконстантными» значениями могут тем не менее быть актантами какого-то глагола и синтаксически управляться им, если они обозначают обязательных участников ситуации, называемой этим глаголом. Ниже для иллюстрации этого тезиса мы приведем несколько групп глаголов, управляющих актантами со значениями времени, цели, причины и способа⁴⁴. В примерах критические слова и группы слов выделены полужирным курсивом.

3.4.9.1. Временные значения

Время — заранее никак не ограниченная длительность действия; такой актант характерен прежде всего для некоторых способов действия. Ср. пердуративы *провести месяц в деревне*, *проработать до позднего вечера*, *проспать два часа*; делимитативы *поработать (поспать) два часа*, *почитать с полчаса*; финитивный способ действия *отвоевать всю войну*, *отработать два дня*, *отсидеть два года за грабеж*, *отслужить год в армии*; завершительный способ действия *доработать две недели до праздников*, *доспать пять минут*.

Дата — момент, когда что-то может или должно произойти, или временной отрезок, внутри которого планируется какое-то событие: *встречать в два часа делегацию в аэропорту*, *назначить семинар на три часа (на вторник)*, *перенести заседание на пятое число*, *приурочить празднование дня рождения к юбилею театра*.

Момент — то же самое, но без модальности, т. е. время, когда что-то произошло, происходит или произойдет: *возникнуть (начаться) два века назад*, *родиться 2 марта*, *умереть ровно в двенадцать часов*.

⁴⁴ В этом перечне отсутствуют локативные значения. По-видимому, тезис, что в словосочетаниях *жить в России*, *оставаться в городе*, *оказаться на площади*, *оставлять вещи в камере хранения* и т. п. локативные группы являются актантами, т. е. выполняют синтаксические функции дополнений, а не обстоятельств, уже не нуждается в доказательствах.

Срок — ограниченное определенным соглашением время, в течение которого данная ситуация должна продолжаться или данный объект должен служить: *арендовать на год*, *вербовать на три года*, *виза на месяц*, *заготовить (запастись) дров на зиму*, *командировать на неделю*, *отпуск на 36 рабочих дней*, *перерыв на пять минут*.

3.4.9.2. Целевые значения

Следующие семантические классы глаголов имеют актант Цель:

1) Глаголы двунаправленного автономного и неавтономного, каузативного и некаузативного перемещения: *бежать*, *гонять*, *ездить*, *летать*, *плавать*, *ходить за чем / на что / ИНФ*. Ср. *ходить (бежать) в подземный переход за газетами*, *летать в Париж на конференцию*, *плавали на остров загорать*. В случае каузативного перемещения цель может быть обоюдной: *водить детей гулять*, *возить больных на воды лечиться*.

2) Глаголы со значением посылания, управляющих теми же группами и группой для чего: *командировать кого-л. в университет Бонна для чтения лекций*, *направлять (молодых учителей) на курсы повышения квалификации (для переподготовки)*, *посылать кого-л. за газетами*.

3) Глаголы со значением выделения финансовых и иных средств: *ассигновать (выделить, отпустить) пять миллионов на строительство школы*, *выкроить полчаса для серьезного разговора*, *направлять средства на помощь пострадавшим от наводнения*, *предназначать эти деньги для летнего отдыха*.

4) Глаголы со значением накопления ресурсов: *беречь силы для последнего броска*, *копить деньги на покупку машины*, *собрать силы для последнего броска*, *собраться для прыжка*, *сосредоточить войска для прорыва обороны*.

5) Глаголы со значением мобилизации: *вербовать иностранных рабочих на строительство отеля*, *мобилизовать граждан для строительства укреплений*, *набирать добровольцев для службы на границе*.

6) Конативные глаголы: *пытаться (стараться, силиться) сделать что-л.*, *добиваться (домогаться) чего-л.*, *претендовать (притязать) на что-л.*, *стремиться (пробираться) к власти*; *изловчиться и вырваться из чьих-л. рук* (в последнем примере целевой актант присоединяется к управляющему элементу союзом *и*; см. об этом глаголе [Богуславский 1996]).

7) Глаголы со значением борьбы: *биться за высоту, бороться за гражданские права меньшинств, воевать за проливы (за передел мира); соревноваться за звание лучшего.*

8) Глаголы со значением выбора: *баллотироваться на пост губернатора, выбирать место для палатки, отбирать достойнейших для включения в сборную страны (для участия в соревнованиях), подбирать ключ к замку, присматривать участок для строительства дачи.*

3.4.9.3. Причинные значения

Следующие семантические классы глаголов имеют актанта Причина⁴⁵:

1) Глаголы каузации существования, у которых Причина является первым актантом: *будить (Эта книга будит мысль), вызывать (Повышение цен на энергоносители вызвало кризис), порождать (Это известие породило много толков), приводить к (Отключение электроэнергии привело к катастрофе).* Ср. также *влечь за собой, внушать (беспокойство), возбуждать (любопытство), вселять (страх), зарождают (сомнения), заставлять, наводить (ужас), нагонять (тоску), пробуждать (надежду)* и т. п. в контексте подлежащих, обозначающих ситуации или события; ср. *Выстрел заставил его остановиться.*

У глаголов этого класса есть любопытный конверсив — *проистекать*, у которого Следствие перемещается на первое место, а причина — на второе: *Авария проистекла из-за износа оборудования — Аварию вызвал износ оборудования. Проистекать*, пожалуй, единственный глагол этого класса с ясно выраженной причинной валентностью. Все его синонимы демонстрируют постепенное ее угасание (ср. *произойти, случиться*) вплоть до полного исчезновения у глаголов *стрястись* и *приключиться*.

2) Глаголы, обозначающие все эмоциональные и некоторые ментальные состояния (не чувства-отношения), у которых Причина является вторым актантом: *бояться (страшиться, опасаться) чего/что ПРЕДЛ, возбуждаться (от присутствия женщины), радо-*

⁴⁵ Причинная валентность есть и у многих существительных, у которых в современном русском языке нет соответствующих производящих глаголов; ср. *впечатление от книги, вред от этих перемен, осадок от разговора, убытки от сделки, ущерб от пожара.*

ваться (удивляться) чему/что ПРЕДЛ, восхищаться (возмущаться) чем, гордиться чем/что ПРЕДЛ, стыдиться чего/что ПРЕДЛ, завидовать, что ПРЕДЛ, обижаться (сердиться, злиться) на что/что ПРЕДЛ.

3) Глаголы, обозначающие болезненные физиологические ощущения или состояния как реакции на внешние раздражители: *болеть (Зубы болят от холода), зудеть (Тело зудит от укусов москитов), чесаться (Кожа чешется от укусов).* Возможен безличный вариант: *От этих слов его бросило в жар, Детей знобило от сырости, Ее всю трясло от злости.* Близок к ним класс глаголов со значением мучительных физических и душевных состояний: *мучиться от жажды (от холода, от зноя), терзаться сомнениями (ревностью, догадками).*

4) Глаголы со значением интенсивных двигательных, голосовых и «цветовых» проявлений сильных чувств, болезненных состояний или реакций на внешние раздражители: *валиться (падать) (с ног) от усталости, визжать от восторга (от боли), вопить (кричать) от страха, выть от тоски, замереть (застыть, остолбенеть) от удивления, моргать (щуриться) от яркого света, окаменеть от горя, плакать от обиды, плясать от радости, побледнеть от страха, пожелтеть от малярии, покраснеть от смущения; прыгать от восторга.* Сюда же примыкает группа ЛФ-глаголов, обозначающих реакции частей тела на сильные эмоции или внешние раздражители: ср., *Глаза ее остекленели от наркотиков, Зубы стучат от холода (от страха), Его лицо исказилось (побелело) от страха, Сердце екает (падает, уходит в пятки) от страха, Сердце у нее оборвалось от этих слов* (см. о них [Иорданская 1972]).

5) Глаголы со значением отраженного света, у которых причинная валентность по большей части заполняется словом *солнце*: *блестеть (гореть, загореться, сверкать, сиять) на солнце.*

6) Глаголы со значением выгоды и ущерба: *Население выиграет от снижения курса рубля, Население на этом проиграет.*

7) Глаголы со значением движения предметов: *вить на ветру, дрожать (содрогаться) от взрывов, колебаться от порывов ветра, трепетать от малейшего дуновения воздуха.*

8) Глаголы со значением изменения состояния, консистенции, формы и т. п., включая глаголы со значением разрушения: *Волосы выпали (вылезли) от болезни, Саженьцы гибли от холодов, деформироваться под тяжестью чего-л., застыть (затвердеть) на морозе, Хрупкий лед ломался под ногами, Крыша обрушилась (провалилась) под тяжестью снега, Деревья падали под напором ветра,*

разрушаться от ветхости (под напором воды), расплзаться (рваться) от ветхости, рушиться от толчков, Воск расплавился на солнце, умереть от туберкулеза.

3.4.9.4. Значение способа

Следующие семантические классы глаголов имеют актанта Способ:

1) Глаголы со значением состояния или свойства некоторых предметов: *Волосы лежат хорошо, Сапожки хорошо носятся, Пробка сидит плотно.*

2) Глаголы со значением обхождения: *бережно обходиться с внучкой, обращаться с отцом как с ребенком.*

3) Параметрические глаголы со значением поведения и поступка: *вести себя ужасно, держаться неприступно.*

4) Некоторые глаголы побуждения с элементами речевого акта: *вызвать кого-л. в Москву по телефону, завлечь кого-л. куда-л., суля золотые горы, затребовать кого-л. в Белый Дом телеграммой.*

5) Глаголы неавтономного перемещения со спаренной семантической ролью Инструмент & Способ, ср. *ехать поездом, Летайте самолетами Аэрофлота.*

3.5. Новая номенклатура семантических ролей

В заключение этой главы приведем новую номенклатуру семантических ролей, которая создавалась в три этапа. На первом этапе была расширена на полтора десятка и отчасти пересмотрена та номенклатура ролей (в количестве 25), которая была опубликована в [Апресян 1974]. Новый список ролей в количестве 40, с пояснениями и примерами, был представлен автором в Сектор теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН как фрагмент проекта по разработке языка для автоматической семантической разметки текстов. В результате тщательного обсуждения на рабочих заседаниях Сектора этот список был несколько дополнен и уточнен⁴⁶. На последнем этапе он был вновь дополнен автором до

⁴⁶ Автор главы выражает искреннюю благодарность участникам обсуждения — В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаевой, О. Ю. Богуславской, И. В. Галактионовой, М. Я. Гловинской, Б. Л. Иомдину, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Птенцовой, А. В. Санникову и Е. В. Урысон — за критические замечания и конструктивные соображения.

его нынешнего объема на основании разработанного им словаря глагольного управления, оснащен определениями⁴⁷ и еще раз пересмотрен и уточнен. Вырос и включенный в него фактический материал.

Впрочем, и эту трижды откорректированную номенклатуру ролей нельзя считать окончательной. Можно надеяться лишь на то, что по мере освоения новых материалов объем коррекций будет сокращаться.

Ниже дается полная номенклатура ролей в ее нынешнем виде (54 роли) с определениями / пояснениями и примерами. Полу жирным шрифтом набирается название самой роли и то слово в примере, которое выполняет данную роль. В случае необходимости в квадратных скобках после примеров дается комментарий, часто тоже в виде примера⁴⁸.

Агнец — человек или подобные ему существа (животные, высшая сила, нечистая сила, ангелы, мифические существа типа кентавров, домовых и т. п.), а также роботы, целенаправленно изменяющие что-то в мире, обычно — положения, состояния или свойства каких-то объектов или отношения между ними: *анализ Трубецкого, моя обычная аудитория (— студенты и аспиранты), Мальчик рисует.*

Агнец2 — актанта, имеющий свойства Агенса, у предикатов, которые имеют другой такой же актанта, но более высокого ранга: *биться с врагом, драться с официантом, консультироваться с врачом, конфликт с руководителем, соглашаться с оппонентом.*

Агнец! — та часть агенса (*рука, нога, глаза* и т. п.), с помощью которой он выполняет действие: *вертеть шляпу в руках, держать мышь в зубах, обнимать кого-л. за талию рукой, толкать кого-л. плечом.*

Адресат — получатель информации: *аплодировать артисту, говорить сестре, консультировать абитуриентов, приказывать часовому, просить соседа, разрешать детям, требовать от директора ресторана* [ср. роль Получателя].

Аудитория — зрители или слушатели какого-то человека, имеющие право выносить суждение о его действиях, так что он заинтересован в их оценке: *гордиться (кичиться, чваниться) перед нами, оправдываться перед гостями, рисоваться перед девушками, хвастаться перед одноклассниками, цеголять перед собравшимися.*

⁴⁷ За исключением случаев, когда название семантической роли совпадает с примитивом.

⁴⁸ О новых номенклатурах семантических ролей см. также [Fillmore 1976], [Fillmore, Baker 2000], [Gildea, Jurafsky 2002], [Кибрик 2003], [Падучева 2004].

Бенефициант — участник действия, не направленного непосредственно на него, но такого, от которого он может получить пользу или пострадать [учитываются, таким образом, и бенефактивное, и малефактивное значения; ср. отдельную роль Пользователя]: *благоприятный для арабов, выгодный ему / для него план действий, комментировать для радиослушателей.*

Время — заранее никак не ограниченная длительность действия: *поспать полчаса, провести месяц в деревне, проспать два часа.* См. также обсуждение этой роли в разделе 3.4.9.

Дата — момент, когда что-то может или должно произойти, или временной отрезок, внутри которого локализуется событие: *назначить на час дня (на вторник), перенести на завтра, родиться в тридцатом году.*

Значение (в смысле value) — значение количественного или качественного параметра: *грузинский акцент, горький вкус, вмещать два литра, высотой в сто метров, давление в сто атмосфер, длинной в триста миль, болотный запах, отвечать урок на отлично, хорошо (плохо) пахнуть⁴⁹, стоить тысячу рублей, круглой (квадратной) формы, красного цвета, цвета граната.*

Изображение — разновидность внутреннего объекта, или Результата: *изображать провинциальную среду, малевать батальные сцены, писать зимний пейзаж, рисовать льва, чертить график.*

Инструмент — необходимый для выполнения действия вспомогательный объект, который не расходуется в ходе его выполнения (молоток, иголка, зубная щетка, пистолет, лук и т. п.); когда Агенса делает что-то с этим объектом, это происходит не потому, что он хочет воздействовать на него, а потому, что он нужен для воздействия на Пациенса или для совершения самого действия: *бурить турбобуром, грести одним веслом, долбить ломом, копать саперной лопаткой, нести на носилках, обучать по стандартным учебникам, пахать на тракторе, стрелять из пушек, чистить скребницей* [Ср. роль Средства].

Источник — деятельность или действие, создающие данный ресурс: *выручка от торговли, доходы от продажи нефти.*

Каузатор — тот, кто без намерения, одним фактом своего существования порождает действие, состояние, свойство и т. п. другого

объекта, чаще всего человека; обычно это второй актант чувств-отношений: *доверие к своему депутату, интерес к детям, любовь к родителям, напоминать отца, презирать трусов, привязаться к чужому ребенку, уважение к старшим.*

Каузатор! — свойства или состояния каузатора, которые являются непосредственной причиной определенного эффекта: *манерой речи напоминать кому-л. отца.*

Конечная точка — место, к которому направляется перемещающийся объект: *бежать к лесу, ввести войска в Афганистан, выехать из России в Германию, падать на землю, прийти на площадь, сесть на ветку.*

Контрагент — активный участник ситуации, который выполняет роль, отличную от роли Агенса: *арендовать у завода, визит к врачу, покупать у своего приятеля, продать нефтяному концерну.*

Место — та часть пространства или площади, в которой локализуется данная ситуация: *беспорядок в комнате, выкрасть со склада, очутиться в незнакомом месте, сеять в пойме.*

Множество — однородные объекты, из которых по определенному признаку выбирается или в которых по определенному признаку выделяется какая-то часть: *большинство избирателей, вербовать из эмигрантов, выбирать из списка, набирать из курсантов, небольшой процент от числа поступающих.*

Момент — точка или отрезок времени, в которых локализуется какая-то ситуация: *возникнуть в прошлом веке, встречать кого-л. в полночь, выезжать в Краков завтра, начаться в 12 часов, отправляться в 20:00, родиться (умереть) первого мая.*

Мотивировка — действие, состояние, свойство или положение вещей, объясняющее, почему Агенса предпринял данное действие или Эксперинсер испытывает данное чувство: *аплодировать кому-л. за блестящее исполнение, арестовать за участие в демонстрации, бить кого-л. за малейшую провинность, благодарный кому-л. за помощь, вознаграждать за преданность, любить кого-л. за тихий нрав, наказывать кого-л. за неповиновение, оправдывался перед гостями за свое опоздание.*

Направление — траектория, вектор или рисунок перемещения: *бежать (бродить, летать, плавать, ползать, ходить) из конца в конец (туда и сюда).*

Начальная точка — место, из которого началось перемещение объекта: *бежать из леса, вывести войска из Афганистана, выехать из России, падать с неба, (поздно) прийти из школы.*

⁴⁹ Слова *запах* и *пахнуть* в чисто перцептивном значении могут обозначать либо качественный параметр (см. основной текст), либо свойство или состояние, а именно 'плохой запах': *Понюхай, мясо не пахнет (у мяса нет запаха)?*

Носитель информации — объект, содержащий текст или предназначенный для того, чтобы содержать текст: *написать несколько строк в своем дневнике, вымарать несколько слов в письме, зачеркнуть старый адрес в записной книжке.*

Обладатель — тот, кто имеет определенное свойство: *авторитет Эйнштейна, Он владеет десятью языками, Мой дед немного срамает (заикается).*

Объект — пассивный участник ситуации, который ничего в ней не делает и никак не меняется: *аналогия между сагой и эпосом, видеть огонек в темноте, владеть шестью языками, вращаться вокруг центра Галактики, ждать поезда, сравнивать гору со шлемом воина.*

Объект2 — актант, имеющий свойства Объекта, у таких предикатов, которые имеют другой такой же актант, но более высокого ранга: *аналогия между сагой и эпосом, бабушка Александра Первого, телега впереди лошади, состоять из трех частей, справа от этого здания, сравнивать гору со шлемом воина.*

Опора — поверхность какого-то объекта, на которой удерживается определенным способом расположенный на ней другой объект: *вешать на стену, висеть на стене, лежать на диване, опираться на спинку стула, сидеть на стуле, стоять на трамплине, ставить на стол* [ср. роль Рабочая часть].

Пациент — актант, существенные характеристики которого (действия, положение в пространстве, состояния, свойства, отношения с другими объектами и т. п.) изменяются в данной ситуации в результате действий другого лица, воздействия какого-то фактора или самопроизвольно: *авария с автомобилем, аннулировать визу, аренда участка, бинтовать руку, блокада города, бурить (яму) в земле, менять квартиру в центре на дачу в Подмоскowie, оснастить компьютер новым дисководом, За лето ребенок поправился.*

Пациент2 — актант, имеющий свойства Пациента, у предикатов, которые имеют другой такой же актант, но более высокого ранга: *арендовать участок за тысячу долларов, менять квартиру в центре на дачу в Подмоскowie, оснастить компьютер новым дисководом, шить платье из бархата.*

Пациент! — то в Пациенте, что непосредственно подвергается данному действию или воздействию: *бить кого-л. по спине, блуждать глазами, брать ребенка за руку, вылечить кого-л. от ангины, держать кого-л. под руку, обнимать кого-л. за талию, толкать кого-л. в грудь.*

Поверхность-пространство — поверхность, по которой совершается перемещение, или пространство, в котором совершается перемещение: *бродить по лесу, лететь по небу, плыть под водой, ползти по земле.*

Получатель — тот, кому дают какой-то предмет: *вернуть машину ее владельцу, взятки чиновникам, возвращать друзьям долги, выдавать рабочим зарплату, обеспечить город электроэнергией, оснастить корабль ракетами дальнего действия* [ср. роль Адресат].

Пользователь — тот, кто реализует данный артефакт по назначению: *пассажиры автобуса, пациенты больницы, моя виза, заключенные тюрьмы, учащиеся школы* [ср. роль Бенефициант].

Признак — тот аспект объекта, по которому он отличается от других похожих объектов, выделяется в множестве, выбирается и т. п.: *выбирать что-л. по цвету, выделяться среди кого-л. по росту, классифицировать (подразделять) слова по форме, отличаться по вкусу, превосходить кого-л. (уступать кому-л.) по уму.*

Причина: *бегство от наводнения, боязнь высоты, возмущаться действиями властей, Падение доллара вызвало кризис, догадаться по улыбке, понять по выражению лица.*

Причина! — то в Причине, что непосредственно вызывает данное состояние или положение вещей: *злить кого-л. своими шуточками, очаровать кого-л. своей непосредственностью.*

Рабочая часть — часть тела живого существа, используемая для поддержания данного пространственного положения, или ее метафорический аналог: *висеть на руках, лежать на боку, опираться локтем, сидеть на задних лапах, ставить на голову, стоять на голове* [ср. роль Опора].

Результат — объект или факт, который получается или должен получиться в той фазе выполнения действия, когда достигается его цель: *автор романа, бурить скважину, валять валенки, варить кашу, выбирать кого-л. академиком, красить в синий цвет, назначать кого-л. своим представителем.*

Ситуация: *вероятность землетрясения, Возникли сомнения, Возобновились усилия, втянуть кого-л. в драку, выиграть встречу, издавать звуки, победить в бою, помогать кому-л. в его работе, проиграть битву (бой, сражение), Стряслась беда.*

Следствие — положение вещей, которое получается в ходе развития какого-то процесса: *вызывать кризис, порождать панику, приводить к засухе (к падению курса доллара).*

Содержание — то основное, к чему сводится существо нашего знания, мысли или высказывания или смысл нашего действия: *вывод*, {что *X неправ*}, *запрещать выходить* из дому, *оправдываться своей неопытностью*, *хороший отзыв*, *отзываться хорошо* (*плохо*), *ошибаться*, *думая что P*, *приказывать наступать*, *репутация дуэлянта*, *считать своего отца лучшим* из людей, *требовать прекращения ядерных разработок*, *характеризовать хорошо* (*положительно*) [Ср. роль Тема].

Способ — то, как или с помощью каких приемов осуществляется действие: *вымогать посулами*, *завлекать* (*заманивать*), *обещая озолотить*.

Среда — социум, в котором проявляется данное свойство или разворачивается данная ситуация: *авторитет в артистической среде*, *вращаться в светском обществе*, *репутация среди однополчан*.

Средство — роль такого вспомогательного объекта, необходимого для данного действия, который расходуется в процессе выполнения действия (гвозди, нитки, зубная паста, пули, стрелы и т. п.): *взрывать динамитом*, *вылечить настоями из трав*, *прибивать гвоздями*, *стрелять дробью*, *шить белыми нитками* [Ср. роль Инструмент].

Срок — ограниченное определенным соглашением время, в течение которого данная ситуация должна продолжаться или данный объект должен служить: *арендовать на год*, *вербовать на три года*, *виза на месяц*, *заготовить* (*запаси*) *дров на зиму*, *командировать на пять дней*, *отпуск на все лето*, *перерыв на пять минут* (*на обед*).

Стимул — действие, вызывающее реакцию другого человека; обычно и действие, и реакция на него являются речевыми актами: *отвечать на вопрос*, *отзываться на призыв*, *откликаться на просьбу*, *возражать на замечания*.

Сфера — область деятельности или жизненного опыта, в которой проявляется свойство или состояние человека: *авторитет в вопросах любви*, *нефтяной бизнес*, *везет в картах*, *выиграть в шахматном марафоне*, *выиграть* (*проиграть*) *дело в суде*, *одержать победу* (*потерпеть поражение*) *в изнурительной войне*, *проигрывать в карты*.

Тема — то, что составляет предмет высказывания, мысли или информационного объекта: *говорить о будущем*, *думать о прошлом*, *мнение об этом человеке*, *рецензия на его книгу*, *считать своего отца лучшим* из людей [Ср. роль Содержание].

Функция — та работа или то использование, для которых какой-то человек или объект предназначен: *агент по недвижимости*, *бал-*

лотироваться в депутаты городской Думы, *билет в театр*, *строительная бригада*, *брат* (*нанимать*, *оформлять*, *принимать*) *кого-л. в институт лаборантом*, *средство от тараканов*.

Цель — запланированный результат действия: *ассигновать на строительство*, *битва за высоту*, *командировать для чтения лекций*, *посылать в разведку*, *предназначен для свадьбы*, *улучить момент для начала разговора*.

Экспериенсер — первый актант состояний: *агония императрицы*, *Что ты бесишься?*, *Он очень нуждается*.

Экспериенсер2 — второй актант симметричных состояний: *брак со знаменитым писателем*, *дружба с летчиками*.

Экспериенсер! — «страдающая» часть Экспериенсера: *У меня дико болит зуб*, *мучиться зубами*.

Глава 4

УРОКИ РУССКОГО СИНТАКСИСА (из опыта работы системы машинного перевода)¹

В данной главе рассматриваются проблемы автоматического анализа текста, возникающие в процессе работы экспериментальной системы машинного перевода ЭТАП-3. Основное внимание уделяется двум классам проблем: 1) адекватности синтаксического описания входного языка системы и 2) способам разрешения лексико-синтаксической неоднозначности входного текста. Показано, что сколько бы глубоко и тщательно ни разрабатывался синтаксический анализатор системы МП, в нем неизбежно остаются белые пятна и лакуны. Многие лингвистические факты, в том числе критически существенные для работы анализатора, никогда не попадали в поле зрения ученых просто потому, что они не имели возможности в массовом порядке оперировать материалом неверного или неожиданного синтаксического разбора предложений. Именно такой материал в изобилии предоставляет развитая система автоматической обработки текстов, а работа с этим материалом позволяет выявить лакуны научного описания и устранить их. Таким образом, лингвистическое экспериментирование с участием систем автоматической обработки естественного языка становится полноценным и весьма перспективным научным методом, а сами такие системы приобретают способность к (само)обучению. По результатам широкого лингвистического эксперимента, проводимого с помощью системы ЭТАП-3, делается попытка определить границы возможного в машинном переводе и — шире — вообще в автоматической обработке естественного языка.

¹Раздел основан на материалах статей [Иомдин 2002а] и [Иомдин 2002б].

4.1. Вводные замечания

История автоматической обработки текстов на естественном языке, и в первую очередь история машинного перевода, знает свои взлеты и падения. На какой-то стадии развития системы МП ее разработчикам начинает казаться, что сделан решительный прорыв, что еще немного усилий — и задача построения безупречной системы машинного перевода будет полностью решена. Однако проходит немного времени, и перед разработчиками возникают новые, зачастую неожиданные и сложные лингвистические задачи, необходимость решения которых в очередной раз отодвигает завершение проекта далеко за горизонт. Ничего удивительного в этом нет: машинный перевод, по существу, включает в себя всю лингвистику, а эта наука, по счастью, весьма далека от исчерпания. Если с точки зрения разработки системы МП такое положение дел не может вызвать особого энтузиазма, то лингвист, профессионально занимающийся машинным переводом, получает мощный стимул к решению таких задач, а в случае успеха — моральное удовлетворение, вполне адекватно компенсирующее испытанное разочарование.

В настоящем разделе будут рассмотрены некоторые поучительные ситуации, возникшие в ходе авторской опытной эксплуатации русско-английского компонента развитой системы машинного перевода «ЭТАП-3». Основные идеи, методы и результаты работы этой системы, базирующейся на лингвистической модели И. А. Мельчука «Смысл ↔ Текст», изложены, в частности, в [Апресян и др. 1989, 1992] и [Aprésjan et al. 2003]. Они предполагаются известными читателю хотя бы в самых общих чертах; впрочем, автор постарается избежать чересчур технических деталей.

Все ситуации фактически развивались по одинаковой схеме: система ЭТАП-3 получала на вход русское предложение и выдавала для него не удовлетворяющий экспериментатора английский перевод. Работа системы подвергалась внимательному анализу, который позволял локализовать ошибки и в благоприятном случае исправить их, а в неблагоприятном показать принципиальную невозможность исправления и тем самым сделать шаг в сторону установления границы возможного в машинном переводе. Отметим, что весь приведенный ниже материал содержался в реальных текстах (в первую очередь в новостных лентах, доступных в сети Интернет, в частности в ленте ИТАР-ТАСС) и не подвергался сколько-нибудь существенному препарированию.

4.2. Урок 1 — Синтаксический

Русские сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, вводимым союзным словом *который*, при всей их громоздкости², казалось бы, вполне хорошо изучены и, соответственно, полностью представлены в синтаксическом компоненте системы ЭТАП-3. Тем неожиданнее оказалась грубая ошибка в построенном системой английском переводе несложного предложения

(1) *Власти Афганистана издали распоряжение, согласно которому вооруженным лицам предписано покинуть Кабул,*

сделавшая результат не только неграмматичным, но и абсолютно непонятным:

(1a) *Authorities of Afghanistan have published an order it is prescribed to according to which armed persons to abandon Kabul*

(т. е. что-то вроде *Власти Афганистана издали распоряжение, предписано вооруженным согласно которому лицам покинуть Кабул). Загадка разрешилась довольно быстро: как оказалось, синтаксический анализатор породил для (1) следующую синтаксическую структуру (СинтС):

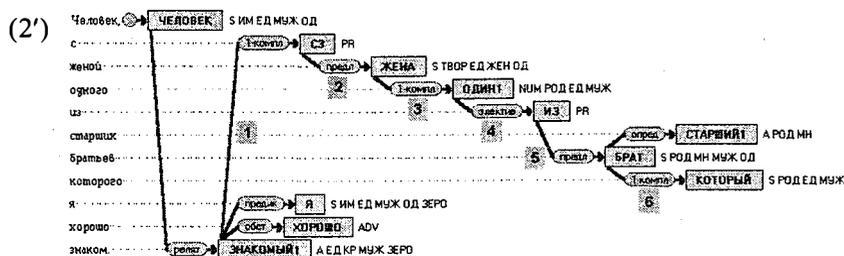

Перевод (1a), как легко заметить, практически без изменений воспроизводит эту структуру. Чем же она нехороша? Классическая

² Громоздкость этих предложений, впрочем, сводится к тому, что само слово *который* может не непосредственно подчиняться вершине придаточного (*человек, который смеется*), а достаточно далеко отстоять от вершины в древесной синтаксической структуре (*человек, с женой одного из старших братьев которого я хорошо знаком*).

³ Здесь и далее СинтС воспроизводятся в виде моментальных экранных снимков внутреннего графического редактора системы «ЭТАП-3».

русская грамматика (и добросовестно отражающий ее синтаксис ЭТАПа) не дает ответа на этот вопрос. Нетрудно убедиться в том, что в (1') союзное слово *который* — конструктивный элемент придаточного предложения — отстоит от его вершины — краткого причастия *предписано* — на четыре «древесных» шага. Не этим ли объясняется неправильность структуры, повлекшая за собой столь плачевный результат? Не будет ли достаточным наложить чисто количественное ограничение на допустимость промежуточных шагов между вершиной придаточного и союзным словом, чтобы исключить возможность построения СинтС типа (1')? Очевидно, что нет: структура (2') приведенной в предыдущей сноске фразы содержит целых шесть древесных шагов и воспринимается весьма естественно:

Остается предположить, что дело не в количестве элементов СинтС (1'), отделяющих слово *который* от вершины придаточного, а в характере этих элементов. Рассмотрим их чуть подробнее. Цепочка слов, ведущих в (1') от вершины к слову *который*, содержит всего три слова: существительное *лицам*, предлог *согласно* и причастие *вооруженным*. Существительное и предлог — слишком типичные элементы определительного придаточного, чтобы заподозрить в них причину грамматической неправильности (1'). Мы вынуждены признать, что поначалу не видели такой причины и в причастии. Дело в том, что семантических препятствий к интерпретации предложения (1) в виде (1') по существу нет: если представить сконструированное здесь придаточное как отдельное предложение, мы получим достаточно осмысленный текст: *Власти Афганистана издали распоряжение. Вооруженным согласно этому распоряжению лицам предписано покинуть Кабул.*

Тем не менее тщательный анализ русского материала показал, что причастия действительно не могут присутствовать в цепочке слов, отделяющих вершину придаточного определительного от со-

юзного слова *который* (а также, разумеется, и других союзных слов, конституирующих такое придаточное, — *что* и *каковой*)⁴. Даже в максимально коротких контекстах (причастие непосредственно подчинено вершине и непосредственно подчиняет союзное слово) этот запрет носит абсолютный характер равно для действительных и страдательных причастий — ср.

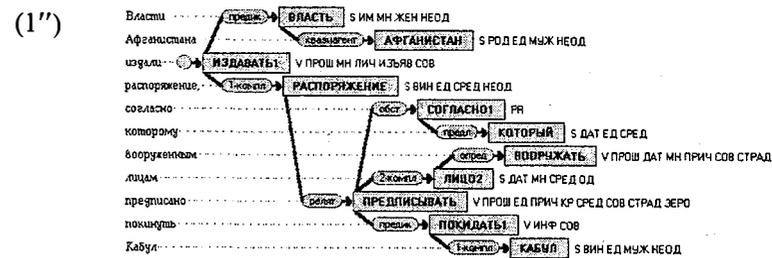
(3а) **Мальши, позвавший которого дядя пошел купаться, по-прежнему возился в песке*

и

(3б) **Это ученый, сделанное которым открытие произвело переворот в науке.*

Приходится констатировать, что данный запрет, насколько известно автору, до сих пор не отмечавшийся в литературе⁵, имеет чисто синтаксическую природу и семантически никак не мотивирован: смысл предложений (3а) и (3б) при их абсолютной неграмматичности весьма прозрачен.

Разумеется, получив такой результат, мы легко можем отразить его в синтаксических правилах системы МП. Благотворность обратной связи здесь обнаруживается немедленно: обновленный анализатор построил для предложения (1) правильную СинтС

и, соответственно, удовлетворительный перевод

⁴ Подчеркнем, что речь идет о древесной, а не о линейной цепочке слов: между союзным словом и вершиной причастия вполне может присутствовать, если только оно не входит непосредственно в последовательность идущей от вершины в союзное слово синтаксических связей, ср. *человек, с женой одного из уехавших за границу братьев которого я хорошо знаком.*

⁵ Окончательная формулировка этого запрета была выработана в дискуссиях с И. М. Богуславским, которому автор выражает искреннюю признательность.

(16) *Authorities of Afghanistan have published the order according to which it is prescribed to armed persons to abandon Kabul.*

Добавим, далее, что ограничения, которые следует наложить на строение определительных придаточных, не исчерпываются запретом на причастия. Еще одно важное ограничение состоит в следующем: **в число элементов, отделяющих вершину от союзного слова, не могут входить также никакие личные формы глаголов.** Даже при сочинении глагольных сказуемых придаточного слово *который* не может (ни непосредственно, ни опосредованно) подчиняться второму из этих сказуемых; ср. *Это писатель, которым интересуется и даже восхищается современная молодежь*, но не **Это писатель, интересуется и которым даже восхищается современная молодежь*.

Кроме того, **в состав цепочки**, связывающей вершину придаточного с союзным словом, по всей вероятности, **не могут входить никакие союзы**, ср. *Это был мастер, подобно которому не работал никто и никогда*, но не **Это был мастер, как который (словно который) не работал никто и никогда* — впрочем, чтобы сделать окончательный вывод, здесь требуется специальное исследование.

В нашу задачу не входит исчерпывающая формулировка синтаксических особенностей строения придаточных предложений — для этого потребовалось бы написать отдельную и достаточно объемную работу. Нам хотелось бы тем не менее подчеркнуть ту уникальную роль, которую в самой постановке этой непростой синтаксической задачи сыграл машинный перевод: по существу система МП становится одним из полноценных инструментов теоретической лингвистики, стимулирующих ее прогресс. В данном случае МП оказался источником весьма ценного отрицательного языкового материала: спонтанно создать такой материал, на наш взгляд, способен лишь искусственный объект, никакому носителю естественного языка и даже искусственному лингвисту-исследователю это не под силу.

В приводимых ниже ситуациях машинный перевод поможет нам извлечь другие типы уроков; его стимулирующее начало, однако, останется неизменным.

4.3. Урок 2 — Лексико-синтаксический

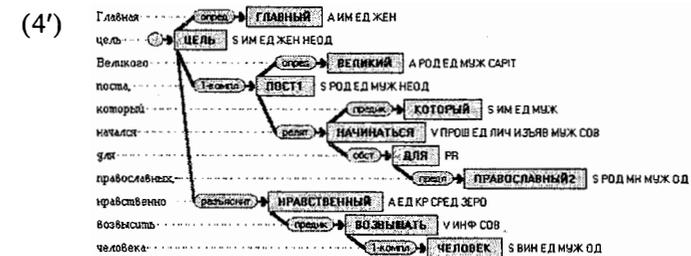
Рассмотрим еще один образец продукции русско-английского МП системы «ЭТАП-3». Источник — уже упомянутая лента ИТАР-ТАСС, передавшая в числе прочих новостей сообщение

(4) *Главная цель Великого поста, который начался для православных, — нравственно возвысить человека.*

Построенный первым перевод этого предложения

(4a) *The chief aim of the Lent which has begun for the Orthodox — it is moral to raise a person*

очевидным образом неадекватен: (4a) приблизительно означает (4б) ‘Главная цель Великого поста... — возвышение человека является нравственным’). В отличие от первого примера, источник ошибки здесь, в общем, виден сразу — система восприняла синтаксически неоднозначную вторую часть предложения (4) (*нравственно возвысить человека*) не как инфинитивный оборот, а как двусоставное предложение с пустой связкой⁶, что полностью подтверждается сформированной для (4) СинтС

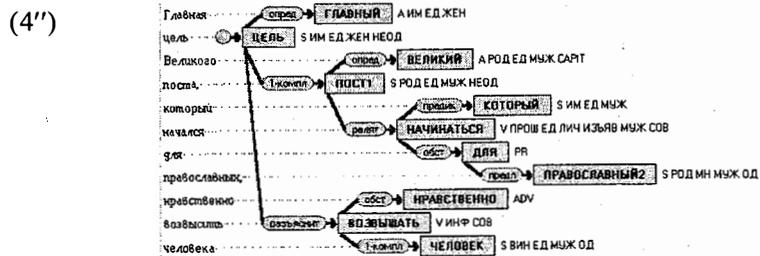

Исправить же эту ошибку, а тем более исключить ее повторение в системе далеко не просто. В самом деле, ни английское предложение (4a), ни его вольный русский перевод (4б) не являются грамматически правильными. В чем, однако, причина их неграмматичности? Она станет более ясна, если попытаться заменить в (4a) и в (4б) слово *цель* на слово *идея*: такая замена немедленно сделает оба предложения вполне приемлемыми. Это означает, что структура (4') неверна не сама по себе, а только для конкретного лексического наполнения.

⁶ Подчеркнем, что такая неоднозначность (инфинитивный оборот vs. двусоставное предложение) обусловлена взаимодействием целого ряда лексико-синтаксических факторов и по сути дела может считаться счастливым стечением обстоятельств: в отсутствие омонимичной словоформы *нравственно* или даже при замене ее на близкий синоним *морально* сентенциальная интерпретация была бы невозможной, и настоящего урока не удалось бы извлечь.

Внимательное исследование позволяет нам определить, какое именно лексическое наполнение в (4') допустимо, а какое нет. В случае, если первая часть предложения формируется предикатными словами типа *цель, назначение, предназначение, задача, проблема, план, намерение, стремление*, соответствующая конструкция останется неверной. В то же время широкий класс существительных — таких как *идея, мысль, смысл, пафос, посылка, тезис, положение, принцип, постулат, утверждение, высказывание, лозунг, девиз, результат, итог, урок* и т. д., — делают эту конструкцию безупречной. Что же отличает класс слов типа *цель* от класса слов типа *идея*?

На наш взгляд, различия между этим двумя классами не сводимы к смыслу — их семантика имеет много общего. Дело здесь именно в синтаксических особенностях приведенных слов. Нетрудно убедиться в том, что все слова первого лексического класса обладают синтаксическим признаком «прединф» — этот популярный в теории «Смысл ↔ Текст» признак, напомним, приписывается словам, как бы управляющим инфинитивом через (реальную или нулевую) связку, и конституирует конструкции типа *Дозвониться на Кавказ стало целой проблемой* [= прединф], *Нелегкая это работа* [= прединф] — *из болота тащить бегемота* (К. Чуковский), *Любить иных — тяжелейший крест* [= прединф] (Б. Пастернак). Поскольку этим признаком обладает и слово *цель*, разбор предложения (4) в виде

где вторая часть интерпретируется как инфинитивный оборот, абсолютно правильна. Для того же, чтобы была возможной структура типа (4'), существительное в первой части предложения должно обладать другим синтаксическим признаком, содержание которого можно приблизительно сформулировать как способность присоединять в качестве подлежащего через (реальную или нулевую) связку целое предложение. Такого признака — по аналогии с «прединф»

его удобно назвать «предпредл» — до сих пор ни в теории «Смысл ↔ Текст», ни в системе ЭТАП-3 не было. Не были, соответственно, зафиксированы и ограничения на устройство связочного предложения, одна из частей которого представляет собой простое двусоставное предложение, что и обусловило свободу построения СинтС (4') для предложения (4). Приписав признак «предпредл» словам второго из упомянутых классов и введя соответствующие запреты в анализирующие синтаксические правила (синтагмы), мы легко обеспечим построение конструкций для предложений типа *Основная идея курса — пусть победит сильнейший; Популярным лозунгом брежневских времен было — экономика должна быть экономной; Все гениальное просто — вот принцип многих ученых; Важная мысль стихотворения Пастернака — быть знаменитым некрасиво* и т. п. С другой стороны, не приписывая признака «предпредл» целевым словам, мы заблокируем появление СинтС типа (4'), а также сумеем легко объяснить неправильность фраз типа (4б) или фраз типа **Назначение этой пасты — она хорошо очищает зубы*, которые, к сожалению, нередко встречаются в неграмотной речи. Last but not least, обеспечив для (4) построение СинтС (4''), мы получим для него и приемлемый перевод

(4в) *The chief aim of the Lent which has begun for the Orthodox — to raise a person morally*

В заключение второго урока сделаем три кратких замечания.

1. Обсуждение типов связочных предложений и их адекватного синтаксического представления в целом мы оставляем в стороне — эта сложная тема требует отдельного исследования и не имеет прямого отношения к рассматриваемой здесь проблеме.

2. Подчеркнем, что признаки «прединф» и «предпредл» не являются взаимоисключающими. Хотя все слова первого из приведенных классов обладают только первым из них, а вторым не обладают, многие слова второго класса, помимо признака «предпредл», должны быть снабжены и признаком «прединф». Это такие слова, как *идея* (ср. *заманчивая идея — добиться управляемой термоядерной реакции*), *принцип, лозунг, девиз* и др.

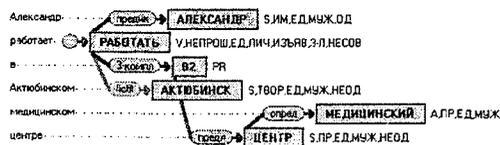
3. Не приходится сомневаться в том, что признак «предпредл» находится в тесной корреляции с валентной структурой обладающих им существительных — один из семантических актантов любого из этих существительных представляет собой ситуацию [точнее — высказывание]. Тем не менее ни одно из них не способно синтаксиче-

ски управлять предложением непосредственно, а не через связку [ср. выше пример с девизом — управление по аппозитивной связи] Эта особенность отличает «предпредл» от других признаков серии «пред», в частности «прединф»: многие из обладающих этим признаком слов управляют соответствующими языковыми элементами и непосредственно (ср. *Его план — добиться перевода в столицу* и *Его план добиться перевода в столицу так и не был осуществлен*).

4.4. Урок 3. Полузнание хуже незнания

В отличие от двух предыдущих уроков, данный урок, преподаваемый системой МП, представляется совсем простым. Традиционно разработчики МП считали, что чем больше языковых элементов известно словарю системы и его грамматике, тем лучше система будет работать. Вероятно, это так — за одним важным исключением: если некоторая единица в системе представлена, а другая единица, омонимичная ей, полностью или частично, отсутствует, результат может оказаться плачевным и, главное, гораздо худшим, чем в случае полного отсутствия обеих единиц. Мы приведем два из многочисленных примеров такого положения дел, встретившихся в процессе испытательной системы.

1. Простейшее предложение типа (5) *Александр работает в Актюбинском медицинском центре* оказывается системе не под силу просто потому, что ей известно существительное *Актюбинск*, но неизвестно прилагательное *актюбинский*. В результате вместо предложного падежа прилагательного это слово идентифицируется как творительный падеж существительного, что влечет за собой построение нелепой СинтС

и, соответственно, ошибочный перевод *Alexander works Aktyubinsk in medical center*. Между тем, если бы в словаре системы отсутствовало и слово *Актюбинск*, результат был бы гораздо лучшим, так как система в общем приспособлена к работе с неопознанными словами. В частности, для (5) был бы получен перевод *Alexander works in the Ak-*

tyubinskom medical center. Рассчитывать же на то, что система установит, что в обрабатываемом ею тексте имеет место не то слово, которое ей известно, а другое, которое ей неизвестно, увы, не придется⁷.

2. Другой массовый случай неверной интерпретации лексических единиц системой представлен ситуациями, когда мужской вариант фамилии склоняется, а женский нет, причем в словаре присутствует лишь мужская фамилия. В предложениях типа (6) *Это письмо было получено Блэр только вчера* часто не удается построить адекватную структуру, ср.

и, как следствие, приходится довольствоваться некачественным переводом *This letter was obtained Blair only yesterday*.

Смысл этого урока состоит в следующем: в системе надо избегать «плюсов», т. е. словарных или грамматических фрагментов, сделанных не до конца. Приступая к описанию некоторого класса явлений, следует стремиться к тому, чтобы этот класс был обработан полностью и максимально тщательно.

4.5. Урок 4. Границы возможного

Наконец, самый важный и в то же время самый естественный урок, который удалось извлечь автору из опыта работы над системой МП и с этой системой — возможности машинного перевода ограничены принципиально. Среди многих причин ограниченности особо выделяется одна — невозможность эксплицитировать достаточно про-

⁷ Отметим для полноты картины, что в некоторых случаях мы все же пытаемся научить систему справляться с такими ситуациями: например, если некоторое реально существующее слово используется в качестве фамилии человека и выступает в контексте, типичном для фамилии (пишется с большой буквы и следует после инициалов, личного имени или отчества, ср. *Геннадий Иванович Кулик, Елена Бережная* и т. п.), а самой фамилии в словаре нет, то мы заменяем это слово особой формой лексемой и обрабатываем подобно тому, как это происходит с неопознанными словами.

стыми и формальными средствами все языковые факты, имеющие отношение к неоднозначности той или иной природы. Чтобы проиллюстрировать сказанное, приведем пример синтаксической омонимии, которая мгновенно разрешается человеком, но требует невероятных усилий от системы машинного перевода, какой бы продвинутой она ни была. Предложение

(7) *На месте пожара был обнаружен мертвым пожилый сторож*

любимым носителем русского языка будет воспринято совершенно однозначно в смысле 'На месте пожара кто-то обнаружил пожилого сторожа. Сторож был мертв'. Между тем анализирующему компоненту системы МП ничто не может помешать интерпретировать слово *мертвым* как агентивное дополнение при страдательном причастии *обнаружен* и в результате перевести (7) как *An elderly guard was found on the site of fire by the dead man*. На наш взгляд, ни в каком словаре и ни в каком правиле невозможно указать, что мертвец не может быть субъектом действия — потому что он в принципе может им быть! Правда, обнаружить кого-либо он вряд ли может, но вполне может кого-нибудь испугать или удивить. Однако данное знание слишком специфично, чтобы фиксировать его в формализованных языковых описаниях. Соответственно, ошибки такого рода для системы МП неизбежны.

Примеры подобного рода встречаются буквально на каждом шагу. Приведем без подробных комментариев еще несколько результатов перевода материала новостных лент, чтобы читатель мог оценить масштабы явления.

Предложение

(8) *Было подтоплено 820 домовладений*

(в предшествующем тексте речь шла о наводнении) было переведено как *820 households were heated* (т. е. 'домовладения были подогреты'). Исключить такой перевод можно было бы разве что за счет формализации знания о том, что агентство новостей вряд ли мог бы заинтересовать факт, что кто-то немного подтопил печки в домах, пусть даже их было целых 820.

Предложение

(9) *В 1999 году в ФРГ переехало 95 тысяч этнических немцев*

получило (наряду с совершенно правильным) перевод

(9a) *In 1999 in the Federal Republic of Germany 95 thousand ethnic Germans were run over*

(т. е. все эти люди были задавлены автомобилями). Как ни невероятно это звучит, интерпретация (9a) абсолютно законна, поскольку все мыслимые лексические и синтаксические условия для нее полностью соблюдены. Человек, конечно, не примет такой интерпретации и скажет, во-первых, что мир не так плох, чтобы столько народу погибло под колесами за один год, во-вторых, что погибших не стали бы характеризовать по национальной принадлежности, наконец, что слово *переехать* слишком разговорно, чтобы его применяло солидное агентство новостей. Но попробуйте все это формализовать!

Для предложения

(10) *В этом году в России будет построено или отремонтировано 150 зданий судов*

первый из полученных переводов звучал так:

(10a) *In this year 150 buildings of ships in Russia will be erected or repaired.*

Разумеется, зданий кораблей, в отличие от зданий трибуналов, на свете не бывает. Может быть, этот факт и можно записать в словарной статье слова *здание* в виде семантических ограничений на его зависимые — но, пожалуй, только постфактум: составитель массового словаря просто не в состоянии предусмотреть все случайные факторы, которые могут потребовать таких ограничений. Ведь в нормальных текстах никому в голову не придет писать о зданиях чего бы то ни было, кроме учреждений, а осмысление, подобное (9a), — это результат случайных языковых «возмущений», вызванных «блуждающей» неоднозначностью.

Подведем итог. Исследователи в любой науке вынуждены работать в условиях агрессивной среды и разнообразных возмущений. Будем продолжать работать в таких условиях и мы.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова 1990 — Г. Н. Акимова. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
- Апресян 1967 — Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1978 — Ю. Д. Апресян. Языковая аномалия и логическое противоречие // Text. Język. Poetyka. Zbiór studiów / Red. M. R. Mayenowa. Wrocław; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1978, 129—151.
- Апресян 1980 — Ю. Д. Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 1. Wien, 1980.
- Апресян 1983а — Ю. Д. Апресян. Синтаксические средства выражения possessивности // Категория притяжательности в славянских языках. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1983, 4—9.
- Апресян 1983б — Ю. Д. Апресян. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. IV. Французский синтаксический анализ // Предварительные публ. ПГЭПЛ. Вып. 159. М.: Ин-т русского яз. АН СССР, 1983;
- Апресян 1985 — Ю. Д. Апресян. Синтаксические признаки лексем // Russian linguistics. 1985. Vol. 9, № 2, 3, 289—317.
- Апресян 1986 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. 1986, 5—33.
- Апресян 1988 — Ю. Д. Апресян. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык, система и функционирование. М.: Наука, 1988, 10—22.
- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. I—II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Апресян 1996 — Ю. Д. Апресян. О толковом словаре управлений и сочетаемости русского глагола // Словарь, грамматика, текст. М., 1996, 13—43.
- Апресян 2003 — Ю. Д. Апресян. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2003, 7—21.
- Апресян 2004а — Ю. Д. Апресян. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы: охота на оказывать // Сокровенные смыслы: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Гл. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004, 13—33.

- Апресян 2004б — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология словаря // НОСС. 2004, XXII—LIV.
- Апресян 2004в — Ю. Д. Апресян. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопр. языкознания. 2004, № 4, 3—18.
- Апресян 2006а — Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии // В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006, 33—165.
- Апресян 2006б — Ю. Д. Апресян. Глагольное управление revisited // *Od formu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu / Pod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków, 2006, 41—63.*
- Апресян, Гловинская 2004 — Ю. Д. Апресян, М. Я. Гловинская. Словарная статья глагола *ругать* // НОСС. 2004.
- Апресян, Жолковский, Мельчук 1968 — Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1968, № 11, 8—21.
- Апресян, Иомдин 1989 — Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин. Конструкции типа НЕГДЕ СПАТЬ в русском языке: синтаксис и семантика // Семиотика и информатика. Вып. 29. М., 1990, 3—89.
- Апресян, Иомдин, Перцов 1978 — Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин, Н. В. Перцов. Объекты и средства модели поверхностного синтаксиса русского языка // Македонский јазик. 1978. Т. 29, 125—171.
- Апресян, Палл 1982 — Ю. Д. Апресян, Эрна Палл. Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Будапешт: Танкёнькиадо, 1982. Т. 1—2.
- Апресян и др. 1983 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин и др. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. V. Французский синтаксический анализ // Предварительные публ. ПГЭПЛ. Вып. 160. М.: Ин-т русского яз. АН СССР, 1983.
- Апресян и др. 1984 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. III. Французский синтаксический анализ // Предварительные публ. ПГЭПЛ. Вып. 155. М.: Ин-т русского яз. АН СССР, 1984.
- Апресян, Богуславский и др. 1985 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Е. В. Гецелевич, Л. Л. Иомдин. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. VI. Французский синтаксический анализ // Предварительные публ. ПГЭПЛ. Вып. 166. М.: Ин-т русского яз. АН СССР, 1985.
- Апресян, Гецелевич и др. 1985 — Ю. Д. Апресян, Е. В. Гецелевич, Л. Л. Иомдин и др. Лингвистическое обеспечение системы французско-русского автоматического перевода ЭТАП-1. VII. Французский синтаксический анализ // Предварительные публ. ПГЭПЛ. Вып. 167. М.: Ин-т русского яз. АН СССР, 1985.

- Апресян и др. 1989 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Н. В. Перцов, В. З. Санников, Л. Л. Цинман. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М.: Наука, 1989.
- Апресян и др. 1992 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Л. Г. Митюшин, В. З. Санников, Л. Л. Цинман. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М., 1992.
- Апресян и др. 2005 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Б. Л. Иомдин, А. В. Санников, В. З. Санников, В. Г. Сизов, Л. Л. Цинман. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка 2003—2005 гг. (результаты и перспективы). М., 2005, 193—214.
- Апресян В. 1999 — В. Ю. Апресян. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопр. языкознания. 1999, № 5, 24—44.
- Апресян В. 2006 — В. Ю. Апресян. Уступительность как системообразующий смысл // Вопр. языкознания. 2006, № 2, 85—110.
- Арутюнова 1970 — Н. Д. Арутюнова. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970, № 3, 44—58.
- Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Балли 1955 — Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Барина 1973 — Г. А. Барина. Фонетика // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973, 40—150.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: АН СССР, 1948—1965. Т. 1—17; 2-е изд. М.: Русский язык, 1991—1994. Т. I—VI (А—З).
- Беликов 2004 — В. И. Беликов. Yandex как лексикографический инструмент // Труды междунар. конф. по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог'2004. М., 2004, 39—46.
- Белошапкина 1977 — В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977.
- Богуславская, Левонтина 2004: О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопр. языкознания. 2004, № 2, 68—88.
- Богуславский А. 1978 — А. Богуславский. Термин «пресуппозиция» и понятийный аппарат теории текста // Text. Język. Poetyka. Zbiór studiów / Red. M. R. Maýenowa. Wrocław; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 1978, 7—28.
- Богуславский 1985 — И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский 1988 — И. М. Богуславский. О прагматике синтаксиса, или Один способ разрешения синтаксических конфликтов // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988, 70—123.
- Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский 2008 — И. М. Богуславский. Только ли у глаголов есть диатезы? // Вопр. языкознания. 2008, № 6, 6—28.

- Богуславский, Иомдин 1982 — *И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин*. Безусловные обороты и фраземы в толково-комбинаторном словаре // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. М.: Изд-во МГУ, 1982. Ч. 2. 210—222.
- Булаховский 1949 — *Л. А. Булаховский*. Курс русского литературного языка. 4-е изд., перераб. Киев: Радянська школа, 1949.
- Булаховский 1958 — *Л. А. Булаховский*. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд. Киев: Радянська школа, 1958.
- Булыгина 1980 — Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980, 320—355.
- Булыгина 1982 — *Т. В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982, 7—85.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев*. Языковая концептуализация мира (На материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Вайс 1985 — *Д. Вайс*. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // НЗЛ. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985, 434—463.
- Вежбицкая 1996 — *А. Вежбицкая*. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Вежбицкая 1999 — *А. Вежбицкая*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Виноградов 1947 — *В. В. Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Виноградов 1975а — *В. В. Виноградов*. Основные вопросы синтаксиса предложения // *В. В. Виноградов*. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, 254—294.
- Виноградов 1975б — *В. В. Виноградов*. О формах слова // *В. В. Виноградов*. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975, 33—50.
- Виноградова 1984 — *В. Н. Виноградова*. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
- Вопросы 1962 — Вопросы глагольного вида / Под ред. Ю. С. Маслова. М., 1962.
- Вязовик 1981 — *Т. П. Вязовик*. Указательные местоимения, включающие частицу *вот* // Русский яз. в школе. 1981. № 1.
- Галкина-Федорук 1958 — *Е. Н. Галкина-Федорук*. Безличные предложения в современном русском языке. М.: МГУ, 1958.
- Гвоздев 1968 — *А. Н. Гвоздев*. Современный русский литературный язык. Синтаксис. 3-е изд. М.: Просвещение, 1968, Ч. 2.
- Георгиева 1971 — *В. Л. Георгиева*. О природе и истории отрицательных конструкций типа *Нечего делать, Некуда идти* (в соотношении с утвердительными) // Учен. зап. Ленинградский гос. пед. ин-т. 1971. Т. 15, 212—227.
- Гладкий 1979 — *А. В. Гладкий*. О значении союза ИЛИ // Семиотика и информатика. Вып. 13. М., 1979, 196—214.

- Гладкий 1982 — *А. В. Гладкий*. О значении союза ЕСЛИ // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982, 43—75.
- Гладкий 2007 — *А. В. Гладкий*. Синтаксические структуры естественного языка. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2007.
- Гловинская 1982 — *М. Я. Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 — *М. Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Грамматика 1960 — Грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1960. Т. I; Т. II. Ч. 1, 2.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I—II.
- Грубор 1962 — *Дж. Грубор*. Видовые значения // Вопросы глагольного вида / Под ред. Ю. С. Маслова. М., 1962, 68—76.
- Даль 1978—1980 — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978—1980. Т. I—IV.
- Дмитровская 1988 — *М. А. Дмитровская*. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988, 6—18.
- Дымарский 2007 — *М. Я. Дымарский*. Это / N₁ V_f: к понятию Речевой синтаксической модели // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007, 159—171.
- Ермакова 1969 — *О. П. Ермакова*. Отрицательные местоимения типа «никто» в русском языке // Русский яз. в школе. 1969, № 4, 87—90.
- Ермакова 1988 — *О. П. Ермакова*. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М.: Наука, 1988.
- Жолковский, Мельчук 1965 — *А. К. Жолковский, И. А. Мельчук*. О возможном методе и инструментах семантического синтеза // НТИ, 1965, № 6.
- Жолковский, Мельчук 1967 — *А. К. Жолковский, И. А. Мельчук*. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. 1967, 177—238.
- Заичкова 1972 — *И. Заичкова*. Дательный беспредложный в современном русском языке. Praha: Universita Karlova, 1972.
- Зализняк 1967 — *А. А. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Зализняк 1977 — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.
- Зализняк Анна 1991 — *Анна А. Зализняк*. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991, 87—94.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 — *Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев*. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1981.
- Иомдин 1990 — *Л. Л. Иомдин*. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М.: Наука, 1990.

- Иомдин 2002а — *Л. Л. Иомдин*. Уроки русско-английского (из опыта работы системы машинного перевода) // Труды Междунар. семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2002. Т. 2. 234—244.
- Иомдин 2002б — *Л. Л. Иомдин*. Уроки машинного перевода для детей и взрослых // Лингвистика для всех. Зимняя лингвистическая школа — 2002. М.: НИИРО, 2002, 56—68.
- Иомдин 2003 — *Л. Л. Иомдин*. Большие проблемы малого синтаксиса // Труды междунар. конф. по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог'2003. М.: Наука, 2003, 216—222.
- Иомдин 2006а — *Л. Л. Иомдин*. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «Диалог-2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006, 202—206.
- Иомдин 2006б — *Л. Л. Иомдин*. Новые наблюдения над синтаксисом русских фразем // *Obecność*. Red. B. Chodźko, E. Feliksiak, M. Olesiewicz. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 2006, 247—281.
- Иомдин 2007 — *Л. Л. Иомдин*. Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями // Мир русского слова и русское слово в мире. Мат-лы XI Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Sofia: Heron Press, 2007, 117—126.
- Иомдин 2008 — *Л. Л. Иомдин*. В глубинах микросинтаксиса: один лексический класс синтаксических фразем // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4—8 июня 2008 г.). Вып. 7(14). М.: РГГУ, 2008, 178—184.
- Иомдин Б., Иомдин Л. 2005 — *Б. Л. Иомдин, Л. Л. Иомдин*. Семантика экстремумов // Четвертая типологическая школа (Четвертая междунар. школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г.). Мат-лы лекций и семинаров / Ред. В. И. Подлесская (отв.), А. В. Архипов, Ю. А. Ландер. М.: Издательский центр РГГУ, 2005, 167—171.
- Иомдин, Перцов 1975 — *Л. Л. Иомдин, Н. В. Перцов*. Фрагмент русского поверхностного синтаксиса. II. Комплетивные и присвязочные конструкции // НТИ. Сер. 2. 1975. № 11. 22—32.
- Иорданская 1972 — *Л. Н. Иорданская*. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. М., 1972, 3—30.
- Иорданская 1988 — *Л. Н. Иорданская*. Семантика русского союза РАЗ (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // *Russian Linguistics*. 12. 1988, 239—267.
- Иорданская, Мельчук 2007 — *Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук*. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянской культуры, 2007.

- Исаченко 1965 — *А. В. Исаченко*. О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965, 159—166.
- Иткин 2008 — *И. Б. Иткин*. [Рец. на кн:] *P. Garde*. Le mot, l'accent, la phrase: Études de linguistique slave et générale. Paris: Institut d'études slaves, 2006 // *Вопр. языкознания*. 2008. № 3. 142—150.
- Ицкович 1982 — *В. А. Ицкович*. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982.
- Карцевский 2004 — *С. И. Карцевский*. Система русского глагола // Из лингвистического наследия. М., 2004. Т. II.
- Категория притяжательности 1983 — Категория притяжательности в славянских и балканских языках / Ред. коллегия: Вяч. В. Иванов, Т. Н. Мошная, Т. М. Николаева. М., 1983.
- Кибрик 2000 — *А. Е. Кибрик*. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000, 434—446.
- Кибрик 2003 — *А. Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик и др. 2005 — *А. Е. Кибрик, М. М. Брыкина, А. П. Леонтьев, А. Н. Хитров*. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором // *Вопр. языкознания*. 2006. № 1. 16—45.
- Колосова 1980 — *Т. А. Колосова*. Русские сложные предложения асимметрической структуры. Воронеж, 1980.
- Кошмидер 1962 — *Э. Кошмидер*. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Ю. С. Маслов (ред.). Вопросы глагольного вида. М., 1962, 105—167.
- Крейдлин 1983 — *Г. Е. Крейдлин*. О порядке слов в вопросительных предложениях с несколькими вопросительными словами // *Tekst i zdanie / Zbiór studiów*. Pod. red. T. Dobrzyńskiej i E. Janus. Wrocław; Warszawa, 1983.
- Крейдлин, Падучева 1974 — *Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева*. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *a* // Бюл. НТИ. Сер. 26. 1974. № 10.
- Кржижкова 1967 — *Е. Кржижкова*. Адвербиальная детерминация со значением места и направления // *Вопр. языкознания*. 1967. № 2. 32—48.
- Крючкова 2004 — *О. Ю. Крючкова*. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // *Русский яз. в науч. освещении*. 2004. № 2(8).
- Кузнецов 1959 — *П. С. Кузнецов*. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Лазурский 1988 — *А. В. Лазурский*. Конструкция со смещенным дополнением при глаголе, управляющем названием части тела, во французском языке // В. А. Успенский (ред.). Вопросы кибернетики. Проблемы разработки формальной модели языка. М.: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» АН СССР, 1988. С. 28—47.
- Левин 1970 — *Ю. И. Левин*. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.

- Левин 1976 — Ю. И. Левин. Некоторые замечания о применении трансформаций для описания синтаксиса русской разговорной речи // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1976.
- Левин 1998 — Ю. И. Левин. Об обценных выражениях русского языка // Ю. И. Левин. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998, 809—819.
- Левонтина, Шмелев 2005 — И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Малоизученные единицы со значением незаданности критериев выбора в русском языке // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2005, 638—651.
- Ломтев 1956 — Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: МГУ, 1956.
- Ляпон 1988 — М. В. Ляпон. Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции // Язык: система и функционирование. М., 1988, 161—172.
- Мартине 1963 — А. Мартине. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. литературы, 1963.
- МАС — Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981—1984. Т. 1—4.
- Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4. 303—316.
- Мельчук 1964 — И. А. Мельчук. Автоматический синтаксический анализ. Новосибирск, 1964. Т. 1.
- Мельчук 1974а — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974.
- Мельчук 1974б — И. А. Мельчук. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л.: Наука, 1974, 343—361.
- Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985. Wiener Slawistischer Almanach, Sdb. 16.
- Мельчук, Жолковский 1984 — И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Мельчук, Холодович 1970 — И. А. Мельчук, А. А. Холодович. Залог. (Определение. Исчисление.) // Народы Африки и Азии. 1970. № 4. 111—124.
- Мендельсон 1971 — Э. Мендельсон. Введение в математическую логику. М.: Наука, 1971.
- Милославский 1978 — Милославский И. Г. Какому залогу принадлежит глагол «нравиться»? // Проблемы теории грамматического залого. Л.: Наука, 1978, 208—213.
- Мразек 1972 — Р. Мразек. Славянский синтаксический тип *Мне нечего делать* // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university (Rada jazyko-vedna) A-20. 1972, 97—105.
- Николаева 1985 — Т. М. Николаева. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985.
- Николаева 2000 — Т. М. Николаева. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Николаева 2008 — Т. М. Николаева. Непарадигматическая лингвистика (к истории блуждающих частиц). М.: Языки славянской культуры, 2008.

- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Авторы: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галлактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. М.; Вена: Языки славянской культуры; Wiener Slawistischer Almanach. Sdb. 60, 2004.
- Ожегов 1988 — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 20-е изд. М.: Русский язык, 1988.
- Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
- Падучева 1977 — Е. В. Падучева. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977, 91—124.
- Падучева 1982 — Е. В. Падучева. Значение и синтаксические функции слова *это* // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982, 76—91.
- Падучева 1984 — Е. В. Падучева. Притяжательное местоимение и проблема залогового отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984, 50—66.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева, Успенский 1979 — Е. В. Падучева, В. А. Успенский. Подлежащее или сказуемое? (семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // ИАН СЛЯ. 1979. № 4. 349—360.
- Перетрухин 1979 — В. Н. Перетрухин. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979.
- Перцов 1996 — Н. В. Перцов. Грамматическое и обязательное в языке // Вопр. языкознания. № 4. 1996, 39—61.
- Пешковский 1928 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М.; Л., 1928.
- Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956.
- Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Попов 1962 — А. С. Попов. Безличные предложения, включающие местоимения с частицей «не», и их преобразование // Русский язык. Диалектология, методика (Учен. зап. / Орловский гос. пед. ин-т). Вып. 6. Орел, 1962, 67—70.

- Поспелов 1959 — *Н. С. Поспелов*. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // *Вопр. языкознания*. 1959. № 2.
- Потебня 1958 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1958. Т. I—II.
- Преображенский 1910 — *А. Преображенский*. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. I—II.
- Прияткина 1977 — *А. Ф. Прияткина*. Союзные конструкции в простом предложении: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1977.
- Разлогова 1988 — *Е. Э. Разлогова*. Эксплицитные и имплицитные пропозиционные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // *Логический анализ языка. Знание и мнение*. М., 1988, 98—107.
- Рахилина 1990 — *Е. В. Рахилина*. Семантика или синтаксис (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Otto Sagner, 1990 (*Slawistische Beiträge*. Bd. 268).
- Реформатский 1955 — *А. А. Реформатский*. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1955.
- PPP 1973 — *Русская разговорная речь*. М.: Наука, 1973.
- PPP 1978 — *Русская разговорная речь: Тексты*. М.: Наука, 1978.
- PPP 1983 — *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика*. Жест. М.: Наука, 1983.
- Русский язык 1979 — *Русский язык*. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979.
- Санников 1979 — *В. З. Санников*. Сочинительные и сравнительные конструкции: их близость, их синтаксическое представление. Ч. 1 // *Wiener slawistischer Almanach*. Bd. 4. 1979.
- Санников 1980а — *В. З. Санников*. О русских сочинительных и сравнительных конструкциях // *Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и теоретической лингвистике*. Вып. 136. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1980.
- Санников 1980б — *В. З. Санников*. О чередованиях в синтаксисе // *Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР*. Вып. 137. М., 1980.
- Санников 1981а — *В. З. Санников*. Есть ли чередования в синтаксисе? (К проблеме синтморфологии) // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 8. 1981.
- Санников 1981б — *В. З. Санников*. Правила сочетаемости членов русских сочинительных конструкций (СК) // *Linguistica Silesiana*. Bd. 4. 1981, 111—131.
- Санников 1985 — *В. З. Санников*. Семантика и прагматика союза *или* // *Семантика и информатика*. Вып. 24. М., 1985, 117—141.
- Санников 1986 — *В. З. Санников*. Значение союза *но*: нарушение нормального положения вещей // *ИАН СЛЯ*. 1986. № 5.
- Санников 1987а — *В. З. Санников*. Прагматика неопределенных утверждений // *НТИ*. Сер. 2. 1987. № 9. 32—37.
- Санников 1987б — *В. З. Санников*. Смысловый компонент 'норма' в значении русских сочинительных союзов // *Вопр. кибернетики*. М., 1987.

- Санников 1989 — *В. З. Санников*. Русские сочинительные конструкции (семантика, прагматика, синтаксис). М.: Наука, 1989.
- Санников 1990 — *В. З. Санников*. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке // *Вопр. языкознания*. 1990. № 5. 50—61.
- Санников 1999 — *В. З. Санников*. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Санников 2001а — *В. З. Санников*. Семантика и прагматика союза ЕСЛИ // *Русский яз. в науч. освещении*. 2001. № 2. 68—89.
- Санников 2001б — *В. З. Санников*. Еще раз о союзе РАЗ // *Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию М. В. Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина*. М.: Языки славянской культуры, 2001, 109—116.
- Санников 2004 — *В. З. Санников*. О значении союза ПУСКАЙ/ПУСТЬ // *Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти В. Н. Сидорова*. М., 2004, 239—245.
- Санников 2005 — *В. З. Санников*. Иллокутивное употребление или синтаксический эллипсис? // *Русский яз. в науч. освещении*. 2005. № 2 (10).
- Санников 2008 — *В. З. Санников*. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Седельников 1968 — *Е. А. Седельников*. Инфинитивные предложения в древнерусском языке (по материалам XI—XIV вв.) // *Научные доклады высшей школы. Филол. науки*. 1968. № 3. 66—77.
- Сигал 2004 — *К. Я. Сигал*. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2004.
- Сидоренко 1987 — *Е. Н. Сидоренко*. Контаминанты в современном русском языке // *Исследования по семантике: Сб. научных ст. Симферополь: Симферопольский гос. ун-т*, 1987, 23—28.
- Словарь синонимов 1975 — *Словарь синонимов / Под ред. А. П. Евгеньевой*. Л.: Наука, 1975.
- Соболевский 1938 — *С. И. Соболевский*. Грамматика латинского языка. М.: Учпедгиз, 1938.
- Типология 1998 — *Типология условных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский*. СПб., 1998.
- Тулапина 1969 — *Э. М. Тулапина*. Инфинитивные предложения с *было/будет* // *Русская речь*. 1969. № 1. 62—68.
- Трубецкой 1967 — *Н. С. Трубецкой*. Некоторые соображения относительно морфологии // *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.
- Урысон 1981 — *Е. В. Урысон*. Поверхностно-синтаксическое представление русских аппозитивных сочетаний // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 7. 1981.
- Урысон 1982 — *Е. В. Урысон*. Направление синтаксической зависимости в русских аппозитивных конструкциях // *Bulletin de la Société polonaise de linguistique*. Fasc. XXXIX. 1982, 91—107.
- Урысон 2005 — *Е. В. Урысон*. Союз «но», или Что такое обманутое ожидание // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «Диалог-2005»*. М.: Наука, 2005, 469—486.

- Ушаков 1934 — Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., 1934—1940. Т. I—IV.
- Федорова 1965 — М. В. Федорова. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1965.
- Хазагеров, Ширина 1999 — Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. Общая риторика: Курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов-на-Дону, 1999.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. СПб., 1998, 7—96.
- Чернов 1966 — В. И. Чернов. Заметки об отрицании и синтаксических свойствах безлично-инфинитивных предложений // Československá rusistika. 1966. № 11. 93—97.
- Шахматов 1941 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1941.
- Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Шмелев 1960 — Д. Н. Шмелев. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопр. языкознания. 1960. № 5. 47—60.
- Шмелев 1964 — Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Штейнберг 1969 — Н. М. Штейнберг. Редупликация в современном французском языке. Л., 1969.
- Янко-Триницкая 1976 — Н. А. Янко-Триницкая. Местоимения с префиксальными частицами «НЕ» и «НИ» // Русский яз. в школе. 1976. № 1.
- Apresjan et al. 2003 — J. Apresjan, I. Boguslavsky, L. Iomdin, A. Lazursky, V. Sannikov, V. Sizov, L. Tsinman. ETAP-3 Linguistic Processor: a Full-Fledged NLP Implementation of the MTT // MTT 2003, First International Conference on Meaning — Text Theory. Paris, Ecole Normale Supérieure, June 16—18, Paris, 2003, 279—288.
- Apresjan et al. 2006 — J. Apresjan, I. Boguslavsky, B. Iomdin, L. Iomdin, A. Sannikov, V. Sizov. A Syntactically and Semantically Tagged Corpus of Russian: State of the Art and Prospects // Proceedings of the 5th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'2006). 1378—1381. Genoa, 2006.
- Boguslavsky et al. 2000 — I. Boguslavsky, S. Grigorieva, N. Grigoriev, L. Kreidlin, N. Frid. Dependency Treebank for Russian: Concept, Tools, Types of Information // Proceedings of the 18th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2000). 2000, 987—991.
- Boguslavsky et al. 2005 — I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin et al. Interactive Resolution of Intrinsic and Translational Ambiguity in a Machine Translation System // A. Gelbukh (ed.). CILing 2005. Lecture notes in computer science. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2005, 383—394.
- Chomsky 1957 — N. Chomsky. Syntactic Structures, The Hague; Paris: Mouton, 1957.

- Chomsky 1965 — N. Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge: MIT Press, 1965.
- Comrie 1974 — B. S. Comrie. The second dative: A transformational approach // Slavic Transformational Syntax. Ann Arbor, 1974.
- Comrie 1986 — B. S. Comrie. Conditionals: A typology // On conditionals. Cambridge, 1986.
- Ducrot 1972 — O. Ducrot. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
- Fillmore 1966 — Ch. Fillmore. Towards a Modern theory of Case. Columbus (Ohio): The Ohio State Research Foundation Project on Linguistic Analysis. Report 13, 1966.
- Fillmore 1968a — Ch. Fillmore. The Case for Case // E. Bach, R. Harms (eds.). Universals in Linguistic Theory. N. Y., 1968, 1—88.
- Fillmore 1968b — Ch. Fillmore. Lexical Entries for Verbs // Foundations of Language. International Journal of Language and Philosophy. 1968. Vol. 4, No 4. 373—393.
- Fillmore 1971 — Ch. Fillmore. Types of Lexical Information // D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits (eds.). Semantics. London; New York, 1971, 370—392.
- Fillmore 1976 — Ch. Fillmore. Frame Semantics and the Nature of Language // Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Vol. 280. New York, 1976, 20—32.
- Fillmore, Baker 2000 — Ch. J. Fillmore, C. F. Baker. Framenet: Frame Semantics Meets the Corpus // Linguistic Society of America. January. 2000.
- Forsyth 1970 — J. Forsyth. A grammar of aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Garde 1976 — P. Garde. Analyse de la tournure russe *Mne nečego delat'* // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 22. 1976, 43—60.
- Genaust 1975 — H. Genaust. *Voici und voilà* (eine textsyntaktische Analyse) // Textgrammatik: Beiträge zum Problem der Textualität. Tübingen (Nimeyer), 1975.
- Gildea, Jurafsky 2002 — D. Gildea, D. Jurafsky. Automatic Labeling of Semantic Roles // Computational Linguistics Archive. Vol. 28 (3). 2002, 245—288.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago; London, 1995.
- Guiraud-Weber 1984 — M. Guiraud-Weber. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris: Institut d'études slaves, 1984.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Holthusen 1953 — J. Holthusen. Russisch *nečego* und Verwandtes // Z. für Slawische Philologie. Bd. 22. Heft 1. 1953, 156—159.
- Iomdin 2005 — L. Iomdin. A Hypothesis of Two Syntactic Starts // Восток — Запад: Вторая междунар. конф. по модели «Смысл — Текст» / Отв. ред. Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин. М.: Языки славянской культуры, 2005, 165—175.
- Iomdin 2007 — L. Iomdin. Russian Idioms Formed with Interrogative Pronouns and their Syntactic Properties // Meaning — Text Theory 2007. Proceedings

- of the 3rd International Conference on Meaning — Text Theory. Wiener Slavistischer Almanach. Sdb. 69. München; Wien, 2007, 179—189.
- Iomdin et al. 2002 — *L. L. Iomdin, V. G. Sizov, L. L. Tsinman*. Utilisation des poids empiriques dans l'analyse syntaxique: une application en Traduction Automatique // *META*. Vol. 47. № 3. 2002, 351—358.
- Iordanskaja, Mel'čuk 1995 — *L. N. Iordanskaja, I. A. Mel'čuk*. *Glaza Maši golubye* vs. *Glaza u Maši golubye*: Choosing between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts // *H. Birnbaum, M. S. Flier* (eds.). *The Language and Verse in Russia*. In Honor of Dean S. Worth on his Sixty-fifth Birthday. M., 1995, 147—171.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2000 — *L. Iordanskaja, I. Mel'čuk*. The Notion of Surface-Syntactic Relation Revisited (Valence-Controlled Surface-Syntactic Relations in French) // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей в честь 70-летия акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Jackendoff 1997 — *R. Jackendoff*. Twisting the Night Away // *Language*. Vol. 73. 1997, 534—559.
- Lakoff 1971 — *R. Lakoff*. If's, and's and but's about Conjunction // *Studies in Linguistic Semantics*. New York etc., 1971, 114—149.
- Lakoff 1974 — *G. Lakoff*. Syntactic Amalgams // *Papers from the 10th Meeting of the Chicago Linguistic society*, 1974, 321—344.
- Levin 1993 — *B. Levin*. *English Verb Classes and Alternations*. A Preliminary Investigation. Chicago; London, 1993.
- Mel'čuk 1987 — *I. A. Mel'čuk*. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne: Essai de description formelle // *Revue des études slaves*. 59. 1987, 631—648.
- Mel'čuk 1988 — *I. A. Mel'čuk*. *Dependency syntax: Theory and practice*. Albany (NY): SUNY, 1988.
- Mel'čuk 1995 — *I. A. Mel'čuk*. Phrasemes in language and phraseology in linguistics // *M. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder* (eds.). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Chapter 8. Lawrence Erlbaum Associates, 1995.
- Mel'čuk 2009 — *I. A. Mel'čuk*. Dependency in Natural Language // *A. Polguère, I. Mel'čuk* (eds.). *Dependency in Linguistic Description*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2009, 1—110.
- Mel'čuk, Pertsov 1987 — *I. A. Mel'čuk, N. V. Pertsov*. *Surface Syntax of English*. A Formal Model within the Meaning-Text Framework. Amsterdam, 1987.
- Mirowicz 1964 — *A. Mirowicz*. Rosyjskie konstrukcje nieosobowe z zaimkami typu НЕКОГО, НЕЧЕГО i odpowiadające im konstrukcje polskie // *Prace filologiczne*. T. 18. Cz. 2. Warszawa: PWN, 1964, 364—372.
- Nunberg et al. 1994 — *G. Nunberg, I. A. Sag, Th. Wasow*. *Idioms* // *Language*. Vol. 70. 1994, 491—538.
- Quine 1940 — *W. V. Quine*. *Mathematical logic*. N.-Y., 1940.
- Rappaport 1986 — *G. C. Rappaport*. On a persistent problem of Russian syntax: sentences of the type *Mne negde spat'* // *Russian Linguistics*. Vol. 10. № 1. 1986, 1—31.

- Reichenbach 1947 — *H. Reichenbach*. *Elements of symbolic logic*. N.-Y., 1947.
- Studies 1983 — *Studies in Relational Grammar 1* / D. Perlmutter (ed.). Chicago; London, 1983.
- Tesnière 1976 — *L. Tesnière*. *Elements de syntaxe structurale*. P., 1976.
- Testelefs, Bylinina 2005 — *Y. Testelefs, E. Bylinina*. Sluicing-Based Indefinites in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting*. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2005, 355—364.
- Vendler 1967 — *Zeno Vendler*. *Linguistics in Philosophy*. N. Y., 1967.
- Veyrenc 1979 — *J. Veyrenc*. *Les propositions infinitives en russe* // *Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves* 52. Paris: Institut d'études slaves, 1979.
- Wierzbicka 1979 — *A. Wierzbicka*. Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar // *Studies in Language*. International Journal Sponsored by the Foundation «Foundations of Language». Vol. 3. № 3. Amsterdam, 1979, 313—383.
- Wierzbicka 1987 — *A. Wierzbicka*. Boys will be boys: 'radical semantics' vs. 'radical pragmatics' // *Language*. Vol. 63. № 1. 1987. 95—114.
- Wierzbicka 1996 — *A. Wierzbicka*. The semantics of «logical concepts» // *The Moscow Linguistics Journal*. № 2. 1996.
- Wierzbicka 1999 — *A. Wierzbicka*. A semantic basis for linguistic typology // *Типология и теория языка*. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999, 26—35.

*Юрий Дереникович Апресян,
Игорь Михайлович Богуславский,
Леонид Лейбович Иомдин,
Владимир Зиновьевич Санников*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РУССКОГО СИНТАКСИСА:
Взаимодействие грамматики и словаря

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор А. Полякова
Оригинал-макет подготовлен В. Гусевым
Художественное оформление переплета
Сергея де Рокамболя и Петра Кочарова

Подписано в печать 18.12.2009. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная №1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 25,5. Тираж 800 экз. Заказ № 2977.

Издательство «Языки славянских культур»
№ госрегистрации 1037789030641
Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Орден «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnoxis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1 (Метро «Парк культуры»)